

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 19

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 5-го мая.

Содержаніе: I. Вражьи сѣти. Іерей.—II. Вопросъ о церковномъ приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ XX-го вѣка. (Продолженіе). Свщ. М. Свицерскій.—III. Изъ журналовъ. Н. Г.—IV. Толковый Тиниконъ. (Продолженіе). М. Скабаллановичъ.—V. Вещды по ичеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Забѣтка. Церковныя бібліотеки.

Вражьи сѣти.

Никакой оптимистъ самаго крайняго направленія не въ состояніи доказать безопасность религіозно-нравственнаго направленія въ современномъ православномъ русскомъ обществѣ. Дѣйствительность кричитъ въ открытыя окна о духовномъ разслабленіи православнаго люда. А учащаяся молодежь, въ грѣховномъ соревнованіи, съ особеннымъ какимъ-то апломбомъ старается закрѣпить за собою пальму первенства. Не диво еще, если эта молодежь выходитъ изъ семей безрелигіозныхъ, гдѣ основнымъ принципомъ жизни является чисто языческая мораль—будемъ ѣсть и пить, а завтра

умремъ. Но мы видимъ часто и иное—безрелигіозную учащуюся молодежь изъ семей религіозно-нравственныхъ, да еще духовной среды, гдѣ самое оффиціальное положеніе должно налагать на человѣка печать религіозной порядочности изъ одного хотя бы приличія. Не защищая фарисейства, чуждаго духу евангельскаго ученія, все же нужно признать за наружнымъ благочестіемъ великую важность, хотя бы въ виду добраго подражанія и устраненія соблазновъ. Хорошо человѣкъ совнѣ,—быть можетъ, хорошимъ онъ окажется и по душѣ; такія заключенія мы можемъ дѣлать съ большею вѣроятностію правильности ихъ, чѣмъ отъ наружной безпорядочности къ внутренней добропорядочности. Но какой-то злой рокъ старается отнять у православныхъ людей и наружное благочестіе и даже тамъ, гдѣ оно должно бы являться открытымъ исповѣданіемъ вѣры Христовой въ примѣрѣ жизни и наученія другихъ, у людей образованныхъ, получившихъ строго церковное домашнее воспитаніе и прошедшихъ духовную школу. Нѣтъ нужды поименно перечислять всѣ случаи этого печальнаго явленія—ихъ слишкомъ много, но мы не можемъ не указать на нѣкоторые изъ нихъ, какъ подлежащія непосредственному нашему наблюденію. Дѣти весьма набожной интеллигентной городской семьи, бывшія одного направленія съ своими родителями во все время ученія въ гимназіи, рѣшительно измѣнились со времени поступленія своего въ высшія учебныя заведенія. Ни добрый примѣръ набожности родителей, ни ихъ увѣщанія и слезы не могли и не могутъ убѣдить прежнихъ послушныхъ и добрыхъ дѣтей быть вѣрными религіозно-нравственнымъ традиціямъ. Все сразу заброшено: и храмъ Божій, и домашнія молитвы, и долгъ исповѣди и Св. Причастія, не говоря уже о постахъ; только одно новое усвоено—пренебрежительное до враждебности отношеніе по всему святому: время молитвы въ храмѣ зимой замѣнено катаніемъ на лыжахъ, а лѣтомъ прогулкою въ лѣсу; разговоръ на религіозныя темы вызываетъ одну иронию и презрительное сожалѣніе. Но картина становится мрачнѣе, когда

приходится видѣть безрелигіозность (у себя на дому во время гощенія) радственниковъ и знакомыхъ, людей изъ благочестивыхъ священническихъ семей, съ семинарскимъ образованіемъ, знакомыхъ съ домашнею матеріальною нуждою и пользовавшихся неоднократно пособіями изъ Епархіальныхъ суммъ... Эти дѣти, гордость родителей по успѣхамъ ученія въ Семинаріи, по переходѣ въ высшія учебныя заведенія оказались настолько индифферентными въ религіозномъ отношеніи, что, кажется, камни должны возопіять: да откуда же такая перемѣна произошла, гдѣ кроется причина такой ужасной метаморфозы? На невольное выраженное нами удивленіе такой перемѣны послѣдовалъ такой неутѣшительный отвѣтъ: перемѣна эта зависитъ отъ учащейся среды, съ какою необходимостью заставляетъ каждыя новичка быть солидарнымъ изъ опасенія подвергнуться осмѣянію, а въ худшемъ случаѣ будто бы даже выходу изъ учебнаго заведенія. Евангельская заповѣдь объ исповѣданіи Христа оказывается, якобы, неисполнимою для каждой въ отдѣльности личности, по пословицѣ—лбомъ стѣны не пробьешь; а возможность выполненія христіанскихъ обязанностей безъ всякаго соотношенія къ данной средѣ оказывается тоже неудобною и несоотвѣтствующею, якобы, долгу товарищеской чести... Многие изъ учащихся сознаютъ зло въ религіозномъ охлажденіи, но по нуждѣ мирятся съ нимъ, въ надеждѣ на полную реакцію въ своей духовной жизни по выходѣ изъ учебнаго заведенія. Мы не можемъ не вѣрить въ искренность этихъ оправданій учащейся молодежи, ложныхъ по существу своему, и напрасныхъ чаяній въ будущемъ измѣнить жизнь свою. Молодость игрива и увлекательна, ей свойственны благіе порывы безъ серьезной оцѣнки ихъ важности и полезности; для сохранения своей, ложно понимаемой, чести она готова бываетъ принести въ жертву все дорогое и святое для человѣка, даже Господа Христа промѣнять и забыть. Но право ли общество въ лицѣ учителей и воспитателей юношества, что даетъ ему полную свободу религіозной жизни вообще и въ частности въ от-

правленіи христіанскихъ обязанностей? Оставить десятки тысячъ жизнерадостной учащейся молодежи безъ религіозно-нравственнаго руководства потому только, что она, эта молодежь, вступила на путь высшаго образованія, и вѣрять въ духовную опытность ея—вѣдь это, по меньшей мѣрѣ, жизненный парадоксъ, уже зарекомендовавшій себя самыми горькими послѣдствіями—явнымъ безбожіемъ людей. Да развѣ вчерашній 18 лѣтній гимназистъ или 20 лѣтній семинаристъ, перескочившій порогъ высшаго учебнаго заведенія, сразу и поумнѣть успѣлъ? Вѣдь у этихъ людей, кромѣ обаятельно дѣйствующей на нихъ форменной одежды, прибавилась только кичливость и жалкое фанфаронство, умственная же зрѣлость пока та же осталась, а случаевъ для испытанія неокрѣпшей воли еще больше прибавилось. Вообще отъ пѣстуновъ высшихъ учебныхъ заведеній общество вправѣ не только ожидать, но и требовать самаго бдительнаго надзора и руководства религіозно-нравственнымъ развитіемъ ввѣреннаго имъ юношества. Странное явленіе происходитъ: умъ стараются питать разными, непримѣнимыми иногда даже къ жизни, науками, а сердцу предоставлена полная возможность заростать душепагубнымъ терніемъ; сдерживаютъ юношество при посредствѣ полиціи отъ политическихъ увлеченій, и этому же юношеству предоставляютъ полную свободу идти по пути безбожія, руководясь, навѣрное, въ такомъ попустительствѣ неправильно установившимся взглядомъ на свободу совѣсти. Да вѣдь отъ такой педагогической безтактности православіе св. Руси скоро можетъ придти къ конечному упадку! Нельзя же забывать, что учащаяся молодежь въ будущемъ—соль и свѣтъ нашего отечества. Кого же она осолитъ, будучи сама испорчена, и какъ будетъ свѣтить, оставаясь сама непроглядною тьмою. Неужели, подобно незрѣлому юношеству, и школьные руководители ихъ будутъ стыдиться весьма важной и почтенной роли религіозно-нравственныхъ руководителей. Этого, конечно, не должно быть. Вотъ одинъ только вопросъ неяснымъ и сомнительнымъ представляется—на вы-

сотѣ-ли религіозно-нравственной стоять сами воспитатели учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ?—Имѣя первый годъ на высшихъ кіевскихъ женскихъ курсахъ дочь, мы сами горькимъ личнымъ опытомъ убѣждаемся, что наши дѣти на чужбинѣ обречены на религіозно-нравственную погибель. На прошлой сентябрьской трети я получаю отъ дочери восторженное письмо относительно образованія въ средѣ курсистокъ религіознаго кружка подъ управленіемъ и завѣдываніемъ, якобы, просвѣщенной особы изъ курсистокъ старшаго курса; кружокъ этотъ посѣтилъ какой-то (забылъ фамилію) ученый англійскій *мистеръ*, проѣздомъ изъ Америки, и хотя онъ чрезъ переводчика велъ бесѣды на религіозныя темы, но курсистки остались ими очень довольны. Само собою я тутъ же отписалъ дочери, чтобы она оставила посѣщеніе рел. кружка, руководимаго непризванною и, несомнѣнно, неопытною въ богословскомъ вѣдѣніи особою, а еще болѣе избѣгала бы участія въ бесѣдахъ разныхъ *мистеровъ*—этихъ духовныхъ волковъ, хотя и являющихся въ овечьей одеждѣ. Въ такихъ религіозныхъ своеволіяхъ учащейся молодежи, хотя бы они происходили и изъ добрыхъ побужденій неопытнаго юношества,—вся вина и отвѣтственность должна падать на школьныхъ приставниковъ, во главѣ съ о. законоучителемъ учебнаго заведенія.

Іерей.

Вопросъ о церковномъ приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ XX-го вѣка.

(Продолженіе) ¹⁾.

II.

Мысли А. А. Папкова о приходскомъ возрожденіи вызвали цѣлый рядъ откликовъ въ нашей печати. Здѣсь, пре-

¹⁾ См. № 18 за 1913 г.

жде всего, мы должны отмѣтить, вслѣдъ за свящ. о. Д. Поповымъ ¹⁾, ту особенность въ изслѣдованіяхъ такъ называемыхъ „свѣтскихъ“, преимущественно, газетныхъ публицистовъ, которая рѣзко отличаетъ этихъ публицистовъ отъ большинства изслѣдователей духовной школы и даже А. А. Папкова. Послѣдніе, при разработкѣ приходского вопроса, ставятъ на первомъ планѣ возрожденіе прихода въ религіозно-нравственномъ отношеніи, стремятся главнымъ образомъ къ возвращенію приходу значенія церковной единицы, церковно-юридическаго лица, и не отрываютъ эту церковную, даже самоуправляющуюся единицу, отъ вліянія и зависимости епархіальной власти. Всѣ же другіе публицисты, за немногими исключеніями, „свели вопросъ о приходѣ съ церковной почвы и стали разсуждать объ организаціи прихода, какъ мелкой земской единицы“ ²⁾.

Сущность этихъ разсужденій можно представить въ слѣдующемъ видѣ: а) приходъ долженъ слиться съ волостью или другою какою либо земскою единицею не только въ территоріальномъ, но и въ церковно-общественномъ, административномъ и экономическомъ отношеніи; б) такая мелкая земская единица, съ усвоеніемъ ей всѣхъ функцій церковно-общественной и экономической земской жизни, можетъ явиться единственною спасительницею противъ всѣхъ современныхъ голодовокъ, громадной смертности, грязи, пьянства и невѣжества сельскаго и низшаго городского населенія, противъ государственныхъ и земскихъ недоимокъ, растущихъ съ каждымъ годомъ, и единственно сильнымъ, могучимъ двигателемъ нашего государства по пути развитія и раціональнаго веденія плодоводства, полеводства, кустарной промышленности и торговли, устройства больницъ, школъ, об-

¹⁾ „О возрожденіи церковно-приход. общины“. Харьковъ 1906 года стр. 7.

²⁾ А. Г. Болдовскій. „Возрожденіе церковнаго прихода“, Сиб. 1903 г. стр. 19.

щественнаго призрѣнія и благотворительности, проведенія дорогъ и т. д. „Хотя первоначальное значеніе прихода вытекаетъ изъ молитвеннаго единенія,—говорить князь А. Г. Щербатовъ,—но, какъ общественная единица, приходъ имѣетъ значеніе хозяйственное, въ силу общности интересовъ и нуждъ... Приходское общественное устройство должно удовлетворять всѣмъ нуждамъ населенія и быть въ зачаточномъ видѣ основаніемъ для всѣхъ общихъ государственныхъ управленій“¹⁾. По проекту другого Московскаго публициста С. О. Шаранова (нынѣ уже покойнаго), издававшаго журналъ „Русское Дѣло“, гдѣ возрожденію прихода и всѣмъ вообще церковно-общественнымъ вопросамъ отводилось широкое мѣсто и давалось своеобразное освѣщеніе,—приходу должно усвоить даже судебное и полицейское самоуправленіе, разъ онъ замѣнитъ собою нынѣ дѣйствующія функціи волостного правленія и сельской расправы (№№ 4 и 9 „Русскаго Дѣла“ за 1905 г.). По воззрѣніямъ публициста К. Одарченко, приходъ долженъ быть поставленъ еще шире. Онъ долженъ, прежде всего, „накормить голодныхъ, одѣть нагихъ, просвѣтить темныхъ членовъ своей общинной семьи“ и въ заботѣ объ этомъ—долженъ найти „твердую почву для развитія народнаго кредита и вообще экономической самопомощи. Покупка лошадей, скота, сѣмянъ, сельско-хозяйственныхъ орудій на общественный счетъ, какъ это практикуется въ послѣднее время многими земствами, найдеть тогда твердую и рациональную почву въ организаціи приходской общины“. Вслѣдъ за сознаніемъ пользы кредита, приходская община, по проекту г. Одарченко, „легко можетъ стать потребителемъ округомъ, въ центрѣ котораго могутъ группироваться сельскіе клубы или, по древне-русской терминологіи, „трапезы“, гдѣ будутъ собираться интеллигентные жители—священники, землевладѣльцы, врачи, лѣсничіе, агрономы и т. д.“²⁾.

¹⁾ „Приходъ и его значеніе въ современномъ государственномъ строѣ“, М. 1905 г. стр. 5—7.

²⁾ „Приходъ и братство“, Спб. 1900 г. стр. 14.

Еще болѣе прямолинейно и своеобразно о приходѣ, какъ земской единицѣ, разсуждаетъ В. Эрнъ. По его проекту, „во-первыхъ, земля въ церковной общинѣ (приходѣ) должна быть общимъ достояніемъ; во-вторыхъ, всѣ прочія орудія производства, въ видѣ фабрикъ и различныхъ промышленныхъ, ремесленныхъ и торговыхъ заведеній, должны поступить въ распоряженіе церкви (какъ общества вѣрующихъ); въ третьихъ, должна быть уничтожена въ средѣ вѣрующихъ навсегда и совсѣмъ эксплуатація одними труда и рабочей силы другихъ. Трудъ долженъ быть общимъ, справедливымъ и религіознымъ; въ-четвертыхъ, всѣ результаты совмѣстнаго труда, всѣ продукты производства должны быть общими“ и т. д. ¹⁾).

Въ этихъ одностороннихъ реально-практическихъ вождѣлѣніяхъ „свѣтскихъ“ публицистовъ относительно церковнаго прихода, которыя, конечно, могутъ по частямъ осуществляться въ нѣкоторыхъ приходахъ съ значительнымъ успѣхомъ, достойно примѣчанія то важное обстоятельство, что всѣ „свѣтскіе“ публицисты единогласно признаютъ за приходомъ значеніе великой и единственно прочной созидательной общественной силы, способной развить изъ себя самыя разнообразныя функціи жизни. Но, отмѣчая ихъ крайности и утверждая, что приходъ долженъ быть возрожденъ прежде всего на строго религіозной почвѣ, мы должны указать на существованіе и другой, совершенно противоположной точки зрѣнія въ рѣшеніи приходского вопроса, предоставляющей приходу область исключительно нравственно-религіозную и устраняющей его отъ современнаго теченія и насущныхъ, часто жгучихъ запросовъ жизни. Взглядъ этотъ имѣетъ многихъ и сильныхъ сторонниковъ какъ среди свѣтскаго общества, такъ особенно среди представителей церковной іерархіи и богословской науки и, повидимому, имѣетъ для себя основанія самыя прочныя—Евангельскія и каноническія.

¹⁾ „Вопросы Религіи“ въ I, М. 1906 г. стр. 131—132.

Вопросъ объ отношеніи прихода и вообще Церкви къ текущимъ событіямъ жизни, къ ея различнымъ формамъ— вопросъ кардинальный въ рѣшеніи приходского вопроса. Изъ того или иного его рѣшенія, всецѣло вытекаетъ успѣхъ, живучесть приходской жизни, или ея упадокъ и прозябаніе. Поэтому, мы должны коснуться и послѣднихъ, указанныхъ нами соображеній и отмѣтить крайности и односторонность даже этого, такъ сказать, „идеалистическаго“ направленія въ рѣшеніи приходского вопроса и вытекающія изъ него опасности для церковно-общественной жизни.

Сущность этого взгляда заключается въ слѣдующемъ: церковный приходъ, говорятъ, долженъ развивать и осуществлять цѣли исключительно религіозныя. Онъ долженъ быть чуждъ измѣнчиваго теченія общественно-государственной жизни, какъ области ему противоположной и даже враждебной: „міръ во злѣ лежитъ“ (1 Иоан. 15, 16). Являясь основною ячейкою великаго тѣла Церкви, приходъ, какъ и вся Церковь, „имѣетъ дѣло съ истинами непреходящими, вѣчными, въ цѣляхъ спасенія безсмертнаго человѣческаго духа, а политика варьируется пропорціонально эволюціонному развитію общественно-государственной жизни вѣрующихъ и вращается въ сферѣ преходящихъ интересовъ жизни. Вплетать это начало въ единое дѣло служенія пастырей Церкви и не заповѣдано намъ Христомъ, и вредно для церковнаго дѣла. Политика—дѣло времени. Христіанское спасеніе касается вѣчности. Что нибудь одно: или объявить христіанство соціально-политической системой, или разъ навсегда принять и хранить его въ томъ видѣ, какъ оно передано намъ Евангеліемъ и соборною апостольскою Церковью“.. 1).

Всѣ эти положенія, говорятъ представители идеалистическаго направленія въ рѣшеніи приходского вопроса, находятъ для себя подтвержденіе въ исторіи какъ вселенской, такъ и нашей русской Церкви. Пока церковныя общины

1) Гринякинъ, „Миссіонер. обзорніе“ за 1905 г., № 16 стр. 907.

оставались строго замкнутыми и стояли исключительно на Евангельской почвѣ, и на традиціяхъ, унаслѣдованныхъ отъ Апостоловъ, до тѣхъ поръ протекалъ золотой періодъ въ исторіи христіанства, замѣчался пышный расцвѣтъ церковной жизни; но лишь христіанство было признано господствующей вѣрой Византійской имперіи и стало послушнымъ орудіемъ государства, наступилъ постепенный упадокъ вѣры и церковной жизни, „оміръщеніе“ и пониженіе чистаго христіанскаго идеала. То же—и въ отношеніи русской церковной жизни. Расцвѣтъ и полнота ея присущи были древне-русскому церковному укладу жизни до-Петровской эпохи. Но съ тѣхъ поръ, какъ Петръ 1-ый „государственнымъ интересамъ принесъ въ жертву всѣ остальные интересы и патриаршество замѣнилъ Св. Синодомъ, дабы посредствомъ этого, чисто правительственнаго учрежденія, съ оберъ-прокуроромъ во главѣ, съ этимъ „окомъ государевымъ и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ“ (Дух. Реглам.) вдвинуть внѣшнее управленіе Церковью въ составъ общей государственной администраціи“¹⁾, съ тѣхъ поръ Церковь въ Россіи „находится въ глубокомъ параличѣ“ и, вмѣсто присущей вселенской Церкви и древне-русскимъ приходамъ свободы, соборности и высокаго нравственнаго вліянія на народъ и даже на власть государственную, представляетъ изъ себя „одну изъ государственныхъ функцій, часть государственнаго организма, которой отправления не самостоятельны сами по себѣ и не сами для себя существуютъ, а подчинены общей цѣли государственнаго организма, предназначены соображаться съ его задачею, съ его общимъ строемъ“²⁾.

Приведенныхъ выдержекъ, полагаемъ, достаточно для ознакомленія съ сущностью доводовъ въ пользу возрожденія

¹⁾ Г. Петровъ „Запросы современной Церкви“, Сиб. 1906 года стр. 75, 79 и 80.

²⁾ Аксаковъ, изъ цит. брош. Петрова, стр. 53.

приходскихъ общинъ исключительно на Евангельской, религіозной почвѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на столь незыблемое, повидимому, обоснованіе этого взгляда, едва-ли можно принять и его цѣликомъ, какъ и взглядъ предыдущій. Истина, какъ и всегда почти, находится въ серединѣ между этими крайними направленіями, „правымъ“ и „лѣвымъ“, съ значительнымъ, конечно, и доминирующимъ наклономъ въ сторону направленія въ дѣятельности приходскихъ общинъ строго-церковнаго, Евангельскаго.

Не трудно замѣтить въ послѣднемъ изъ очерченныхъ взглядовъ его „непрактичность“, оторванность отъ исторіи и дѣйствительной жизни и даже противорѣчіе существу дѣла.

Вѣдь конечная цѣль Церкви это—осуществленіе „Царства Божія“ на землѣ, развитіе началъ правды, мира и любви,—всеобщаго братства и равенства и уподобленіе своему Первообразу (Мѡ. 5, 48).

Но какъ же этого достигнуть?

Очевидно,—не полнымъ пренебреженіемъ потребностей временной жизни, а созданіемъ такихъ условій, такой атмосферы, при которой временное и тлѣнное служило бы вѣчному и нетлѣнному, условія и потребности земной жизни, формы и функціи общественно-государственныя направлялись бы къ достиженію „правды, мира и радости о Духѣ Святомъ“ (Рим. 14, 17), къ спасенію безсмертнаго человѣческаго духа. Къ этому и призвана Церковь съ ея составными частичками—церковно-приходскими общинами. Онѣ именно и предназначены устраивать „Царство Божіе“ на землѣ, постепенно перерождая людей въ новыхъ „созданныхъ по Богу“ въ праведности и святости истины (Еф. 4, 22).

И въ этомъ случаѣ, приходская община будетъ дѣйствовать не вопреки заповѣдямъ Христа и примѣру Апостоловъ. Христосъ Спаситель ясно намъ показалъ, какъ мы должны совмѣщать интересы духовные и матеріальные, вре-

менные и вѣчные, что поставлять на первомъ планѣ, къ чему стремиться въ жизни, чему отдавать предпочтеніе. Въ то же время, Онъ далъ намъ понять, что безъ удовлетворенія потребностей временной жизни, безъ того или иного отношенія къ ея формамъ и запросамъ, безъ Евангельскаго ихъ освященія и направленія—обойтись вовсе нельзя. То же мы видимъ и у Апостоловъ. Оставляя, далѣе, въ сторонѣ разнообразную практику древней вселенской Церкви, имѣвшей сложныя епархіальныя и приходскія (парикійныя) организаціи, съ ихъ громаднымъ вліяніемъ на общественно-государственную жизнь и даже на ея законодательство и различныя учрежденія, укажемъ на устройство приходовъ у насъ въ Россіи въ до-Петровскую эпоху, когда приходская община принимала широкое участіе въ общественно-государственной жизни.

Но, вѣдь, при этой высокой общественно духовной миссіи, возражаютъ, Церковь Христова и каждая приходская община легко могутъ увлечься земными интересами, легко могутъ потерять изъ виду „единое на потребу“, могутъ быть втянутыми въ партійную борьбу, вдаться въ политику; а гдѣ дано мѣсто партійности, политической борьбѣ, тамъ наступаетъ вредъ и даже гибель вѣчному дѣлу Церкви; отсюда не допускаютъ участія Церкви и ея служителей въ борьбѣ мірскихъ интересовъ и страстей (стат. проф. Н. Ѳ. Сумцова въ „Южномъ краѣ“ за 1906 г. № 8699; ср. „Спб. Вѣд.“ № 305 за 1902 г.).

Не споримъ, что опасность при этомъ для Церкви и для каждой приходской общины великая и вредъ можетъ быть непоправимый. Но для избѣжанія этой страшной опасности и гибели истинно-церковнаго дѣла, для постояннаго памятованія о „единомъ на потребу“, о своей миссіи среди человѣческихъ обществъ и учреждений, какъ соли ихъ, имѣющей высочайшую цѣль и назначеніе—нужна великая осторожность и богопросвѣщенная, мудрая опытность; нужно чувство мѣры и такта въ политическомъ, такъ сказать, ру-

ководительствѣ приходскихъ общинъ своими сочленами, дабы дѣйствительно, „не превратить храмы въ политическія трибуны“, дабы храмы всегда и неизмѣнно оставались только мѣстомъ молитвы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. М. Свидерскій.

Изъ журналовъ.

(Церковная Правда, Душеполезное чтеніе, Христіанское чтеніе, Вѣра и разумъ.

Съ 1913 г. въ Берлинѣ настоятелемъ посольской церкви о. прот. А. П. Мальцевымъ издается двухнедѣльный журналъ „Церковная Правда“. Задачей этого журнала является прежде всего ознакомленіе Запада съ восточнымъ православіемъ; такое ознакомленіе необходимо потому, что Европа, „гордая своими внѣшними успѣхами, до сихъ поръ съ пренебреженіемъ смотритъ на Востокъ и Славянство“. Съ другой стороны, журналъ имѣетъ въ виду давать свѣдѣнія и православнымъ людямъ о современной христіанской жизни въ Западной Европѣ. Но кромѣ того, журналъ представляетъ интересъ для русскаго читателя и въ томъ отношеніи, что въ своихъ статьяхъ затрагиваетъ и освѣщаетъ современные вопросы русской церковной жизни.

Въ первыхъ номерахъ по вопросамъ западноевропейской жизни помѣщены, между прочимъ, статьи о христіанскихъ союзахъ рабочихъ, имѣющихъ своей цѣлью борьбу съ социаль-демократіей, объ извѣстномъ либеральномъ пасторѣ Карлѣ Ято, о которомъ сообщалось и въ русскихъ журналахъ, о миѳологической теоріи Дрекса, о положеніи русскихъ, занимающихся на курсахъ французскаго языка при парижскомъ университетѣ. Въ послѣдней статьѣ дается практическое указаніе, что желающимъ поступить на указанные курсы необходимо заранѣе быть настолько знакомыми съ французскимъ

языкомъ, чтобы безъ затрудненій слушать читаемыя на курсахъ лекціи, и что научиться говорить и понимать по французски въ Парижѣ стоитъ гораздо дороже, чѣмъ въ Россіи.

Изъ статей, касающихся русской церковной жизни, отмѣтимъ статью проф. П. В. Верховскаго „О необходимости изменить Русскіе Основные Законы въ пользу законодательной независимости Православной Русской Церкви“. Авторъ указываетъ, что извѣстное положеніе относительно того, что „никакой законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія Гос. Совѣта и Гос. Думы“, всецѣло относится и къ церковному законодательству. Поэтому ст. 65 7-ой главы Основныхъ Законовъ: „въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Пр. Синода, Ею учрежденнаго“, относится только къ управленію и суду церковному. Такимъ образомъ, при теперешнемъ положеніи дѣла, даже постановленія ожидаемаго Всероссийскаго Собора не могутъ получить законной силы безъ одобренія Гос. Совѣта и Гос. Думы. Авторъ указываетъ слѣдующій наиболѣе удобный путь для выхода изъ такого ненормальнаго положенія. Такъ какъ починъ пересмотра Основныхъ Законовъ въ Гос. Совѣтѣ и Гос. Думѣ принадлежитъ только Государю Императору, то необходимо просить Его принять на Себя инициативу измененія Основныхъ Законовъ внесеніемъ въ нихъ статей, гарантирующихъ независимость Русской Православной Церкви отъ кого бы то ни было, кромѣ Государя Императора.

Въ „Душеп. Чтеніи“ (январь), въ „Дневникѣ инока,“ содержатся, между прочимъ, слѣдующія небезынтересныя для пастырей мысли. „Пастырь! Береги себя ради пасомыхъ тобою, береги себя отъ всего злого и недостойнаго, чтобы быть достойнымъ и дерзновеннымъ ходатаемъ за людей Божіихъ. Ты—жертва за нихъ. Будь же жертвою чистою у престола Божія. Ты—свѣча отъ нихъ. Будь свѣчею чистою, неугасимою въ молитвахъ, свѣтлою, а не тусклою и коптящею. Это сдѣлаетъ твоя осторожность во всемъ, твое усердіе, благого-

вѣйное служеніе и доброе неблазненное поведеніе“. — „Священнослужитель—жертва народа алтарю Божию. Господи! Для того, чтобы эта жертва была чистою и за народъ Твой Тебѣ угодною, я хочу чистоты душевной, непорочности и праведности. Съ большимъ самопожертвованіемъ, лишеніями и тяготами отказываю я себѣ въ самыхъ сильныхъ потребностяхъ, ради этого народа, чтобы молитва моя за него могла быть Тебѣ угодною, дерзновенною, благословенною Тобою“.

Въ послѣднее время снова оживляется мысль о возможности сближенія Православной Церкви съ англиканской. При обсужденіи условій этого сближенія важное значеніе имѣеть вопросъ о томъ, можно ли признать англиканскую іерархію дѣйствительной. Этому вопросу, который православными богословами разрѣшается неодинаково, посвящена статья проф. И. П. Соколова „О дѣйствительности англиканской іерархіи“. Въ февральской книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ находится начало этой статьи, гдѣ авторъ излагаетъ католическій взглядъ по данному вопросу.

Признаніе дѣйствительности англиканской іерархіи въ значительной степени зависитъ отъ признанія законности посвященія родоначальника этой іерархіи Матью Паркера. При королевѣ Маріи англійскіе епископы, склонявшіеся къ реформаци, были лишены каедръ. Королева Елизавета рѣшила возстановить независимую отъ папы англиканскую іерархію и избрала кэнтерберійскимъ архіепископомъ М. Паркера. Но остававшіеся въ то время на каедрахъ епископы отказались отъ рукоположенія его, т. что онъ былъ рукоположенъ тремя епископами, раниѣ лишенными своихъ каедръ, и однимъ епископомъ суффраганомъ. Первенствующимъ рукополагателемъ, читавшимъ молитвы, былъ Вильямъ Барлоу, державшійся протестантскихъ возрѣній на священство. Католическіе богословы, отвергающіе дѣйствительность англиканской іерархіи, стараются доказать неправильность посвященія Паркера. Нѣкоторые изъ нихъ опровергали самый фактъ посвященія, другіе доказывали, что Барлоу не былъ рукоположенъ ,

а былъ только назначенъ епископомъ; но эти мнѣнія теперь оставлены даже почти всѣми католиками.

Гораздо важнѣе тѣ возраженія противъ дѣйствительности посвященія Паркера, которыя заимствуются изъ самаго чина этого посвященія. У католиковъ матеріей таинства священства считается врученіе посвящаемому „орудій“ священнодѣйствія: чаши съ виномъ и водою и блюда съ гостіей (евхаристическими опрѣсноками). Такъ какъ этого врученія у англиканъ нѣтъ, то католики считаютъ совершаемыя у послѣднихъ поставленія въ священныя степени недѣйствительными. Но позднѣйшими литургическими изслѣдованіями доказано, что „врученіе орудій“—позднѣйшее католическое нововведеніе; на Востокѣ его никогда не было, и однако православная іерархія признается католиками дѣйствительной. То же нужно сказать и относительно тайносовершительныхъ словъ (формы) таинства священства: слова эти у англиканъ иные, чѣмъ у католиковъ, но зато приближаются къ нѣкоторымъ болѣе древнимъ формуламъ. Поэтому въ позднѣйшее время, особенно въ буллѣ папы Льва XIII „Apostolicae curae“, противъ англиканскихъ рукоположеній выдвигается отсутствіе въ нихъ того элемента, который въ католическомъ богословіи называется намѣреніемъ совершителя таинства. По католическому ученію, дѣйствительнымъ является только то таинство, при совершеніи котораго священнодѣйствующій имѣлъ намѣреніе совершить то, что дѣлаетъ церковь (т. е. именно таинство въ церковномъ смыслѣ). Существо рукоположенія въ пресвитерскую и епископскую степень, (которыя у католиковъ по существу не различаются), заключается, по католическому представленію въ томъ, что чрезъ него подается власть приносить въ жертву Тѣло и Кровь Господа. Но въ чинѣ англиканскаго рукоположенія объ этой власти умалчивается и притомъ намѣренно, такъ какъ самое ученіе о жертвенномъ значеніи евхаристіи въ англиканскомъ исповѣданіи отрицается. Отсюда католики и дѣлаютъ выводъ, что, совершая рукоположеніе, англиканскій епископъ не имѣетъ

намѣренія совершить то, что разумѣть подь таинствомъ священства Церковь (конечно, католическая).

Авторъ разсматриваемой статьи, отмѣтивши, что „ученіе о намѣреніи, какъ необходимомъ условіи совершенія таинства, со всѣмъ тѣмъ его содержаніемъ и слѣдствіями, какія оно имѣеть въ католическомъ богословіи, не вошло сколько-нибудь прочно въ нашу догматику“, имѣеть въ виду далѣе разсмотрѣть вопросъ, дѣйствительно ли англиканство отрицаетъ власть священника приносить въ жертву Тѣло и Кровь Христовы, и должно ли такое отрицаніе необходимо вести къ признанію недѣйствительности англиканской іерархіи, съ православной точки зрѣнія. Авторъ отмѣчаетъ также, что германскіе старо-католики признали англиканскую іерархію дѣйствительною, а голландскіе нѣтъ.

Наше современное церковное устройство, по общему мнѣнію нуждающееся въ коренномъ преобразованіи, ведетъ свое начало отъ Петра Великаго. Многіе смотрятъ на церковныя реформы Петра I исключительно съ точки зрѣнія уклоненія ихъ отъ каноническихъ нормъ, къ которымъ болѣе приближается допетровское церковное устройство. Иной взглядъ, и совершенно неправильный, высказываетъ М. Невѣрягинъ въ статьѣ *„О преобразованіяхъ Петра Великаго въ управленіи духовными дѣлами“* („Вѣра и Разумъ“, № 4). Авторъ напрасно старается доказать, что церковныя преобразования необходимо было произвести совмѣстно съ государственными, вслѣдствіе тѣсной связи въ Россіи Церкви съ государствомъ, и что эти преобразования были поэтому вполне цѣлесообразны. Преимущество синодальнаго устройства предъ патриаршескимъ авторъ ошибочно видитъ въ томъ, что съ учрежденіемъ Св. Синода прежняя бюрократическая система церковнаго управленія была замѣнена коллегіальною. Но Синодальная система скорѣе можетъ быть названа бюрократической, чѣмъ патриаршеская. Болѣе основательно авторъ разсуждаетъ о преобразованіяхъ въ архіерейскомъ управленіи и въ управленіи монастырскими имуществами. До Петра I № 19. Рук. для сельск. паст. т. II. 1913 г.

въ русской жизни вообще вотчинное начало преобладало надъ государственнымъ. Такъ было и въ церковной жизни. Архіереи располагали многими правами финансовыми (собираніе податей въ казну архіерейскаго дома) и судебными (даже въ области уголовного и гражданскаго права); подобными правами, хотя и въ меньшей степени, владѣли и многіе монастыри. Когда при Петрѣ I государственное начало возобладало надъ вотчиннымъ, то, естественно, и указанная права архіереевъ и монастырей должны были существенно измѣниться.

Н. Г.

Толковый Типиконъ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Измѣняемыя части литургіи (воскресной).

Литургія настолько священная, „божественная“ служба, что Православная Церковь не рѣшается мѣнять ее и для такихъ великихъ праздниковъ, какъ Пасха. Она достаточно радостна и въ своемъ обыкновенномъ видѣ для всѣхъ праздниковъ, почему въ постъ совершенно отмѣняется. Въ этихъ отношеніяхъ она отражаетъ на себѣ неизмѣнность и всеблаженство Божіи. Но все это имѣетъ силу только для важнѣйшей части литургіи, для „канона“ ея, гдѣ она становится таинствомъ Евхаристіи. Только здѣсь Православная Церковь, въ противоположность римско-католической, не рѣшается ни для какого праздника измѣнить хотя бы одно слово. Въ окружающихъ же эту священнѣйшую часть молитвословіяхъ, въ подготовительной и заключительной части литургіи, приспособленіе къ памятямъ дня допускается и, можно сказать, растетъ по мѣрѣ отдаленія этихъ частей отъ „канона“. Въ виду этого начало литургіи совершенно различно, не считая екте-

¹⁾ См. № 18 за 1913 г.

ній, одинаковыхъ у нея и съ другими службами, для будней, для праздниковъ среднихъ и великихъ.

Начинается литургія тремя рядами пѣснопѣній, справедливо называемыхъ въ Служебникѣ по способу исполненія ихъ „антифонами“. Эти то антифоны и сообразуются съ праздничною степенью дня. Для воскресныхъ дней и мѣнѣ великихъ праздниковъ, начиная съ шестеричныхъ святыхъ ¹⁾ включительно до дванадесятыхъ Богородичныхъ, такими „антифонами“ служатъ такъ называемые „изобразительные“ и „блаженны“.

„Изобразительными“ (τοῦτοι) называются псалмы 102 и 145 не потому, какъ ранѣ думали, что они изображаютъ блага искупленія, а д. б. п. ч. въ составѣ литургіи эта только часть подлежитъ регламентаціи Типикона, устава, можетъ принимать разный „видъ“ (τύπος). Настоящiе псалмы выбраны сюда изъ-за того, что они представляютъ собою выходящее изъ глубины души („благослови, душе“, „хвали, душе“, такъ еще пс. 103; ср. пѣснь Богородицы) восторженно радостное прославленіе и благодареніе (такъ идущее къ Евхаристіи) Бога за Его милосердіе, сказывающееся особенно въ отношеніи грѣховъ и помощи несчастнымъ. Пс. 102 „Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его“ прославляетъ Бога за исцѣленіе отъ смертной („избавляющаго отъ истлѣнія животъ мой“) болѣзни ²⁾, затѣмъ вообще за милости къ Израилю и милосердіе вообще и по отношенію къ грѣхамъ въ частности, вызываемое въ Богѣ м. пр. сознаниемъ ничтожества человѣческаго; въ заключеніе псаломъ изображаетъ всевластительство Божіе (постепенно т. о. расширяя кругъ созерцанія), приглашая къ прославленію Бога всѣхъ ангеловъ и всѣ творенія. Пс. 145 „Хвали,

¹⁾ Если иногда изобразительныя положены и для шестеричныхъ святыхъ, то только тогда, когда шестеричности мѣшаетъ другая память въ тотъ же день, напр. 2 сент.

²⁾ „Обновится яко орля юность твоя“ имѣется въ виду повѣрье объ орлѣ такое же, какъ о фениксѣ.

душе моя, Господа“ прославляет Бога, какъ крѣпкую надежду нашу въ противоположность ненадежности самыхъ высокопоставленныхъ людей, обосновывая эту мысль на творческой силѣ Божіей; Его вѣчной истинности, постоянныхъ благодѣянійхъ всѣмъ угнетеннымъ и противодѣйстви грѣшникамъ ¹⁾).

Изъ инославныхъ литургій цѣльныя псалмы имѣютъ въ началѣ несторіанская литургія, приписываемая апп. Ѡадею и Марію — псаломъ 14 ²⁾ и коптская литургія, прип. Василию В. — псаломъ 50-й предъ самымъ евангеліемъ ³⁾. Римская литургія часто имѣетъ отрывки изъ псалмовъ въ качествѣ *introitus'a* (вступительнаго стиха) ⁴⁾. Литургія ап. Іакова, прототипъ нашей, не имѣла въ началѣ, повидимому, ни псалмовъ, ни антифоновъ (рукописи не указываютъ) ⁵⁾. Студійско-Алексіевскій уставъ запрещаетъ изобразительныя псалмы и блаженны на будничной литургіи въ Петровъ постъ ⁶⁾. Западные Студійскіе (Калабрійскій) и Евергетидскій уставы указываютъ изобразительныя для воскресной литургіи ⁷⁾. Ркп. Іерус. устава молчатъ (слав. говорятъ о блаженнахъ). Ркп. Евхологіевъ XVI в.: „послѣ мирной (ектени) хоръ поетъ 1-й антифонъ или изобразительныя, если недѣля; если же нѣтъ, дня... Послѣ мирной (ектени), второй хоръ поетъ второй антифонъ или изобразительныя вторыя, если недѣля; если же нѣтъ, дня“ ⁸⁾.

Чинъ пѣнія изобразительныхъ псалмовъ указанъ въ Ирмологіи ⁹⁾ и Часословѣ въ послѣдованіи изобразительныхъ. Пѣть ихъ указано здѣсь на 8 гл., д. б. какъ наиболѣе спо-

¹⁾ *Gunkel*, *Ausgewählte Psalmen*. 164—169. *Moll*, *Der Psalter*, 220. *Duhn*, *Die Psalmen*, 297.

²⁾ *Петровскій*, *Апост. лит. вост. церкви*, прил., 62.

³⁾ *Еп. Порфирій*, *Вѣроуч.*, богосл. коптовъ, 128.

⁴⁾ *Missale*, 9. 23 и д.

⁵⁾ *Swainson* *The Gr. Lit.*, 216 и д.

⁶⁾ Ркп. Моск. Типогр. б. № 285 (1206) 142, л. 20 об.

⁷⁾ *Toscani*, *Ad typ. graec.*, 54. *Дмитріевскій*, *Топ.*, 608.

⁸⁾ *Swainson*, *The Gr. Lit.*, 112. 113.

⁹⁾ Ирмологіи М. 1895, л. 106—107.

войно-торжественный, причѣмъ имѣется въ виду тропарный напѣвъ этого гласа, п. ч. только такой употребляется на литургіи (на блаженнахъ—и канонный). Музыкальная традиція расходится съ этимъ указаніемъ: она даетъ для изобразительныхъ тропарный напѣвъ 1 гл., очевидно предполагая, что они должны слѣдовать гласу дня (какъ и аллилуіаріи поются всегда на 1 гл.). Молчаніе Часослова о гласѣ тоже на сторонѣ этого предположенія.

Поются изобразительные антифонно. Распредѣленіе стиховъ для пѣнія между ликами дано въ Ирмологіи. Оно совпадаетъ съ библейскимъ дѣленіемъ стиховъ, исключая то, что въ 102 пс. 6 стихъ соединенъ съ 7 и 9 съ 10, благодаря чему всего стиховъ въ этомъ псалмѣ для антифоннаго пѣнія получилось 20 (вмѣсто 22 библейскихъ); а въ 145 пс. 1 ст. соединенъ со 2, почему стиховъ получилось 9 (вмѣсто 10 библейскихъ). Псалмы имѣютъ и припѣвъ, но только въ началѣ и концѣ. Припѣвъ для 102 пс.—тотъ же, что для соединеннаго съ нимъ въ Библии и сроднаго 103, предначинательнаго псалма вечерни (изъ суточныхъ службъ наиболѣе близкой къ литургіи), именно „Благословенъ еси Господи“ (Пс. 118, 120). Этотъ припѣвъ ирисоединяется къ начальнымъ словамъ 1 ст.: „Благослови, душе моя, Господа“, какъ въ предначинательномъ псалмѣ и Господи воззвахъ и ко всему 1 стиху, но тогда, когда этотъ стихъ повторяется въ концѣ псалма, послѣ Слава и нынѣ. Т. о. употребленіе припѣва при этомъ псалмѣ—исключительное, въ точности такъ нигдѣ не примѣняемое, что отвѣчаетъ исключительности въ ряду службъ литургіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это употребленіе носитъ характеръ особой простоты: припѣвъ чисто псалмическій и самый краткій, при Слава и нынѣ нѣтъ добавленій, осложняющихъ этотъ припѣвъ къ псалмамъ на другихъ службахъ. Антифонно поются не только стихи псалма, но и Слава и нынѣ; это послѣднее „вышшимъ гласомъ“ поется тоже по половинѣ каждымъ ликомъ, и 1-й ликъ поетъ въ концѣ опять 1-й стихъ съ припѣвомъ (на вышеуказанномъ мѣстѣ),

возвращая т. о. псаломъ къ его началу. По другому чину поется 145 псаломъ. Припѣвомъ къ нему служить только Слава и нынѣ, но такъ что Слава поется предъ псалмомъ, а И нынѣ послѣ него съ пѣснью „Единородный Сыне“, причемъ начинается пѣніе здѣсь 2-й ликъ и благодаря этому пѣснь приходится на 1-й.

Способъ присоединенія къ 108 пс. припѣва напоминаетъ антифонъ на р.-католическомъ богослуженіи (въ концѣ псалма полностью стихъ, а предъ псалмомъ два или три первыхъ слова).
О Слава и нынѣ въ концѣ псалмовъ см. Толк. Тип. II, 257.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе). ¹⁾

Отсутствіе у пчелъ распредѣленія труда. Прежде думали, что у пчелъ существуетъ правильное распредѣленіе труда между отдѣльными группами работницъ, специализировавшихся въ тѣхъ или иныхъ работахъ. Полагали, что одна группа пчелъ собираетъ медъ, другая—пергу или клей, третья—воду, четвертая выкармливаетъ черву, пятая—печатаетъ запасы, шестая чиститъ или вентилируетъ улей и т. д.; однако всѣ эти предположенія не оправдались въ послѣдствіи. Наблюденія ученыхъ пчеловодовъ показали, что у пчелъ совершенно отсутствуетъ распредѣленіе труда между отдѣльными группами, и даже напротивъ—теперь точно установлено, что пчела всегда принимается за ту работу, какая попадется ей подъ руку. Замѣтила пчелка, что образовалась въ стѣнѣ улья свѣжая трещина, какъ тотчасъ же улетѣла за

¹⁾ См. № 18 за 1913 г.

клеемъ и замазала ее; замѣтивъ, далѣе, что поврежденъ кѣмъ-то сотъ,—она немедленно принимается за его исправленіе; чувствуетъ еще пчелка, что душно стало въ ульѣ, и вотъ она уже стоитъ у летка на прилетной доскѣ и усердно выгоняетъ крылышками вредный воздухъ; но вотъ наткнулась она на трупъ товарки и немедленно хватаетъ его клещиками и уноситъ вонъ изъ улья.

На единственное распределеніе работъ, и то лишь относительное, можно указать на работы летнихъ и не летнихъ пчелъ. Молодая, не летная пчела исполняетъ всѣ работы внутри улья; но и это распределеніе работъ далеко не абсолютное, ибо летныя пчелы весной, когда еще нѣтъ молодыхъ хозяекъ, исполняютъ всѣ рѣшительно работы, какъ внутри, такъ и внѣ улья.

Привязанность пчелъ къ матеѣ, родному улью и въ мѣсту перваго облета. Пчелы горячо любятъ свою мать и весьма нѣжно и предупредительно съ ней обращаются. Безъ скуки можно цѣлыми часами простаивать около учебнаго улейка и съ удовольствіемъ наблюдать, какъ величественно идетъ, окруженная свитой, матка,—какъ заботливо подаютъ ей пчелы кормъ,—какъ ласкаютъ ее своими усиками и какъ торопливо уступаютъ ей дорогу. Семья счастлива, когда у нея есть ея граціозная царица—мать; возьмите же эту общую фаворитку осторожно за крылышки и посадите ее хоть на полчаса въ клѣтку, удаливъ на время отъ семьи,—не пройдетъ и десяти минутъ, какъ по данному свитой сигналу всѣ пчелы уже будутъ знать о постигшемъ ихъ горѣ. Въ ульѣ подымется суматоха, всѣ углы будутъ тщательно обысканы. Не найдя матери въ ульѣ, дочери выбѣгутъ разыскивать ее сначала у летка, а потомъ по всему улью и вблизи его. Но вотъ прошла первая суматоха, наступило тяжелое уныніе, поднялся плачь осиротѣлыхъ дѣтей и вамъ такъ станетъ жаль ихъ, что вы поспѣшите вернуть имъ прежнее счастье. О, какая радость! Какое торжественное шествіе! Черезъ минуту вся семья будетъ оповѣщена, и всѣ

дѣти наперерывъ устремятся воочію убѣдиться въ томъ, что имъ вернулось ихъ прежнее благополучіе.

Радостное настроеніе по случаю возвращенія матери можетъ иногда окончиться роковымъ образомъ: пчелы съ такой неудержимой радостью устремятся къ ней и такъ плотно ее сожмутъ, что она, не будучи въ состояніи выдержать не въ мѣру расточаемыхъ дочернихъ ласкъ, можетъ погибнуть смертью греческихъ счастливецъ. „Умри,—сказалъ бы ей древне-греческій философъ, —большаго счастья ты не увидишь на землѣ!“ Но мы не раздѣляемъ мнѣнія греческаго философа о земномъ, скоро преходящемъ счастьѣ въ данномъ случаѣ, и совѣтуемъ начинающимъ пчеловодамъ не выпускать изъ клѣтки отобранной на время матки до тѣхъ поръ, пока не уляжется первый порывъ радости.

Пчелы любятъ свою родную мать, оберегаютъ ее и лелѣютъ; попадись же имъ чужая, онѣ немедленно окружаютъ ее, будутъ сначала дергать за ноги и крылышки, а потомъ начнутъ душить, образуя вокругъ нея плотный клубъ, и черезъ нѣсколько минутъ непрощенная гостья падаетъ мертвой. Точно также пчелы поступаютъ и съ чужой пчелой, намѣренно или ненамѣренно попавшей не въ свой улей, съ той лишь разницею, что съ ней справляется одна или двѣ пчелы изъ членовъ стражи.

Привычка къ мѣсту перваго облета и своему улью у пчелъ очень сильна. Какъ только вынесли весной пасѣвку изъ омшанника на точку или перевезли ее на новое мѣсто, пчелы первымъ долгомъ начнутъ знакомиться съ мѣстностью и замѣчать свой улей. Первый вылетъ пчелъ на новомъ мѣстѣ или на старомъ, но только по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, у пчеловодовъ называется первымъ облетомъ. Замѣтивъ хорошо свой улей и его мѣсторасположеніе среди другихъ ульевъ, пчела хорошо запоминаетъ все это и чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе привыкаетъ къ мѣсту перваго облета.

Если кто пожелалъ-бы провѣрить вышесказанное, пусть возьметъ на время любой изъ ульевъ и унесетъ его въ сторону; онъ тотчасъ же замѣтитъ, какъ возвращающіяся съ поля пчелы, не найдя на прежнемъ мѣстѣ своего родного улья, будутъ въ величайшей тревогѣ кружиться около стараго мѣста, заглядывать въ сосѣдніе ульи и искать между ними свой. Если отставленный улей недалеко отъ прежняго мѣста (1—2 арш.), пчелы его разыщутъ, если же онъ на значительномъ разстояніи, горе обездоленныхъ пчелъ будетъ велико; онѣ будутъ безпокойно кружиться около прежняго мѣста, то садиться на землю, то опять взлетать на воздухъ, будутъ все настойчивѣе заглядывать въ сосѣдніе ульи, но не встрѣчая въ нихъ радушнаго приѣма, придутъ въ совершенное уныніе. Если поставить въ это время на прежнее мѣсто пустой улей, пчелы, скрѣпя сердце, соберутся въ немъ, но будутъ безпокойно жужжать и не пойдутъ въ этотъ день даже за взяткомъ. Сравнительное успокоеніе наступитъ только тогда, когда вы дадите имъ сотъ съ молодой дѣткой, т. е., не отымете у нихъ надежды на продолженіе своего рода. Уже на третій день вы замѣтите на вставленномъ соту нѣсколько заложённыхъ свищевыхъ маточниковъ.

Не малое безпокойство вы можете вызвать еще и тѣмъ, если переложите гнѣздо любого улья въ улей другого цвѣта или формы, хотя мѣста и не перемѣните. Возвращающіяся съ поля и ничего не подозрѣвающія пчелы на первыхъ порахъ будутъ съ испугомъ отскакивать отъ незнакомаго имъ летка, войдутъ же въ улей только послѣ неоднократныхъ попытокъ заглянуть въ летокъ и узнать, въ чемъ дѣло.

Кромѣ опредѣленнаго мѣста летка, пчелы точно также хорошо замѣчаютъ и разстояніе его отъ земли. Если вы, для опыта, подымете улей на полъ аршина выше противъ прежняго положенія, т. е., на такую высоту, что прежнее мѣсто летка придется подъ улемъ, возвращающіяся пчелы будутъ сразмаха пролетать подъ нимъ. Легче всего пчелы мирятся

съ тѣмъ, если вы, не передвигая улья въ стороны, продвинете его впередъ или назадъ, но не болѣе аршина.

Съ этими очень важными свойствами пчелы, т. е., съ любовью ея къ своей маткѣ и привязанностью къ мѣсту перваго облета и родному улью, а также непріязненнымъ отношеніемъ къ чужой маткѣ и пчелѣ, пчеловодъ долженъ считаться, если не желаетъ надѣлать непоправимыхъ ошибокъ.

Бываютъ, однако, случаи, когда пчелы, по нѣкоторымъ соображеніямъ, измѣняютъ только что указаннымъ свойствамъ и привычкамъ. Мы знаемъ, напр., что семья благополучнаго улья, имѣющая хорошую, плодную матку, немедленно уничтожить случайно къ ней попавшую чужую, безразлично, будетъ ли она плодная или неплодная; но если у благополучной семьи отнять матку и продержать ее (семью) въ обезматоченномъ положеніи нѣсколько дней, она охотно приметъ и чужую матку, особенно плодную, прекрасно соображая, что лучше сразу получить готовую работницу, чѣмъ дожидаться выхода своей собственной изъ заложенныхъ ею свищевыхъ маточниковъ. Менѣе охотно принимаютъ пчелы матку неплодную.

Далѣе, пчелы не допусаятъ въ свой улей чужой пчелы, но только въ томъ случаѣ, когда она идетъ къ нимъ съ пустыми руками, пчелу же съ медомъ или пергой охотно примутъ.

Пчелы привыкаютъ къ своему мѣсту и улью, но выйдя съ роемъ, онѣ какъ будто забываютъ прежнее мѣсто и улей, хотя-бы онѣ стоялъ тутъ же рядомъ. Мы сказали „какъ будто забываютъ“; и дѣйствительно, это такъ, ибо пчелы не теряютъ изъ виду и прежняго мѣста и при случаѣ даже возвращаются въ материнскій улей.

Мы знаемъ также, что пчела по доброй волѣ не пойдетъ въ чужой улей, но если ея родное жилище навсегда будетъ унесено въ другое мѣсто, она, послѣ первыхъ приступовъ недоумѣнія и тревоги, начнетъ впрашиваться въ сосѣдніе ульи, выражая при этомъ полную покорность своимъ

будущимъ товаркамъ, и тѣ, видя это и снисходя къ безвыходному положенію несчастныхъ, принимаютъ ихъ въ свою семью, хотя и не совсѣмъ охотно.

Все вышесказанное о свойствахъ и привычкахъ пчелы и о тѣхъ случаяхъ, когда эти свойства и привычки могутъ быть измѣняемы, заставляетъ предполагать у пчелы высоко развитой инстинктъ и даже сообразительность практическаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, боясь коварныхъ замысловъ, пчелы не принимаютъ чужихъ работницъ, идущихъ къ нимъ съ пустыми руками, а вотъ если съ медомъ какая пожалуетъ, той широко раскрыты двери и готовъ радушный пріемъ... Развѣ эти соображенія не практичны? Приходится согласиться, что наши маленькія, умненькія пчелки—большія матеріалистки.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА

Церковныя библіотеки.

Извѣстно, что грамотность въ деревнѣ день ото дня растеть: потребность въ чтеніи явилась давно. Деревня съ жадностью хватается за всякій печатный листокъ. Вотъ тутъ бы и придти на помощь церкви съ своими библіотечками.

Какимъ бы подспорьемъ живой бесѣдѣ и проповѣди священника могла бы бытъ, пусть небольшая, но толково подобранная церковная библіотечка.

Въ настоящее время духовенство смотритъ на церковныя библіотеки, какъ на библіотеки для личнаго обихода и личныхъ потребностей. Намъ думается, это не вполнѣ правильно. Въ каждой церкви все-равно нѣтъ возможности имѣть все необходимое для справокъ и обновленія своихъ знаній священнику. Для такихъ нуждъ должны служить благочинническія библіотеки. Онѣ въ настоящее время такъ же плохо

устроены, какъ и церковныя; подборъ книгъ совершенно случайный, да и средства ничтожныя, а между тѣмъ десять, пятнадцать церквей съ нѣкоторой долей личныхъ жертвъ и взносовъ причтовъ могли бы образовать одну порядочную по составу библіотеку со всѣми необходимыми справочными изданіями и важнѣйшими курсами и пособіями по богословскимъ наукамъ.

Разумѣется, среди безчисленнаго количества издаваемыхъ отдѣльными лицами брошюрокъ религіозно-нравственнаго содержанія можно подобрать кое-что пригодное для народнаго чтенія и даже составить маленькую не дурную библіотечку, но для этого нужно быть большимъ спеціалистомъ по части популярной богословской литературы. Священники же сельскіе поневолѣ будутъ выписывать наугадъ по случайнымъ рекламамъ. Поэтому, для составленія церковно-народныхъ библіотекъ, нужны спеціальныя указатели литературы съ объективной расцѣнкой ея достоинствъ, какъ существуютъ, напримѣръ, указатели дѣтской литературы или литературы по исторіи.

Но еще болѣе, кажется, нуждаются церкви и причты въ указаніи опредѣленныхъ источниковъ, изъ которыхъ можно невозбранно брать средства на образованіе церковныхъ библіотечекъ, и приблизительнаго, хотя бы незначительнаго, но обязательнаго размѣра отчисленій на этотъ предметъ. Вообще вопросъ о церковныхъ библіотекахъ до сихъ поръ еще новый почти не начатый, а приступать къ его рѣшенію пора давно. (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 30-го апрѣля 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 12-го мая.

содержаніе: I. Пьянство предъ судомъ Слова Божія.—II. Въ чемъ причина упадка пастырскаго авторитета въ наши дни. Свящ. В. П.—III. Изъ духовныхъ журналовъ. Н. Г.—IV. Вопросъ о церковномъ приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ XX в. (продолженіе). Священникъ М. Свидерскій.—V. Бесѣды по пчеловодству (продолженіе). Діаконъ Г. Лисанскій.—VI. Отвѣты подписчикамъ.—Замѣтка. Наблюденіе за незаконной торговлей церковными свѣчами.

Пьянство предъ судомъ Слова Божія.

Слово Божіе строго осуждаетъ пьянство и произноситъ надъ пьяницами свой грозный и справедливый судъ.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ такъ запрещаетъ пьянство: „Смотрите за собой, чтобы сердца ваши не отягчались обзяденіемъ и пьянствомъ“ (Лук. 21, 34).

Святый апостоль Петръ говоритъ, что предающійся пьянству поступаетъ по волѣ языческой: „Довольно, что вы въ прошедшее время жизни поступали по волѣ языческой, предаваясь... пьянству“ (1 Петр. 4, 2—3). „Трезвитесь!“ (1 Петр. 5, 8).

Святый апостоль Павелъ указываетъ, что пьянство есть дѣло плоти: „Дѣла плоти извѣстны; они суть: блудъ, нечистота, непотребство, *пьянство*, безчинство и тому подобное“... (Гал. 5, 19—21). Тотъ же Апостоль повелѣваетъ христіанамъ избѣгать общества пьяницъ: „*съ пьяницею... даже и не ѣсть вмѣстѣ*“ (1 Кор. 5, 11).

По суду слова Божія, **пьянство приводитъ человека:**

1) **къ бѣдности:** „Кто любитъ веселье—обѣднѣетъ, а кто любитъ вино—не разбогатѣетъ“ (Притч. 21, 17);

„*Пьяница обѣднѣетъ*“ (Притч. 23, 21);

2)—**къ ссорѣ:** „Вино глумливо, сикера (спиртный напитокъ) буйна, *всякій, увлекающийся ими, неразуменъ* (Притч. 20, 1); „У кого вой? у кого стонъ? *у кого ссоры?* у кого раны безъ причины? у кого багровые глаза? *у тѣхъ, которые доло сидятъ за виномъ*“ (Притч. 23, 29—30);

3)—**къ неправдѣ:** „Не царямъ пить вино и не князьямъ сикеру (водку), чтобы, *напившись, они не забыли закона* и не превратили суда всѣхъ угнетаемыхъ“ (Притч. 31, 4—5);

4)—**къ презрѣнію дѣлъ Божіихъ:** „Горе тѣмъ, которые съ ранняго утра ищутъ сикеры (водки) и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ... На дѣла Господа они не взираютъ, и о дѣяніяхъ рукъ Его не помышляютъ“ (Исаи 5, 11—12);

5)—**къ распутству:** „Не упивайтесь виномъ, отъ котораго бываетъ распутство“ (Ефес. 5, 18);

6)—**къ разстройству тѣлеснаго здоровья:** „*Не смотри на вино, какъ оно краснѣетъ, какъ оно исчерится въ чашѣ: въ послѣдствіи, какъ змѣй, оно укуситъ, и ужалитъ, какъ аспидъ*“ (Притч. 23, [31—32]);

7)—**къ вѣчной гибели души:** „*Пьяницы Царства Божія не наследуютъ*“ (1 Кор. 6, 10).

Посему, „*Горе тѣмъ, которые храбры пить вино... Какъ огонь съѣдаетъ солому, и пламя истребляетъ сѣно, такъ*

истлѣть корень ихъ, и цвѣтъ ихъ разнесется, какъ прахъ“
(Ис. 5, 22—24).

„Пробудитесь, пьяницы, и плачьте и рыдайте,
всѣ ньющіе вино“, взываетъ св. пророкъ Божій Іоиль (1
гл. 5 ст.). (Изд. Кіев. Епарх. Миссіон. Совѣта).

Въ чемъ причина упадка пастырскаго авторитета въ наши дни.

Упадокъ пастырскаго авторитета въ наши дни—фактъ, не подлежащій сомнѣнью: его признають друзья и недруги Церкви, его не стануть отрицать и пастыри, привыкшіе смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза и не прятать голову, подобно страусу при видѣ грозящей опасности. Это скорбное явленіе тѣмъ печальнѣе, что росту его не препятствуетъ ни повышеніе образовательнаго уровня духовенства, ни болѣе глубокое пониманіе духовенствомъ своего дѣйствительнаго положенія. Если сравнить современнаго намъ пастыря съ тѣмъ, какой былъ лѣтъ 100 назадъ, то увидимъ, что современный, несомнѣнно, развитѣе, культурнѣе своего предшественника, идеалы пастырства, опасности этого служенія, даже всевозможные мелочные случаи пастырской работы раскрыты и раскрываются чуть не ежедневно въ періодической духовной прессѣ съ достаточной полнотой. Правовое положеніе духовенства теперь не можетъ идти въ сравненіи съ прежнимъ: унижительныя наказанія, грубое обращеніе власть имущихъ, консисторскіе поборы—все это, въ значительной степени, если не совсѣмъ, отошло въ область преданій. Если обратимся къ самой подготовкѣ пастырей, къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, то и здѣсь всѣ преимущества найдемъ на сторонѣ современности: и методы преподаванія, и внѣшнія условія жизни нашей духовной школы измѣнились до неузнаваемости. И несмотря на всѣ эти явленія, повидимому, благопріятныя, пастырскій авторитетъ, увы, падаетъ и чѣмъ

дальше, тѣмъ сильнѣе. Въ чемъ причина этого скорбнаго явленія? Отвѣчающіе на этотъ вопросъ всего чаще впадаютъ въ двѣ крайности: одни всю вину въ указанномъ явленіи вполнѣ и всецѣло взваливаютъ на духовенство; другіе, люди благожелательные къ духовенству и сами пастыри, склонны искать причинъ только во внѣ, въ условіяхъ пастырской жизни и дѣятельности.

Думается, что справедливость въ серединѣ между этими мнѣніями, что причина упадка пастырскаго вліянія зависить какъ отъ самихъ пастырей такъ и отъ внѣшнихъ условій, въ какихъ намъ приходится работать.

Не будемъ закрывать глаза на дѣйствительность и сознаемся, что въ самомъ пастырствѣ рускомъ есть свои недостатки, умаляющіе его вліяніе на народъ, а среди нихъ главный и преимущественный— *обмірщеніе пастырства, ослабленіе пастырскаго идеализма, идущее въ послѣднее время усиленнымъ темпомъ*. Посмотрите прежде всего на городское, болѣе культурное и развитое духовенство: оно *сплошъ* учитъ своихъ дѣтей въ свѣтской школѣ. Въ духовной школѣ изъ городскихъ священниковъ дѣтей учать лишь единицы, преимущественно многосемейные или же имѣющіе слабыхъ дѣтей, не способныхъ выдержать конкурсъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. И фальшью звучать тѣ мотивы, которыми обычно объясняютъ это уклоненіе отъ духовно-учебныхъ заведеній: нежеланіе-де предрѣшать судьбу дѣтей, трудность поступленія въ высшія учебныя заведенія изъ семинаріи, въ случаѣ, если сынъ не найдетъ въ себѣ настроенія и расположенія къ пастырству. *Беремся создавать настроеніе въ сотняхъ и тысячахъ людей*, а за родныхъ дѣтей не ручаемся и не надѣемся, несмотря на десятилѣтнюю энергичную помощь духовной школы, создающей пастырское настроеніе.. Причина этого явленія другая: радости жизни свѣтской и привольной сохраняютъ свою привлекательную силу и для духовенства: карьера, успѣхи жизни, жалованье покрупнѣе—все это заманчиво, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для

дѣтей. Въ этомъ и есть одна изъ главныхъ причинъ нашего уклоненія отъ воспитанія дѣтей въ духовной школѣ.

Духовенство сельское въ нашу школу отдаетъ дѣтей охотнѣе—по бѣдности, по недостатку средствъ для воспитанія ихъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, изъ опасенія, наконецъ, что дѣти, не обезпеченныя, на случай смерти, кормилицами семьи, не докончатъ образованія. Но если бы образованіе въ свѣтской школѣ было также удешевлено, какъ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и туда были переведены синодальныя стипендіи для сиротъ, мы увѣрены, что $\frac{1}{10}$ дѣтей духовенства въ нашей школѣ былъ бы не больше, чѣмъ теперь свѣтскихъ. Оригинальная мысль—образовать для дѣтей духовенства за церковный счетъ, за свѣчную и кошелевкую копѣйку, среднюю свѣтскую школу, въ огромной массѣ духовенства встрѣчается съ большимъ сочувствіемъ и радостью, не вызывая никакого недоумѣнія или возраженія. Пока, правда, идетъ вопросъ о школѣ типа гимназій, но почему же за тѣ-же средства не открыть реальныхъ училищъ, фельдшерскихъ, военныхъ и коммерческихъ училищъ? Къ коммерческому, на примѣръ, образованію, какъ показала опытъ вновь открытыхъ коммерческихъ институтовъ, больше семинаристовъ имѣютъ охоту развѣ только евреи.

Обмѣрженіе въ значительной степени проникло и въ нашу духовную школу: танцевальныя, вокально-музыкальныя вечера, офицерскаго покроя одежда, сосредоточеніе духовныхъ школъ въ культурныхъ центрахъ, со всѣми ихъ соблазнами, упрощенное богослуженіе, свѣтская литература—все это скоро и довольно основательно перерабатываетъ нашу молодежь въ „паничей“, которые, при первой возможности, бѣгутъ отъ священства въ ветеринары, офицеры, акцизные чиновники, въ послѣднее время въ коммерсанты. То же обмѣрженіе мы видимъ и въ семейной жизни духовенства. Сами священники, по взглядамъ, по привычкамъ, являются нерѣдко свѣтскими людьми въ рясахъ, а семейства наши таковыми являются почти сплошь. Семья священника у насъ—весьма часто мел-

ко буржуазная, ничѣмъ совершенно не отличающаяся отъ семьи интеллигента средней руки. И внѣшняя обстановка, и внутреннее содержаніе въ обоихъ почти одинаковыя, если не считать сплошныхъ жалобъ на горькое іерейское существованіе, на народъ, съ которымъ трудно ладить, на плохіе доходы. Это, правда, свое специфическое, неизбыточное въ теченіе многихъ вѣковъ...

Оскудѣваетъ въ нашей средѣ идеализмъ, духъ пастырскаго горѣнія—и въ этомъ самая главная причина упадка нашего авторитета. Отсюда—сухая, книжная проповѣдь, богослуженіе скороговоркой, отсюда бесѣда съ пасомымъ почти исключительно о мірскихъ дѣлахъ, отсюда головное мозговое пасеніе душъ, мало грѣющее и мало влекущее... Отсюда же „міровая“ скорбь о скудныхъ средствахъ и недостаткахъ,—жалобы на бѣдность, несочувствіе народа, невозможность что-нибудь сдѣлать при существующихъ условіяхъ. Что въ этомъ корень и суть, что здѣсь главная причина, доказываютъ тѣ свѣтлыя явленія пастырей-подвижниковъ, богатыхъ внутреннимъ огнемъ, которые и теперь не только не при равныхъ, сравнительно съ другими, но даже при худшихъ условіяхъ, зажигаютъ сердца, привлекаютъ тысячи народа, расширяютъ свое пастырство на округу, уѣздъ, губернію. Такіе среди насъ, слава Господу, есть.

Покоряя людскія сердца, они, всего очевиднѣе, опровергаютъ ту мысль, будто скудость матеріальная пригибаетъ пастыря, не даетъ ему простора и средствъ для благихъ начинаній: у горящихъ свѣтильниковъ о средствахъ меньше всего думъ, это послѣднее дѣло, о которомъ они заботятся.

Среди другихъ, второстепенныхъ причинъ, понижающихъ нашъ авторитетъ и зависящихъ отъ насъ самихъ, укажемъ на одну—это устраненіе наше отъ реальной жизни, реальныхъ, земныхъ народныхъ нуждъ. Если не считать послѣднихъ нашихъ выступленій при выборахъ въ Государственную Думу, во всѣхъ проявленіяхъ такъ называемой культурной жизни наше вліяніе на народъ свелось на міні-

шт. Самое большее, что мы дѣлаемъ—это „сочувствуемъ“, „поддерживаемъ“, будетъ ли то медицинская, агрономическая или иная помощь народу. Земства, врачи, агрономы, землеустроительныя комиссіи—всѣ они прекрасно обходятся и безъ насъ и, въ силу матеріализаціи жизни, пріобрѣтаютъ вліяніе на народъ и авторитетъ куда сильнѣе авторитета пастырскаго. Прошлымъ лѣтомъ пишущему эти строки пришлось присутствовать при встрѣчѣ земскаго дѣятеля съ мужичкомъ, очевидно, уже достаточно просвѣщеннымъ и распропагандированнымъ. Нарочито подчеркивая громкимъ голосомъ (нужно было уколоть присутствующаго священника), просвѣщенный мужичекъ такъ благодарилъ земца: „спасибо, что учите насъ, дурней, какъ землю удобрять, какъ за ней ходить: теперь у насъ урожай пошли, какихъ мы прежде и не видывали—все думали раньше, что урожай отъ молебновъ происходитъ“...

Нельзя не поскорбѣть о томъ, что даже такое прямое наше дѣло, какъ помощь страдающимъ, христіанская благотворительность уплыла изъ нашихъ рукъ, и наша работа въ этомъ—капля въ томъ морѣ, какое наполняютъ и создаютъ другіе. Благотворительныхъ сборовъ по храмамъ заведено чуть ни за каждымъ воскреснымъ и праздничнымъ богослуженіемъ, иногда по два сразу, но распоряжаются этими сборами другіе, а что касается насъ, то объ этихъ сборахъ не считаютъ даже нужнымъ увѣдомить, поступаютъ-ли куда слѣдуетъ собранныя съ нашей помощью деньги и на что они тратятся.

Много можно было бы указать подрывающихъ нашъ авторитетъ причинъ, лежащихъ внѣ насъ: безправіе духовенства, матеріальная необезпеченность и зависимость въ насущномъ кускѣ хлѣба отъ прихожанъ, часто непосильная работа, препятствующая идеальному исполненію пастырскаго дѣла, но всѣ эти причины—давнія, еще со временъ апостольскихъ и, во всякомъ случаѣ, первенствующаго значенія онѣ не имѣютъ.

Въ послѣднее время на первомъ мѣстѣ должно быть указано слѣдующее явленіе, явленіе обще-міровое, равное для католичества, протестантства и вообще для всякой христіанской религіи. Это—мало обслѣдованное едва-уловимое направленіе мысли и жизни, въ корнѣ отрицающее всякую религію, пастырство, самую идею христіанства. Принимая разнообразнѣйшія формы философскихъ и нравственно-практическихъ ученій, направленіе это въ конечномъ результатѣ имѣетъ одну цѣль—искаженіе и затѣмъ уничтоженіе христіанства. Трудно для разнообразнѣйшихъ враждебныхъ христіанству явленій найти одно общее названіе, но общій ихъ признакъ—вражда ко Христу—въ нихъ занимаетъ господствующее положеніе и является типическимъ. Терпимое и доброжелательное отношеніе этого направленія къ различнымъ христіанскимъ сектамъ (у насъ къ баптизму, хлыстовству и др., имъ же имя „легіонъ“¹⁾) объясняется просто: не говоря о томъ, что въ большинствѣ сектанскихъ лжеученій ничего христіанскаго не осталось, секты являются превосходнымъ средствомъ къ разложенію и уничтоженію христіанскихъ ученій. Разлагая христіанскій міръ, его взгляды, вѣру и жизнь, секты сами въ себѣ не носятъ жизненной силы и для грядущаго безвѣрія противодѣйствія во всякомъ случаѣ не представляютъ. Покамѣстъ эта враждебная Христу и Христовой Церкви сила для большинства представляется несуществующей; но допущеніе этого пока не разъясненнаго врага Христіанской Церкви на землѣ ¹⁾ разъясняетъ и дѣлаетъ понятнымъ многія явленія въ позднѣйшей исторіи: отсюда исходятъ на первый взглядъ дикіе и непонятные, враждебные выпады противъ христіанства, какіе являются типическими для всевозможныхъ революцій у разныхъ народовъ, всевоз-

¹⁾ Считаю нужнымъ оговориться, что подъ этой силой мы разумѣемъ не силу только діавола, исконнаго врага Христова дѣла, но силу его слугъ на землѣ и притомъ *силу организованную, ведущую плано-мѣрную борьбу съ Церковію Христовой на землѣ.*

можныя притѣсенія и сокращенія правъ Церкви, а иногда и открытое гоненіе противъ христіанства подъ флагомъ самыхъ яркихъ освободительныхъ принциповъ. Отсюда же происходитъ и униженіе пастырства и умаленіе его авторитета въ глазахъ вѣрующихъ.

Пастырство наше, какъ и всякая значительная корпорація лицъ, имѣетъ въ своихъ рядахъ самыхъ разнообразныхъ людей. Пусть въ ряды его проникають люди слабые и недостойные, но есть въ немъ и люди ревностные, честно несущіе свой пастырскій долгъ. Къ сожалѣнію мы видимъ, что значительная часть нашихъ прогрессивныхъ газетъ, а за ними—и общества, дружно и согласно, по какому то невидимому камертону, систематически обливають духовенство помоями: обобщеніе частныхъ отрицательныхъ явленій, сочинительство и всякая ложь, глумленіе и насмѣшка—единственно возможное отношеніе ихъ къ духовенству. Газетная ложь и глумленіе надъ духовенствомъ, распространяемая въ десяткахъ милліоновъ печатныхъ листовъ, подрываютъ авторитетъ духовенства гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ другія внѣшнія причины, взятая вмѣстѣ. И что особенно прискорбно—ни опроверженія, ни защита печатнымъ путемъ здѣсь ничѣмъ помочь не могутъ: къ нимъ все равно остаются глухи тѣ, кто поставилъ себя задачей, *всѣми средствами и во что бы то ни стало*, чернить и унижать духовенство. Безбожіе, захватывающее все большіе круги, покамѣстъ дѣйствуетъ болѣе или менѣе мирно, „культурными“ средствами: печатью, газетами, рѣчами, законами разнообразныхъ представительныхъ учрежденій, умаляющихъ христіанство; до открытой борьбы силой и насиліемъ (если не считать отдѣльныхъ эксцессовъ) дѣло пока не доходитъ. *Но думать, что до этого не дойдетъ никогда, едва ли есть основаніе.* Звѣрь въ человѣкѣ и злоба всегда живучи. Насилія всевозможныхъ освободителей и призывы къ ожесточенной классовой борьбѣ силой—все это еле сдерживается на Западѣ, и въ числѣ враговъ этого движенія на первомъ мѣстѣ ставится христіанство и

его представители. Думать, что у насъ въ Россіи не будетъ того-же, едва-ли есть основанія: „грядущій хамъ“ движется не на Западъ одинъ, а вообще на христіанство.

Въ борьбѣ невѣрія съ христіанствомъ защищать послѣднее на первыхъ позиціяхъ естественно будутъ и должны представители Христовой истины—пастыри, ихъ воодушевленіе, горячая ревность по вѣрѣ Христовой. Мы должны отъ мысли угадывать времена и лѣта тяжкихъ испытаній Церкви Христовой и ея пастырей, когда вліяніе и значеніе пастырства будутъ умалены до minimum'a но по прошлой исторіи христіанства знаемъ, что первое условіе для успѣшной борьбы—это прежде [всего воодушевленіе и горячая вѣра пастырей и высокій авторитетъ ихъ въ глазахъ тѣхъ, кто останется вѣрнымъ истинѣ Христовой. Свящ. В. П.

Изъ духовныхъ журналовъ.

(*Миссіонерскій Сборникъ, Христіанское Чтеніе, Церковная Правда.*)

Раскольники въ своей полемикѣ съ православными не брезгаютъ даже явными подлогами. Два изъ такихъ подлоговъ раскрываетъ Н. Виноградскій въ статьѣ „*Подлоги въ новѣйшей старообрядческой литературѣ*“ („Миссіон. Сборникъ“, мартъ). Первый изъ этихъ подложныхъ документовъ — „Присяга хотящимъ взыти на степень священства“, принимаемая издателями-раскольниками патр. Іоакиму. Вся эта присяга состоитъ изъ проклятія на такъ называемые старые обряды, которые будто бы долженъ былъ изрекать всякій поставляемый въ православные священники. Цѣль изданія этого документа, очевидно, заключается въ томъ, чтобы подтвердить раскольническое обвиненіе Православной Церкви, будто послѣдняя въ XVII в. проклинала „старые обряды“.

Но „Присяга“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принадлежать патр. Іоакиму. Прежде всего, совершенно невозможно

допустить, чтобы патр. Іоакимъ отъ принимающихъ священство не требовалъ никакихъ обѣщаній, кромѣ проклятiя двуперстія и т. д.: въ присягѣ, которую принимаетъ рукополагаемый, указываются всѣ его главнѣйшія обязанности, но полагать всѣ эти обязанности только въ томъ, какъ складывать персты, сколько разъ произносить аллилуію и т. п. можетъ только самый невѣжественный раскольникъ. Но и помимо того, подложность „Присяги“ ясно подтверждается допущенными въ ней грубыми анахронизмами. „Присяга“ отнесена къ 1679 г., а между тѣмъ въ ней изъ Царствующаго Дома упоминается одна „государыня наша и госпожа царица Софія Алексѣевна“, которая стала соправительницей своихъ малолѣтнихъ братьевъ Петра и Іоанна (а не царицей) лишь въ 1682 г., а въ 1679 г. царемъ былъ Феодоръ Алексѣевичъ. Въ „Присягѣ“ Никонъ называется патриархомъ московскимъ, но восстановление Никона въ патриаршескомъ достоинствѣ послѣдовало въ 1681 г. Извѣстный попъ Никита въ „Присягѣ“ названъ мученикомъ, но такъ его патр. Іоакимъ не могъ назвать, а раскольники могли назвать только послѣ его казни, послѣдовавшей въ 1682 г. Кромѣ того, въ „Присягѣ“ перечисляются раскольническія согласія, возникшія значительно позже 1679 г., какъ: безпоповщина, діаконовщина, ѳеодосіевщина, нѣтовщина и др. И несмотря на столь очевидную подложность данной „Присяги“, раскольники издають ее подъ именемъ патриарха Іоакима, какъ подлинный документъ.

Такую же грубую поддѣлку представляетъ „Рѣчь императрицы Екатерины Великой о старообрядчествѣ, сказанная на общей конференціи синода и сената 15 сентября 1763 г.“. Рѣчь эта заимствована раскольниками—издателями изъ сочиненія В. М. Карловича, который самъ говоритъ, что рѣчь императрицы передана имъ приблизительно. На самомъ же дѣлѣ никакой рѣчи императрица Екатерина на конференціи 15 сент. 1763 г. не произносила, такъ какъ на этой конференціи и не присутствовала, и въ журнальномъ опредѣленіи

данной конференціи, въ которомъ подробно указывается, что именно на ней обсуждалось, совершенно не упоминается, чтобы императрица хотя бы прислала какую либо свою писанную рѣчь для прочтенія. Самое содержаніе „Рѣчи“ не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ воззрѣніямъ на раскольниковъ, которыя импер. Екатерина высказывала въ своемъ законодательствѣ и въ письмахъ, гдѣ она называла расколъ плодомъ невѣжества, тогда какъ въ „Рѣчи“ императрица представляется защитницей двуперстія и говоритъ: „при Алексѣѣ Михайловичѣ правительство въ полномъ составѣ измѣнило отечеству“. Но яснѣе всего обнаруживаетъ подложность „Рѣчи“ бранный тонъ послѣдней, приличный не мудрой государынѣ, а развѣ лишь невѣжественной и грубой старовѣркѣ. Въ „Рѣчи“ встрѣчаются, напр., такія выраженія: „актъ собора 13 мая 1667 г. ничто иное, какъ изверженіе невѣжества, гордости и насильства, клятвы его ничто иное, какъ перебранка между собою базарныхъ торговцевъ, это лай собакъ на толпу проходящихъ“; „не могу надивиться тупости, бездушности и безсердечности царя Алексѣя Михайловича“ и т. п.

Въ мартовской книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ оканчивается статья проф. И. П. Соколова „О дѣйствительности англиканской іерархіи“. Здѣсь излагается православный взглядъ по данному вопросу, не отличающійся такой опредѣленностью, какъ католическій. Въ отдѣльныхъ (немногочисленныхъ) случаяхъ перехода въ православіе англиканскихъ священниковъ надъ послѣдними совершалось новое рукоположеніе. Взгляды же православныхъ богослововъ, при нѣкоторомъ разнообразіи, сводятся къ признанію англиканской іерархіи, если не прямо недѣйствительной, то во всякомъ случаѣ сомнительной. Напр., митр. Филаретъ московскій предполагалъ, что надъ англиканами нужно совершать условное рукоположеніе.

Главнымъ препятствіемъ къ признанію дѣйствительности англиканской іерархіи православные богословы считаютъ то,

что въ англиканскомъ исповѣданіи вѣры (XXXIX членовъ) священство не признается таинствомъ. Дѣйствительно, въ англиканскихъ символическихъ и литургическихъ книгахъ священство не причисляется къ истиннымъ таинствамъ, каковыми признаются только крещеніе и причащеніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ справедливо утверждаютъ католики, въ источникахъ англиканскаго исповѣданія не признается жертвенный характеръ евхаристіи. Въ англиканской литургіи и въ XXXIX членахъ, вопреки стремленію представителей такъ называемаго высокоцерковнаго направленія изъяснить ученіе этихъ документовъ объ евхаристіи въ смыслѣ близкомъ къ православному, даже довольно опредѣленно указывается, что причащающійся вкушаетъ Тѣло и Кровь Христовы только духовнымъ образомъ, посредствомъ вѣры, и не упоминается о дѣйствительномъ присутствіи Тѣла Христова въ евхаристіи.

Однако, признавая валичность въ англиканскомъ вѣроученіи столь важныхъ дефектовъ, авторъ разсматриваемой статьи все же находитъ возможнымъ полагать, что эти дефекты „не исключаютъ безусловно возможности признанія англиканскихъ посвященій дѣйствительными“. Хотя Православная Церковь вѣруетъ въ жертвенное значеніе евхаристіи и принесеніе евхаристической жертвы считаетъ важнѣйшею обязанностью священнослужителей, однако „въ догматическомъ своемъ выраженіи православное ученіе о священствѣ не сводитъ въ такой степени, какъ католическое, сущность священства къ освященію св. даровъ и принесенію ихъ въ жертву“. По обычному православному опредѣленію, священство даетъ власть учить, священнодѣйствовать и управлять. Поэтому, съ православной точки зрѣнія, и при отрицаніи жертвеннаго значенія евхаристіи, въ англиканствѣ іерархическая власть всецѣло не уничтожается, такъ какъ признается за іерархіей, какъ богоустановленнымъ служеніемъ, власть отпускать и удерживать грѣхи, совершать таинства и учить. Относительно же таинства священства авторъ разъясняетъ, что оно въ англиканскихъ книгахъ не причисляется къ таин-

ствамъ потому, что англиканство усвоило протестантское понятіе о таинствѣ, какъ о священнодѣйствіи, соединенномъ съ разрѣшеніемъ отъ грѣховъ, чего священство, конечно, не даетъ. Но англиканская церковь, сохранившая епископальное устройство, „видитъ въ посвященіи нѣчто большее, чѣмъ простой обрядъ“, такъ какъ въ самомъ англиканскомъ чинѣ рукоположенія ясно выражается мысль о дарованіи посвящаемому благодати Св. Духа. Въмѣстѣ съ тѣмъ, фактъ сохраненія въ англиканствѣ внѣшняго преемственного рукоположенія достаточно засвидѣтельствованъ исторіей. Поэтому для Православной Церкви, отъ которой зависитъ окончательное рѣшеніе даннаго вопроса, представляется достаточное основаніе для того, чтобы оказать англиканской іерархіи нѣкоторое снисхожденіе.

Изъ статей по злободневнымъ вопросамъ отмѣтимъ статью проф. Н. Заозерскаго „*Византійское право въ работахъ предсоборнаго совѣщанія по улучшенію бракоразводнаго процесса*“ („Церковн. Правда“, № 6—7). На основаніи анализа византійскаго законодательства, которое допускало много поводовъ къ разводу, авторъ приходитъ къ выводу, что, хотя Церковь должна руководиться Евангеліемъ, которое признаетъ законной причиной развода только прелюбодѣяніе, но она не должна стѣснять законодательной дѣятельности по бракоразводному вопросу государства, руководящагося принципами справедливости и блага частнаго и общественнаго. На основаніи этихъ принциповъ, государство можетъ дозволить разводъ, напр., въ случаѣ жестокаго обращенія мужа съ женой, и такой законъ, не требуя отъ жены обязательнаго развода, а только допуская его, не можетъ быть признанъ безнравственнымъ, и потому у Церкви нѣтъ основаній противиться такому закону. Конечно, условія грѣховной жизни трудно согласить съ требованіями евангельскаго идеала. Но остается неяснымъ, какъ же Церковь можетъ совершить новый бракъ (а возможность вступленія въ новый бракъ для невиновной стороны—, ущественное условіе развода) надъ женой, разведенной изъ-

за жестокости ея мужа, если такой бракъ является прелюбодѣянiемъ по слову Спасителя, что всякій, женищiйся на разведенной помимо вины прелюбодѣянiя, прелюбодѣйствуетъ.

Н. Г.

Вопросъ о церковномъ приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ 'XX-го вѣка.

(Продолженіе) ¹⁾.

III.

Обсужденіемъ вопроса о приходѣ, какъ земской единицѣ, печать XX вѣка не ограничилась.

Какъ мы уже замѣтили выше, идея Папкова объ обновленіи приходской жизни и проектъ этого обновленія вызвали рядъ отзывовъ о себѣ въ литературѣ, которая, впрочемъ, и самостоятельно стала ставить и разрѣшать приходскій вопросъ въ годы подготовительныхъ работъ къ предполагаемому у насъ собору Русской Церкви.

Еще въ 1902 году, тотчасъ вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ указанныхъ книжекъ А. А. Папкова о возрожденіи церковнаго прихода, извѣстный канонистъ, проф. Заозерскій выступилъ съ довольно компетентной оцѣнкой проекта возрожденія прихода по Папкову. Отрицательно относясь къ нѣкоторымъ пунктамъ проекта, какъ, напримѣръ, „самообложеніе“ „главная приходская книга“, ограниченіе для прихожанъ въ ихъ правѣ на участіе въ „приходскомъ собраніи“, принудительность сроковъ этихъ собраній и т. д., проф. Заозерскій усматриваетъ симпатичныя черты въ постановкѣ г. Папковымъ приходскаго вопроса, а именно: 1) что на первомъ

¹⁾ См. № 19 за 1913 г.

планѣ онъ ставитъ религіозно-нравственную жизнь прихода и стремится почти исключительно лишь къ возвращенію приходу значенія церковной единицы и церковно юридическаго лица и 2) не желаетъ отрывать его, какъ самоуправляющуюся церковную единицу, отъ вліянія и зависимости епархіальной и церковной власти. Привѣтствуя уставъ для приходоѡ Финляндіи, проф. Заозерскій считаетъ возможнымъ превратить его въ общій для приходоѡ всей Россіи, и если видитъ препятствія, то не въ самомъ уставѣ, а въ крайней апатіи прихожанъ, ихъ бездѣятельности, вслѣдствіе долговременнаго удаленія отъ дѣлъ приходскаго управленія. Посему не слѣдуетъ, говоритъ онъ, „спѣшить съ повсюднымъ заразъ введеніемъ новаго устава приходскаго управленія“, и рекомендуетъ соблюдать постепенность. Предвидя, затѣмъ, всевозможныя опасенія нѣкоторыхъ, онъ выражаетъ убѣжденіе, что съ введеніемъ новаго устройства приходоѡ, приходскимъ священникамъ не грозитъ никакой опасности стать въ подчиненное положеніе къ своимъ прихожанамъ: „Напротивъ, съ этою реформою, съ нихъ спадетъ значительная тяжесть той исключительной ихъ отвѣтственности за весь приходъ, какая подчасъ положительно ихъ давить“¹⁾.

Въ полномъ согласіи съ только что изложенными взглядами проф. Заозерскаго на дѣло приходской реформы, высказался журналъ „Вѣра и Церковь“, въ статьѣ В. Храневича²⁾.

Авторъ, между прочимъ, здѣсь отмѣчаетъ два замѣчательныхъ наблюденія изъ приходскаго строя Юго-Западнаго края: 1) дѣйствующее на практикѣ самообложеніе (раскладка), 2) „сознаніе“ своего долга и безукоризненность прихожанъ въ исполненіи обязательствъ къ приходскому храму и общеприходскимъ нуждамъ. По мнѣнію автора, если и можно въ чемъ-

¹⁾ „Богослов. Вѣстн.“ 1902 г., октябрь и „Церков. Вѣд.“ за 1903 г. № 8.

²⁾ 1902 г. кн. 6-я, по всюду книги А. Папкова „Церковно-обществ. вопросы въ эпоху Царя Освободителя“.

винить сельскихъ прихожанъ, то не въ безучастіи къ приходскимъ нуждамъ, а въ узкомъ и грубомъ пониманіи этихъ нуждъ. Послѣднее же зависитъ отъ общей некультурности и малообразованности сельскаго люда, и когда поднимется умственный уровень въ сельскомъ населеніи, то и приходская жизнь разовьется и забьетъ широкимъ ключемъ.

Въ числѣ сочувственныхъ реформъ приходского строя въ указанномъ направленіи, нужно упомянуть и небольшую брошюрку Л. Багрецова: „Современное устройство прихода по сравненію съ древне-русскимъ его устройствомъ“¹⁾, гдѣ авторъ говоритъ, что современный приходъ не имѣетъ той цѣлостности и объединенности интересовъ, какія мы видимъ въ жизни церковныхъ приходовъ древней Руси, близко по своему устройству стоящихъ къ первоначальнымъ общинамъ христіанскимъ. Причина этого, по мнѣнію автора, кроется въ устраненіи мірянъ отъ дѣлъ приходского управленія, чего не было ни въ первоначальныхъ христіанскихъ общинахъ, ни въ древне-русскомъ приходѣ.

Есть еще нѣсколько статей по приходскому вопросу, одинаковыхъ съ только что отмѣченными.

Такъ, по мнѣнію г. Кирѣева, прежде всякихъ церковныхъ реформъ, необходимо возсоздать приходъ на древнемъ, соборномъ началѣ. „Безъ правильно организованнаго прихода и патріархъ, и Синодъ будутъ висѣть на воздухѣ, будутъ безъ корней, а, стало быть, и безъ вліянія на народную жизнь“²⁾.

Въ статьѣ проф. Кіевской Духовной Академіи В. З. Завитневича „О возстановленіи соборности въ русской церкви“, каковая статья помѣщена въ № 14 „Церков. Вѣстника“ за 1905 г., проводится та мысль, что простѣйшей единицей, той первичной клѣточкой, изъ которой должно вырасти все зданіе церковнаго организма, долженъ по прежнему остаться

¹⁾ Отдѣльн. оттискъ изъ „Гродн. Епарх. Вѣдомостей“ за 1902 г.

²⁾ „Новое Время“ № 10447, отъ 5-го апрѣля 1905 г.

приходъ, оживленный путемъ возбужденія среди его членовъ болѣе тѣснаго единенія на почвѣ созиданія единства интересовъ не только внѣшнихъ, каковы, напр., заботы о благоукрашеніи храма, но и внутреннихъ, каковы заботы о религиозно-нравственномъ просвѣщеніи. „Душею прихода, его естественнымъ средоточіемъ, долженъ быть, конечно, священникъ“. Въ виду того, что примѣненіе въ глухой провинціи желанной системы выбора прихожанами священниковъ при настоящихъ условіяхъ встрѣтитъ серьезныя затрудненія, необходимо пока оставить нынѣшнюю систему назначенія, не устраняя, впрочемъ, права прихожанъ рекомендовать на священническія мѣста своихъ излюбленныхъ кандидатовъ. Чтобы дѣятельность священника была цѣлесообразною, вполнѣ отвѣчающею его высокому назначенію, необходимо, во-первыхъ, — поднять его умственную и особенно нравственную правоспособность (путемъ одухотворенія системы воспитанія въ духовныхъ школахъ), во-вторыхъ, — освободить его отъ прихожанъ „путемъ замѣны нынѣ практикуемаго способа вознагражденія за требы опредѣленнымъ жалованьемъ изъ того же источника“.

Убѣжденнымъ сторонникомъ *автономіи* прихода является Н. Огневъ (бывшій свящ. и членъ Государ. Думы). Въ своей брошюрѣ „Чѣмъ долженъ быть православный приходъ?“ (СПБ. 1908 г.) г. Огневъ намѣчаетъ путь, которымъ должна идти церковная реформа въ возрожденіи прихода. „Первое, что нужно для возрожденія прихода, — резюмируетъ свои мысли авторъ, — это — общинное устройство прихода съ выборнымъ началомъ. Второе — полнота пастырскихъ полномочій въ лицѣ „священника“ прихода. Не пресвитеріанства, а — исторически завѣщанный епископатъ. Пусть будутъ у насъ деревенскіе архіереи, подобно „хореепископамъ“ древности... Такое устройство будетъ къ лицу нашему крестьянскому царству¹⁾).

¹⁾ Op. cit. стр. 24.

Защитники автономіи прихода, и, въ частности, выборнаго въ немъ начала, съ полною увѣренностью говорятъ, что если вопросъ объ автономіи прихода будетъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, то сразу, совершенно на иной ладъ, повернутся всѣ отношенія паствы къ ея пастырямъ („Русь“ № 79, отъ 28-го Марта 1905 г.). Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ введенія выборнаго начала будетъ сближеніе паствы съ ея пастыремъ. „Своего избранника русскіе люди всегда слушаютъ и уважаютъ“¹⁾.

Но нужно замѣтить, что среди рѣчей объ автономіи прихода были и такія, въ которыхъ доказывалось, что въ приходской общинѣ хозяевами должны быть прихожане, которымъ клиръ „долженъ подчиняться“. Эту мысль со всею опредѣленностью высказалъ, напр., въ „Новомъ Времени“ нѣкто Н. въ корреспонденціи изъ г. Харькова. Автора корреспонденціи, по его словамъ, „поразила та беззащитность сборовъ, какіе практикуется въ нашихъ приходахъ“... Къ рубрикамъ расхода, „прямо возмутительнымъ“, онъ относитъ: „на оркестръ при духовной семинаріи“, „на жалованье благочинному“, „на содержаніе архіерейскихъ облаченій“, „на бланки для отдѣленія училищ. совѣта“ и т. д. „Прихожане не подозреваютъ, куда и какъ расходуются церковныя суммы, а вѣдь по существу дѣла хозяинъ церковнымъ деньгамъ въ селѣ прихожанинъ, а не консисторія и духовенство“²⁾.

Съ гораздо большею рѣшительностью о томъ, что въ приходской общинѣ главнымъ хозяиномъ должны быть прихожане, а не клиръ, высказался въ „Свѣтѣ“ В. Комаровъ (нынѣ покойный), редакторъ этой газеты. Удивительно, пишетъ онъ (въ № 107 отъ 1-го Августа 1906 года),—единодушіе, съ которымъ наши архипастыри хотятъ уничтожить приходскую жизнь православныхъ русскихъ христіанъ. На

¹⁾ Слезкинскій, „О причтѣ и приходѣ“ въ „Руси“ отъ 1-го Апрѣля 1905 г., № 31.—

²⁾ № 10819 отъ 28-го апрѣля 1906 г.

устахъ возрожденіе прихода, новая эра, приходъ какъ, самостоятельная юридическая единица, а на дѣлѣ—смерть для прихода, несмотря на всю широкую регламентацію правъ прихода“. Къ такому заключенію г. Комаровъ пришелъ въ виду отзыва преосвященнаго архіепископа Херсонскаго Дмитрія по вопросу о церковной реформѣ, напечатаннаго въ № 30 „Церк. Вѣд.“ за 1906 г. Въ этомъ отзывѣ г. Комаровъ видитъ идею „всевластнаго первенства духовенства надъ прихожанами“. „По отзыву,—заключаетъ онъ,—центръ тяжести прихода—настоятель прихода (что очень удобно для епархіальной власти), но на дѣлѣ именно приходъ, т. е. прихожане, составляютъ въ церкви тѣло Христово“. Г. Комаровъ далѣе говоритъ: „не приходъ долженъ ютиться около священника, а священникъ около прихода. Очевидно, что правильно организованый приходъ долженъ самъ себѣ избирать предсѣдателя для дѣла нравственности, ученія и благотворительности широко понятой. Священникъ можетъ близко стоять къ управленію приходскимъ дѣломъ, если его избретъ само общество“. При назначенномъ (а не избранномъ) священникѣ и при контролѣ епископа надъ всѣми дѣйствіями прихода, послѣдній окажется не въ условіи автономнаго существованія, а въ „полной кабалѣ“. Но „мы всѣ православные хотимъ жить въ духѣ Христовомъ, свободной, общинной христіанской жизнью по приходамъ... Хотимъ приходского самоуправленія въ дѣлахъ школы и благотворительности, но вовсе не хотимъ идти въ кабалу къ священнику и епископу“...

Необычайно широкой автономіи прихода желаетъ Н. Смирновъ, какъ это видно изъ статьи его: „О централизаціи въ церковномъ управленіи“, напечатанной въ газетѣ „Сѣверъ“ (№ 2 отъ 2-го Іюня 1908 г.). „Независимости приходской общины,—говоритъ г. Смирновъ,—можно достигнуть лишь въ томъ случаѣ, когда каждая община будетъ имѣть всю полноту церковной власти, т. е. будетъ выбирать себѣ руководителя—епископа и его помощниковъ—пресвитеровъ и діаконовъ и совмѣстно съ ними рѣшать всѣ дѣла,

касающіяся устроенія христіанской жизни... „Такія общины имѣютъ полное право вырабатывать для себя тотъ или другой чинъ богослуженія (!), устанавливать правила церковной дисциплины и вообще устраивать свою жизнь по своей христіанской совѣсти“.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ выдержекъ мы видимъ, что, не только нѣкоторые „свѣтскіе“ публицисты „церковнаго“ и „нецерковнаго“ направленія, но и многіе представители образованнаго духовенства и богословской литературы нашего времени проводятъ въ печати тотъ взглядъ, что необходимо реформировать церковный приходъ и возвратить искони ему принадлежавшія и постепенно у него отнятыя слѣдующія автономныя начала: самостоятельное распоряженіе церковными имуществами, свободное избраніе себѣ духовенства и, наконецъ, право быть юридическимъ лицомъ, т. е. пріобрѣтать на свое имя недвижимыя имущества. При такихъ только условіяхъ, и ни при какихъ другихъ,—говорятъ представители этого направленія,—только и можетъ возродиться у насъ приходская жизнь на широкихъ Евангельскихъ началахъ, возвратиться къ своему древне-вселенскому каноническому строю. При такихъ только условіяхъ появится въ ней полнота внутренняго духа и возродится какъ церковное просвѣщеніе, такъ и высота жизни и идеаловъ, такъ какъ все это можетъ приложиться приходу только свободному и автономному.—Не трудно замѣтить, что главное и существенное въ жизнѣ общины, а именно: истинно христіанская вѣра, чистота жизни и нравовъ, свободный духовный союзъ вѣрующихъ на началахъ любви и братства остаются здѣсь, почти у всѣхъ приверженцевъ этого направленія, на второмъ планѣ и выводятся какъ слѣдствія правового и даже экономическаго порядка жизни въ приходѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. М. Свидерскій.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе ¹⁾).

Обязанности и свойства трутня.

Говоря о трутнѣ, то и дѣло приходится посылать по его адресу довольно нелестные эпитеты: дармоѣдъ, обжора, лѣнтяй, повѣса и т. д., даже самое названіе «трутень» сдѣлалось синонимомъ неисправимаго лѣнтяя; но если внимательно разобраться въ этомъ дѣлѣ, невольно задумаешься и спросишь самого себя: «за что такая напасть! развѣ трутень виноватъ въ томъ, что его природа создала именно такимъ, каковъ онъ есть? Вѣдь всѣ тѣ скверныя, по нашему мнѣнію, качества, какими обладаетъ трутень, имъ не нажиты, а даны ему отъ природы». Словомъ, ставъ на такую точку зрѣнія, мы должны согласиться, что слишкомъ поторопились обвинять ни въ чемъ неповиннаго трутня, и вотъ теперь, чувствуя за собой вину, охотно принимаемъ на себя роль его апологета.

Правда, обязанности трутня не многочисленны, и даже прямо скажемъ: «на трутнѣ лежитъ всего лишь одна обязанность, но только обязанность чрезвычайной важности, имѣющая тѣснѣйшую связь съ вопросомъ о жизни и смерти пчелиной семьи». Не случись на пасѣкѣ трутня, матка останется неплодотворенной и рой погибнетъ медленной смертью. Если же прибавить къ этому, что трутень, исполняя свою обязанность, платится жизнью, то найдемъ даже, что законы природы ничуть не милостивы къ трутню, а напротивъ, даже черезчуръ жестоки. Виноватъ ли трутень въ томъ, что половыя сношенія у пчель ограничены до минимума, и что едва лишь одному изъ тысячи придется исполнить свой долгъ? Для насъ болѣе важно то, что всѣ трутни въ благопріятное время

¹⁾ См. № 19 за 1913 г.

дня на вылетѣ и всегда готовы предложить свои услуги вылетѣвшей на проигру маткѣ.

Мы охотно упрекаемъ трутней въ тунеядствѣ, а посмотримъ на самихъ себя,—развѣ въ нашемъ государственномъ строѣ нѣтъ подобныхъ явленій? Конечно, есть! Каждое государство, напр., содержитъ армію и, не жалѣя, тратитъ на нее почти половину всего своего государственнаго бюджета. Для чего же, спросить кто, такая безумная расточительность? Развѣ у государствъ нѣтъ болѣе важныхъ потребностей и при томъ болѣе мирнаго характера? А для того, отвѣтимъ, чтобы въ одинъ злосчастный день поставить свое цѣнное дѣтище лицомъ къ смерти, на защиту своей родины и ея интересовъ,—на защиту культурнаго развитія родной страны! Но вотъ проходятъ годы, десятки лѣтъ, и ни одному изъ многочисленныхъ членовъ арміи не пришлось положить свою жизнь за други своя... И слава Богу! скажемъ, вѣдь не въ кровожадности съ нашей стороны дѣло, а въ томъ сознаниі, что каждый членъ арміи, начиная отъ высшихъ начальниковъ и кончая послѣднимъ солдатомъ, во всякое время дня и ночи готовъ принести самое драгоценное свое сокровище—свою жизнь на алтарь отечества! Теперь спросимъ: «найдется ли изъ благомыслящихъ сыновъ отечества такой безумецъ, который бы осмѣлился послать по адресу членовъ арміи эпитетъ тунеядцевъ»?!! Предоставляемъ отвѣтить на этотъ вопросъ читателю, а сами обратимся къ злосчастному герою нашей бесѣды — трутню.

Итакъ, на плечахъ трутней лежитъ всего лишь одна обязанность, исполненіе которой влечетъ за собой неизбежную смерть. Дѣла нѣтъ намъ до тѣхъ побужденій, какія толкаютъ трутня къ исполненію своего долга, намъ нужно смотрѣть поглубже въ суть дѣла, на тѣ послѣдствія, которыя бывають послѣ удачнаго спариванія съ маткой, и на тѣ, которыя бывають въ случаѣ неудачи. Удача сулитъ благосостояніе пчелиной семьѣ а неудача — смерть.

Для оплодотворенія матки нуженъ всего одинъ трутень; если же взять во вниманіе, что матка оплодотворяется одинъ разъ на всю жизнь, т. е., на два—три года, невольно опять является досадный вопросъ: зачѣмъ же въ такомъ случаѣ выводится пчелами такая масса трутней? не достаточно ли было бы вывести ихъ сотню—двѣ? Въ этихъ вопросахъ, конечно, есть доля правды, но дѣло въ томъ, что матка оплодотворяется внѣ улья, на огромномъ неограниченномъ пространствѣ воздуха и что ей очень важно встрѣтиться съ трутнемъ въ первый же свой вылетъ, что возможно только въ томъ случаѣ, когда въ благопріятную пору дня въ окрестностяхъ пасѣки будетъ летать множество трутней.

Жизнь трутня. Въ зимующей семьѣ пчель трутней нѣтъ; они начинаютъ появляться весной, то раньше, то позже, смотря по тому, въ какомъ состояніи находится данная семья и какова ея матка. Ранѣе всего трутни появляются въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ работаетъ трутовая, т. е., неоплодотворенная матка, или гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ трутни являются произведеніемъ матки трутовки, т. е., обыкновенной рабочей пчелы, вынужденной обстоятельствами принять на себя обязанности матки. Первые трутни, появившіеся не во время, ростомъ не велики, это, такъ называемые, трутни-карлики; въ благоустроенныхъ пасѣкахъ ихъ бываетъ очень мало. Настоящіе же, нормально развитые трутни появляются гораздо позже, приблизительно мѣсяца черезъ два по выставкѣ пасѣки на точки, т. е., тогда, когда пчелы начнутъ помышлять о ройбѣ. Въ тѣхъ пасѣкахъ, гдѣ хозяйничаетъ толковый пасѣчникъ, трутней появляется ровно столько, сколько ихъ нужно, въ обезпеченіе своевременнаго оплодотворенія матокъ, въ тѣхъ же пасѣкахъ, гдѣ хозяйничаетъ плохой пасѣчникъ, или сами пчелы, что почти равносильно, трутни появляются въ громадномъ количествѣ. Попадаются ульи, гдѣ ихъ бываетъ нѣсколько тысячъ. Единственное назначеніе трутней, какъ мы уже говорили,— оплодотвореніе матокъ.

Трутни, въ ожиданіи своей роли, ведутъ совершенно праздную жизнь, безпрепятственно поѣдая медъ и молочко, подаваемое имъ въ небольшомъ количествѣ работницами. Въ хорошіе, ясные дни, между десятью часами утра и четырьмя пополудни, они вылетаютъ по одиночкѣ или небольшими группами на проигру, причемъ суетливо бороздятъ воздухъ въ разныхъ направленіяхъ и издаютъ веселое, беззаботное жужжаніе. Налетавшись вволю, трутни возвращаются въ свои ульи, подкрѣпляются съ большимъ аппетитомъ пищей и опять готовы летѣть на прогулку... Въ остальное время дня они сидятъ дома, предпочитая крайніе соты среднимъ, гдѣ и располагаются рядышкомъ одинъ около другого.

Пчелы работницы охотно терпятъ трутней въ своей средѣ, позволяютъ имъ пользоваться медомъ *до сточу*, какъ выражаются малороссы, и даже сами ихъ кормятъ иногда; словомъ, нисколько не тяготятся ими, проявляя даже особенное усердіе къ работѣ въ ихъ присутствіи, о чемъ мы уже говорили. Но вотъ прошло лѣто, прекратился взятокъ, и для трутней наступаютъ черные дни. Работницы сначала отгѣсняють ихъ на запечатанные соты, а потомъ—за заставныя доски, не подаютъ имъ молочка и всѣми мѣрами препятствуютъ пользоваться запасами. Когда трутни, не получая пищи, значительно ослабѣютъ, пчелы, безъ всякаго стѣсненія, выталкиваютъ ихъ вонъ изъ улья. Любопытно смотрѣть, какъ пчелы-работницы—эти удалыя амазонки, выгоняя трутней, усаживаются на нихъ верхомъ и на ихъ же спинахъ выѣзжаютъ изъ улья, а потомъ сбрасываютъ на землю. Если трутень упорствуетъ, его удаляютъ сообща двѣ-три пчелы и, вытолкнувъ за летокъ, отгрызають ему крылышки, или производятъ какое нибудь иное увѣчые. Удаленный изъ улья трутень, но не потерявшій возможности летать, старается проникнуть въ другіе ульи и если случится ему попасть въ семью, гдѣ матка еще не оплодотворилась, или гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ, тамъ и находитъ до поры до времени себѣ пріютъ. Въ такихъ неблагополучныхъ семьяхъ набивается мно-

жество трутней со всей пасѣки, но и здѣсь они живутъ не долго. Съ наступленіемъ первыхъ холодовъ и съ окончательнымъ прекращеніемъ выкормки дѣтки, трутни погибаютъ естественной смертью.

По природѣ трутень чрезвычайно нѣженъ и весьма чувствителенъ къ внѣшнимъ вліяніямъ; достаточно ему переночевать на небольшомъ холодѣ внѣ улья, какъ онъ уже готовъ. Отъ небольшого нажатія трутень также погибаетъ очень скоро. Въ компаніи своихъ злосчастныхъ товарищей трутень проживаетъ нѣсколько долѣе, чѣмъ въ одиночествѣ, но неизбѣжный конецъ быстро приближается даже въ томъ случаѣ, если бы вы стали кормить его доотвала и держали въ теплѣ.

Трутни не имѣютъ привязанности къ родной семьѣ, они болѣе привыкаютъ къ мѣсту перваго облета, и пчелы, очевидно, считаются съ этимъ свойствомъ своихъ кавалеровъ, ибо безпрепятственно пропускаютъ въ улей какъ своего, такъ и чужого трутня, лишь бы былъ въ полѣ взятокъ. Открытый листъ на входъ во всѣ улья, выражаясь образно, вѣроятно, потому выдается трутнямъ, что они никогда не принимаютъ участія въ грабежахъ.

Лица трутня. Трутни питаются, какъ мы уже неоднократно говорили, медомъ и молочкомъ, каковыя продукты употребляютъ въ значительномъ количествѣ. Профессоръ Цесельскій довольно точно высчиталъ, что 1000 трутней въ продолженіи десяти дней съѣдаютъ въ общемъ не менѣе килограмма меда, не считая молочка и перги. Періодъ же времени, когда трутни на пасѣкѣ бываютъ въ наибольшемъ количествѣ, равняется приблизительно двумъ мѣсяцамъ, т. е., шестидесяти днямъ. Слѣдовательно, семья имѣющая, 1000 трутней, въ продолженіи выше указаннаго періода времени, потратитъ на нихъ шесть килограммовъ меду. Но въ запущенныхъ пасѣкахъ, гдѣ трутни выводятся бозпрепятственно, ихъ зачастую бываетъ около 2000 въ каждомъ ульѣ. Естественно, что и количество меда, истрачиваемаго на выкормку

трутней, должно быть увеличено вдвое, т. е., оно будет равняться 12 килограммамъ. Переведа 12 килограммовъ на русскую мѣру и взвѣсивъ ее на наши вѣсы, получимъ 48 фунтовъ. Значитъ, одна семья пчель въ запущенныхъ пасѣкахъ тратитъ на выкормку трутней въ среднемъ около пуда меда, не считая выкормки ихъ личинокъ, на каковую также пойдетъ его не мало. Словомъ, въ общемъ получается довольно внушительное количество меда, истрачиваемаго совершенно непроизводительно. Въ виду такихъ результатовъ подсчета корма, расходуемаго на трутней, какъ бы мы ни старались защищать этихъ жалкихъ представителей нашей мужской половины, все же должны настоятельно рекомендовать пчеловодамъ бороться, *всѣми зависящими отъ нихъ средствами, съ расплодомъ трутней*, о чемъ мы еще будемъ говорить въ практической части нашихъ бесѣдъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Свящ. П. Н—скому. 1) Въ общемъ священникъ-діаконъ (т. е., занимающій діаконскую вакансію) находится въ подчиненномъ положеніи въ отношеніи къ настоятелю и на такого священника—діакона настоятель храма въ правѣ, конечно, возлагать нѣкоторыя обязанности по храму, свойственныя данному лицу, какъ именно занимающему діаконскую вакансію (напр., чистку храмовыхъ сосудовъ, приведеніе въ порядокъ церковной бібліотеки). Но настоятель не въ правѣ злоупотреблять своей властью, не въ правѣ обременять такого „священника-діакона“ отправленіемъ „лишній разъ“ службъ и требъ, съ цѣлію доставить себѣ *наибольшее облегченіе*. 2) Одно „нежеланіе“ жены жить съ мужемъ не можетъ служить поводомъ къ разводу. Въ нашихъ дѣйствующихъ постановленіяхъ указаны строго опредѣленные случаи, когда бракъ можетъ быть расторгнутъ формальнымъ духовнымъ су-

домъ. Попробуйте еще путемъ пастырскаго убѣжденія склонить „своенравную“ жену къ возвращенію въ домъ мужа; убѣжденіе и свободное согласіе жены—вѣрнѣйшее средство въ такихъ обстоятельствахъ. Въ крайнемъ случаѣ мужъ, не подавшій съ своей стороны никакого повода къ бѣгству жены, можетъ обратиться, если, конечно, пожелаетъ, и къ мѣрамъ судебна-полицейскаго воздѣйствія на бѣжавшую жену, мотивирующую свое нежеланіе жить съ мужемъ только словомъ: не хочу.

С. В.

ЗАМѢТКА

Наблюденіе за незаконной торговлей церковными свѣчами.

На XXXI епархіальномъ сѣздѣ духовенства тульской епархіи слушалось словесное заявленіе церковнаго старосты А. П. Миленина о необходимости имѣть на службѣ при тульскомъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ особое лицо для наблюденія за незаконной торговлей свѣчами не-епархіальнаго производства въ тульской епархіи. Постановили: „принимая во вниманіе, что при существованіи означеннаго лица при тульскомъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ въ прежнее время доходность завода значительно увеличивалась, имѣть при тульскомъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ особое лицо для наблюденія за незаконной торговлей свѣчами не-епархіальнаго производства въ тульской епархіи съ жалованьемъ въ 1000 рублей въ годъ и съ предоставленіемъ въ пользу его 1% стоимости конфискованныхъ свѣчей“.

На подлинномъ рѣзюлюція Его Высокопреосвященства отъ 25 января 1912 года: „Утверждается“ (Собр. дѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 8-го мая 1913 г.

Цензоръ священникъ *Николай Грессу*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерявговская б.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 19-го мая.

Содержаніе I. Отклики на современность. Н. Гумилевского.—II. Изъ Епар-
хіальныхъ Вѣдомостей. Б.—III. Вопросъ о церковномъ приходѣ въ
Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ XX в. (Про-
долженіе). Свящ. М. Свицерскій.—IV. Весе́ды по пчеловодству. (Про-
долженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.

Отклики на современность.

Торжественное церковное прославленіе святителя Гермогена представляетъ весьма много поучительнаго для нашего времени. Святитель Гермогенъ былъ не только великій подвижникъ и угодникъ Божій, но и пламенный патриотъ, положившій жизнь свою за отечество и спасшій послѣднее отъ окончательной гибели и иноземнаго порабощенія. Исторія даетъ полное основаніе предполагать, что безъ народнаго подъема, вызваннаго патриархомъ Гермогеномъ, всѣ русскіе люди находились бы теперь приблизительно въ такомъ ужасномъ положеніи, въ какомъ оказались несчастные русскіе галичане, которымъ въ конституціонной Австріи не разрѣшается даже собираться для богослуженія. Благодарственно

воспомяна незабвеннаго патріота, обезпечившаго Россіи національную самобытность, мы должны и сами подражать ему въ отстаиваніи русскаго народа отъ натиска иновѣрцевъ и иноплеменниковъ.

Конечно, не безъ особенной промыслительной цѣли Господь въ наши дни прославляетъ цѣлый рядъ Своихъ угодниковъ: „и мы, толикъ имуще облажащъ насъ облакъ свидѣтелей, терпѣніемъ да течемъ на подлежащій намъ подвигъ“ (Евр. 12, 1). Именно наше время, быть можетъ, болѣе, чѣмъ какое либо другое, требуетъ подвиговъ. Наше время, въ извѣстной степени, напоминаетъ ту смутную эпоху, въ которую дѣйствовалъ святитель Гермогенъ. И теперь Россіи съ разныхъ сторонъ угрожаютъ внѣшніе враги. Но безконечно болѣе опасно внутреннее шатаніе нашей интеллигенціи и народныхъ массъ: патріотизмъ въ глазахъ многихъ русскихъ людей сдѣлался предметомъ, достойнымъ поруганія; стремленіе къ развитію русской самобытности получило названіе „зоологическаго націонализма“, тогда какъ націонализмъ всякихъ инородцевъ признается заслуживающимъ всяческой поддержки; въ нашемъ высшемъ законообсудительномъ учрежденіи (Государственной Думѣ) мы видимъ непримиримую партійную вражду, изъ за которой наши „депутаты“ пренебрегаютъ иногда насущными и неотложными потребностями государственными; взявшая на себя идейное руководство народомъ печать въ значительномъ большинствѣ своемъ проповѣдуетъ мысли ложныя, безнравственныя и разрушительныя, результатомъ чего является распространеніе въ народѣ сектанства, безбожія и хулиганства; борьба злыхъ, антихристовыхъ началъ противъ добра становится все болѣе обостренной, утонченной и напряженной. Естественно, что люди, желающіе, чтобы русскій народъ попрежнему оставался „богоносцемъ“, „Святою Русью“, чтобы Россія была могучей и благоденствующей державой, должны, не закрывая глазъ на дѣйствительность, съ своей стороны, напрячь всѣ силы для борьбы съ развивающимся зломъ.

Дѣятельность святителя Гермогена при современной ему смутѣ даетъ указаніе и на лучшія средства для борьбы съ общимъ шатаніемъ. Прежде всего, эта дѣятельность лишній разъ подтверждаетъ, насколько полезна для Русскаго государства связь съ Православною Церковью, и насколько лучшіе дѣятели Русской Церкви не считали для себя безразличнымъ и чуждымъ благо государственное. Объ этомъ особенно нужно помнить въ настоящее время, когда усиленно стараются, подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами, отстранить пастырей Церкви отъ участія въ политической дѣятельности и еще больше усилій направляютъ къ тому, чтобы ослабить связь Русскаго государства съ Церковью, сдѣлать первое безразличнымъ ко всѣмъ исповѣданіямъ. Какъ представитель Церкви, патріархъ Гермогенъ, равно какъ и его помощники и единомышленники, лучшимъ средствомъ для прекращенія народной смуты признавали подъемъ религіознаго и нравственнаго состоянія народа. Сама исторія подтвердила дѣйствительность этого средства: болѣе всего религіозными побужденіями — защитой православной вѣры, стремленіемъ освободить московскія святыни отъ поруганія иновѣрцами и т. п. — руководилось ополченіе, очистившее Москву отъ поляковъ, какъ это видно изъ грамотъ, которыми пересылались русскіе города. Самая мысль о единствѣ русскаго народа, побуждавшая къ борьбѣ противъ порабощенія иноплемениками, покоилась тогда на религіозномъ основаніи: „господамъ братьямъ нашимъ всего Московскаго Государства“, писали, напр., нижегородцы вологжанамъ: „братіе есмы и сродницы, понеже отъ святой купели святымъ крещеніемъ породихомся“. И въ наше время только усиленный подъемъ религіозно-нравственнаго состоянія народа можетъ спасти Россію отъ постепеннаго разложенія: православная вѣра несравненно болѣе, чѣмъ какое бы то ни было другое средство, укрѣпляетъ въ людяхъ самоотверженную любовь — этотъ наиболѣе крѣпкій цементъ, связывающій людей въ одинъ нравственный организмъ, — уступчивость въ

своихъ правахъ, сознание обязанности неуклоннаго выполнения своего долга не за страхъ, а за совѣсть, терпѣніе въ лишеніяхъ и другія добродѣтели, отсутствіе которыхъ порождаетъ разлагающую общество борьбу изъ-за правъ и естественно связанную съ этой борьбой взаимную вражду.

Глубоко знаменательнымъ должно быть церковное прославленіе святителя Гермогена и для нашихъ раскольниковъ-старообрядцевъ, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ изъ нихъ, которые вдумчиво относятся къ событіямъ, а не идутъ слѣпо за своими, часто не вполне безкорыстными вожаками. Такимъ вдумчивымъ раскольникамъ прославленіе патріарха Гермогена должно показать, что Православная Церковь не порвала (и не думала никогда порвать) связи съ дониконовской Церковью и сохраняетъ ту же вѣру, которую содержали первые московскіе патріархи. И самъ святитель Гермогенъ, изливая силою Божіею отъ своихъ нетлѣнныхъ мощей чудотворенія на православныхъ, при совершеніи у его гробницы церковныхъ службъ по исправленнымъ книгамъ, подтверждаетъ, что онъ пребываетъ членомъ той же Христовой Церкви, къ которой принадлежатъ и православные.

Н. Гумилевскій.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

„Хулиганство“.

Жить нѣтъ мочи теперь на Руси. Хотѣлось бы сказать— „святой“, но нѣтъ рѣшимости такъ назвать въ настоящее время нашу родину, когда то съ честью и по всей справедливости носившую это великое имя. Въ самомъ дѣлѣ, что только дѣлается теперь у насъ и въ деревняхъ, и въ городахъ? Кто населяетъ нашу родину: люди или звѣри? православные христіане или язычники людоѣды? Невольно задаешь себѣ эти вопросы, когда остановишь свое вниманіе на томъ

ужасномъ разложеніи нравовъ, которое все болѣе и болѣе развивается и особенно даетъ себя чувствовать въ деревнѣ. Имя этому разложенію нравовъ—хулиганство; заражаются имъ главнымъ образомъ парни, а выливается оно преимущественно въ слѣдующія формы: въ безобразное пьянство, кражи, грабежи, драки и насилія надъ мирными людьми и наичаще—въ мало-объяснимое, безпричинное озорство. Знаемъ, конечно, что и прежде процвѣтали такія прелести сельской жизни, какъ пьянство, кражи, драки и т. д. Зло существовало раньше насъ. Но вѣдь на него и смотрѣли прежде, какъ на зло. Сами дѣлающіе его не бравировали и не хвалились имъ, не считали его хорошимъ дѣломъ и въ глубинѣ души сознавали всю непривлекательность своихъ поступковъ. Словомъ, не было тогда любви ко злу, и проявленія его имѣли хоть какое-нибудь объясненіе. Драка, напр., могла произойти вслѣдствіе пьянства или ссоры. Убійство и поджогъ—вслѣдствіе мести и т. п. А вотъ полюбуйте на поведеніе современныхъ сельскихъ парней—хулигановъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Вы идете по улицѣ деревни, никого не трогая и даже никого не зная изъ мѣстныхъ жителей, и вотъ въ васъ летитъ камень, брошенный изъ за забора, такъ, здорово живешь, ради потѣхи и удовольствія. По крайней мѣрѣ, вы ни на минуту не будете сомнѣваться въ такой именно цѣли бросанія камня, такъ какъ сейчасъ же услышите хохотъ съ той именно стороны, откуда получили ударъ. Или, напр., вы—житель деревни; находитесь со всѣми въ ладахъ и стараетесь быть подальше отъ всякихъ недоразумѣній со своими односельчанами. Однако, кому-то не нравятся ваши окна; не правится, быть можетъ, ваше обыкновеніе сидѣть по вечерамъ долго за чтеніемъ при свѣтѣ лампы. И вотъ раздается страшный звонъ разбитаго стекла въ вашемъ одномъ окнѣ, потомъ другомъ, третьемъ; летятъ въ вашъ домъ камни, колья, груды земли; начинается настоящая бомбандировка вашего дома, внутри котораго, естественно, поднимается переполохъ, бѣготня на радость и къ

удовольствію веселыхъ милыхъ ребятъ, предпринявшихъ обстрѣль вашего дома. Вы выбѣгаете во дворъ, зовете на помощь, но въ отвѣтъ вамъ слышится только гадкій хохоть, а обхода старосты, стражника или урядника нѣтъ и въ поминѣ, и сразу вы чувствуете особенно остро, что вы—въ деревнѣ, гдѣ защиты и помощи, особенно для интеллигента, нѣтъ никакой. Трудно, а во многихъ мѣстахъ положительно невозможно, заниматься въ деревнѣ какой-нибудь отраслью сельскаго хозяйства. Задумали вы обзавестись садомъ, посадили молодяя деревья, обнесли извѣстное мѣсто заборомъ, но черезъ ночь, другую ваши деревья повырываются съ корнемъ или подрѣжутъ, а заборъ положить на землю въ разныхъ мѣстахъ. Во многихъ селахъ Великороссіи даже крестьяне бросаютъ заниматься огородничествомъ, потому что всѣ огородныя овощи еще въ зеленомъ видѣ безмысленно уничтожаются добрыми сосѣдами. И крестьянинъ предпочитаетъ покупать себѣ овощи на базарѣ, потому что это далеко дешевле стоитъ, чѣмъ посадить ихъ самому, да еще поставить одного двухъ караульщикова для охраны ихъ. А о садоводствѣ среди крестьянъ и говорить нечего. Славившіяся своими садами села Южной Россіи теперь въ большинствѣ случаевъ имѣютъ безотрадный видъ: зелени почти нѣтъ; гдѣ—нигдѣ попадается тощая слива, груша-дичка, нѣсколько вербъ,—вотъ и вся зелень сель, нѣкогда утопавшихъ въ вишневыхъ садахъ. Крестьяне не только сами не желаютъ заботиться о томъ, чтобы купить себѣ для посадки двѣ—три щепы, но даже не берутъ, когда послѣднія предлагаются имъ даромъ. Все равно, молъ, это безъ толку; при нашихъ порядкахъ я плодами не пользуюсь, а стану стеречь, такъ еще убьютъ, говоритъ крестьянинъ. Если озорника спросишь: зачѣмъ ты это дѣлаешь? зачѣмъ обижаешь безъ нужды людей, которые тебя не трогаютъ и ни въ чемъ не мѣшаютъ, то онъ только и отвѣтитъ: „такъ“. Самъ не знаетъ онъ, зачѣмъ зло дѣлаетъ, и въ этомъ—знаменіе времени.

Но хуже всего то, говорят „Оренбургскія Епарх. Вѣдомости“ (№ 4), что взрослымъ хулиганамъ подражаютъ деревенскія дѣти, у которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ своего собственнаго дѣтскаго міра и которыя любятъ изображать изъ себя „большихъ“. И вотъ эта подражательность старшимъ выливается въ такія, напр., явленія какъ битье оконъ, особенно въ школѣ, порча деревьевъ, разбрасываніе покрововъ, опустошеніе чужихъ огородовъ и т. д. Последнее Нижегородское земское собраніе занялось спеціально вопросомъ, какъ бороться съ такимъ, напр., печальнымъ фактомъ, что дѣти въ возрастѣ 9 и выше лѣтъ собираются вмѣстѣ не для игръ, не для забавъ, а для питья пива и вина и для пѣнія нецензурныхъ пѣсенъ. Выступили на борьбу съ хулиганствомъ и другія земства. Ирбитское, напр., земское собраніе (Пермск. губ.) выработало слѣдующія мѣры для противодѣйствія этому злу: 1) Необходима возможно широкая постановка во всѣхъ видахъ внѣшкольнаго образованія для взрослого и подросткаго населенія въ качествѣ мѣры, наиболѣе способствующей развитію въ населеніи гуманитарныхъ понятій и уваженія къ личности и чужому имуществу.

2) Желательно объединеніе на почвѣ искорененія хулиганства общественныхъ учрежденій, попечительствъ о народной трезвости, попечительствъ церковно-приходскихъ и другихъ обществъ и кружковъ, въ основѣ коихъ положены просвѣтительныя цѣли или здоровье населенія.

3) Необходимо устройство въ селеніяхъ „Народныхъ домовъ“ на основаніяхъ, выработанныхъ Пермскимъ губернскимъ собраніемъ, образовавъ для этого спеціальнѣй фондъ.

4) На ряду съ этимъ необходимо искорененіе пьянства, губительно дѣйствующаго на населеніе и парализующаго гуманитарныя мѣропріятія. Съ этой послѣдней цѣлью желательно, чтобы приговоры сельскихъ обществъ о закрытіи въ селеніяхъ пивныхъ лавокъ, винныхъ лавокъ и друг. заведеній для раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ обязательно удовлетворялись-бы.

5) Затѣмъ въ качествѣ предупредительной мѣры противъ привычнаго хулиганства, на почвѣ экономической, цѣлесообразно было бы организовать доступныя общественныя работы.

6) Дѣла о хулиганствѣ изъять изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ и передать въ мировыя учрежденія. *Б.*

Вопросъ о церковномъ приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ XX-го вѣка.

(Продолженіе) ¹⁾.

IV.

Такое стремленіе главнымъ образомъ къ внѣшне-правовому, формально экономическому и административному переустройству приходскихъ общинъ—вызвало довольно сильную оппозицію со стороны приверженцевъ другого направленія въ рѣшеніи приходской реформы. Эти послѣдніе всю суть дѣла переносятъ отъ периферіи къ центру и, на основаніи тѣхъ же канонѳвъ и древне-церковной практики какъ вселенской, такъ и нашей русской Церкви, а также, исходя и изъ современнаго печальнаго положенія церковно-общественной жизни, доказываютъ необходимость прежде всего внутренняго, духовнаго обновленія и перерожденія нашихъ приходскихъ общинъ,—необходимость поднятія жизни и вѣры, возвышенія жизненныхъ идеалѳвъ и христіанскаго просвѣщенія среди насомыхъ; требуемая же для приходѳвъ права по самоуправленію и, вообще, внѣшне-правовое возрожденіе приходѳвъ поставляютъ въ зависимость отъ этого внутренняго, духовнаго обновленія членѳвъ каждой общины и счи-

¹⁾ См. № 20 за 1913 г.

тають настоятельно необходимымъ сообразовать указанныя права не только съ древне-церковною практикою, но и съ тѣми, обозначившимися у насъ, серьезными условіями церковно-общественной жизни, которые получили у насъ значеніе церковно-бытового уклада.

Первыми въ русской литературѣ XX вѣка выступили противъ предоставленія приходу автономіи—„Русскій Вѣстникъ“ (іюнь 1902 г.) и „Московскія Вѣдомости“ (№ 237 1902 г.) Въ первомъ изъ этихъ изданій полная автономія прихода называется „иллюзіей“, даже не православной точкой зрѣнія. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ говорится, что при участіи мірянъ въ дѣлахъ прихода „начнутъ свою работу разные невѣрующіе интеллигенты, числящіеся только по метрикамъ православными: толстовцы, пашковцы и др.,—хорошее же они создадутъ оживленіе прихода!“ Тамъ же рѣшается и другой существенный вопросъ: возможно ли возродитъ приходъ однѣми лишь формами, одной организаціей. Ссылаясь на извѣстное „не учрежденія, а люди“, газета относитъ съ опасеніемъ ко всякому исключительному увлеченію формами и учрежденіями, въ особенности, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ религіозная жизнь народа.

Не раздѣляетъ взгляда на реформу прихода, какъ она начертана у А. А. Папкова, и проф.-прот. о. Ѳ. И. Титовъ. Рецензируя указанные труды А. А. Папкова въ своемъ „Критико-библіографическомъ обзорѣ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви“, о. Ѳ. Титовъ замѣчаетъ, что полная свобода во внѣшнихъ, гражданскихъ и соціальныхъ проявленіяхъ: пріобрѣтеніи и распоряженіи имуществомъ, устроеніи благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учреждений и т. п.—при современныхъ условіяхъ жизни, церков. приходу не можетъ быть предоставлена. „Предоставленіе полной всецѣлой автономіи приходской общинѣ, по нашему мнѣнію, говоритъ авторъ, равносильно образованію государства въ государствѣ“. Признавая, впрочемъ, безусловно необходимою коренную реформу церковно-приходской жизни, о.

Ө. И. Титовъ полагаетъ, что обновленіе приходской жизни должно начинать не введеніемъ юридическихъ нормъ, которыя, какъ начало формальное, теоретическое, не могутъ вдохнуть жизни въ замершій организмъ русскаго прихода, но—осуществленіемъ жизнедѣятельнаго начала любви въ приложеніи къ нашимъ приходамъ. „Обновленіе русскихъ приходовъ слѣдовало бы начать съ заведенія рѣшительно при всѣхъ нашихъ приходскихъ храмахъ братствъ любви, на которыя можно было бы перенести многія изъ проектируемыхъ г. Папковымъ прерогативъ, и которыя, прочно привившись къ организму нашего прихода, могли бы незамѣтно обновить и возродить его“.¹⁾

Не признаютъ важнаго значенія за предполагаемыми г. Папковымъ и его единомышленниками формами приходского самоуправленія и богословскіе журналы, какъ на примѣръ: „Богословско-библіографическій листокъ“ (приложеніе къ „Руководству для Сельскихъ Пастырей“, іюнь—іюль 1902 г.) „Приходская жизнь“ (мартъ 1902 г.) и „Душеполезное чтеніе“ (октябрь 1902 г.). Въ послѣднемъ журналѣ рѣзко называются „чисто канцелярскими мѣропріятіями“ признаніе прихода юридическимъ лицомъ, введеніе по приходамъ главной приходской книги, опредѣленіе научнымъ путемъ элементовъ „приходскаго права“, наконецъ, „проектъ постановленій о перковно-приходскомъ собраніи и совѣтѣ“, и дѣлаются замѣчанія по поводу историческихъ основаній и ссылокъ, на которыя опирается проектъ. Ссылки на складъ жизни христіанскихъ общинъ до времени торжества христіанства, по словамъ журнала, получаютъ чисто академическій характеръ, уже при сопоставленіи ихъ съ условіями приходской жизни въ Византіи. Разъ измѣнилось положеніе христіанъ въ обществѣ, то, естественно, должны были измѣниться и формы ихъ общественной жизни. Замкнутая жизнь приходскихъ общинъ должна была раствориться въ общего-

¹⁾ Op. cit., в. III, Кіевъ 1904 г., стр. 50—51.

сударственномъ строѣ. „И въ нашей исторіи приходъ, какъ земская единица, занявшая опредѣленное мѣсто въ нашемъ государственномъ строѣ, естественно утратилъ такое свое значеніе при постепенномъ развитіи государственнаго управленія, правительственной централизаціи“.

Если поборники коренной реформы приходского строя въ предлагаемыхъ ими проектахъ этой реформы договаривались до подчиненія клира мірянамъ въ управленіи церковными дѣлами въ приходѣ, то съ противной стороны слышались голоса за полное отстраненіе мірянъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла церковныя. „Никакого участія мірянъ, говоритъ, напр., архимандритъ Андроникъ (нынѣ епископъ) въ „Уфимск. Губерн. Вѣдомостяхъ“ (№ 263 отъ 17 декабря 1905 г.),—въ управленіи дѣлами церковными быть не можетъ, ибо овца не можетъ учить пастыря“. Такой выводъ о. архимандритомъ сдѣланъ изъ довольно подробнаго разсмотрѣнія имъ существа церковной жизни. Ссылками на Св. Писаніе, правила апостольскія, соборныя, авторитетомъ отцевъ и учителей Церкви архимандритъ Андроникъ доказываетъ, что „въ Церкви всякому должно быть свое мѣсто и назначеніе, всякій своимъ дѣломъ, какъ нельзя лучше, участвуетъ и въ общемъ церковномъ дѣлѣ“. Въ единой Церкви, по слову апостола (1 Кор. XII, 27), разные чины сотворилъ Богъ. „Сей чинъ, увѣщаетъ св. Григорій Богословъ, почтимъ, сей чинъ сохранимъ: сей да будетъ ухомъ, а тотъ языкомъ: сей рукою, а другой инымъ чѣмъ либо: сей да учитъ, а тотъ да учится... Почто твориши себе пастыремъ, будучи овцею? Почто дѣлаешься главою, будучи ногою? Почто покушаешься военачальствовать, будучи поставленъ въ ряду воиновъ?“

Еще болѣе основательно полемизируетъ съ защитниками автономіи прихода свящ. о. Д. Поповъ въ своей брошюрѣ „О возрожденіи церковно-приходской общины“ (Харьковъ 1906 г.). Возставая противъ ссылокъ защитниковъ автономіи на каноны и практику древне-византійскихъ приходовъ и древне-русскихъ, о. Д. Поповъ говоритъ, что „не отрицаю

значенія для своего времени всѣхъ функцій древне-церковныхъ общинъ, какъ обще-вселенской (вѣрнѣе константинопольской), такъ и нашей русской церкви, и избирая отсюда для себя хорошее и полезное, мы, тѣмъ не менѣе, не должны всѣмъ этимъ функціямъ придавать значеніе неизмѣнныхъ догматовъ и рабски слѣдовать имъ, напротивъ,—на многія изъ нихъ мы должны смотрѣть глазами проф. В. В. Болотова и признать вслѣдъ за нимъ, что для нашего времени „исторія“ древне-приходскаго уклада „имѣетъ значеніе только полезнаго архива, но никакъ не свода законовъ. Суббота человѣка ради бысть, а не человѣкъ субботы ради... И нѣтъ большей несправедливости, какъ репрестинація формъ давно прошедшаго, при совершенно измѣнившемся бытовомъ строѣ утратившихъ всякую соль и силу, и та реформа, которая дѣйствительно отвѣчаетъ потребностямъ даннаго времени и оправдала себя фактически хорошими результатами,—и есть реформа истинно каноническая, не имѣй она за себя даже ни одного прецедента“¹⁾).

Конечно, при такомъ радикальномъ отношеніи къ урокамъ исторіи и къ канонической практикѣ, хотя бы и одной Константинопольской церкви, отъ православія, какъ говоритъ въ своей запискѣ²⁾ преосв. Антоній Волынской,—можетъ не остаться ничего, ибо эти каноны именно и служатъ выраженіемъ православія. Тѣмъ не менѣе, взглядъ этотъ важенъ для насъ въ томъ смыслѣ, что устанавливаетъ строго объективное отношеніе ко всей совокупности древне-вселенскаго церковнаго устройства, а не къ отдѣльно избираемымъ и произвольно толкуемымъ канонамъ одной какой либо помѣстной церкви. Этой то объективности и сообразованія съ наличной дѣйствительностью нашей церковно-общественной жизни, конечно, нѣтъ у большинства нашихъ „автономистовъ“.

¹⁾ В. В. Болотовъ „Епархія въ древней церкви“, „Церков. Вѣдом. 1906 г. № 3, ст. 100.

²⁾ № 6 „Церк. Вѣд.“ за 1905 г.

Въ частности, отъ всей совокупности каноновъ переходя къ отдѣльнымъ каноническимъ правиламъ, которыя опредѣляютъ характеръ управления церковными имуществами и вообще экономическое положеніе древней церкви, и анализируя нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, 38 и 41 апост. правила и 35 гл. постанов. апостольскихъ (кн. II), о. Д. Поповъ приходитъ къ тому выводу, что не только правила свв. апостоловъ, но и вся, вообще, совокупность другихъ каноновъ, унаслѣдованныхъ нами отъ церкви Византійской, при объективномъ ихъ освѣщеніи, далеко не говорятъ въ пользу того мнѣнія, будто бы въ древне-вселенской церкви епископы были строго ограничены въ правахъ распоряженія церковными имуществами, и будто бы такое распоряженіе принадлежало всецѣло приходскимъ общинамъ (парикіямъ).

Не безынтересно будетъ здѣсь же привести по этому поводу и мнѣніе проф. Н. А. Заозерскаго, который въ вышеуказанной статьѣ говоритъ слѣдующее: „Такъ опредѣлялся характеръ имущественныхъ церковныхъ отношеній при самомъ первоначальномъ возникновеніи церковнаго имущества. Жертва въ церковь или на церковь въ томъ и состоитъ по этой системѣ, что собственникъ добровольно отказывался отъ своего права, т. е. и владѣнія, и распоряженія, и отчужденія, и вмѣстѣ съ самою вещью переносилъ на церковь и все это свое право“. Онъ-же (проф. Заозерскій), далѣе приводитъ ссылки на христіанскихъ писателей трехъ первыхъ вѣковъ, напр., Іустина Мученика и св. Клиріана Карѳагенскаго, изъ каковыхъ ссылокъ видно со всею ясностью, что церковное имущество во времена этихъ писателей имѣло характеръ церковнаго или общаго, во не общиннаго имущества,—каковыя понятія церковно-приходскими „автономистами“ часто смѣшиваютъ,—и что распоряженіе этими имуществами было въ древности предоставлено предстоятелю церкви, т. е. епископу¹⁾.

¹⁾ У протоіеря Благоразумова, „Вѣра и церковь“, 1903 г., кн. 2, стр. 264—265.

Обращаясь, далѣе, къ хозяйственному управленію древне-русскихъ приходовъ, и признавая, что приходы на Руси въ древности имѣли широкія права и полное самоуправленіе, о. Д. Поповъ, однако, это явленіе объясняетъ чисто русскими, бытовыми и территоріальными условіями приходской жизни, когда приходы образовывались вдали отъ епископовъ, а потому и не были стѣсняемы отъ нихъ въ завѣдываніи своимъ хозяйствомъ.

Еще болѣе интересны приводимыя о. Д. Поповымъ церковно-историческія справки изъ нашего древняго церковно-бытового уклада, которыя даютъ намъ право думать, что далеко не вся наша старина достойна идеализаціи и нашего подражанія, и что современный укладъ нашей церковно-приходской жизни вызванъ далеко не однимъ только стремленіемъ свѣтской и духовной центральной власти все въ ней забрать въ свои руки, на все наложить въ ней печать преградъ и формализма.

Такъ, въ церковно-приходскомъ укладѣ древне-русской жизни можно отмѣтить, на ряду съ явленіями свѣтлыми и симпатичными, много темнаго и беспорядочнаго. Напримѣръ, на „братчинахъ“ предки наши такъ упивались, что производили буйства, драки, покражи и другія безчинства, требовавшія братскаго суднаго вмѣшательства („братчина судила, какъ судья“). На церковныхъ погостахъ и въ самомъ даже храмѣ происходили шумъ и споры во время приходскихъ собраній и во время заключенія разныхъ хозяйственныхъ и другихъ житейскихъ сдѣлокъ. Забѣчались почти всегда неисправности въ возвратѣ выдаваемыхъ ссудъ изъ церковной казны и даже полное расхищеніе церковнаго достоянія и много др. подоб. Особенно же неприглядною стороною выступаетъ полное неуваженіе древней Руси къ своимъ пастырямъ и даже владыкамъ, зависѣвшее отъ совершенно безправнаго и нищенскаго положенія духовенства (сельчане и горожане не только избирали, но и увольняли духовенство по своему произволу, принимая другихъ лицъ за меньшую плату)

и отъ полнѣйшаго произвола прихожанъ въ завѣдываніи всѣми церковными дѣлами. Новгородцы, напр., иногда самовольно прогоняли даже своихъ архипастырей; а на псковичей ихъ митрополитъ Маркелль жаловался царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ: „въ Псковѣ и его пригородахъ съ уѣздами архіереи надъ церквами воли не имѣютъ, а по древнему обыкновенію владѣютъ церквами мужики; церкви всѣ надѣлены вотчинами, и этими вотчинами владѣютъ и корыстуются сами мужики, настолько непослушные архіерею, что если архіерей посылаетъ имъ указъ, они его не слушаютъ и безчестятъ, и многая церковная казна пропадаетъ за ними отъ давнихъ лѣтъ“¹⁾).

Не остался безъ обсуждения и тотъ несомнѣнный фактъ, на который указывали защитники автономіи прихода въ распоряженіи церковнымъ имуществомъ его,—что церкви наши сильно обременены налогами, такъ что въ церквахъ приходовъ бѣдныхъ всѣ свободныя суммы уходятъ на сторону, и сами церкви терпятъ отъ этого крайнюю нужду. Въ оправданіе этого указываютъ на то, что такое обремененіе церквей налогами вызвано причинами серьезными и сложными. Пока жизнь нашихъ предковъ была незатѣлива и проста, пока всѣ, даже духовные запросы ея были до крайности ограничены, до тѣхъ поръ русскій народъ обходился пастырями съ самымъ простымъ образованіемъ. Отъ кандидатовъ во священники требовалось лишь умѣть „читать по-славянски и править церковную службу“. Случалось, что часто священники „едва брели по книгѣ“. Естественно, такіе кандидаты во священники могли учиться грамотѣ и церковной службѣ или у своихъ отцевъ, или у особыхъ „мастеровъ“. Когда же со времени Петра Великаго жизнь у насъ пошла большими шагами впередъ, то и къ пастырямъ она предъявила иныя требованія. Постепенно стали открываться школы—сперва при архіерейскихъ домахъ, а потомъ, съ начала XIX вѣка,

¹⁾ „Учебникъ церк. права“, Н. Суворова, 2 изд. 1902 г., стр. 134.

и особыя спеціальныя училища. На содержаніе ихъ понадобились деньги, которыхъ добровольно ни приходы не дали, ни государство не могло отпустить въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ съ развитіемъ жизни, у государства возникли въ громадномъ размѣрѣ и свои спеціальныя нужды.

Отсюда и появилось постепенное обложеніе церквей налогами на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и даже отобраніе при Александрѣ I-мъ церковныхъ суммъ (около 6 милл.) на образованіе училищнаго неприкосновеннаго фонда. Отсюда дѣлаютъ такой выводъ, что „передача приходской общинѣ полного, активнаго и свободнаго распоряженія церковными суммами должна быть, прежде всего, обусловлена законнымъ и надежнымъ обезпеченіемъ духовно-учебныхъ заведеній“¹⁾.

Указываютъ много и другихъ серьезныхъ потребностей, вызвавшихъ обложеніе церквей, и говорятъ, что предоставленіе полной автономіи прихожанамъ въ церковномъ хозяйствѣ „можетъ нарушить всякое единообразіе въ употребленіи церковныхъ суммъ и повлечь разстройство общаго хозяйства помѣстной церкви“²⁾.

Еще большій и, можно сказать, общій протестъ встрѣтилъ въ печати проектъ о примѣненіи въ нашихъ церковныхъ приходахъ выборнаго начала духовенства.

Здѣсь прежде всего возражаютъ противъ выборнаго начала вообще, для всѣхъ іерархическихъ лицъ въ церкви, на основаніи церковно-историческихъ фактовъ и каноническихъ предписаній.

Такъ, въ „Пензенскихъ Епарх. Вѣдом.“ (№ 22 1905 года), въ спеціальной статьѣ по вопросу о выборномъ началѣ въ духовенствѣ, указывается на то, что выборное начало существовало въ древней церкви, въ эпоху гоненій, когда хри-

¹⁾ Редакціонная замѣтка „Церков. Вѣдомостей“ въ № 4 за 1900 г. на статью А. Папкова: „Мѣры къ возстановленію прихода“.

²⁾ „Церков. Вѣстн.“ 1902 г. № 39.

стіанская вѣра была такъ сильна и ярка. Съ IV-го же вѣка выборное начало начинаетъ падать и затѣмъ почти совершенно отмиается, п. ч. народъ, участвующій въ выборѣ іерархическихкихъ лицъ, не умѣлъ удержатъ за собою этого права, не умѣлъ цѣнить всей важности избранія духовенства голо- сомъ народа. Появились безпорядки, злоупотребленія, кото- рые повели къ упадку выборнаго начала. Какимъ характе- ромъ были запечатлѣны народныя собранія, состоявшіяся въ цѣляхъ избранія пастыря, въ яркое свидѣтельство тому здѣсь приводятся жалобы знаменитыхъ отцевъ Церкви—св. Іоанна Златоустаго и Григорія Богослова, изъ которыхъ видно, что народныя собранія для избранія пастырей часто превраща- лись въ безчинныя сборища, сопровождавшіяся безконечными спорами, распрями, а иногда драками до смертоубійства. О правильности избранія на такихъ сборищахъ я рѣчи не могло быть. Очень часто въ іерархическія степени возводились люди совершенно негодные. „Если такъ худо обстояло дѣло избра- нія на іерархическія степени въ эпоху, которая извѣстна подъ именемъ „Золотого вѣка“ христіанства, то гдѣ же га- рантіи тому, замѣчаетъ авторъ, что у насъ въ настоящее время, при довольно низкомъ умственномъ и религиозномъ развитіи нашего народа, уклоненія въ сторону отъ правиль- наго избранія іерархическихкихъ лицъ не примутъ болѣе гру- бую, грязную, отталкивающую форму“. Далѣе авторъ указы- ваетъ на то, что вселенскіе и помѣстные соборы рядомъ пра- вильно совершенно воспрещаютъ примѣненіе выборнаго начала къ избранію іерархическихкихъ лицъ. Начало положено Лаоди- кійскимъ соборомъ. Соборныя правила,—говоритъ онъ,— „предписываютъ выборы епископовъ производить соборомъ епископовъ или уполномоченными отъ нихъ, а низшихъ іерар- хическихкихъ лицъ—епископу, по совѣщанію съ пресвитерами. И это вполне понятно. По ученію Церкви, пастырь не про- сто уполномоченное лицо къ совершенію извѣстныхъ дѣй- ствій, въ родѣ протестанскаго пастыря, а лицо, которому, *jure divino*, сообщаются черезъ епископа особыя благодатныя

дары. И, слѣдовательно, только одинъ епископъ и отвѣчаетъ за то, достойному или недостойному онъ сообщаетъ эти дары. И какихъ бы кандидатовъ ему ни представляли, онъ одинъ вправѣ рѣшить, хороши они или дурны, а потому слѣдуетъ ли ихъ рукоположить или нѣтъ“.

Опровергаетъ доводы приверженцевъ выборнаго начала и свящ. о. Д. Поповъ въ цитированной выше брошюрѣ. Въ частности, онъ объясняетъ, почему почти повсемѣстно и долго держался на Руси въ старину принципъ народнаго избранія низшаго духовенства. „Грамотныхъ людей было мало, и епископы были въ большемъ затрудненіи имѣть своихъ собственныхъ кандидатовъ для новыхъ приходовъ... И Владимірскій соборъ (въ 1274 г.), на который обычно ссылаются защитники выборнаго начала относительно духовенства, обязалъ приходскія общины пріискивать грамотныхъ людей и представлять ихъ со своими одобреніями для посвященія -- не почему нибудь иному, а вслѣдствіе недостаточности сколько нибудь подходящихъ лицъ для замѣщенія священно-служительскихъ мѣстъ, дабы не оставлять церкви безъ пѣнія“¹⁾. Останавливаясь, въ частности, на томъ замѣчаніи А. Папкова, что „глубокое этическое начало свободнаго избранія себѣ духовнаго отца, наставника и руководителя обезпечивало взаимное тѣсное общеніе пастырей съ пасомыми и полноту христіанской жизни“, о. Д. Поповъ находитъ въ отечественной исторіи факты совсѣмъ иного свойства. Онъ указываетъ на массу такихъ свидѣтельствъ, которыя единогласно раскрываютъ намъ положеніе низшаго духовенства въ древней Руси совершенно безправнымъ, нищенскимъ и униженнымъ. Священниковъ, какъ оказывается, прихожане не только избирали, но и увольняли по своему произволу, лишь бы новый кандидатъ былъ подешевле и покладистѣе. О нравственномъ вліяніи и духовномъ руководствѣ такого безправ-

¹⁾ „О возрожденіи церков.-прих. общины“, Харьковъ 1906 г., стр. 38.

наго, невѣжественнаго и порочнаго духовенства, о его высокомъ авторитетѣ, объ избраніи духовниковъ на началахъ этическихъ и рѣчи, конечно, быть не могло. „Духовенство наши предки любили держать „въ черномъ тѣлѣ“ и помыкать имъ по своему произволу, чувствуя себя хозяевами положенія“.

О безправномъ и униженномъ положеніи нашего стариннаго духовенства свидѣлствуетъ, далѣе, какъ обычай вступать съ нимъ въ безцеремонный торгъ за требоисправленія, такъ и размѣры получавшагося вознагражденія. За молитву, напр., женѣ родившей священнику платилось 1—3 коп., за крещеніе младенца—5 коп., за свадьбу—10—50 к., за погребеніе 5 коп. и т. д. при томъ—большую частію не деньгами, а пирожками, блинами, вязанками соломы, да и то не всегда исправно. ¹⁾ Проф. Знаменскій („Приходское духовенство“) подсчиталъ, что въ Великороссіи священникъ получаетъ среднимъ числомъ 11 р. 40 к. въ годъ!—сумма и для старинной Руси допетровской эпохи совершенно нищенская! И вотъ „постоянная зависимость нашего бѣдственнаго духовенства отъ прихожанъ заставляли его заискивать у послѣднихъ, дѣлать имъ послабленія въ видахъ полученія большей платы. Въ отношеніяхъ его къ помѣщику, отъ котораго можно было ожидать дѣйствительной помощи, священникъ обыкновенно становился въ полную зависимость и даже такую, что обращался почти въ штатъ его домашней дворни“. ²⁾ „И если такое униженное положеніе духовенства, заключаетъ о. Д. Поповъ, во многомъ зависѣло отъ общей некультурности нашей родины, невѣжества и грубости ея нравовъ, то не въ меньшей степени оно вытекало и изъ самого права древнихъ быть хозяевами положенія, избирать и увольнять духовенство по своему произволу ³⁾“.

¹⁾ Странникъ 1903 г., октябрь, статья А. Л. „Источники матеріальнаго обезпеченія приходского духовенства“.

²⁾ Цит. ст. изъ „Странника“, стр. 529.

³⁾ „О возрожденіи приход. общины“, стр. 39—40.

Изъ другихъ голосовъ печати за, указанное время по вопросу о нежелательности примѣненія выборнаго начала духовенства въ церковно приходской жизни, при настоящихъ условіяхъ ея, были и такіе, которые, отстаивая существующій порядокъ замѣщенія должностей въ клиръ церковномъ, указывали, главнымъ образомъ, на то, что и назначенный отъ епископа пастырь, если онъ того пожелаетъ, отнюдь не стѣсненъ въ проявленіи въ своемъ приходѣ самой широкой инициативы и дѣятельности религіозно-просвѣтительной и благотворительной и что такой назначенный пастырь также канониченъ и авторитетенъ для пасомыхъ, какъ и избранный общиною („Петербург. Листокъ“ № 80 отъ 30 марта 1905 г.; „Кіевск. Епарх. Вѣдом.“ № 29, отъ 17 іюня 1905 г.; „Разсвѣтъ“ отъ 24 іюля 1905 г.; „День“ № 99 отъ 1 апрѣля 1905 г. и др.).

Едва ли не больше вниманія со стороны лицъ, относящихся отрицательно къ выборному началу, было удѣлено выясненію тѣхъ неблагопріятныхъ для приходской жизни послѣдствій, къ которымъ можетъ привести примѣненіе выборнаго начала въ приходахъ.

„Начать возстановленіе православнаго приходского строя, — говоритъ въ своей статьѣ: „Приходскій совѣтъ и выборное духовенство“ преосвященный Антоній Волынской, — съ введенія выборнаго начала — значить предлагать тяжко-болному жирную грубую пищу, полезную для атлета — рабочаго, по смертельную для тифознаго кліента. Наша церковная община для избранія достойнаго пастыря теперь не правоспособна; напротивъ, избирательное право будетъ причиной глубокой деморализаціи паствы и самаго нежелательнаго пониженія уровня духовенства... Простодушныхъ крестьянъ будутъ располагать въ свою пользу, во-первыхъ, всякіе духовные и полудуховные проходимцы — выгнанные монастырскіе послушники, невѣжественные и пьяные дьячки, затѣмъ — честолюбивые мужики — міроѣды, мелкіе торговцы, умѣющіе угостить народъ и показать ему свое искусство пѣть на гласы и чи-

тать по-славянски. Въдь большаго народъ не сумѣть потребовать отъ будущаго іерея“. Указавъ, затѣмъ, преимущества выборнаго начала въ приходахъ, возрожденныхъ въ истинно-апостольскомъ духѣ, заключающіяся въ томъ, что священство перестало бы быть предметомъ житейской профессіи, но снова получило бы характеръ апостольскаго призванія, когда смиренный и благоговѣйный мірянинъ не по своей волѣ, а по призванію Церкви, оставить всѣ житейскія попеченія и всего себя отдать на служеніе Богу и Церкви, преосвящ. Антоній, вслѣдствіе современнаго непригляднаго духовнаго состоянія нашихъ приходовъ и неизбѣжности, вслѣдствіе этого, поставлять священниковъ изъ нынѣшнихъ семинарій, замѣчаетъ: „Вѣдь за немногими исключеніями, когда въ приходѣ послѣ смерти священника остается на лицо его родичъ, окончившій курсъ,—всѣ дипломированные искатели священства будутъ невѣдомы избирателямъ, и способъ угожденія первыхъ послѣднимъ въ чемъ будетъ состоять, какъ не въ давно извѣстномъ, излюбленномъ и—увы!—въ подобныхъ случаяхъ почти всесильномъ у насъ прибіжищѣ всѣхъ избранниковъ, т. е. въ хмѣльномъ зельѣ, въ спаиваніи избирателей, которое, при наличности многихъ кандидатовъ, превратится въ такой аукціонъ, что небу станетъ жарко, а для кого это будетъ полезно кромѣ акцизнаго вѣдомства“? 1)

Священникъ *М. Свицерскій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) „Вѣра и Церковь“ за 1906 г., т. I, стр. 320—322.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе ¹⁾).

Бесѣда пятая.

Воспитаніе и развитіе пчелъ.

Мы уже неоднократно говорили, что единственной виновницей нормальной кладки яицъ въ пчелиной семьѣ является плодная матка. Истина эта давно была извѣстна ученымъ мужамъ древности, напр., Аристотелю и Колумеллѣ, но нашему цивилизованному міру она оставалась закрытой вплоть до изслѣдованій ученаго голландца Сваммердама, съ неопровержимой ясностью доказавшаго, путемъ микроскопическихъ изслѣдованій внутренностей пчелъ, что единственной, настоящей матерью всѣхъ членовъ населеннаго улья является матка.

Интересно здѣсь привести нѣсколько довольно оригинальныхъ гипотезъ относительно причины появленія въ ячейкахъ яичекъ. Одни, напр., думали, что яички собираются пчелами на цвѣтахъ, другіе же, замѣчая, какъ много бѣлыхъ яичекъ, положенныхъ мухами, бываетъ на разлагающихся трупахъ животныхъ, полагали, что и пчелы ими пользуются, унося ихъ въ улей и воспитывая по своему; иные же, замѣчая въ собранномъ роѣ одну пчелу какой то особенной формы и величины (матку), охотно преподносили ей титулъ царя, считая ее единственнымъ мужчиной во всемъ ульѣ, а трутнямъ давали названіе бабъ-нянекъ молодого поколѣнія. Словомъ, мы видимъ, что гипотезы нашихъ предшественниковъ, хотя и блещутъ остроуміемъ, но далеки отъ истины. Но то было ужъ давно, а теперь и Грыцько Бунъ съ нами охотно соглашается, что яички несетъ только одна матка и никто болѣе, развѣ трутовка пошалить немного.

¹⁾ См. № 20 за 1913 г.

Пчелиныя и трутневыя яички. Оплодотворенная матка несетъ яички двухъ видовъ: пчелиныя и трутневыя и несетъ ихъ по своему желанію или, вѣрнѣе, по данному ей природой инстинкту. Инстинктъ ей подсказываетъ въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ нужно нести какъ тѣ, такъ и другія яички. Ранней весной, когда семья нуждается въ пчелахъ работницахъ, матка несетъ яички рабочихъ пчелъ, когда же семья увеличится, и* предвидится въ недалекомъ будущемъ потребность въ роеніи, матка несетъ трутневыя яички. Такого рода сужденіе о появленіи разнообразныхъ яичекъ можно прызнать за норму, но, конечно, вслѣдствіе вліянія различныхъ причинъ, могутъ быть отклоненія отъ нормы, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Были попытки объяснить появленіе разнообразныхъ яичекъ воздѣйствіемъ на матку чисто внѣшнихъ, механическихъ причинъ. Утверждали, напр., что матка, опуская брюшко въ тѣсную пчелиную ячейку, произвольно нажимаетъ о стѣнки ячейки сѣменный пузырекъ, изъ котораго, вслѣдствіе нажима, выдавливается сѣмя, оплодотворяющее проходящее въ это время близь отверстія пузырька яичко. Когда же матка опускаетъ свое брюшко въ просторную, трутневую ячейку, нажатія не бываетъ, и потому проходящее яичко остается неоплодотвореннымъ. Гипотезѣ этой нельзя отказать въ остроуміи, но только ея никакъ нельзя объяснить, почему яичко, положенное въ совершенно свободную маточниковую мисочку или же въ еще не отстроенную и потому мелкую пчелиную ячейку, бываетъ оплодотвореннымъ, хотя механическаго нажатія въ данномъ случаѣ и не происходитъ.

Кромѣ выше приведенной гипотезы, было высказано еще предположеніе, что яички какъ пчелиныя, такъ и трутневыя совершенно одинаковы и что различіе въ полѣ происходитъ вслѣдствіе различныхъ приѣмовъ воспитанія, размѣровъ ячейки и корма. Однако провѣрочные опыты показали совершенную несостоятельность такового предположенія.

Личинка, перенесенная изъ пчелиной ячейки въ трутневую, неизмѣнно выбрасывалась пчелами; изъ личинки же, перенесенной изъ трутневой ячейки въ пчелиную, обязательно выходитъ трутень-карликъ. Словомъ, приходится сознаться, что слѣпая механика, въ расплодѣ разнополыхъ особей пчелинаго роя, а равно и въ другихъ индивидуально-видовыхъ особенностяхъ жизни этихъ замѣчательныхъ насѣкомыхъ, играетъ незначительную роль, что мы съ особеннымъ удовольствіемъ и констатируемъ; маткѣ же приписываемъ болѣе или менѣе сознательное участіе въ жизни родной семьи, отдавая должное ея высоко развитому инстинкту.

Развитіе и воспитаніе пчелиной личинки и перерожденіе ея въ куколку. Полное развитіе пчелы-работницы, считая съ момента снесенія яйца, до появленія ея изъ ячейки, совершается обыкновенно въ 21 день. Только что снесенное маткой яичко приклеивается ко дну своей конической стороной и стоитъ почти совершенно перпендикулярно къ срединному основанію сота. Въ такомъ положеніи яичко простаиваетъ цѣлый день. На другой день яичко тяжелѣетъ и наклоняется, а на третій—совершенно ложится на днѣ ячейки. Если разсмотрѣть въ микроскопъ содержимое только что снесеннаго яичка, въ немъ можно найти или только одну протоплазму, если яичко неоплодотворенное (трутневое), или же протоплазму со сперматозоидомъ, если яичко оплодотворенное (пчелиное).

При благоприятной температурѣ (35° Цельз.), изъ протоплазмы яичка начинаетъ немедленно развиваться личинка, и уже къ концу перваго дня можно разсмотрѣть въ яичкѣ начатки почти всѣхъ органовъ пчелы; къ концу же третьяго дня личинка совершенно формируется и настолько увеличивается въ объемѣ, что оболочка яйца лопається и появляется на свѣтъ маленькій червячекъ-личинка будущаго насѣкомаго (см. Т. 2 рис. Д.). Въ выклюнувшейся личинкѣ уже ясно можно разсмотрѣть, даже безъ помощи микроскопа, а лишь въ увеличительное стекло, голову и тринадцать колець.

Разсматривая двухдневную личинку (см. Т. 2 рис. И), мы еще яснѣ увидимъ: бугоръ спереди головы, выдающійся въ видѣ носа, и три пары меньшихъ бугорковъ, расположенныхъ ниже носовиднаго бугра. Впослѣдствіи носовидный бугоръ превращается въ верхнюю губу, а изъ трехъ, ниже лежащихъ, бугорковъ образуются: пара верхнихъ челюстей и нижняя губа. Къ концу пятаго дня развитія личинки, вторая и третья пара бугорковъ срастаются въ одинъ общій бугоръ, на вершинѣ котораго появляется отверстіе канала, идущаго отъ прядильной железы. На кольцахъ туловища личинки точно также ясно можно разсмотрѣть: десять паръ дыхательныхъ отверстій, три пары ножныхъ бугорковъ и двѣ пары бугорковъ крыльевыхъ. Голова пятидневной личинки, если посмотрѣть на нее, какъ говорятъ французы, en face, имѣетъ большое сходство съ головой ветхой денями старухи (см. Т. 2 рис. К). На головѣ пятидневной личинки уже ясно видны: простые глаза, мѣста будущихъ усиковъ, верхняя и нижняя губа и пара верхнихъ челюстей; сложные же глаза образуются впослѣдствіи на щекахъ головы.

Пчелы весьма рады появленію яичекъ и прилагаютъ всѣ старанія къ тому, чтобы изъ нихъ благополучно вышли личинки. Если на дворѣ стоятъ весенніе холода, и внѣшняя температура воздуха далеко ниже 25—30° по Реом. или 30—35° Цельз., пчелы всячески стараются оберечь яички и молодую, незапечатанную дѣтку отъ застуженія. Если въ это время вынуть сотъ съ дѣткой, вы замѣтите почти въ каждой ячейкѣ, гдѣ еще не выклюнулась личинка, торчащій наружу кончикъ брюшка пчелки; этимъ способомъ пчелки стараются вытѣснить изъ ячейки свободный, холодный воздухъ, а яичко согрѣть непосредственнымъ прикосновеніемъ къ нему своей теплой головки.

Пчелы-работницы съ большимъ вниманіемъ подстерегаютъ тотъ моментъ, когда лопнетъ оболочка яичка и появится на свѣтъ личинка, и лишь только это случилось, онѣ немедленно удаляютъ изъ ячейки лопнувшую оболочку, а на

днѣ ячейки, вокругъ личинки, въ изобиліи накладываютъ жидкаго, бѣлаго съ синеватымъ оттѣнкомъ корма, называемаго молочкомъ. Личинка немедленно принимается за ѣду и съ большимъ аппетитомъ поѣдаетъ усердно подливаемое ей молочко, какового удовольствія она почти и не прекращаетъ, развѣ останавливается передохнуть немного въ моменты линянія, т. е., сбрасыванія тѣсной, верхней кожицы. Въ первый разъ молодая личинка линяетъ на второй (5) день по выходѣ изъ яичка ¹⁾, при чемъ кормъ ей подается уже болѣе густой. Вылинявшая личинка еще съ большимъ аппетитомъ принимается за ѣду и быстро увеличивается въ объемѣ. На четвертый (7) день личинка линяетъ вторично и на четвертый же—пчелы подаютъ ей уже иной кормъ, замѣняя молочко кашкой, т. е., смѣсью жидкаго меда и перги. Вылинявъ во второй разъ, личинка еще болѣе быстро увеличивается въ размѣрѣ и къ концу пятаго (8) дня, не будучи въ состояніи помѣститься на днѣ ячейки, гдѣ она во все время своего развитія лежала, согнувшись въ дугу, начинаетъ выравниваться, поворачиваясь головой къ отверстию ячейки. Лишь только пчелы замѣтятъ, что личинка поворачивается, какъ немедленно запечатываютъ ячейку. Изъ какого матеріала пчелы тянутъ печать червы и какъ ее производятъ, мы объ этомъ уже говорили въ предыдущей бесѣдѣ; здѣсь же только еще разъ напомнимъ, что она очень пориста и производится наспѣхъ, весьма небрежно. Кожицу вылинявшей личинки, какъ въ первый, такъ и во второй разъ пчелы немедленно удаляютъ изъ ячейки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

¹⁾ Цыфра въ скобкахъ обозначаетъ день отъ свесенія яичка.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 14-го мая 1913 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на шѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 22

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913 го года 26-го мая.

Содержаніе: I. Полезная мѣра. Священникъ Ал. Введенскій.—II. Изъ ду-
ховныхъ журналовъ. Н. Гумлиевскій.—III. Вопросъ о церковномъ
приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ
XX-го вѣка. (Продолженіе). Свящ. М. Свицерскій.—IV. Толковый
Типиконъ. (Продолженіе). М. Скабаллановичъ.—V. Бесѣды по пче-
ловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.

Полезная мѣра.

Сектантство у насъ все растетъ и растетъ, число отпа-
дающихъ отъ православія все увеличивается, толпы право-
славныхъ все рѣдѣютъ да рѣдѣютъ.

Поставимъ такой вопросъ: какъ быть? что дѣлать съ
такого рода печальнымъ явленіемъ въ нѣдрахъ Православной
Церкви? Какъ затормозить непомѣрный ростъ сектантства и
погасить увлеченіе имъ въ средѣ простого, малообразованнаго
люда.

До сихъ поръ вся надежда была на епархіальныхъ и
уѣздныхъ миссіонеровъ, на сельскихъ пастырей, на бесплатно

раздаваемые популярныя противосектантскіе листки и брошюры, теперь же нечего надѣяться на это. Непомѣрный и повсемѣстный ростъ сектантства краснорѣчиво и убѣдительно говоритъ о недостаточности доселѣ примѣнявшихся мѣръ. Нужно посему искать другихъ путей, вырабатывать новыя средства, придумывать инныя мѣры, пускаться въ ходъ наиболѣе вѣрное и приспособленное оружіе.

Но нашему глубокому убѣжденію, единственная надежда осталась на миссіонерскія общества, не на братства, нѣтъ, а на общества, которыя уже по мѣстамъ начинаютъ появляться и развивать свою плодотворную дѣятельность.

Вотъ о нихъ и будетъ теперь наше слово.

Миссіонерскія общества организуются изъ болѣе или менѣе грамотныхъ, энергичныхъ, преданныхъ Церкви и уважаемыхъ всѣми крестьянъ (въ Омскихъ миссіонерскихъ кружкахъ работаютъ и женщины). Подъ руководствомъ мѣстнаго священника члены названнаго общества нѣсколько разъ въ недѣлю устраиваютъ собранія, на которыхъ изучаютъ Слово Божіе, читаютъ противосектантскіе листки, брошюры, книги, знакомятся съ сектантскимъ вѣроученіемъ, всесторонне обсуждаютъ его, уясняютъ въ своемъ сознаніи основныя истины христіанской вѣры и т. д., словомъ, учатся спорить и вести бесѣды съ сектантами. Посѣтивши нѣсколько такихъ собраній, члены приходской миссіи пріобрѣтаютъ уже нѣкоторый навыкъ къ бесѣдамъ съ сектантами, навыкъ, правда, небольшой, но все же достаточный для указанной цѣли. Вѣдь приходится полемизировать не Богъ знаетъ съ какими грамотеями, а съ такими же простыми, малообразованными, какъ и они сами. Этотъ навыкъ, по мѣрѣ усердія къ посѣщенію собраній и по мѣрѣ первыхъ пробныхъ шаговъ, все болѣе и болѣе совершенствуется и вотъ въ приходѣ нѣсколько новыхъ борцовъ за православную вѣру противъ религіозныхъ отщепенцевъ.

Эти борцы прямо таки незамѣнимы въ приходѣ для православныхъ пастырей. Они всегда найдутся, съ ревностью

возьмуся за дѣло, нужно только во-время ихъ поддержать, умѣло ими поруководить, въ достаточномъ количествѣ снабдить хорошими, общедоступными и интересными книжонками, научить ихъ пользоваться Св. Писаніемъ и раскрыть предъ ними величіе и важность миссіонерскаго служенія.

Мы сказали, что такіе борцы „незамѣнимы въ приходѣ“; теперь скажемъ—почему.

Дѣло совращенія православныхъ въ сектантство пропагандисты начинаютъ обыкновенно съ посѣва въ ихъ умахъ различнаго рода сомнѣній. Эти сомнѣнія, будучи посѣяны, все растутъ и растутъ, овладѣваютъ душою все сильнѣе и сильнѣе. И когда они въ достаточной степени окрѣпнутъ или, какъ говорится, созрѣютъ, отпаденіе отъ православія совершается само собой, просто и незамѣтно. Слѣдовательно, чтобы предовратить отпаденіе отъ православія, нужно уловить эти первые побѣги сомнѣній, убить ихъ въ корнѣ, въ самомъ зародышѣ. Священникъ самъ по себѣ этого не можетъ сдѣлать. Ему трудно, даже невозможно услѣдить за всѣми своими прихожанами. А изъ прихожанъ рѣдко кто пойдетъ къ нему за разрѣшеніемъ своихъ появившихся сомнѣній. Иной постыдится, другой побойтсся, третій просто не захочетъ, четвертый постѣсняется утруждать батюшку, пятый будетъ откладывать до поры до времени и т. д. Члены же приходской миссіи, дѣйствуя дружно, горячо, сразу наладятъ дѣло. Сразу найдутъ намѣченныхъ въ жертву сектантами, отыщутъ начинающихъ сомнѣваться, съумѣютъ по своему подойти къ нимъ, во-время растолковать все необходимое, разубѣдятъ, наставить, вразумить, поддержать. Въдѣ простое слово мужика или женщины имѣетъ иногда гораздо большее значеніе, чѣмъ слово священника. Текимъ образомъ, приходская миссія можетъ противодѣйствовать сектантству въ самомъ его зародышѣ, что не всегда возможно священнику. А это уже дастъ большой плюсъ миссіонерскому обществу.

Затѣмъ, самимъ пропагандистамъ сектантскаго лжеученія члены приходской миссіи не дадутъ много ходу. Они

будутъ ходить по ихъ пятамъ, слѣдить за каждымъ ихъ движеніемъ и уже однимъ своимъ бдительнымъ надзоромъ будутъ сокращать предѣлы пропаганды. „Сектантъ въ праздникъ отправляется въ домъ къ родственнику или знакомому съ Библіей, и православный ревнитель идетъ туда же съ Библіей и брошюрами и тамъ не только отражаетъ нападки сектанта на Православную Церковь, но отбиваетъ охоту у него на будущее время ходить къ православнымъ для ихъ совращенія“ (А. Волхинъ. „Тайны успѣховъ сектантской пропаганды“. Оренбург. Епарх. Вѣд. за 1910-й годъ).

Наконецъ, священнику не всегда возможно бываетъ устраивать публичныя собесѣдованія. Иногда онъ занятъ, иногда—прихожане, иногда сектанты. Грамотные же и обученные примитивнымъ полемическимъ приѣмамъ прихожане-ревнители всегда и вездѣ смогутъ поговорить съ сомнѣвающимся братомъ и съ сектантами: и въ полѣ, и въ селѣ; и за работой и на досугѣ; и въ дорогѣ и у себя на дому. А это много значить—во-время придти, во-время поговорить, „временнѣ и безвременнѣ“ защищать основныя истины христіанской вѣры отъ искаженія въ бесѣдѣ съ религіозными противниками. Это уже другой плюсъ за приходской миссіей!

Что миссіонерскія общества, дѣйствительно, могутъ приносить такую же пользу, о которой мы только что писали, въ этомъ убѣждаютъ насъ корреспонденціи изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже функционируютъ подобныя общества. Одну изъ этихъ корреспонденцій мы встрѣтили, напримѣръ, въ приложеніи къ журналу „Церковныя Вѣдомости“. Вотъ она:

„Слава Богу! міряне образуютъ миссіонерскія общества и выступаютъ на борьбу съ ересями. На станціи Омскъ открытъ миссіонерскій кружокъ, въ который записалось около 300 ревнителей православія обоюга пола. Польза отъ миссіонерскаго кружка громадная. Пропаганда баптистовъ всюду встрѣчаетъ энергичный отпоръ со стороны членовъ кружка. Баптисты притихли, стараются вести пропаганду негласно,

но это теперь не всегда удается: зорко слѣдятъ за ними члены кружка. Баптисты ненавидятъ кружокъ и призываютъ на его голову всякія бѣды“ („Приходское чтеніе“—„Борьба съ ересями“).

О благотворномъ вліяніи приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ говорятъ не одни только посторонніе свидѣтели и случайные корреспонденты. Едва ли не большіе панегирики воспѣваютъ имъ опытные епархіальные миссіонеры, которые на дѣлѣ убѣдились въ ихъ плодотворной, весьма цѣнной и во всѣхъ отношеніяхъ полезной работѣ.

Вотъ, на примѣръ, чтѣ пишетъ по данному вопросу извѣстный херсонскій миссіонеръ М. А. Кальневъ въ своей интересной и многосодержательной статейкѣ „Что дѣлать“?

„Развѣ намъ, миссіонерамъ, неизвѣстно, что многіе распатанные въ религіозно-нравственномъ отношеніи приходы пока еще сдерживаются, пока еще сохраняются отъ окончательнаго своего разложенія какимъ-нибудь десяткомъ истинновѣрующихъ прихожанъ? Развѣ намъ не приходится посѣщать такіе приходы, гдѣ если храмы не закрылись окончательно, то только благодаря буквально горсти вѣрныхъ сыновъ Церкви? Не такъ давно, въ одну изъ своихъ миссіонерскихъ поѣздокъ, я посѣтилъ самый зараженный въ херсонской епархіи приходъ (Новоокровское, Одесскаго уѣзда), гдѣ прежде часто не только вечерня и утрени, а даже и обѣдня служились при одномъ церковномъ старостѣ и сторожѣ, гдѣ, кромѣ крещенія и брака, не совершалось ни одного таинства для прихожанъ, гдѣ, кромѣ погребеній, не совершалось для нихъ почти ни одной требы. Я былъ пораженъ, что въ „родительскую субботу“, въ храмѣ не было ни души, не совершено ни одной панихиды. Въ этомъ же приходѣ православные, по ихъ же собственнымъ словамъ, по нѣсколько лѣтъ не бывали въ храмѣ, у исповѣди и св. причастія, и большинство умирающихъ отходило въ вѣчность безъ напутствія. Храмъ и церковная въ немъ утварь были въ невозможномъ видѣ;

церковно-приходская школа была пуста. Сектантство, въ видѣ штундизма и адвентизма, возросло въ немъ до 800 человѣкъ!

Думаю, что этотъ приходъ—самый зараженный штундою во всей Россіи.

Словомъ, люди въ религіозномъ отношеніи совершенно одичали; одичали, конечно, и въ нравственномъ.

Такъ было въ немъ нѣсколько лѣтъ назадъ, но теперь иначе.

Послѣ упорныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пастырско-миссіонерскихъ трудовъ и организациі въ двухъ пунктахъ прихода кружковъ ревнителѣй православія, преимущественно изъ бывшей въ школѣ молодежи, приходъ возродился, и храмъ теперь всегда полонъ молящихся людей; пропаганда сектантства успѣха уже не имѣетъ, начались массовыя присоединенія къ православію. Такъ, въ теченіе послѣдняго года обратилась одна лишь дѣвушка, сирота, вышедшая замужъ за сектанта, а присоединилось къ православію 60 душъ. Прихожане рѣшили расширить и обновить храмъ; церковная школа переполнена; задумали строить новую.

Словомъ, приходъ ожилъ; народъ сталъ приходить въ разумъ вѣры, началъ собираться около пастыря своего, бывшаго миссіонера¹⁾.

Помимо современныхъ свидѣтелей за пользу отъ проектируемыхъ приходскихъ миссій говорятъ и церковно-историческія данныя. Вѣдь въ первые вѣка христіанская борьба съ ересями велась именно такимъ образомъ, т. е. путемъ миссіонерскихъ кружковъ. У ногъ какого-нибудь пастыря или учителя собиралась обыкновенно группа ревнителѣй благочестія, знакомилась со всеміи полемическими въ то время практиковавшимися приемами и потомъ шла на борьбу со

¹⁾ См. „Русскіе сектанты“. Одесса. 1911 г. стр. 344

врагами вѣры. Спорили вездѣ: и на площадяхъ, и на улицахъ, и въ храмахъ, и у себя дома. И благодаря такой превосходно организованной миссіи, ереси не были продолжительны по времени; какъ скоро появлялись, такъ скоро и исчезали. Были, правда, исключительные случаи, но тогда же принимались и чрезвычайныя мѣры: созывались вселенскіе соборы.

Словомъ, нужно, чтобы приходская и специальная миссія въ борьбѣ съ сектантствомъ оказывали свое религіозно-просвѣтительное вліяніе не только на народъ, но и черезъ народъ.

Прекрасно сказалъ по этому поводу на четвертомъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ М. А. Кальневъ:

„Наша миссія, говорилъ онъ, тогда лишь станетъ на истинный свой путь, когда станетъ миссіей народной, когда разбудить напрасно и давно уже дремлющія силы православнаго русскаго народа, научить его разумно вѣровать и вселить въ него горячую любовь къ православію и сознательное убѣжденіе въ томъ, что внѣ его нѣтъ спасенія, а гибель навсегда навѣки; когда, затѣмъ, обопрется въ борьбѣ съ врагами Церкви на забытыхъ членовъ ея, на лучшихъ людей въ приходѣ и разумно поведетъ эту могучую сознательную силу на враговъ своихъ и на исканіе, по невѣдѣнію истиннаго пути, заблудившихъ овецъ своихъ“¹⁾.

Сектанты сознали это давно и потому они весьма сильно заинтересованы въ наиболѣе широкой организаціи такъ называемыхъ миссіонерскихъ кружковъ. У нихъ почти всѣ миссіонеры. Нѣтъ ни одного сектанта, который не занимался бы пропагандой. Мужчины и женщины, взрослые и дѣти— всѣ одушевлены одной идеей, всѣ прониклись сознаниемъ важности миссіонерскаго служенія и потому всѣ они проповѣдуютъ, всѣ стоятъ на стражѣ своей вѣры и всѣ работаютъ дружно, горячо, воодушевленно.

¹⁾ „Русскіе сектанты“ Одесса. 1911 г. стр. 331.

Пора и намъ сознать это. Пора и намъ послѣдовать примѣру сектантовъ и привлечь къ дѣлу лучшія боевыя силы нашего народа. Тогда оживится миссіонерское дѣло. Тогда количественно и качественно усилится составъ нашихъ сотрудниковъ и мы будемъ чувствовать себя бодрѣе и увѣреннѣе.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи
Священникъ *Александръ Введенскій*.

Изъ духовныхъ журналовъ.

(*Приходскій Священникъ, Странникъ, Христианинъ*).

Нашъ простой народъ очень мало знаетъ Св. Писаніе; пріохотить его къ ученію Слова Божія—одна изъ задачъ приходскихъ пастырей. Въ журналъ „Приходскій Священникъ“ (февраль) свящ. О. Д. Филоненко въ статьѣ „*Евангельскіе вечера*“ рассказываетъ о томъ, какой пріемъ употребилъ одинъ пастырь для ознакомленія своихъ прихожанъ съ Евангелиемъ. Понимая, что, если предоставитъ самимъ крестьянамъ читать Слово Божіе безъ всякаго руководства, то у нихъ можетъ возникнуть много недоумѣній и неправильныхъ толкованій, священникъ рѣшилъ самъ читать и изъяснять Евангеліе въ крестьянскихъ избахъ въ долгіе осенніе и зимніе вечера, причемъ о мѣстѣ и времени чтенія заранѣе оповѣщаль при богослуженіи. Результаты оказались весьма благопріятные. Сначала слушателей собралось немного, большого интереса съ ихъ стороны не замѣчалось, и священнику весьма трудно было вызвать ихъ на бесѣду по поводу прочитаннаго, узнать, какія недоумѣнія у нихъ возникли. Но постепенно крестьяне привыкли къ бесѣдамъ, и тогда стали наперерывъ приглашать къ себѣ батюшку, такъ что чтенія и бесѣды пришлось производить почти ежедневно и слушателей набиралось пол-

ная изба. Не ограничиваясь изъясненіемъ прочитаннаго мѣста Евангелія, священникъ переходилъ и къ другимъ вопросамъ: бесѣдовалъ о трезвости, освѣщалъ съ христіанской точки зрѣнія современныя явленія общественной жизни и т. п. Помимо столь необходимаго просвѣщенія крестьянъ свѣтомъ Христова ученія, эти бесѣды имѣли и то значеніе, что, благодаря имъ, священникъ ближе сходилъ съ своими прихожанами, узнавалъ ихъ духовныя нужды, запросы, которымъ, по мѣрѣ силъ, старался удовлетворить. Хотя такія бесѣды—дѣло не легкое, но безспорно, что онѣ являются весьма цѣлесообразными и полезными.

Въ апрѣльской книжкѣ „Странника“ свящ. Г. Мельницкій въ статьѣ „Судъ духовный и благочинническіе совѣты“ отмѣчаетъ существенный недостатокъ нашего современнаго церковнаго судопроизводства, именно то, что судебное слѣдствіе поручается лицамъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣющимъ не только соотвѣтствующаго опыта, но даже „незнакомымъ ни съ процессуальной стороной предварительнаго слѣдствія, ни даже съ относящимся къ каждому инкриминируемому случаю своду законовъ церковныхъ и выработанныхъ практикой судебныхъ слѣдствій приѣмовъ и формъ дѣлопроизводства“. А между тѣмъ данныя предварительнаго слѣдствія полагаются въ основу консисторскаго судопроизводства и, вслѣдствіе отсутствія въ послѣднемъ гласнаго разбирательства дѣлъ, въ большинствѣ случаевъ предрѣшаютъ самое консисторское постановленіе. Для ослабленія этого недостатка, авторъ, до кореннаго преобразованія нашего церковнаго судопроизводства, рекомендуетъ передать значительную часть судебныхъ дѣлъ изъ консисторіи въ благочинническіе совѣты, благодаря чему, съ одной стороны, получаютъ облегченіе консисторіи, перегруженныя дѣлами, съ другой стороны,—на мѣстахъ, при вызовѣ тяжущихся сторонъ и важнѣйшихъ свидѣтелей, скорѣе и легче можетъ быть установлена истина.

На другую сторону нашего церковнаго судопроизводства въ томъ же журналѣ обращаетъ вниманіе свящ. А. Остроумовъ въ статьѣ „Судимость и ея послѣдствія въ отноше-
ніи лицъ духовнаго званія“. Авторъ усматриваетъ излишнюю жестокость въ томъ, что отмѣтка о судимости, съ указаніемъ проступка и наложеннаго за послѣдній наказанія, навсегда остается въ формулярномъ спискѣ духовнаго лица. При такомъ положеніи дѣла, штрафованному духовному лицу, часто несмотря на исправленіе и полное заглаженіе допущеннаго проступка, приходится ежегодно въ четырехъ или пяти экземплярахъ клировыхъ вѣдомостей, посылаемыхъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, собственноручно напоминать о своемъ позорѣ; свѣдѣнія о судимости ежегодно снова распространяются, и, вслѣдствіе этого, допустившее проступокъ лицо постоянно подвергается возможности нареканія и осужденія и находится въ положеніи чловѣка, какъ бы неполноправнаго, котораго благочинные, напр., затрудняются даже представлять къ прохожденію такихъ должностей, какъ благочинническаго духовника или слѣдователя.

Въ томъ же журналѣ, въ отдѣлѣ „Хроника епархіальной жизни“, между прочимъ, приведено *разъясненіе духовенству архіеп. курскаго Стефана о вліяніи жалобы за обольщеніе на совершеніе вѣнчанія*. „Если при вѣнчаніи браковъ будетъ обвиненіе жениха въ обольщеніи другой и просьба съ чьей либо стороны о недопущеніи его къ повѣнчанію съ избранной невѣстой, то причты должны принимать всѣ мѣры пастырскаго вліянія на жениха къ убѣжденію его не нарушать своего обѣщанія, даннаго другой. При этомъ прочитывать жениху и невѣстѣ, а равно и родителямъ ихъ 1531 ст. улож. о наказ.“ (статья эта угрожаетъ за обольщеніе незамужней лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключеніемъ въ смирительномъ домѣ на время отъ 1 года и 4 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ); „если же пастырское увѣщаніе не будетъ имѣть успѣха и несмотря на ожидаемыя послѣдствія по означенной статьѣ для жениха за обольщеніе,

невѣста и родители ея будутъ настаивать на бракѣ, то должно вѣнчать браки, объявивъ сдѣлавшей заявленіе, что она можетъ обратиться съ жалобой на обольстителя къ гражданскому суду“. Журналъ находитъ такое разъясненіе весьма полезнымъ, такъ какъ „отступленіе отъ сего порядка поощряло бы развратъ и давало бы поводъ безчестнымъ женщинамъ часто совершенно недобросовѣстнымъ обвиненіемъ приостанавливать и затѣмъ совершенно разстраивать браки“.

Одну изъ современныхъ темъ затрагиваетъ свящ. С. Козубовскій въ статьѣ „*Полезьа и вредъ парламентаризма*“ („Христіанинъ“, мартъ). Авторъ прежде всего указываетъ добрыя стороны народнаго представительства. Государственная Дума полезна „въ смыслѣ будильника общественной мысли и совѣсти“. Кромѣ того, члены Гос. Думы, какъ народные избранники, являются выразителями нуждъ, потребностей, интересовъ и стремленій народныхъ. Но въ народномъ представительствѣ есть и существенныя темныя стороны. Такъ какъ избранники народа — „сыны многоликой толпы съ ея сбивчивыми и противорѣчивыми понятіями о добрѣ и правдѣ Божіей и о нравственныхъ цѣляхъ челоуѣческаго общества“, то народоправство въ исторіи обыкновенно вело къ пониженію духовнаго уровня народовъ. Особенно недостатки народнаго представительства замѣтны у насъ, гдѣ избранниками народными въ значительномъ большинствѣ оказываются люди, совершенно неподготовленные къ законодательству, тогда какъ ко всякой другой дѣятельности допускаются обычно только люди, болѣе или менѣе къ ней подготовленные. „Чистое самодержавіе“, справедливо говоритъ авторъ, „далеко логичнѣе народоправства“. Самодержавный Государь есть избранникъ Бога, отъ Котораго онъ получаетъ свою власть и Которому долженъ дать отчетъ въ своей дѣятельности, тогда какъ при народоправствѣ народная воля, по самому существу своему измѣнчивая и противорѣчивая, является какъ бы самодовлѣющимъ божествомъ, предъ которымъ по необходимости должны преклоняться на-

родные избранники. „Не народъ—хозяинъ страны“, заканчиваетъ о. Козубовскій свою статью, „но Богъ, сотворившій небо и землю“.

Н. Г.

Вопросъ о церковномъ приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ XX-го вѣка.

(Продолженіе) ¹⁾.

V.

Какъ видно уже изъ изложеннаго, ко времени Предсоборнаго Присутствія въ нашей литературѣ накопилось столь значительное количество изслѣдованій, статей, статейекъ и проектовъ организаціи православнаго прихода, что казалось бы рѣшить приходскій вопросъ—дѣло весьма легкое. Дѣйствительность показала однакоже нѣчто иное. IV-му отдѣлу Присутствія, которому было поручено обсужденіе вопроса о приходѣ, съ большими преніями и разногласіями едва удалось выработать нормальный приходскій уставъ подъ такимъ заглавіемъ: „Проектъ нормальнаго устава православныхъ приходовъ въ Россіи“. При составленіи этого проекта, конечно, было принято во вниманіе все, что было высказано въ литературѣ по приходскому вопросу, и нисколько не удивительно, что пререкаемыми пунктами вопроса о приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи явились тѣ же, которые были спорными въ печати, т. е.—полное самоуправленіе прихода, участіе мірянъ въ распоряженіи суммами церквей и церковными имуществами и, наконецъ, выборное начало въ духовенствѣ.

Рѣшенія и сужденія IV-го отдѣла Присутствія кратко можно свести къ слѣдующему.

¹⁾ См. № 21 за 1913 г.

Благоустройство прихода, по мнѣнію отдѣла, должно быть направлено къ тому, чтобы возродить приходъ, какъ церковную общину, сплоченную вокругъ своего приходскаго храма и пастыря и одушевленную общностью духовныхъ интересовъ и религіозно-нравственнымъ взаимодействіемъ всѣхъ ея членовъ, въ цѣляхъ общаго поднятія и оживленія церковно-религіозной жизни въ нашемъ отечествѣ. Для этого, по мнѣнію отдѣла, необходимо:

1) Выдѣлить приходъ въ особую церковную, въ зависимости отъ епархіальнаго епископа, единицу, съ правами юридическаго лица.

2) Въ каждомъ приходѣ движимыя и недвижимыя имущества и денежныя суммы должны вестись раздѣльно: а) по храму, б) причту и в) приходу, соотвѣтственно чему должна вестись раздѣльно и запись въ приходо-расходной церковной книгѣ. При этомъ суммы и имущества храмовыя представляютъ собой собственность всей Православной Церкви; изъ нихъ производятся обязательныя отчисленія на общецерковныя нужды, и затѣмъ они расходуются приходомъ, если расходъ превышаетъ для сельскихъ 150 р., а для городскихъ 300 р.,—не иначе, какъ каждый разъ съ разрѣшенія епархіальной или высшей церковной власти, въ зависимости отъ суммы расхода. Суммы же и имущества причта приходской общины находятся въ самостоятельномъ распоряженіи прихода. Суммами причтовыми приходъ распоряжается на удовлетвореніе нуждъ причта, а суммами приходскими—на религіозно-просвѣтительныя и благотворительныя нужды прихода.

При обсужденіи этихъ положеній (п. II) отдѣломъ, коренное разногласіе возникло изъ-за вопроса: слѣдуетъ или не слѣдуетъ раздвоить хозяйство церковное и хозяйство приходское и субъектомъ правъ перваго считать Церковь, а втораго приходъ, соотвѣтственно чему и завѣдываніе первымъ вручить причту съ церковнымъ старостой, а завѣдываніе вторымъ предоставить приходу.

Большинство членовъ отдѣла высказалось именно за отдѣленіе хозяйства церковнаго отъ приходскаго, съ признаніемъ двухъ субъектовъ имущественныхъ правъ въ приходѣ: храма и приходской общины, и съ сохраненіемъ стараго, основаннаго на 38 и 41 апостольскихъ правилахъ, порядка распоряженія церковными суммами чрезъ посредство причта, старосты и представителей прихожанъ, по указаніямъ высшей церковной власти.

Членъ отдѣла А. А. Папковъ наоборотъ, указывалъ что такое раздѣленіе имущества и кассъ церковныхъ нежелательно. Была уже сдѣлана подобная ошибка при изданіи въ 1864 г. положенія о попечительствахъ, почему эти попечительства и не оживили церковной жизни. Ихъ не сплотили вокругъ храма, а оттолкнули отъ храма. Субъектъ имущественнаго права долженъ быть одинъ, именно приходъ, но понимаемый, какъ составная часть Церкви, какъ „малая Церковь“. Не нужно бояться, что въ случаѣ признанія прихода субъектомъ имущественныхъ правъ, прихожане станутъ распоряжаться имуществомъ церкви и ея капиталами по своему произволу, тратить его, куда имъ вздумается, и будутъ отказывать церковной власти во взносахъ общецерковныхъ налоговъ и обложеній; этого не можетъ быть уже по самому роду церковнаго имущества, которое допускаетъ только известное, опредѣленное канонами къ себѣ отношеніе. На это преосвященнымъ предсѣдателемъ и нѣкоторыми членами отдѣла было сдѣлано возраженіе, что съ фактами отказовъ прихожанъ отъ расходовъ по общецерковнымъ нуждамъ, уже и теперь приходится считаться, и что со сліяніемъ суммъ собственно храмовыхъ съ суммами поступающими отъ прихода, путемъ самообложенія, даренія и завѣщаній, на нужды собственно приходскія (просвѣтительно-благотворительныя), таковыя отказы получатъ въ глазахъ прихожанъ самую твердую опору, что, несомнѣнно, вызоветъ массу не только недоразумѣній и пререканій прихода съ церковною властью, но и прямо гибельныхъ нестроений церковной жизни, а потому по-

ведеть не къ благоустроению ея, а къ большому разложению. Что же касается попечительства, то не привились они къ приходской жизни потому, что на нихъ, кромѣ вполне собственной нашему народу заботы о храмѣ и его благолѣпіи, были возложены заботы или чуждыя ему пока, или непосильныя (общественная благотворительность и т. д.).

Ш-мъ важнѣйшимъ пунктомъ въ рѣшеніяхъ IV-го отдѣла явилось предоставленіе приходу чрезъ приходское собраніе права выбора клириковъ, въ смыслѣ ходатайства о назначеніи на священно и церковно-служительскія вакансіи кандидатовъ изъ лицъ, объявленныхъ правоспособными къ тому епархіальною властью.

Нужно замѣтить, что, высказываясь лишь за право ходатайства приходовъ объ угодныхъ имъ лицахъ клира, отдѣлъ не отвергаетъ въ принципѣ и самого права выборовъ клириковъ, считая его, напротивъ, идеальнымъ порядкомъ вещей, но пока несвоевременнымъ. Отдѣлъ полагаетъ, что клирики, особенно же священники, должны быть близки къ народу, хорошо должны знать и понимать его нужды и жить одною жизнью съ народомъ. Но отдѣлъ находитъ, что въ настоящее время не созданы еще условія для осуществленія у насъ „народнаго“ пастырства, такъ какъ среди народа совершенно нѣтъ достойныхъ образованныхъ кандидатовъ на пастырство и т. п. ¹⁾.

IV. Для благоустройства прихода, въ Предсоборномъ Присутствіи рѣшено также необходимымъ—организовать и приходскіе органы управленія: А) распорядительный—Приходское Собраніе и Б) исполнительный—Приходскій Совѣтъ.

Составъ и функціи этихъ органовъ приходскаго управленія въ общихъ чертахъ таковы.

А) Въ составъ Приходскаго Собранія входятъ клиръ и всѣ прихожане, достигшіе 25-лѣтняго возраста, за исключе-

¹⁾ *ibid.* стр. 5—6.

ніемъ лицъ, подвергнувшихся ограниченію въ правахъ по суду — гражданскому, церковному и братскому, сектантовъ и людей явно порочныхъ, а по дѣламъ имущественнымъ, помимо того, и лицъ, не участвовавшихъ въ приходскомъ самообложеніи.

Собраніе Приходское вѣдасть хозяйственныя дѣла прихода и заботится о религіозно-нравственномъ воздѣйствіи на приходскую жизнь посредствомъ устроенія миссіонерскихъ и сестринскихъ союзовъ, братскаго суда, наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ при совершеніи богослуженія въ церкви и религіозныхъ процессіяхъ. Заботится объ улучшеніи церковнаго пѣнія, о благоукрашеніи храма и благоустроеніи причтовыхъ помѣщеній; объ устройствѣ и развитіи церковно-приходской школы; наблюдаетъ за религіозно-воспитательнымъ дѣломъ въ школахъ другихъ типовъ, устраиваетъ благотворительныя заведенія и т. п.

Б) Приходскій Совѣтъ состоитъ изъ членовъ причта, церковнаго старосты и прихожанъ по выбору Приходскаго Собранія. Совѣтъ яляется, главнымъ образомъ, исполнительнымъ органомъ Приходскаго Собранія по состоявшимся постановленіямъ онаго.

У. Наконецъ, для возвышенія нравственно-просвѣтительнаго воздѣйствія духовенства на паству, въ Предсоборномъ Присутствіи рѣшено: поставить приходскихъ священниковъ въ условія, болѣе благопріятныя для пастырскаго дѣла, а именно: а) сокращеніемъ по возможности канцелярскаго писмоводства; б) отмѣною цензуры священническихъ проповѣдей; в) расширеніемъ права приходскаго пастыря по примѣненію правилъ церковной дисциплины по отношенію къ церковнымъ проступкамъ пасомыхъ; г) разрѣшеніемъ приходскимъ священникамъ, съ благословенія епископа, совершать божеств. литургію на разборномъ престолѣ и въ частныхъ домахъ; д) повышеніемъ ценза для кандидатовъ діаконства; е) возстановленіемъ званія діакониссы; ж) упорядоченіемъ переходовъ священниковъ съ одного прихода на другой

и 3) назначеніемъ въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ опредѣленнаго жалованья изъ казны духовенству.

Таковы въ общихъ чертахъ главнѣйшія постановленія IV-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія по вопросу о приходѣ. Какъ извѣстно, въ заключительномъ засѣданіи общаго собранія Предсоборнаго Присутствія, происходившемъ 15-го декабря 1906 года, подвергнуты были голосованію лишь тѣ формулы, относящіяся къ приходской реформѣ, которыя въ содержаніи своемъ, какъ въ основѣ, заключали резюме сужденій, высказанныхъ въ общихъ собраніяхъ присутствія.

Было предложено нѣсколько формулъ по вопросу о приходѣ и приходскомъ имуществѣ (профф.: И. С. Бердникова, А. И. Алмазова, М. А. Остроумова, Н. Н. Глубоковского, прот. М. И. Горчакова, архіеп. Дмитрія и отъ имени IV-го отд.—преосвящ. Стефана). По выслушаніи различныхъ опредѣленій, послѣдовали рѣчи защитниковъ каждаго изъ нихъ, въ которыхъ (рѣчахъ) ничего новаго не было, сравнительно съ тѣмъ, что уже высказано было о приходѣ и въ литературѣ, и въ прежде бывшихъ засѣданіяхъ IV-го отдѣла Присутствія. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ случаѣ представляетъ интересное сообщеніе, сдѣланное проф. Дмитриевскимъ о правахъ и положеніи приходскихъ общинъ на православномъ востокѣ и, въ частности, въ константинопольской церкви, гдѣ давно развита общинная приходская жизнь. Хозяиномъ здѣсь и распорядителемъ храмоваго и приходскаго имущества является „эпитропія“ или представительство почетнѣйшихъ прихожанъ, купцы, владѣльцы и др. При приходяхъ существуютъ школы, больницы, воспитательные дома. По идеѣ все обстоитъ хорошо, а на дѣлѣ профессоръ наблюдалъ въ сельскихъ приходяхъ безотрадное положеніе дѣлъ. Эпитропы—плохіе и скуные хозяева, даютъ на приходскія учрежденія ничтожныя средства, въ видѣ праздничныхъ подарковъ, но за то, скопленные средства охотно жертвуютъ на какія либо государственныя или общественныя учрежденія и предпріятія, особенно, если за пожертвованія эти жи-

№ 22. Рук. для сельск. паст. т. II. 1913 г. 2.

даются ордена и награды,—напримѣръ, на постройку новаго броненосца, на содержаніе ристалища. Храмы же—убогіе, грязные, темные, паникадилы мѣдныя, подсвѣчники жалкіе. Наши русскіе простые храмы являются сравнительно съ ними великолѣпными соборами. Приходская эпитропія властвуетъ надъ пастырями,—„экс“, „като“, т. е. „вонъ“, „долгой“ то и дѣло тяготѣетъ надъ судьбою любого приходскаго священника, какъ нибудь не угодившаго властнымъ эпитропамъ. Кто умѣетъ составить партію, тотъ и успѣваетъ въ полученіи прихода. Эпитропія настолько всесильна, что предъ ней смиряются и епископы и даже патріархи считаются съ нею.

Нужно думать, что эта убѣдительная справка проф. Дмитріевскаго, съ яркими примѣрами всѣхъ недостатковъ приходской „автономіи“ на востокѣ, имѣла вліяніе на исходъ голосованія предложенныхъ формулъ. И вотъ, большинствомъ голосовъ, Предсоборному Присутствію удалось провести формулу IV отдѣла: „Православный приходъ есть церковное учрежденіе, состоящее въ вѣдѣніи епископа, для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ нуждъ опредѣленнаго въ числѣ собранія православныхъ христіанъ, подъ пастырскимъ руководствомъ священника и при назначенномъ для того церковною властью храмѣ.—Православная Россійская Церковь является собственникомъ всего церковнаго, причтового и приходскаго имущества. Въ приходахъ же завѣдываніе мѣстнымъ церковно-приходскимъ имуществомъ ввѣряется приходу, какъ юридическому лицу, состоящему изъ причта и прихожанъ мѣстнаго храма, находящихся въ канонической зависимости отъ мѣстнаго епископа“¹⁾.

Священникъ *М. Свидерскій*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Жур. и прот. Предсоб. Присут., кв. III, стр. 386.

Толковый Типиконъ.

(Продолженіе ¹).

Измѣняемыя части литургіи.

Послѣ того, какъ 1 и 2 антифоны „изобразили“ царство Божіе (Пс. 102, 19; 145, 10) съ ветхозавѣтной точки зрѣнія, 3 антифонъ, на которомъ совершается символизирующей „входъ святыхъ“ въ царство небесное обрядъ, даетъ новозавѣтную картину этого царства, естественно начиная ее молитвою (благоразумнаго разбойника, — повторяемою и на великомъ входѣ) о принятіи насъ въ него. Такъ какъ нѣтъ болѣе живописнаго и трогательно-радостнаго ученія о царствѣ Божіемъ, чѣмъ данное заповѣдями блаженства, то онѣ и привлекаются сюда, возвышая и усиливая дышащее въ изобразительныхъ псалмахъ чувство наслажденія благами Божіими. вмѣстѣ съ тѣмъ въ неизмѣняемую часть литургіи, близящуюся уже къ концу, теперь впервые вводится виѣ-библейскій пѣвческій матеріаль—въ видѣ особыхъ прибавочныхъ пѣсней къ стихамъ блаженствъ, называемыхъ какъ и эти стихи „блаженны“ (μακαρισμοί). Они прославляютъ празднуемое событіе, какъ и тропари канона, коими иногда замѣняются, безъ отношенія къ сопровождающимъ ихъ библейскимъ стихамъ, за исключеніемъ 1-го блаженна, который, подобно прмосу въ канонѣ, имѣетъ такое отношеніе, т. е. всегда говоритъ о покаяніи сораспятаго со Христомъ разбойника.

Поются блаженны особымъ напѣвомъ череднаго гласа, близкимъ къ тропарному и канонному. Т. о. изъ разныхъ напѣвовъ гласа въ литургію берутся самые богатые: тропарный, канонный и прокимническій.

Для пѣнія Евангельскія блаженства съ предшествующею имъ молитвою: „Во царствіи твоёмъ помяни насъ Го-

¹) См. № 21 за 1913 г.

споди“ и заключительнымъ (по аналогіи съ предыдущими псалмами) къ нимъ славословіемъ раздѣлены на 12 стиховъ ¹⁾, причемъ молитва съ 1-мъ блаженствомъ соединена въ одинъ стихъ, а отъ послѣдняго блаженства, въ виду его длины, отдѣлено обѣтованіе: „Радуйтесь и веселитесь“..., какъ и „Слава“ отдѣлено отъ „И нынѣ“. Тропари къ евангельскимъ блаженствамъ присоединяются на обычной воскресной, неосложненной другими свящ. памятьми, литургіи не съ 1-го стиха, а какъ стихиры на Господи воззвахъ, съ одного изъ дальнѣйшихъ, именно съ 3-го, чтобы всѣхъ ихъ было 10, а безъ Славы и нынѣ—8, на два болѣе, чѣмъ на будничной литургіи. При совпаденіи съ воскресеньемъ какой-либо памяти, имѣющей свои блаженны, количество воскресныхъ блаженнъ сокращается до 6 и 4, а общее число блаженнъ можетъ увеличиваться до 12, начинаясь съ 1-го стиха. Но блаженны въ собственномъ смыслѣ имѣеть только Октоихъ. Для всѣхъ другихъ памятей блаженными служатъ пѣсни канона, именно 3 и 6 пѣсни, или одна 3 я. Такія пѣсни въ канонѣ выбраны, д. б. и. ч. соовѣтствуютъ нумераціей 3 и 6 часамъ, съ которыми совершается литургія, или по соотвѣтствію въ содержаніи лежащихъ въ ихъ основѣ библейскихъ пѣсней блаженнамъ (утѣшеніе въ страданіи) ²⁾ Если въ воскресенье приходится одна память, имѣющая пѣснь канона на блаженнахъ, то воскресныя блаженны поются на 6 и 3-я пѣснь канона на 4; если двѣ такихъ памяти, то воскресныя блаженны на 4 и каждая изъ пѣсней канона—3-я и 6-я—на 4 (объ этомъ въ главахъ 3, 4, 5 Тип., въ мѣсяцесловѣ, напр. 1, 9 сент., въ 40-цѣ, 50-цѣ). Пѣсни канона д. б. нужно пѣть безъ прмоса, такъ какъ его замѣняетъ первая блаженна Октоиха (когда на блаженнахъ поются только пѣсни канона, то—съ прмосомъ, см. нед. антипасхи вечера, 2-ое зри).

¹⁾ Чинъ пѣвія изложенъ въ Ирмологіи. М. 1895, л. 108.

²⁾ *Дмитріевскій П.* Историческое, догмат. и таинственное изъясненіе на литургію. М. 1803, ч. II § 43.

Заключеніемъ блаженнъ, являющихся какъ бы пѣснью малаго входа на литургіи, собственно „входнымъ“ стихомъ служить пѣснь: „Приидите поклонимся и припадемъ ко Христу“, стихъ, открывающій собою и другія службы (литургія по идеѣ и начинается отсюда, со входа, почему до него архіерей не принимаетъ въ ней участія) и такъ идущій ко входу, съ припѣвомъ: „Спаси ны, Сыне Божій, (въ воскресеньѣ): воскресый изъ мертвыхъ (въ будни: „во святыхъ дивенъ сый“, въ Богородичные праздники: „молитвами Богородицы“) поющія ти: аллилуіа“. Аллилуіа—однажды, какъ объ этомъ выразительно сказано въ Служебникѣ и какъ дѣлается на соотвѣтствующемъ праздничномъ припѣвѣ ко 2 антифону, а не трижды, п. ч. пѣснь относится къ одному Спасителю, а не къ Св. Троицѣ, какъ напр. аллилуіа на постной утренѣ.

Нигдѣ въ литургіи нѣтъ такого стеченія специально-праздничныхъ пѣсней, какое представляютъ собою блаженны съ ихъ 8—12 тропарями. Это, можно сказать, самая праздничная часть литургіи, особенно если принять во вниманіе напѣвъ ихъ—наиболѣе богатый помелодіи изъ гласовыхъ напѣвовъ. Неудивительно поэтому, что уставъ иногда отмѣняетъ и антифоны дванадцатыхъ Господскихъ праздниковъ для сохраненія блаженнъ. Такъ, если память Іоанна Богослова случится въ Вознесеніе, оставляются антифоны праздника и поются изобразительные псалмы только для того, чтобы на входѣ можно было почтить память святаго пѣснью его канона. То же дѣлается если храмъ святаго случится даже въ Пятидесятницу ¹⁾).

Блаженны въ составѣ литургіи такъ тѣсно связаны съ изобразительными, что появиться на ней могли только одновременно

¹⁾ Нельзя поэтому безъ душевной боли говорить о томъ, что обычно тропари на блаженнахъ опускаются. И это на литургіи, службѣ такой краткой и настолько священной, что здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, позволительны пропуски. Опущеніе тропарей на блаженнахъ сводитъ праздничную литургію на степень будничной, разоряетъ праздникъ. Еще болѣе дѣлаетъ это чтеніе ихъ вмѣсто пѣнія.

съ ними, слѣд. сравнительно поздно (см. выше). Присутствіе ихъ на утрени великаго канона, великаго пятка и въ чинѣ погребенія, столь близкомъ по составу къ утренѣ, можетъ говорить за то, что первоначально они употреблялись на этой службѣ. Странно, что р.-католическое богослуженіе не использовало столь назидательной и художественной страницы Евангелія.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе 1).

Молочко, которымъ питается въ первые три дня пчелиная личинка и которымъ откармливается во всю свою жизнь матка, вырабатывается слюнными железами пчелы; оно состоитъ изъ бѣлковины и жировыхъ веществъ. По виду пчелиное молочко очень схоже съ молочнымъ киселемъ и имѣетъ солено-кисловатый вкусъ. Въ пору выдѣленія молочка, пчелы усиленно питаются медомъ и пергой, такъ какъ только эти два продукта могутъ дать бѣлковину и жиръ. Если нѣтъ въ ульѣ перги, въ молочкѣ почти совсѣмъ не будетъ бѣлковины, и дѣтка, не получая надлежащаго корма, будетъ страдать и даже совсѣмъ замирать въ ячейкахъ; когда же въ полѣ есть достаточно меда и перги, пчелы и сами хорошо питаются и имѣютъ возможность питать свои железы, а тѣ въ свою очередь, по желанію пчелы, могутъ выдѣлять молочко въ требуемомъ количествѣ.

Такъ какъ въ составъ молочка входятъ медъ и перга въ совершенно переработанномъ и переваренномъ видѣ, то и не удивительно, что этотъ нѣжный пищевой продуктъ цѣлкомъ усваивается какъ маткой, такъ и личинками, и намъ становится совершенно понятнымъ, почему ни матка, ни

1) См. № 21 за 1913 г.

личинки до известнаго возраста не имѣютъ потребности въ испражненіи. Въ то время, какъ въ испражненіяхъ пчелы мы находимъ достаточное количество неперевариваемыхъ веществъ, состоящихъ изъ оболочекъ пыльцы, испражненія матки состоятъ изъ совершенно прозрачныхъ слизистыхъ выдѣленій, очень схожихъ, какъ по своему составу, такъ и по внѣшнему виду, съ мочей животныхъ организмовъ. Словомъ, кормя матку, грубую работу перевариванія пищи пчелы берутъ на себя, на себя же онѣ берутъ и потребность испражняться за матку, ибо ту пыльцу, которую должна была бы съѣсть матка, для полученія изъ нея бѣлковины, пчелы ѣдятъ, такъ сказать, за нее и за нее же извергаютъ вонь неперевариваемыя оболочки пыльцы. Жидкія испражненія матки пчелы слизываютъ и немедленно уносятъ изъ улья.

Завивка личинкой кокона. Какъ только личинка почувствуетъ, что она уже запечатана, какъ немедленно поднимаетъ къ крышечкѣ головку и начинаетъ засновывать ее (крышечку) паутиной. Работу эту личинка производитъ не особенно тщательно и систематично, а просто вертитъ головкой въ разныхъ направленіяхъ и накладываетъ паутинку на паутинку до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не получится довольно жиденькій покровъ. Закрывъ паутиной крышечку, личинка, засновываетъ и бока ячейки, начиная съ верху и постепенно спускаясь къ низу. Дойдя до половины ячейки, личинка вслѣдствіе постепеннаго опусканія головки внизъ, сворачивается почти въ дугу, отъ чего бываетъ стѣснена въ ячейкѣ и чувствуетъ потребность очиститься. Но мы должны еще сказать, что заднепроходная кишка личинки отдѣлена отъ пищеварительнаго желудка и тонкой кишки пленкой, и что личинка, до сихъ поръ еще ни разу не очищалась, да и сдѣлать этого не можетъ, пока цѣла отгораживающая пленка; лопнуть же пленка можетъ только отъ сильнаго давленія на нее кала, что, вѣроятно, и происходитъ въ то время, когда личинка сворочена въ дугу. Какъ бы тамъ ни было, но первое и единственное очищеніе личинки происходитъ именно въ этотъ моментъ. Выброшенный личинкой калъ ложится на

дно ячейки и заполняетъ все его улубленіе. Личинка немедленно начинаетъ засновывать свои отбросы, но уже болѣе плотнымъ и болѣе прочнымъ покровомъ изъ той же паутины. Затянувъ дно, личинка продолжаетъ засновку боковъ ячейки, но уже тянетъ ее снизу вверхъ до встрѣчи съ прежней засновкой.

Засновка ячейки называется *пряденіемъ кокона*. Матеріаль для пряжи вырабатываютъ, такъ называемыя, прядильныя железки личинки. Тянучая жидкость, выдѣляемая прядильными железами, поступаетъ въ особый канальчикъ, заканчивающійся небольшимъ отверстіемъ на бугоркѣ будущей, нижней губы, о которомъ (отверстіи) мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ (см. Т. 2. рис. Е и И). Выйдя черезъ отверстіе наружу, жидкость железъ, въ соприкосновеніи съ воздухомъ, немедленно засыхаетъ и превращается въ тоненькую ниточку—паутинку. Свѣжая паутинка—липкая и потому весьма легко пристаётъ какъ къ стѣнкамъ ячейки, такъ и къ другой, уже высохшей паутинкѣ. Пряденіе кокона заканчивается на $6\frac{1}{2}$ день ($9\frac{1}{2}$).

Превращеніе личинки въ куколку. Окончивъ пряденіе кокона, личинка вытягивается въ ячейкѣ во всю длину, ложится на спинѣ головкой къ крышечкѣ и погружается въ сонъ, каковое состояніе продолжается до $9\frac{1}{4}$ ($12\frac{1}{4}$) дня. Во время сна происходитъ перерожденіе личинки въ куколку. Уже къ концу $9\frac{1}{4}$ дня, по выступающимъ сквозь верхнюю оболочку личинки новообразованнымъ бугоркамъ, можно замѣтить, что подъ ея внѣшнимъ покровомъ вырастаютъ ножки и проч. наружныя части, и дѣйствительно, когда на $9\frac{1}{4}$ день лопнетъ и сверотится въ комокъ верхній покровъ личинки, глазамъ нашимъ представится совершенно сложившаяся куколка, бѣло-молочнаго цвѣта. Это линяніе личинки уже будетъ третьимъ по счету, мы его назовемъ *общимъ линяніемъ куколки*. Свороченная въ комокъ пленка куколки прилипаетъ ко дну кокона. При болѣе внимательномъ осмотрѣ новообразованной куколки, мы можемъ замѣ-

тить, что всѣ ея наружные члены—какъ то: ножки, крылышки, усики и хоботокъ завернуты въ пленки, наподобіе мѣшочковъ.

Частично завернутая въ пленочки куколка лежитъ по-прежнему на спинѣ въ сонномъ состояніи и продолжаетъ перерождаться, т. е., окончательно формироваться и развивать свои виѣшніе органы. Къ концу 17 (20) дня куколка начинаетъ шевелиться и сбрасывать свои послѣдніе покровы—мѣшочки. Но мы должны еще упомянуть, что между наружной кожицей перерождающейся личинки и самой личинкой, равно какъ и между мѣшечками куколки и завороченными въ нихъ наружными членами ея, находится прозрачная жировая жидкость, въ которой и происходитъ перерожденіе какъ всей куколки, такъ и ея членовъ.

Въ послѣдній періодъ развитія куколки происходитъ и измѣненіе въ цвѣтѣ ея. Сначала начинаютъ темнѣть сложные глаза въ свѣтло-фіолетовый цвѣтъ, а потомъ и все тѣло куколки пріобрѣтаетъ свѣтло-сѣрую окраску. Въ этотъ же послѣдній періодъ куколки вырастаютъ и окрашиваются въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ и волосики.

Почувствовавъ, что куколка подъ крышечкой шевелится, пчелы начинаютъ понемногу разгрызать печать, а черезъ 12 часовъ послѣ послѣдняго линянія, т. е., на 18 (21) день по выходѣ личинки изъ яйца, разгрызши клещиками коконъ и оставшуюся печать, выходитъ изъ ячейки совершенно зрѣлая пчелка. Только что вышедшая пчелка имѣетъ очень жалкій видъ; еще не обсохшая и потому маленькая на видъ, серебристо-сѣрая крошка сидитъ, прижавшись къ сотамъ, недалеко отъ мѣста родной колыбели и только изрѣдка протягиваетъ хоботокъ къ проходящимъ мимо старшимъ сестрицамъ, прося у нихъ пищи.

Содержаніе только что описаннаго періода перерожденія пчелиной личинки въ куколку заимствовано нами изъ книги профессора Цесельскаго, которому впервые удалось прослѣдить шагъ за шагомъ процессъ развитія и перерожденія ли-

чинки въ куколку. Воздавая должное трудолюбивому ученому, мы не можемъ умолчать и о его приемахъ наблюдений въ данномъ случаѣ. Для того, напр., чтобы прослѣдить развитіе запечатанной и потому недоступной взору наблюдателя личинки, Цесельскій бралъ ее въ стеклянную ячейку, запечатывалъ тоненькой восковой пленкой, заворачивалъ въ ватку и въ коробочкѣ вынашивалъ у себя подъ мышкой, ежечасно заглядывая туда и наблюдая, не произошло ли какихъ либо перемѣнъ съ объектомъ его наблюдений; и не смотря на то, что девять изъ десяти личинокъ умирало, ему все же удалось прослѣдить и описать то, что никому до него не удавалось.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го мая 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Авц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. №. 6.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 23

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 2-го іюня.

Содержаніе: I. Полезная мѣра. (Окончаніе). Свящ. А. Введенскій.—II. Вопросъ о церковномъ приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ XX-го в. (Окончаніе). Свящ. М. Свидерскій.—III. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—IV. Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе). Г. Лисянскій.—V. Успѣхъ русскаго церковнаго пѣнія въ Америкѣ. Н. П.—въ.

Полезная мѣра.

(Окончаніе ¹⁾).

Приведемъ одинъ довольно характерный примѣръ, который какъ нельзя лучше покажетъ намъ, что въ народѣ есть добрыя и разумныя начинанія, что онъ въ состояніи постоять за правду православія, поддержать вѣру своихъ отцовъ и дѣдовъ и предупредить грозящую со стороны сектантовъ опасность. Нужно только во время пробудить дремлющія силы народа, воодушевить его, направить его энергію

¹⁾ См. № 22 за 1913 г.

по должному пути, и повести его вслѣдъ за сильными и энергичными жожаками.

Этотъ примѣръ мы заимствуемъ изъ „Матеріаловъ“ еп. Алексія. Тамъ, подъ № 225, на 309 страницѣ, мы читаемъ приговоръ Вознесенскаго волостного схода, который начинается такими словами:

„Мы, нижеподписавшіеся Херсонской губерніи, Елизаветградскаго уѣзда, Вознесенской волости выборныя лица, числомъ 285 человекъ, выслушавъ предложеніе нашего волостного старшины Кярпа Молдованова, касающееся упадка нравственности между населеніемъ крестьянъ, а также и религіи, вслѣдствіе непочитанія установленныхъ св. Церковью великихъ праздниковъ и воскресныхъ дней, какъ бы слѣдовало по заповѣдямъ Господнимъ, и что причиной сему служить укоренившійся въ народѣ обычай преимущественно въ воскресные и праздничные дни производить торговлю на базарахъ, такъ что каждый почти изъ домохозяевъ района волости, дождавшись воскреснаго дня, спѣшитъ не во храмъ Божій, а скорѣе отвезти или отнести на базаръ послѣднее изъ своихъ пожитковъ, дабы продать, а затѣмъ мало кто возвращается домой при трезвой памяти, а болѣе проводятъ день въ нитейныхъ заведеніяхъ, кромѣ того, что базары служатъ развращеніемъ нравовъ для народа, но еще способствуютъ распространенію разныхъ сектъ, которыя укоряютъ христіанъ въ непочитаніи воскресныхъ и праздничныхъ дней,—а потому для возстановленія болѣе нравственной жизни христіанъ и для выполненія заповѣди Божія посѣщать св. храмы во всѣ воскресные и праздничные дни, онъ, старшина, спрашиваетъ нашего мнѣнія, не найдетъ ли волостный сходъ возможнымъ постановить разъ навсегда, чтобы жители ни въ какомъ случаѣ не выѣзжали бы въ воскресные дни на базаръ и по другимъ своимъ хозяйственнымъ дѣламъ и не нарушали бы святости воскреснаго дня до захожденія солнца и не служили бы соблазномъ для сектантовъ. Сознавая вполнѣ предложеніе старшины Молдованова справедли-

вымъ и заслуживающимъ особеннаго вниманія., мы единогласно постановили: 1) просить разрѣшенія у правительства о перемѣнѣ въ г. Вознесенскѣ базаровъ для сбыта хлѣба и скота съ воскресныхъ и праздничныхъ дней на будніе дни— на понедѣльникъ и субботу, а въ воскресные дни и дни большихъ годовыхъ праздниковъ не открывались бы весь день питейныя заведенія и разныя торговыя лавки, какъ въ г. Вознесенскѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ его; 2) воспретить на будущее время всѣмъ и каждому изъ жителей Вознесенской волости ни подъ какимъ видомъ ни откуда не выѣзжать въ воскресные дни волами или лошадьми на базары; 3) снести съ сосѣдними волостными правленіями о предложеніи волостнымъ сходамъ, не признають ли они возможнымъ для поддержанія этой благой цѣли постановить подобныя же приговоры; 4) за невыполненіе крестьянами второго пункта сего приговора виновныхъ подвергать взысканію въ первый разъ 3 рублямъ, во второй—5 и далѣе прибавлять за каждый разъ по одному рублю до 10 рублей, а если и затѣмъ будутъ повторяться невниманіе и ослушаніе, то въ такомъ случаѣ виновныхъ наказывать розгами до 20 ударовъ и лишать на сходахъ права голоса“.

Уже изъ этого примѣра достаточно очевидно, что народъ сознаетъ великую опасность сектантства, стремится бороться съ нимъ, парализовать его развращающее вліяніе. Нужно только, повторяемъ, урегулировать его полемическіе приемы, направить свѣжія, молодыя его силы на надлежащій путь, на разумную борьбу. Словомъ, нужно привлечь его къ участію въ дѣлахъ противосектантской миссіи. И совмѣстная работа на благо православія будетъ тогда болѣе продуктивна и цѣнна.

Еще одно слово. Организовать приходскія братства, снабдить ихъ въ достаточномъ количествѣ потребной литературой, обучить ихъ наиболѣе цѣлесообразнымъ полемическимъ приемамъ—еще не значитъ подвинуть дѣло впередъ. Бываетъ зачастую и такъ, что есть и братства, есть и литература,

есть и подходящія лица, однако сектанство не только не уменьшается, а еще болѣе увеличивается. Значить, весь успѣхъ миссіи не въ одной ревности приходскихъ братствъ, не въ ихъ опытности, и не въ ихъ количествѣ, а въ чемъ-то другомъ.

Въ чемъ же именно?

— Въ безупречномъ поведеніи, въ доброй, нравственной жизни, въ христіанской настроенности членовъ приходскихъ миссій—вотъ въ чемъ, по общему признанію, тайна ихъ успѣха и плодотворной дѣятельности.

Дѣйствительно, сектанты только и пишутъ, только и говорятъ, что о нравственномъ возрожденіи. Гордые своею мримою святостью они вездѣ выставляютъ напоказъ свои добродѣтели и подчеркиваютъ наши „грѣхи и темныя дѣянья“. Не проходитъ ни одной бесѣды, ни одной проповѣди, чтобы они не проводили между собою и нами параллели и не выводили бы изъ нея преимуществъ своей вѣры и своей жизни. И если члены народно-приходской миссіи кромѣ словъ ничего не въ состояніи будутъ противопоставить гордымъ и кичливымъ сектантамъ, то ихъ миссія будетъ безплодной.

Поэтому, особенно надо стараться о томъ, чтобы приходская миссія повѣдала сектантамъ не только чистоту, величіе и истинность православія, но и чистоту, святость, богоугодность самой жизни. Тогда сектанты перестанутъ кичиться своею исключительною праведностью, перестанутъ говорить, что только въ ихъ вѣрѣ возможны добродѣтель и спасеніе, что только ихъ ученіе облагораживаетъ, очищаетъ и одухотворяетъ человѣка, перестанутъ и переманивать къ себѣ православныхъ простецовъ, говоря, что у нихъ лучше, что у нихъ живутъ какъ братья, по вѣрѣ, по совѣсти, по Слову Божію, а у насъ, у православныхъ, какъ люди, не знающіе и не имѣющіе закона.

Отсюда выводъ такой: принятіе членовъ въ приходскія миссіи должно происходить со строгимъ разборомъ, чтобы

порочная жизнь хотя бы одного изъ нихъ не дала повода къ несправедливому обвиненію всѣхъ въ нехристіанской жизни и не подорвала этимъ благотворнаго ихъ вліянія на заблудшихъ.

Теперь—объ одномъ нежелательномъ и крайне несимпатичномъ явленіи въ жизни приходской миссіи, которое, къ сожалѣнію, въ послѣднее время замѣчается все чаще и чаще.

„Не могу умолчать объ одномъ обстоятельстве, пишетъ прот. І. Троицкій ¹⁾, которое тормозитъ успѣхъ приходскаго миссіонерскаго братства. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые ревнители изъ простонародья, приглашенные священникомъ къ участию въ приходской миссіи, впадаютъ въ самомнѣніе, начинаютъ трактовать себя, какъ церковныхъ учителей. И если въ братствѣ ревнителей православія наберется не мало такихъ членовъ, то и кружокъ ревнителей будетъ не въ помощь священнику, а во вредъ. Можетъ быть, это обстоятельство предвидится многими приходскими священниками, задумывающимися надъ открытіемъ народныхъ приходскихъ миссіонерскихъ обществъ, и тормозитъ предлагаемое дѣло. Но, думаемъ, возможно и не допустить такого печальнаго явленія въ жизни приходскаго братства, если будетъ составленъ опредѣленный уставъ, въ которомъ точно будутъ указаны не права ревнителей, а ихъ обязанности по отношенію къ вѣрѣ и Церкви, добровольно ими на себя налагаемая“.

Нельзя не признаться, что есть и тѣневныя стороны въ жизни приходскихъ миссій. Но онѣ незначительны. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, и при ихъ наличности народныя миссіи представляютъ собою огромный плюсъ въ борьбѣ съ врагами православной вѣры.

¹⁾ „Руководство для сельскихъ пастырей“. 1912 г. № 17: „Особенная зловредность шундо-баптизма и нѣкоторыя мѣры приходской борьбы съ этой сектой“, стр. 512—517.

Посему Святейшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 20—26 мая 1908 года, призналъ необходимымъ обратить серьезное вниманіе епархіальныхъ начальствъ на необходимость самой широкой организаціи приходской миссіи.

Будемъ же вѣрить и надѣяться, что при помощи братскаго миссіонерскаго союза мірянъ будетъ побѣжденъ надменный врагъ Церкви и православія, много лѣтъ воюющій противъ нашей святыни, запечатлѣнной кровію Агнца Христа.

Во многихъ епархіяхъ уже выработаны правила о томъ, какъ лучше и удобнѣе, по мѣстнымъ условіямъ, поставить дѣло народно-приходской миссіи. Приводимъ правила о народно-приходской миссіи, принятыя, съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго, въ Новгородской епархіи. Можетъ быть, кому-нибудь онѣ пригодятся и кто-нибудь возьметъ ихъ для руководства при организаціи народныхъ миссіонерскихъ дружинъ.

1) Въ церковной народно-приходской миссіи принимаютъ участіе церковно-приходскія попечительства, приходскіе совѣты, кружки ревнителей православія, миссіонерскія братства и другія подобныя приходскія учрежденія.

2) Задачи приходской миссіи состоятъ въ утвержденіи православныхъ въ вѣрѣ и доброй нравственности, огражденіи православныхъ отъ вліянія лжеученія, инославія, раскола, сектантства и невѣрія, а также и въ обращеніи въ лоно Церкви заблудшихъ.

3) Церковно-приходскія учрежденія, дѣйствуя подъ главнымъ руководствомъ мѣстнаго священника, оказываютъ религіозно-нравственное вліяніе на прихожанъ, особенно на колеблющихся въ вѣрѣ путемъ убѣжденія и другими способами духовно-нравственнаго воздѣйствія. Они заботятся о проведеніи нравственныхъ началъ въ жизнь прихода, о посѣщеніи дѣтьми и взрослыми храма Божія, о почитаніи святости воскреснаго дня, о примиреніи въ семьяхъ враждующихъ сторонъ, объ искорененіи въ приходахъ воровства, сквернословія, разгула молодежи, объ охраненіи порядка и

благочинія во время крестныхъ ходовъ, освященія полей и другихъ церковно - общественныхъ торжествъ; открываютъ народныя читальни и библіотеки съ разрѣшенія подлежащаго начальства, устрояютъ религіозно - нравственныя чтенія и бесѣды, заводятъ церковно-пѣвческіе хоры, оказываютъ матеріальную помощь дѣтямъ прихода, и особенно обращающимся изъ раскола, сектантства, инославія и невѣрія въ православіе; прискиваютъ бѣднякамъ работу и т. п.

4) Члены означенныхъ приходскихъ учреждений сообщаютъ священнику о появленіи въ приходѣ проповѣдующихъ ложныя религіозныя ученія, о колеблющихся въ вѣрѣ прихожанахъ, объ отпавшихъ уже отъ православія и т. п.

5) Изучая подъ руководствомъ своихъ пастырей въ возможной мѣрѣ Св. Писаніе и способы собесѣдованій съ послѣдователями религіозныхъ лжеученій, названные члены содѣйствуютъ священнику въ утвержденіи въ православіи колеблющихся и въ возвращеніи въ лоно Церкви совратившихся изъ православія, для чего, по возможности, посѣщаютъ ихъ дома и вступаютъ въ дружескія, въ духѣ христіанской любви, частныя съ ними бесѣды.

6) Съ согласія священниковъ смежныхъ, зараженныхъ религіозными лжеученіями, приходовъ, члены названныхъ приходскихъ учреждений могутъ посѣщать и ихъ приходы, гдѣ, совмѣстно съ тамошними членами, ведутъ, подъ наблюдениемъ священниковъ, частныя бесѣды какъ съ православными, такъ особенно съ заблудшими.

7) Названныя лица о своихъ дѣйствіяхъ даютъ отчеты своему приходскому пастырю, а послѣдній на собраніяхъ братствъ, попечительствъ, совѣтовъ и т. п. доводитъ о нихъ до общаго свѣдѣнія.

8) Церковно-приходскія попечительства, совѣты, братства и другія подобныя учрежденія поощряютъ тружениковъ по миссіи изъ народа матеріально, беря на себя расходы по ихъ миссіонерскимъ поѣздкамъ, снабжая ихъ необходимыми

книгами, брошюрами и листками и вообще содѣйствуя ихъ миссіонерскимъ трудамъ.

9) Миссіонерскіе кружки ревнителей православія или братства могутъ имѣть свой годичный праздникъ, на который приглашаютъ мѣстныхъ сельскихъ прихожанъ своей и сосѣднихъ церквей и въ ихъ присутствіи выслушиваютъ годичный отчетъ о миссіонерской дѣятельности всѣхъ своихъ членовъ. Отчетъ этотъ затѣмъ отсылается священникомъ епархіальному миссіонеру для его свѣдѣнія и для представленія епископу.

10) Желательно, чтобы хотя разъ въ году въ свободное время отъ полевыхъ работъ члены миссіонерскихъ учреждений нѣсколькихъ приходоѡ собирались вмѣстѣ для нравственной поддержки и обмѣна мнѣній по вопросамъ миссіи, для выясненія способовъ распространенія лжеученій въ данной мѣстности, для выработки соотвѣтствующихъ практическихъ мѣръ къ охраненію православныхъ отъ вліянія лжеученій и для лучшаго вообще воздѣйствія на заблудшихъ. Эти съѣзды, устраиваемые подъ руководствомъ пастырей или специальныхъ миссіонеровъ, въ то же время могутъ быть для народа миссіонерскими курсами, гдѣ міряне, ревнители православія, знакомятся съ лучшими способами, планами и методами веденія бесѣдъ съ заблудшими. Такіе съѣзды полезно заканчивать путешествіемъ къ мѣстнымъ святынямъ.

11) Въ члены народныхъ церковно-приходскихъ миссіонерскихъ учреждений могутъ вступать лица обоого пола православнаго исповѣданія, доброй христіанской жизни и ревнующія о благѣ святой Церкви и о спасеніи заблудшихъ¹⁾.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи
Священникъ *Александръ Введенскій*.

¹⁾ Эти правила позаимствованы нами изъ приложенія къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“—„Приходское Чтеніе“. См. № 21, 1911 г. стр. 485.

Вопросъ о церковномъ приходѣ въ Предсоборномъ Присутствіи и въ русской литературѣ XX-го вѣка.

(Окончаніе) ¹⁾.

VI.

О формулѣ IV Отдѣла Предсоборнаго Присутствія въ печати высказаны были различныя мнѣнія. Съ одной стороны, ее одобряли и выражали пожеланія скорѣйшаго, даже до созыва собора, ея осуществленія въ жизни, съ другой стороны ее рѣзко критиковали.

Такъ, „Новое Время“ (въ № 11057, отъ 23-го декабря 1906 г.), въ передовой своей статьѣ высказало, что, съ принятіемъ Предсоборнымъ Присутствіемъ формулы IV-го Отдѣла, можно надѣяться, что формула эта будетъ также одобрена и на предстоящемъ соборѣ русской церкви. „Несомнѣнно,—разсуждаетъ газета,—что верховнымъ собственникомъ всего церковнаго имущества должна быть признана Всероссійская Православная Церковь, и это признаніе никоимъ образомъ не мѣшаетъ, съ юридической и канонической точекъ зрѣнія, другому признанію, а именно, что въ церковномъ организмѣ существуютъ учрежденія, имѣющія канонически-дозволенную самостоятельность въ управленіи и обладающія ограниченнымъ правомъ собственности“.

Совершенно другого мнѣнія о формулѣ IV-го Отдѣла Л. Тихоміровъ, что имъ и высказано въ томъ же „Новомъ Времени“ (отъ 31 дек. 1906 г.) въ статьѣ подъ заглавіемъ „Приходскій вопросъ“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 12—17 за 1907 г.).

Прежде всего г. Тихоміровъ, какъ членъ бывшаго Предсоборнаго Присутствія, констатируетъ, что послѣднее ника-

¹⁾ См. № 22 за 1913 г.

кого приходского устава не выработывало. Выработываль его только IV Отдѣль Присутствія, что—большая разница. Что касается самаго проекта устава, то, по заявленію г. Тихомірова, его „глубокіе недостатки такъ сильно сознавались многими членами Предсоборнаго Присутствія, что къ предполагавшимся его обсужденіямъ въ полномъ составѣ было уже готово нѣсколько критическихъ возраженій противъ работы IV Отдѣла“.

Недостатки проекта сводятся, по мнѣнію г. Тихомірова, къ слѣдующему: а) формула имущественныхъ правъ прихода, по проекту, не имѣетъ никакого опредѣленнаго смысла: „если собственникомъ церковнаго имущества является Русская Церковь, т. е., конкретно, высшее церковное управленіе, то слова о „юридическомъ лицѣ“ прихода составляютъ совершенно пустой звукъ“. б) Проектъ, затѣмъ, „переходитъ всѣ границы бюрократической страсти къ регламентаціи малѣйшихъ подробностей въ жизни прихода, онъ полонъ вѣры въ форму“. в) Проектъ, далѣе, „всѣ свои надежды на средства прихода возлагаетъ на обязательное обложеніе, которое и вводитъ, въ противорѣчіе съ православнымъ понятіемъ о добровольной жертвѣ, какъ источникъ обезпеченія нуждъ церкви“. г) Стремясь создать самоуправляющуюся крѣпкую общину, „проектъ такъ преувеличиваетъ власть общинной дисциплины надъ отдѣльнымъ членомъ, какъ этого не слѣлаютъ и протестанты“. д) Наблюденіе за вѣрой и нравственностью, по православнымъ понятіямъ, составляетъ дѣло пастырское, дѣло благодатствованнаго духовника, проектъ же переноситъ это право на приход. собраніе и совѣтъ (§§ 41, 54 и 92). Указывая, затѣмъ, и на другіе, частнѣйшіе недостатки проекта (неудобство всеобщаго голосованія на собраніи, упраздненіе попечительствъ и т. п.), г. Тихоміровъ въ заключеніе говоритъ, что „масса случайнаго населенія, какъ составная часть „юридическаго лица“, никакъ не должна получать такихъ правъ, которыя способны фактически подрывать значеніе священника или епископа, подавлять властью массы чуткую религіозную

личность и отрывать приходъ отъ Вселенской Церкви, замыкая его во внутреннихъ интересахъ“. По мнѣнію г. Тихомірова нужно „не утопить лучшія силы прихода въ массѣ плохихъ или фиктивныхъ христіанъ, а, напротивъ, возможно болѣе сплотить ихъ и усилить ихъ средства къ воздѣйствію на остальную массу“. Оружіемъ этого могутъ явиться только христіанскіе союзы, братства, попечительства, общества всѣхъ задачъ, какія только являются въ религіозно-соціальной жизни. „Организація попечительствъ, союзовъ и братствъ, какъ основа организаціи приходского управленія, есть единственный исходный пунктъ, открывающій путь къ христіанскому рѣшенію приходского вопроса“.

Изложенный взглядъ г. Тихомірова, во многомъ вѣрный и практичный, раздѣляютъ и „Церковныя Вѣдомости“ (№ 12 за 1908).

Изъ другихъ статей по приходскому вопросу, послѣ Предсоборнаго Присутствія, слѣдуетъ отмѣтить статьи А. А. Папкова въ „Церковныхъ Вѣдом.“ (№№ 3—11 за 1907 г.) подъ заглавіемъ: „О благоустройствѣ православнаго прихода“, статью проф. Н. Заозерскаго въ „Богослов. Вѣстн.“ (ноябрь и декабрь за 1911 г. и февраль 1912 г.) подъ заглавіемъ: „Что есть православный приходъ и чѣмъ онъ долженъ быть?“ и статьи проф. И. Бердникова въ „Церк. Вѣд.“ (въ 1907 г.) и въ „Православ. Собесѣд.“ (февраль и мартъ 1907 г.) подъ заглавіемъ: „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“¹⁾.

Чего либо новаго, конечно, статьи этихъ авторовъ не представляютъ: онѣ только еще болѣе разъясняютъ и обосновываютъ взгляды ихъ, уже извѣстные изъ литературы и протоколовъ Предсобор. Присутствія. По отношенію къ установленнымъ Предсоборнымъ Присутствіемъ положеніямъ о приходѣ, взгляды г. Папкова и проф. Заозерскаго стоятъ лѣвѣе,

¹⁾ Изданы и отдѣльною книжкою подъ тѣмъ же заглавіемъ СПб. 1907 г.

взгляды же профес. Бердникова, очень мало отступающаго отъ современнаго status quo—правѣе. По убѣжденію послѣдняго (проф. Бердникова), для оживленія прихода въ настоящее время требуется, прежде всего и больше всего, чтобы прихожане стали добрыми христіанами, а пастыри усугубили бы свою ревность о религіозно-нрав. просвѣщеніи и преуспѣяніи своихъ пасомыхъ. „Православный приходъ, говоритъ онъ, имѣетъ канонически правильное и цѣлесообразное устройство, и поэтому нѣтъ никакихъ законныхъ основаній предпринимать какую нибудь ломку его строя“. Впрочемъ, проф. Бердниковъ не противъ нѣкоторыхъ измѣненій въ частностяхъ нынѣшняго устройства приходоу или въ дѣйствующей практикѣ приходской жизни посредствомъ привлеченія прихожанъ къ болѣе дѣятельному участию въ дѣлахъ прихода, предоставленія приходу права участвовать въ выборѣ достойныхъ и желаемыхъ кандидатовъ въ священники и клирики, права наблюденія за направлениемъ школъ, находящихся въ предѣлахъ прихода, попеченія о соблюденіи тишины и благоговѣнья въ храмѣ Божіемъ и посредствомъ расширенія права участія въ веденіи церковнаго хозяйства.

Если принять во вниманіе еще нѣсколько статей по приходскому вопросу („Колоколь“ №№ 513 и 521 за 1907 г.; „Церк. Вѣд.“ № 45 за 1908 г.; „Руков. для Сел. Паст.“ № 10 за 1907 г.; „Россия“ № 1759 за 1911 г.; „Совр. Лѣтопись“ № 19 за 1909 г. и др.), то получится впечатлѣніе, что проектъ приход. устава, выработанный въ Предсоборномъ Присутствіи, при всей его солидности и обстоятельности, не встрѣтилъ достаточнаго сочувствія въ правомъ лагерѣ печати. Людямъ консервативнаго образа мыслей не нравится то, что проектъ этотъ многими своими чертами напоминаетъ строй лютеранскихъ приходскихъ общинъ.

Что касается либеральной и радикальной прессы, то она, въ большинствѣ своихъ органовъ, стала въ явно враждебное отношеніе къ проекту Предсобор. Присутствія. Отсюда раздалась критика проекта въ самыхъ рѣзкихъ и даже

грубыхъ выраженіяхъ. Призывая общество „со всею рѣшимостью возстать противъ возрожденія прихода въ порядкѣ синодальной постановки дѣла“, прогрессивная печать (укажемъ для примѣра на газету „Слово“) о приходскихъ совѣтахъ по типу проекта отозвалась, что они „способны только заражать окружающую ихъ атмосферу церковно-общественной жизни трупнымъ ядомъ“.

Враждебное отношеніе прогрессивной печати къ проекту приходской реформы, выработанному Предсоборнымъ Присутствіемъ, можно назвать неожиданнымъ. Вѣдь эта печать съ рѣдкимъ единодушіемъ утверждала, что никакія мѣропріятія къ возможно большему оживленію церковной дѣятельности не будутъ имѣть успѣха, пока къ дѣятельному участию въ церковной жизни не будетъ привлеченъ приходъ. Проектомъ Предсоборнаго Присутствія міряне и привлекаются къ самому тѣсному общенію съ духовенствомъ въ дѣятельности на широкомъ поприщѣ приходской жизни. Казалось бы, этою своею стороною проектъ приходскаго устава долженъ былъ вызвать въ прогрессивной печати общее сочувствіе. Но ничего этого нѣтъ. Почему? Не потому ли, что не сбылись радужныя надежды либеральной печати на такую автономію прихода, при которой священникъ изъ руководителя прихода могъ бы снизойти на степень церковнаго сторожа, увольняемаго и назначаемаго по прихоти приходскаго собранія.

VII.

Изъ сказаннаго не трудно видѣть, что вопросъ о церковномъ приходѣ является не только очень сложнымъ, но и безъ затрудненій не разрѣшимымъ. Однимъ, чисто академическимъ путемъ, только теоретическими разсужденіями разрѣшить его не возможно. Необходимо здѣсь и опытъ жизни, нужно и знакомство съ современными условіями приходской жизни. Исключительное слѣдованіе только одному изъ этихъ методовъ въ рѣшеніи приходскаго вопроса лишь затрудняетъ

дѣло, затемняетъ принципиальныя положенія вопроса. Нужно пожалѣть и о томъ, что до сихъ поръ еще не найдено такой конструкціи церковно-имущественнаго права, которая бы, съ одной стороны, давала достаточный просторъ для дѣятельности частныхъ лицъ и всего приходского общества и поощряла бы эту дѣятельность, съ другой—обеспечивала бы возможность надзора со стороны церковной власти.

Но, прибавимъ, мы далеки отъ той мысли, что новыя формы приходской жизни создадутъ сразу благосостояніе прихода, особенно сельскаго, такъ какъ, по нашему мнѣнію, вынесенному изъ десятилѣтняго пастырскаго опыта, обновленіе прихода можетъ совершиться изнутри, съ пробужденія нравственныхъ силъ, постепенно облекая ихъ въ лучшія формы.

Нельзя, конечно, обойтись безъ внѣшнихъ организацій, и ихъ мы не отрицаемъ. Мы даемъ имъ подобающее мѣсто и значеніе въ ряду другихъ, болѣе существенныхъ способовъ къ возрожденію приходской жизни. Мы не споримъ, что путемъ устраниенія приходскихъ собраній, совѣтовъ и т. п. энергичный священникъ многое можетъ сдѣлать для внѣшняго, административно-хозяйственнаго устроенія своего прихода и храма. „Но вѣдь на эти собранія придуть тѣ же люди, въ которыхъ ослабѣлъ христіанскій духъ. Положимъ, что придуть, соберутся, но разговоры будутъ самыя житейскіе; если соберутся въ храмъ, то постараются скорѣе разойтись, а если въ жиломъ домѣ, то будутъ пить чай, курить табакъ, смѣяться и т. д. Собранія могутъ быть полезны тогда, когда сюда повлечетъ любовь къ дѣлу Христову,—а не внѣшнее распоряженіе и не посторонній какой-либо интересъ. Собранія не начало, не причина оживленія, а уже слѣдствіе и плоды“¹⁾.

¹⁾ Статья „Пастырь и приходъ“ въ „Церков. Вѣд.“, 1906 г., № 5 стр. 230.

Вотъ почему, не отрицая полезности въ будущемъ проектируемыхъ приходскихъ совѣтовъ, собраній и т. п. для внѣшне-правового и экономическаго положенія приходовъ, мы, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ свящ. о. Д. Попова ¹⁾, всецѣло стоимъ за необходимость образованія у насъ повсемѣстно, прежде всего, различныхъ братствъ, содружествъ, обществъ трезвости и другихъ религіозно-просвѣтительныхъ союзовъ; за развитіе всенароднаго ибнія при богослуженіяхъ, за широкую и серьезную постановку церковно-приход. школъ, за учрежденіе народныхъ библіотекъ-читалень, и за другіе возможные и разнообразныя способы, при которыхъ бы христіане назидались, поучались въ Словѣ Божіемъ, прививали себѣ высоко-христіанскую любовь, чистоту нравовъ и святость жизненныхъ идеаловъ, и гдѣ бы истинный пастырь глубоко воздѣйствовалъ на души и сердца своего стада.

Поэтому то, для оживленія прихода, прежде всего, нужны добрые пастыри, духомъ горячіе, Господу работающіе... Безъ добраго пастыря рѣшительно невозможна добрая, настоящая жизнь въ приходѣ. Если есть въ приходѣ пастырь—усердный богомолецъ, ревностный проповѣдникъ и добрый наставникъ, радѣтель о дѣлѣ Господнемъ—тамъ пастырь объединяетъ всѣхъ. Такой пастырь старается, чтобы никто не погибъ, и это понимаютъ всѣ и льнутъ къ такому пастырю, какъ желѣзо къ магниту... Тутъ пастырь молится у престола Божія о тѣхъ, кому грозятъ соблазны, о погибающихъ въ грѣхахъ. Тамъ проповѣдуетъ отъ пастырскаго сердца. Тутъ онъ спѣшитъ къ тому, кого нужно поддержать въ поведеніи, гдѣ ослабѣваетъ вѣра, кому нужна помощь матеріальная. Пастырь посѣщаетъ прихожанъ и въ домахъ ихъ, внося сюда слово мира, вѣры, спасенія, и бѣдные идутъ къ нему за помощью, скорбящіе за утѣшеніемъ, иные за совѣтомъ житейскимъ... Тутъ пастырь и прихожане въ самомъ близкомъ и постоянномъ общеніи, ихъ тѣсно связываетъ

¹⁾ См дитир. выше брошюру его.

вѣра, стремленіе къ спасенію и братская взаимная любовь. Тутъ высоко приподняты интересы вѣры и спасенія, оттого и тѣсна такъ связь пастыря и паствы. „Это—живой приходъ, это—живая вѣтвь Церкви Христовой“.

Свящ. М. Свидерскій.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Польза поста.

Приближается Петровъ постъ, наименѣе въ настоящее время исполняемый христіанами. Даже деревенскій простой людъ во многихъ случаяхъ нарушаетъ его, въ виду того, что, молъ, по своей важности это самый незначительный постъ. Правда, иногда Петровка не соблюдается вслѣдствіе той причины, что она приходится какъ разъ въ такое время, когда бѣдный человѣкъ мало имѣетъ въ своемъ распоряженіи постной пищи. Фруктовъ и овощей еще нѣтъ, зимніе запасы огородныхъ злаковъ истощились, о рыбѣ же, вообще, и говорить нечего: она по своей дороговизнѣ во многихъ мѣстностяхъ Россіи даже не по карману зажиточному человѣку, а для бѣдняка и подавно. Вотъ въ виду такихъ неблагопріятныхъ условій даже простолюдины иногда не останавливаются предъ тѣмъ, чтобы нарушить Петровъ постъ. Конечно, и то не хорошо, если нашихъ крестьянъ побуждаетъ отступать отъ уставовъ Церкви въ данномъ случаѣ указанное обстоятельство. Но въ этомъ случаѣ въ глубинѣ души вѣрующій простолудинъ сознаетъ грѣховность своего поступка и на исповѣди непременно укажетъ на него своему духовнику. Бѣда въ томъ, что нерѣдко такое нарушеніе церковныхъ установленій деревенскимъ людомъ исходитъ изъ отрицательнаго отношенія къ постамъ вообще. Въ наши села съ успѣхомъ проникаютъ изъ городовъ идеи, враждебныя Церкви, и иной крестьянинъ, нахватавшись такихъ идей, любитъ щегольнуть ими предъ своими односельчанами. Нѣтъ сомнѣнія, что два-три такихъ субъекта въ деревнѣ могутъ оказать вредное

вліяніе на многихъ ея жителей, и пастырю нужно быть чрезвычайно наблюдательнымъ, чтобы парализовать это вліяніе и образумить самихъ сѣятелей зла. Много огорченій причиняетъ пастырю въ этомъ отношеніи и сельская полунинтеллигенція, въ большинствѣ случаевъ не признающая никакихъ постовъ, открыто при крестьянахъ нарушающая ихъ и даже готовая спорить со священникомъ относительно вреда и пользы поста. Какой нибудь сельскій полунинтеллигентъ, ссылаясь на совѣты разныхъ врачей, будетъ горячо доказывать батюшкѣ весь вредъ для здоровья постной пищи. „Помилуйте, скажетъ онъ, да вѣдь мы прямо убиваемъ себя этими постами, заставляемъ голодать себя, а еще въ Православной Церкви такъ много постовъ“. Само собой разумѣется, что всѣ подобныя разсужденія совершенно вздорны: если врачи иногда говорятъ о вредѣ постной пищи и запрещаютъ ее, то они имѣютъ въ виду при этомъ людей больныхъ, ослабѣвшихъ въ силу перенесенныхъ разныхъ болѣзней, людей, которымъ необходимо усиленное питаніе для возстановленія силъ. Что же касается людей здоровыхъ, то и по признанію врачей, постная пища для нихъ можетъ быть только полезна. Помнится, въ журналѣ „Миссіонерское Обзорѣніе“ за годы, приблизительно, 1907—8-ой была напечатана прекрасная статья по этому вопросу истинно-вѣрующаго христіанина—доктора Апраксина, гдѣ наглядно представлена вся польза и значеніе періодическаго воздержанія отъ мяса и отъ скоромной пищи вообще. Въ цѣляхъ безпристрастнаго рѣшенія вопроса весьма важно, конечно, сослаться на авторитетъ выдающагося представителя медицинскаго міра. Кстати, „Вѣстникъ Виленскаго Св.-Дух. Братства“ (№ 5) проводитъ мысли о постѣ такого крупнаго ученаго и опытнаго профессора-психіатра, какъ В. Ф. Чижъ. Недаромъ, говоритъ этотъ ученый, святые угодники Русской Церкви такъ высоко цѣнили постъ и ревностно предавались этому подвигу. Значеніе поста громадно для челоуѣка и въ фізіологическомъ, и психологическомъ отношеніяхъ. Какъ качество, такъ и количество пищи имѣютъ громадное вліяніе

№ 23. Рук. для сельск. паст. т. II. 1913 г.

на дѣятельность головного мозга, и отсюда и на всю психическую жизнь. Такія качества человѣческой души, какъ спокойное настроеніе, слабость аффектовъ, терпѣливость, созерцательность, смиреніе и т. п. въ значительной степени обуславливаются родомъ и количествомъ пищи; и святые угодники, воплощавшіе въ себѣ эти качества, не могли бы достичь этого безъ строгаго поста. Содѣйствуя развитію такихъ качествъ, постъ, далѣе, является прекраснымъ средствомъ въ дѣлѣ воспитанія воли. Вѣдь онъ представляетъ изъ себя борьбу человѣка съ сильнымъ чувствованіемъ, а упражненіе въ такой борьбѣ закаляетъ характеръ, дѣлая его твердымъ, рѣшительнымъ. Самая побѣда человѣка въ этой борьбѣ доставляетъ ему величайшее счастье, какое испытываетъ и побѣдитель, одолѣвшій опаснаго и сильнаго противника. Таково благотворное вліяніе поста на духовную природу человѣка. Что же касается вліянія его на тѣлесный организмъ, то лучшимъ доказательствомъ благотворности поста въ данномъ случаѣ является долговѣчность и цвѣтущее здоровье святыхъ подвижниковъ. Безубойное питаніе, крайнее воздержаніе въ пищѣ, постоянное недоѣданіе не только не препятствовали, а, очевидно, даже содѣйствовали угодникамъ Божиимъ доживать до глубокой старости при полномъ тѣлесномъ здоровьи.

Слѣды іудейства и язычества въ религіозности православныхъ жителей Урміи и Кавказа.

Кто-бы могъ думать, что въ настоящее время іудейскія кровавыя жертвоприношенія совершаются гдѣ либо въ христіанской Церкви. А между тѣмъ православные сирійцы Урміи до послѣднихъ дней исполняютъ отчасти ветхозавѣтный обрядовый ритуаль. Покончивъ осенью полевая работы, православный сиріецъ желаетъ возблагодарить за помощь святого угодника, котораго онъ считаетъ своимъ покровителемъ. Для этой цѣли онъ путешествуетъ ко храму этого святого,

взявъ съ собой для жертвы овцу. Послѣдняя при храмѣ закалывается, при чемъ кожа и правое плечо ея отдаются священнику (согласно закону Моисея), а кровью овцы мажутъ дверные косяки дверей (въ соотвѣтствіе, очевидно, ветхозавѣтному обычаю возлагать кровь жертвеннаго животного на роги жертвенника и кадилаго алтаря). Остальное мясо тутъ же варится и съѣдается жертвователями и приглашенными людьми. Это чрезвычайно походить на пиршество, устраивавшееся изъ остатковъ мирной жертвы Ветхаго Завѣта.

Интересна также религіозность православныхъ осетинъ Кавказа, носящая нѣкоторые признаки язычества. Весной и лѣтомъ въ нѣкоторые дни осетины, собираясь цѣлыми семьями, отправляются за селеніе для жертвоприношенія доброму духу. Мѣстомъ обитанія послѣдняго, по вѣрованію ихъ, является какая нибудь роща, тѣнистое дерево, гора или какой нибудь камень. Придя сюда, осетины бросаютъ въ рѣку или дупло дерева монеты, желая этой жертвой почтить духа. Мѣстная православная миссія старается, конечно, искоренить подобные остатки язычества среди православныхъ осетинъ, и вотъ самому почитанію послѣдними священныхъ роцъ придается со стороны миссіонеровъ по возможности христіанскій характеръ. Въ мѣстахъ собраній осетинъ миссіонеры помѣщаютъ св. иконы и, такимъ образомъ, языческое собраніе превращается иногда въ христіанское торжество (Владикавказскія Епарх. Вѣд.).

Б.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе ¹⁾).

Развитіе и перерожденіе трутневой личинки.

Трутневая личинка развивается и воспитывается точно такъ же, какъ и пчелиная, съ тою лишь разницей, что мѣ-

¹⁾ См. № 22 за 1913 г.

няются сроки перерождений и увеличивается общій періодъ ея развитія. О томъ, что трутень рождается изъ неоплодотвореннаго яичка, мы уже говорили неоднократно; въ подтвержденіе сей истины теперь лишь прибавимъ, что микроскопическія изслѣдованія яйца, только что снесеннаго маткой въ трутневую ячейку, констатировали полное отсутствіе въ немъ сперматозоидовъ.

Общій періодъ развитія трутневой личинки продолжается 24 дня. Черезъ три дня, по снесеніи яичка, выклеывается личинка; черезъ 2 (5) дня личинка линяетъ; черезъ 5 (8) дней личинка линяетъ второй разъ и получаетъ вмѣсто молочка кашку; черезъ $6\frac{1}{2}$ ($9\frac{1}{2}$) дней личинка поворачивается въ ячейкѣ, запечатывается въ ней и начинаетъ прядь коконъ; черезъ 8 (11) дней личинка заканчиваетъ пряденіе кокона; черезъ 11 (14) дней личинка, переродившись въ куколку, линяетъ въ третій разъ; черезъ 20 (23) дней куколка линяетъ частично въ четвертый разъ, а еще черезъ день, т. е. на 21 (24) день выходитъ изъ ячейки молоденькій трутень.

Развитіе, воспитаніе и перерожденіе личинки матки.

Личинка матки, точно такъ же, какъ и личинка пчелы—работницы, выклеывается изъ оплодотвореннаго яичка, съ той лишь разницей, что яичко, предназначенное для вывода матки, кладется уже не въ простую, пчелиную ячейку, а въ такъ называемую мисочку. Въ томъ же случаѣ, когда у пчелъ отнять матку, и онѣ бываютъ вынуждены выводить ее не въ естественномъ порядкѣ, воспитаніе маточной личинки можетъ происходить и въ обыкновенной пчелиной ячейкѣ, но только расширенной на счетъ двухъ сосѣднихъ ячеекъ.

Лишь только пчелы замѣтили, что въ мисочкѣ появилось яичко, какъ уже съ большимъ интересомъ заглядываютъ

туда, какъ бы освѣдомляясь, не вышла ли личинка, но вотъ желанная гостя появилась на свѣтъ, и пчелы наперерывъ толпятся здѣсь и поочереды заглядываютъ въ мисочку и снабжаютъ ее въ изобиліи молочкомъ. Личинка еще очень маленькая, ее едва лишь можно рассмотреть хорошенько, а корма хоть отбавляй. Народная пословица гласитъ: „какъ сыръ въ маслѣ катается“; пасѣчникъ же, въ своемъ словесномъ обиходѣ, смѣло можетъ ее замѣнить другой: „какъ матка въ молочкѣ катается“—что будетъ и правдоподобно, и оригинально. И дѣйствительно, маточная личинка не то что катается въ молочкѣ, а просто плаваетъ въ немъ. Снабжая личинку обильнымъ кормомъ, пчелы оттягиваютъ въ то же время и края ячейки, удлиняя ихъ книзу. Вполнѣ понятнымъ становится послѣ всего вышесказаннаго, что маточная личинка растетъ быстрѣе и развивается въ куколку въ болѣе сокращенные сроки, чѣмъ личинка пчелы—работницы.

Въ первый періодъ воспитанія маточной личинки особыхъ перемѣнъ сравнительно не происходитъ, а именно: личинка на второй и на четвертый день и точно такъ же, какъ и та, на пятый день вытягивается въ маточникъ и запечатывается пчелами; разница происходитъ лишь въ количествѣ и качествѣ корма. Мы знаемъ, что пчелиная личинка на четвертый день уже переходитъ на кашку, маточную же личинку пчелы продолжаютъ снабжать молочкомъ, съ какового корма она и не сходитъ во всю свою жизнь. Кромѣ того, запечатывая маточникъ, пчелы стараются наложить туда побольше густого молочка въ запасъ своей воспитанницѣ; запечатывая же пчелиную личинку, онѣ этого не дѣлаютъ.

Тотчасъ же послѣ запечатыванія маточника, личинка принимается за завивку кокона; сначала она затягиваетъ паутиной крышечку, а затѣмъ и стѣнки маточника. Работу эту маточная личинка производитъ точно такъ же, какъ и личинка пчелы, съ той, однако, разницей, что послѣдняя, какъ знаемъ, засновывая ячейку до половины, поворачивается головкой внизъ и засновываетъ дно и остальную часть ячейки,

въ то время какъ первая—на верхней половинѣ маточника завивку кокона и заканчиваетъ. Во время завивки кокона или, вѣрнѣе, полукокона, маточная личинка подкрѣпляется пищей изъ запасовъ, оставленныхъ ей щедрыми пчелками. Прозрачно-янтарныя изверженія маточной личинки скопляются также на днѣ маточника или, вѣрнѣе, на днѣ бывшей мисочки; изверженія эти потому прозрачны, что не содержатъ въ себѣ оболочекъ пыльцы; онѣ скоро сгущаются въ клейковую массу. Завивку кокона маточная личинка заканчиваетъ на 6 (9) день; на $8\frac{1}{2}$ ($11\frac{1}{2}$), перерождаясь въ куколку, она линяетъ въ третій разъ, на 12 (15) день частично линяетъ въ четвертый и послѣдній разъ, а еще черезъ сутки, т. е., на 13 (16) день прорѣзывается и выходитъ изъ маточника, какъ взрослое насекомое. За день передъ выходомъ матки, пчелы разгрызаютъ восковую печать маточника, оставляя не тронутой завивку кокона, каковую разгрызаетъ уже сама молодая матка (см. Т. 2 рис. А.).

Сравнительная таблица видоизмѣненія личинокъ.

Для болѣе нагляднаго сравненія различныхъ сроковъ видоизмѣненія всѣхъ трехъ личинокъ, приведемъ здѣсь сравнительную таблицу, составленную Цесельскимъ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями и дополненіями.

Примѣчаніе къ сравн. таблицѣ. Въ графахъ 1-хъ обозначаются дни отъ выхода личинки, въ графахъ же 2-хъ—отъ снесенія яйца.

	Работница.		Матка.		Трутень.	
	1	2	1	2	1	2
Личинка выходитъ изъ яйца черезъ	3	—	3	—	3	—
Линяетъ въ первый разъ черезъ . . .	2	5	2	5	2	5
Линяетъ во второй разъ черезъ . . .	4	7	4	7	5	8
Запечатывается черезъ	5	8	5	8	$6\frac{1}{2}$	$9\frac{1}{2}$
Кончаетъ пряденіе кокона черезъ . . .	$6\frac{1}{2}$	$9\frac{1}{2}$	6	9	8	11
Линяетъ въ третій разъ и превращается въ куколку черезъ	$9\frac{1}{4}$	$12\frac{1}{4}$	$8\frac{1}{2}$	$11\frac{1}{2}$	11	14
Частично линяетъ въ четвер. г. разъ черезъ	17	20	12	15	20	23
Вырѣзывается изъ ячейки черезъ . .	18	21	13	16	21	24

Чиства ячеекъ. По выходѣ молоденькихъ пчелокъ и трутней на свѣтъ Божій, домашнія хозяйки немедленно принимаются за дезинфекцію и чистку освободившихся ячеекъ. Прежде всего, онѣ уносятъ кожицы, оставленныя куколками отъ третьяго и четвертаго линянiя, а затѣмъ, подвергая ячейки влiянiю свѣжаго, сухого воздуха, начинаютъ выгрызать внутреннюю пряжу кокона, причемъ дно кокона, съ лежащимъ подъ нимъ каломъ, и нити паутины, приклеенныя непосредственно къ стѣнкамъ ячеекъ, оставляютъ совершенно нетронутыми. По удаленiи внутренней пряжи кокона, пчелы начинаютъ выравнивать ячейку, замазывая остатки пряжи тончайшимъ составомъ изъ смѣси воска, клея и слюны, чѣмъ и сообщаютъ дну и стѣнкамъ ячейки блестящiй, какъ бы отполированный видъ; вотъ почему чистка ячеекъ называется пчеловодами ихъ полировкой. Въ виду того обстоятельства, что дно кокона и лежащiй подъ нимъ калъ остаются нетронутыми, срединное основанiе ячеекъ съ каждымъ новымъ выходомъ молодого поколѣнiя все болѣе и болѣе утолщается; лѣтъ черезъ пять оно уже будетъ утолщено до пяти миллиметровъ. Сократившаяся, вслѣдствiе вышеуказанной причины, ячейка удлиняется пчелами до требуемыхъ размѣровъ, внутреннiй же размѣръ ячейки, отъ наслоенiя остатковъ пряжи и замазки, все болѣе и болѣе уменьшается и черезъ лѣтъ 15—20 ячейка можетъ стать совершенно негодной къ выводу въ ней червы. Старые пчеловоды говорятъ однако, что на пасѣкахъ ихъ есть ульи, такъ называемые *бортни*, простоявшiе болѣе тридцати лѣтъ безъ всякаго обновленiя гнѣзда, каковое обстоятельство, по ихъ словамъ, не служитъ препятствiемъ для выхода изъ такихъ ульевъ самыхъ раннихъ роевъ. Мнѣ самому приходилось видѣть такой улей на пасѣкѣ В. О. Ващенко, вопреки теорiи (!) и очевидной несообразности, преисправно функционирующiй въ продолженiи болѣе сорока лѣтъ, причемъ хозяинъ за такковыя отличiя далъ ему названiе *пчолового дида*. „Пчоловый

дидь“, по словамъ В. Э., въ продолженіе вышеуказаннаго періода времени, обновлялся всего лишь одинъ разъ (?!).

Старая, почернѣвшая отъ времени и наслоеній, вощина дѣлается чрезвычайно прочной и тяжелой: если ее поставить въ жаркій день на солнце и подождать, пока растопится и уплыветъ внизъ воскъ, она разсыплется на отдѣльныя капли—остатки пряжи коконовъ. Старую вощину лучше всего изъять изъ употребленія и перетопить на воскъ, или, еще лучше,—сохранить на лѣтнее время обильнаго взятка, когда чрезвычайно нужна свободная вощина для подставки пчеламъ, не имѣющимъ куда складывать въ изобиліи приносимый съ поля медъ. Старая вощина гораздо лучше свѣжей выдерживаетъ давленіе медогонки.

Дальнѣйшее развитіе пчелы-работницы.. По выходѣ изъ ячейки, молодыя, еще совершенно слабенькія пчелки, въ продолженіе трехъ дней не принимаютъ почти никакого участія въ работахъ. Къ концу же третьяго дня и далѣе, окрѣпшія работницы уже трудятся наравнѣ съ прочими: выкармливаютъ дѣтку, запечатываютъ ячейки и чистятъ ихъ, вырабатываютъ молочко и воскъ; словомъ, исполняютъ все то, что доступно имъ въ ихъ возрастѣ. На седьмой день, почувствовавъ потребность очиститься,—расправитъ молодыя крылышки и подышать свѣжимъ воздухомъ, юныя пчелки, съ радостнымъ трепетомъ, выходятъ толпами изъ летка и совершаютъ свою первую прогулку. Интересно наблюдать, какъ онѣ, потолкавшись сначала на леткѣ и около него по улью, не смѣло взлетаютъ на воздухъ и, оборотившись головками къ летку, вьются около него, какъ-бы боясь отлетѣть подальше и заблудиться. Соблазненные радостнымъ жужжаніемъ молодежи, присоединяются къ общему веселью и старшія и даже старыя—летныя пчелы; если же и трутни со своими молодецкими ухватками и беззаботнымъ пѣніемъ примутъ участіе въ проигрѣ, тогда выйдетъ она на славу. Летныя пчелы, во время хорошаго взятка, въ проигрѣ уча-

стія не принимаютъ: имъ некогда заниматься такими пустяками.

На другой или на третій день, при благопріятной погодѣ, выйдетъ на проигру новая партія, а къ ней присоединится и прежняя, но ужъ не затѣмъ только, чтобы очиститься, а съ тѣмъ, чтобы хорошенько познакомиться съ мѣстностью. Съ увеличеніемъ силы роя, увеличивается и количество вылетающихъ на проигру пчель; если въ эту пору, между двѣнадцатю и двумя часами пополудни, выдти на пасѣку, особенно послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго ненастья, можно быть свидѣтелемъ грандіознѣйшей проигры со всѣхъ ульевъ. Радостное жужжаніе весело играющихъ пчель и трутней слышно будетъ на далекое разстояніе, и неопытное ухо можетъ легко ошибиться, принявъ проигру за выходъ роя.

Приблизительно черезъ пятнадцать дней, по выходѣ изъ ячеекъ, молодыя пчелы окончательно знакомятся съ мѣстностью и ходятъ даже въ поле за взяткомъ, но несутъ его очень мало и то лишь пыльцу по преимуществу; за медомъ же онѣ отправляются по истеченіи трехъ недѣль съ момента появленія на свѣтъ. Только что указанные сроки вылета молодыхъ пчель, могутъ быть и увеличены и сокращены (послѣднее бываетъ чаще), смотря по потребностямъ семьи; если, напр., отобрать у ней (семьи) всѣхъ летныхъ пчель, въ ульѣ прежде всего почувствуется острая нужда въ водѣ, и вотъ за ней полетятъ молодыя пчелки еще за два-три дня до своего обычнаго срока вылета съ практической цѣлью; ненастная же погода сроки удлиняетъ. Слетавъ въ поле за взяткомъ, молодая пчела дѣлается летной, съ какового момента она уже оставляетъ всѣ домашнія работы, принимаясь таскать въ улей: медъ, пергу, клей и воду, т. е., исполняетъ тѣ работы, о которыхъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

Успѣхъ русскаго церковнаго пѣнія въ Америкѣ.

По сообщенію выходящей въ Нью-Йоркѣ русской газеты „Свѣтъ“, американская публика осталась въ восторгѣ отъ духовнаго концерта, который устроенъ былъ 1 февраля текущего года хоромъ пѣвчихъ при православномъ Нью-Йоркскомъ соборѣ въ одномъ изъ концертныхъ залъ.

Исторія хора при Нью-Йоркскомъ кафедральномъ соборѣ очень интересна. Хоръ созданъ, благодаря щедрому пожертвованію американскаго милліардера Чарльза Крейна—любителя пѣнія, ассигновавшаго въ прошломъ году на содержаніе регента и пѣвчихъ по 30 тысячъ долларовъ ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ. Для организаціи хора, изъ Москвы былъ выписанъ регентъ г. Гороховъ. Съ г. Гороховымъ пріѣхали въ Америку четыре пѣвца, составившіе первоначальную основу нынѣшняго большаго хора. Энергичный регентъ объѣхалъ ближайшія окрестности Нью-Йорка и набралъ по православнымъ русскимъ приходамъ 20 мальчиковъ-школьниковъ съ хорошими голосами. Вблизи собора для мальчиковъ былъ нанятъ особый домъ,—сюда ихъ помѣстили на полное содержаніе. Мальчиковъ кормятъ здѣсь, одѣваютъ, обучаютъ русскому языку, священной исторіи и катихизису. Отсюда же они ходятъ въ американскую публичную школу. Но самое главное вниманіе обращено на обученіе ихъ пѣнію, въ которомъ дѣти быстро оказали успѣхи. Къ лѣту они оказались уже настолько подготовленными, что могли выступить въ кафедральномъ соборѣ за архіерейскими службами.

Лѣтомъ хоръ поѣхалъ на дачу къ г. Крайну, на отдыхъ, и устроилъ здѣсь домашній концертъ. Восторгу слушателей-американцевъ, гостей г. Крайна, не было границъ. Они стали съ этого времени усердными посѣтителями собора въ дни торжественныхъ богослуженій, когда поетъ тамъ хоръ, и настойчиво рекомендовали соборному причту устроить большой концертъ въ одномъ изъ концертныхъ залъ, чтобы любители музыки и пѣнія американцы получили возможность

надлежащимъ образомъ познакомиться съ русскою церковною музыкою и съ русскимъ церковнымъ пѣніемъ...

Наконецъ, „по благословенію Владыки—архіепископа Платона, рѣшено было устроить концертъ“, пишетъ американская газета „Свѣтъ“. „Имѣлось въ виду не столько то, чтобы извлечь какой-нибудь доходъ на нужды церкви,—хотя, конечно, и это важно,—сколько познакомить американскую публику съ нашимъ церковнымъ пѣніемъ, ввести ее этимъ, насколько возможно, въ духъ нашего богослуженія, дать понять красоту и смыслъ его. Если у насъ—„миссія“ здѣсь, то не имѣемъ мы права оставлять безъ вниманія ни одного изъ открывающихся намъ путей миссіонерства“...

Для концерта былъ выбранъ лучшей по акустикѣ залъ въ Нью-Йоркѣ—New Acolian Hall. Залъ этотъ вмѣщаетъ 1500 человекъ. Онъ былъ весь заполненъ публикой. Ложи, въ 15 и 25 долларовъ, были распроданы всѣ еще за двѣ недѣли до концерта. Мѣста въ 1 и 2 доллара брались на расхватъ. За день до концерта билетовъ въ кассѣ уже не стало.

Хоръ волновался предъ концертомъ. Молодой, только что сформировавшійся—онъ робѣлъ предъ суду требовательной американской публики, избалованной корифеями искусства, боялся не оправдать возлагавшихся на него надеждъ. Но концертъ сошелъ блестяще... Во время исполненія пѣснопѣній, весь залъ нѣсколько разъ буквально замиралъ отъ восхищенія, а рукоплесканіямъ не было конца. „Господи помилуй“, которое поется при Воздвиженіи креста на утрени праздника Воздвиженія, вызвало цѣлую бурю восторга и было повторено. Требовали также повторенія „Съ нами Богъ“, исполнявшагося съ канонархомъ, и „Во царствіи Твоемъ“ Чеснокова.

Программа концерта была составлена изъ произведеній Чайковскаго, Чеснокова, Шведова, Рахманинова, Римскаго-Корсакова, Львовскаго, Архангельскаго, Ипполитова-Иванова, Гречанинова, Костальскаго. Такимъ образомъ, американ-

цы имѣли возможность познакомиться съ лучшими представителями современной церковной музыки въ Россіи. И американцы по достоинству оцѣнили ихъ! Во время антракта и послѣ концерта совершенно незнакомыя регенту хора, г. Горохову, лица изъ публики подходили къ нему, жали руку и изливались въ восторженныхъ похвалахъ по адресу русской церковной музыки и ея исполнителей. Между этими лицами, какъ оказалось послѣ, были извѣстнѣйшіе музыкальные критики, артисты, регенты, органисты различныхъ американскихъ церквей, представители инославнаго духовенства...

Концертъ удостоила посѣщеніемъ знать Нью-Йорка, Филадельфіи и даже Бостона. Американскіе газеты посвятили концерту, на другой же день, пространныя замѣтки. Пресса отмѣчаетъ красоту русской музыки и искусство исполнителей. Особенно похвальнымъ характеромъ проникнуть отчетъ о концертѣ въ газетѣ „Tribune“...

Нельзя не порадоваться за успѣхъ нашей церковной музыки въ Америкѣ и нельзя не пожелать дальнѣйшаго преемственнаго успѣху русскимъ церковнымъ пѣвцамъ на далекой чужбинѣ.

В П—въ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 27-го мая 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Авц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингов. ул. № 6.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СДАТ

Цѣна годовому изданію на шѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 24

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 9-го іюня.

Содержаніе: I. „Русскіе люди, удѣлите вниманія!“ Свящ. В. П.—II. Постъ по ученію св. Церкви. А. Савичъ.—III. Изъ журналовъ. Н. Г.—IV. На стражѣ Господней.—V. Бесѣды по ижеводству. Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Забѣтки: а) Можно-ли вторично жениться на своей женѣ?—б) Противоалкогольное средство.

„Русскіе люди, удѣлите вниманія“.

Такими словами начинается отчетъ общества взаимнаго кредита подъ наименованіемъ „Почаево-Колынский Народный Кредитъ“ за 2-й операціонный 1912 годъ. Мы хотѣли бы для нашихъ досточтимыхъ читателей измѣнить приведенное обращеніе въ слѣдующее: „русскіе пастыри, удѣлите вниманія“. Имя архимандрита Виталія извѣстно на Руси, но, къ сожалѣнію, односторонне — по ругнѣ и издѣвательствамъ надъ нимъ прогрессивныхъ еврейскихъ листковъ. Отчетъ „Почаевского Народнаго Кредита“ съ достаточной ясностью показываетъ, за что именно такъ горячо и страстно ненавидятъ о. Виталія евреи и ихъ прихвостни. Людей правыхъ

убѣжденій есть не мало: къ сожалѣнію, дѣятельность ихъ сводится все чаще къ одному—къ разговорамъ, мало помогающимъ правому дѣлу. Почаевскій архимандритъ о. Виталій—человѣкъ дѣла и притомъ дѣла живого и большого: онъ попалъ, какъ говорятъ, въ точку, въ самый центръ. Кажется, ни одной нашей окраинѣ не пришлось испытать въ своихъ историческихъ судьбахъ столько горя и скорби, сколько Юго-Западному краю и особенно долготерпѣливой и многострадальной Волынской землѣ. Составляя исконный удѣлъ св. Князя Владиміра, половина котораго (Галиція) уже оторвана „польскими зубами и переваривается теперь въ пѣмедкомъ сокѣ“, Волынь въ настоящее время выдерживаетъ ожесточенный натискъ съ Запада, планомѣрно захватывающій эту исконную русскую землю. Земля же Волыни почти на половину перешла въ инородческія руки, и безпомощный волынской крестыанинъ уже не въ силахъ отвоевать ее у пришельцевъ, ибо завоевана она не мечомъ, а кошелькомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ нотаріальныхъ формальностей. Обезземеленіемъ и обнищаніемъ волынскихъ крестьянъ пользуются „подпольные друзья“, распространяя среди нихъ бредни о даровой землѣ, о насильственномъ отобраніи ея у помѣщиковъ. Впрочемъ, у волынскаго крестьянина, въ его бѣдности и нуждѣ, есть помощникъ и старый „другъ“—„Мошко“, ссужающій въ трудную минуту деньгами на легкой и дешевой $\frac{0}{100}$ —всего по 2 коп. съ рубля въ недѣлю...

„Скажите, пишетъ въ своемъ отчетѣ архимандритъ Виталій, будучи на моемъ мѣстѣ, все это видя и понимая, могли бы вы остаться равнодушными?... И я счелъ долгомъ своей совѣсти предъ Богомъ—отозваться на это горе, употребить всѣ силы, чтобы помочь удержать искони русскую землю отъ инородческаго захвата въ русскихъ рукахъ, чтобы охранить народъ отъ революціонныхъ бредней, показать ему закономъ дозволенный путь рѣшенія земельного вопроса, чтобы освободить его отъ жидовской кабалы“... Признавая, что подачками и благотворительностью въ указанномъ дѣлѣ

помочь нельзя, архимандритъ Виталій принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы основанному имъ „Народному Кредиту“ придать характеръ выгоды и полной гарантіи.

Достигнуть выгоды дѣла для обеихъ сторонъ—кредиторовъ и заемщиковъ—было легко: для крестьянъ, платившихъ раньше евреямъ до 100% годовыхъ, получить ссуду на покупку земли всего изъ 10% годовыхъ кажется самымъ желаннымъ, самымъ льготнымъ пособіемъ, а получая 10% и расходуя на веденіе дѣла 2%, можно 8% предложить вкладчикамъ.—Процентъ очень высокій и заманчивый. Прочность и солидность кредитныхъ операций „Почаевского Кредита“ достигнута благодаря особой его организаціи: по селамъ заведены приходскіе совѣты изъ мѣстныхъ лучшихъ домохозяевъ со священниками во главѣ: они доставляютъ свѣдѣнія о кредитоспособности заемщиковъ, предлагаютъ имъ ссуды, наблюдаютъ за правильнымъ ихъ употребленіемъ и за своевременнымъ возвращеніемъ. Операции свои „Почаевскій Кредитъ“ сосредоточилъ, главнымъ образомъ, на выдачѣ ссудъ на покупку земли. Въ обезпеченіе заемщиками выдаются векселя, за поручительствомъ двухъ домохозяевъ и *арендный контрактъ на надѣльную землю*, занесенный въ волостныя книги, послѣ котораго земля не можетъ быть ни заложеною, ни проданною.

Какъ удачно оказалось такое обезпеченіе, видно изъ того, что за два года не было ни одного случая неплатежа, даже просрочки, напротивъ, было много случаевъ возврата ссудъ до срока.

Сухой языкъ цифръ говоритъ иногда лучше словъ. Изъ отчета „Почаевского Кредита“ видно, насколько онъ развивается и какое довѣріе и сочувствіе встрѣчаетъ въ народѣ. Балансъ общества на 1 января равенъ 655 тыс. рублей. Общій оборотъ кассы въ 1912 году былъ больше предшествующаго на 928 тыс. рублей. Ссудъ выдано на 377 тыс. рублей—больше предшествующаго года на 224 тыс. руб. Оказанная такимъ образомъ помощь дала возможность удержать въ ру-

кахъ крестьянъ свыше 5,000 десятинъ земли, но по сравненію съ количествомъ земли, выброшенной на рынокъ, эта помощь незначительна: въ „Кредитъ“ вновь поступило прошеній свыше чѣмъ на 600 тыс. рублей и притомъ на самыя неотложныя сдѣлки.

Дѣло развитія „Почаевского Кредита“ прежде всего зависитъ отъ притока вкладовъ. Люди, располагающіе свободными деньгами, помѣщая свои средства въ „Почаевскомъ Кредитѣ“, окажутъ помощь не мѣстному только, но и общегосударственному дѣлу, тѣмъ болѣе, что и сами вкладчики, по сравненію съ другими кредитными учрежденіями, въ „Почаевскомъ Кредитѣ“ получаютъ значительно большую выгоду по текущему счету „Почаевскій Кредитъ“ платитъ 4⁰/₀, по срочнымъ до 1 года 5⁰/₀, отъ 3 до 5 лѣтъ—7⁰/₀ и свыше 5 лѣтъ—8⁰/₀. Выгода помѣщенія денегъ въ „Почаево-Волынскій Народный Кредитъ“ очевидна, такъ какъ, при полной гарантіи цѣлости вкладовъ, вложенный капиталъ всегда остается въ своей первоначальной стоимости, тогда какъ процентныя бумаги, даже государственныя, не застрахованы отъ паденія курса. Общество „Почаевского Кредита“ относитъ за свой счетъ уплату 5⁰/₀ налога въ пользу казны съ причитающихся вкладчикамъ прибылей и принимаетъ на свой счетъ оплату гербовымъ сборомъ выдаваемыхъ вкладчикамъ документовъ.

Примѣръ о. Виталія, создавшаго большое общественное дѣло, наглядно показываетъ всѣмъ намъ, пастырямъ, сколько можетъ сдѣлать энергія даже одного лица, понявшаго народную нужду и идущаго ей на встрѣчу. Популяризируя „Почаевскій Кредитъ“, содѣйствуя притоку въ него вкладовъ, пастыри окажутъ большую услугу дѣлу о. Виталія, а вмѣстѣ и русскому крестьянству.

Священникъ В. П.

Постъ по ученію св. Церкви.

Сице намъ поститися подобаетъ... не во тдеславіи и лести сокровенной, но якоже Христось, въ смиренномудріи. (Изъ трипѣсна на вторникъ сырной).

Этими словами св. Церковь показываетъ намъ, въ чемъ долженъ состоять истинный постъ, чтобы онъ былъ и Богу угоденъ и душѣ полезенъ. Только постъ со смиренномудріемъ, сопровождаемый сознаниемъ нашей грѣховности и безсилія, можетъ быть названъ христіанскою добродѣтелью. Если вы внимательно вслушаетесь, что поется и читается въ Церкви при наступленіи Великаго поста, то замѣтите, какъ часто и настойчиво Церковь заповѣдуетъ намъ очистить наши души отъ злобы и лести и смиренномудріемъ начать время спасительныхъ подвиговъ. Очевидно, смиреніе составляетъ характернѣйшее свойство христіанскаго поста, неотдѣлимое отъ него, сообщающее посту силу и значеніе въ христіанской жизни. Смиреніе только и даетъ человѣку возможность вникнуть въ душу свою, сдѣлать безпристрастную оцѣнку своего нравственнаго состоянія и почувствовать нужду въ исправленіи. Если въ христіанской жизни вообще смиренномудріе имѣетъ важное значеніе, то тѣмъ болѣе предполагается смиреніе при борьбѣ со страстями.

Чтобы быть болѣе понятнымъ, сдѣлаемъ анализъ поста, какъ христіанскаго подвига.

„Знаю, говоритъ апостоль, что живетъ во мнѣ, т. е. въ плоти моей, доброе, потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу... Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божиемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ (Римл. 7, 18—23). Это былъ прежде всего непосредственный опытъ самого

апостела, но здѣсь апостоль краснорѣчиво изображаетъ психологію и всего человѣчества. Непосредственно обращаясь къ себѣ, каждый можетъ наблюдать, что ежедневно, ежедневно и даже ежеминутно ему приходится испытывать борьбу между зломъ и добромъ, колебаться, мучиться и слѣдовать злему, хотя бы совѣсть и пыталась указать всю ненормальность его поступка. Эта двойственность, постоянное колебаніе, мучительное сознаніе того, что иногда не хватаетъ силъ совершить добрый поступокъ въ то время, когда человѣкъ и желалъ бы его, лежитъ тяжкимъ бременемъ надъ общечеловѣческимъ сознаніемъ. Каждый изъ потомковъ первозданнаго съ горестію на сердцѣ можетъ воскликнуть: „бѣдный я человѣкъ, кто избавить меня отъ сего тѣла смерти?“ (Римл. 7, 24). Отчего происходитъ такая двойственность въ человѣкѣ? ужели плоть человѣка является началомъ зла? Нѣтъ. Плоть человѣческая, когда она бываетъ послушнымъ орудіемъ духа, не есть источникъ зла. Зло все въ томъ, что человѣческій духъ утерять способность господствовать надъ плотью. Очевидно, что, возвративъ духу способность господства надъ плотью, утерянную грѣхомъ, мы тѣмъ самымъ снова приведемъ въ гармонію нашу природу. Въ насъ тогда не будетъ разлада между духомъ и тѣломъ. Эта нарушенная гармонія восстанавливается путемъ аскетизма. Чтобы показать всю естественность аскетики и глубокое основаніе его въ природѣ человѣка, уважемъ на тотъ фактъ, что такое средство для возвышенія духа надъ плотью предписывалось многими философскими системами, напимѣръ, проповѣдуетъ аскетизмъ пифагорейская мораль, буддійская, стоическая и другія. Конечно, аскетика христіанская носитъ особый возвышенный характеръ, какъ исключительна и возвышенна сама христіанская религія, но тѣмъ не менѣе и христіанскій и философскій аскетизмъ имѣютъ общія черты: это тяжелое сознаніе ненормальности нашей грѣховной природы и желаніе найти выходъ изъ этого нравственнаго общемирового рабства. Первою ступенью аскетизма и христіанство

и названныя философскія системы считаютъ постъ. Постъ, такимъ образомъ, являясь началомъ аскетики, какъ борьбы съ грѣхомъ, имѣетъ важное значеніе. Отказывая себѣ въ той или другой скоромной пищѣ, человѣкъ воспитываетъ силу воли. Этимъ онъ показываетъ, что рѣшилъ подчинить низшую чувственную сторону своей природы высшей—духовной. Упражненія всегда начинаются съ самыхъ простыхъ и элементарныхъ. Такъ и въ области духовной жизни: воля воспитывается, постепенно переходя отъ болѣе простаго къ болѣе сложному. Выдержавъ искушеніе и не вкусивъ мясной пищи, такимъ образомъ, человѣкъ можетъ остаться побѣдителемъ и въ другомъ, болѣе сильномъ искушеніи; наприм., онъ первый сдѣлаетъ шагъ къ примиренію съ ближнимъ.

Итакъ, постъ есть педагогическое средство для возвышенія нашего человѣческаго духа надъ плотскими страстями. Но если такъ, то, естественно, что постъ нельзя разсматривать, какъ нѣчто, заслуживающее награды внѣшней, ибо онъ имѣетъ внутреннюю цѣнность самъ въ себѣ и по своимъ результатамъ является безусловно желательнымъ. Постъ христіанскій, соединенный со служеніемъ, растворяемый молитвою, заключаетъ награду въ себѣ самомъ, такъ какъ даетъ возможность человѣку господствовать надъ пороками и доставляетъ истинную свободу духу, которая цѣннѣе всякихъ внѣшнихъ благъ. Постъ производитъ въ душѣ человѣка бодрость и свѣжесть духовныхъ силъ, когда человѣкъ чувствуетъ внутреннюю силу творить добро и уклоняться отъ зла. Вотъ главное преимущество поста христіанскаго и его великое значеніе. Такой христіанскій постъ не имѣетъ ничего общаго съ постомъ фарисейскимъ. Къ такому посту зоветъ и насъ св. Церковь, когда заповѣдуетъ: „сице намъ поститися подобаеть не во тщеславіи и лести сокровенной, но якоже Христосъ, въ смиренномудріи“.

Постъ не есть, слѣдовательно, такое дѣло, за которое мы должны тотчасъ же ожидать награды или похвалы отъ людей или льстить себя надеждою на благоволеніе Божіе.

Нѣтъ, постъ есть дѣло внутреннее, состояніе нашего духа, такое дѣло, которое открыто только постящемуся и совершается предъ лицомъ Божиимъ. Постился и фарисей, но постъ его не имѣлъ внутренней цѣнности, ибо имѣлъ какъ психоднымъ, такъ и конечнымъ своимъ пунктомъ самодовольство, самовосхваленіе, тщеславіе и лесть. Постъ же, какъ извѣстное религиозное настроеніе, *бодрствованіе надъ своимъ психическимъ состояніемъ*, составляетъ истинное самоцѣнное благо, поставляетъ насъ предъ Богомъ и, дѣлая насъ истинно-свободными, приспособляетъ душу къ принятію всего добраго.

Иисусъ Христосъ въ глазахъ фарисеевъ и учениковъ Іоанновыхъ казался нарушителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Такъ Онъ осуждалъ внѣшній аскетическій, не имѣющій внутренней цѣнности постъ фарисеевъ, и въ то время, когда Іоаннъ Креститель не вкушалъ хлѣба и не пилъ вина, Христосъ „пѣлъ и пилъ“ (Мѡ. XI, 18. 19. Лук. VII, 33, 34). Этимъ самымъ Спаситель хотѣлъ показать, что истинный путь къ Богу и добру не внѣшнее исполненіе обрядовыхъ предписаній, а процессъ въ самой душѣ человѣка. И Христосъ Самъ постился и освятилъ постъ, какъ духовный подвигъ, но всегда выражалъ ту мысль, что постъ это актъ свободный, извѣстное настроеніе человѣка и внутреннее раскаяніе о грѣхахъ, короче, постъ—внутренній путь къ внутреннему же совершенству, сообразно съ свойствами христіанской религіи, какъ религіи духа и свободы, понимаемой въ истинномъ значеніи этого слова. Постъ, какъ средство для пріобрѣтенія нравственной свободы, долженъ быть совершенно чуждымъ всякаго самообольщенія, когда человѣкъ льститъ себя тою мыслью, что, воздержавшись въ извѣстный періодъ года отъ вкушенія скоромной пищи, онъ этимъ совершаетъ свое спасеніе. Это заблужденіе вытекаетъ изъ неправильнаго пониманія сущности христіанскаго поста. Постъ мы разумѣемъ не какъ такой процессъ въ душѣ человѣка, который заключаетъ цѣль самъ въ себѣ, а какъ средство, какъ элементъ настроенія, характеризуемый, съ одной

стороны,—чувствомъ отвращенія ко грѣху, съ другой—желаніемъ вмѣсто грѣховнаго „я“ создать въ душѣ новаго чело-
вѣка съ новыми мыслями, чувствами и волею святою, чи-
стою и богоугодною. Конечно, цѣль эта достигается посте-
пенно, съ трудомъ и послѣ продолжительныхъ подвиговъ, но
и душа же челоѣка безсмертна. Если же совершенствованіе
челоѣка достигается не сразу, то отсюда понятно, что ни
въ одинъ моментъ жизни нашей мы не должны останавли-
ваться на немъ, самоулаждатьсѣ сдѣланнымъ добромъ.
Постясь, мы должны сознавать, что еще многое нами не
сдѣлано, что если мы можемъ хвалиться, то только своими
немощами. Въ этомъ отношеніи великій примѣръ для насъ
представляетъ св. апостоль Павелъ. Великій подвижникъ,
столь много постившійся, восхищенный до третьяго неба,
свидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ можетъ хвалиться только
немощами (2 Кор. 12, 5).

„Сиде подобаетъ поститисѣ намъ... въ смиренномудріи“,
учить насъ Церковь. И дѣйствительно, только такой постъ
имѣетъ нравственную цѣнность. Въ борьбѣ со своими ду-
шевыми страстями челоѣкъ собственными наличными силами
можетъ осуществить лишь одну половину дѣла, сторону от-
рицательную. Сюда входитъ сознаніе немощи, слабости и
грѣховности нашей природы и борьба съ грѣхами, которая
носитъ на первыхъ порахъ характеръ лишь сопротивленія
грѣху. Полное же исцѣленіе можетъ послѣдовать лишь при
содѣйствіи Божественной благодати, которая идетъ на встрѣчу
челоѣку и дѣлаетъ возможнымъ то, чего онъ самъ не въ
состояніи совершить. Когда челоѣкъ искренне сознаетъ свою
нищету духовную, тогда онъ почувствуетъ нужду въ Боже-
ственной помощи.

Итакъ, смиреніемъ долженъ начинаться нашъ постъ.
Прежде чѣмъ начать борьбу со своими страстями и пороками,
мы должны сознать несовершенство нашего эмпирическаго
„я“. Но смиреніемъ должны и оканчиваться наши духовные
подвиги. Было бы слишкомъ дерзновеннымъ съ нашей сто-

роны, если бы мы весь успѣхъ въ сферѣ нашей религіозно-нравственной жизни приписывали себѣ, своимъ собственнымъ силамъ, зараженнымъ и ослабленнымъ грѣховнымъ ядомъ.

Предъ нашими глазами—примѣръ смиренномудрія—Христосъ съ Его кроткимъ призывомъ: „блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное“.

А. Савичъ.

Изъ журналовъ.

(Голосъ Церкви, Сообщенія Палестинскаго Общества, Мирный Трудъ, Церковная Правда).

Въ числѣ мѣрь, способствующихъ возвышенію религіозности въ народѣ, еп. Андроникъ (въ статьѣ „Размышленія епископа, возвратившагося изъ путешествія по епархіи“, — „Голосъ Церкви“, апрѣль) указываетъ, между прочимъ, торжественныя народныя богомоленія и крестные ходы, особенно если послѣдніе совершаются съ чудотворною святынею. Участники такихъ богомоленій знаютъ то молитвенное благоговѣніе и восторгъ, которыми переполняются сердца молящихся и которые заставляютъ совершенно забывать объ усталости. Но для того, чтобы оказать такое дѣйствіе, крестные ходы должны устроиться соотвѣтствующимъ образомъ. Они должны быть совершаемы торжественно, стройно, но безъ всякой напыщенности. Главное же дѣло въ томъ, чтобы у участниковъ богомоленія поддерживать непрерывное религіозное настроеніе, лучшимъ средствомъ для чего является неумолкаемое и разнообразное пѣніе, преимущественно общенародное. При высокомъ религіозномъ подъемѣ богомольцевъ, даже люди безразличныя къ вѣрѣ и прямыя враги ея или скрываются отъ народнаго воодушевленія, не вынося его, или присоединяются къ нему, захватываемыя общимъ настроеніемъ.

Въ „Сообщеніяхъ Импер. Прав. Палестинскаго Общества“ (т. XXIV), въ отдѣлѣ „Съ православнаго Востока“, до-

волью подробно излагается исторія возникшаго недавно на Аѳонѣ среди русскихъ монаховъ спора о значеніи имени „Иисусъ“. Виновникомъ этого спора является схимонахъ Иларіонъ, жившій на Аѳонѣ, а потомъ на Кавказѣ. Въ 1910 г. онъ издалъ книгу „На горахъ Кавказа“, въ которой доказывалъ, что въ имени „Иисусъ“ присутствуетъ Самъ Спаситель, такъ что самое имя нужно почитать, какъ Бога. На Аѳонѣ этимъ ученіемъ увлекся іеромонахъ Антоній (Булатовичъ, бывшій гвардейскій офицеръ), на сторону котораго стали многіе русскіе монахи въ скитахъ Ильинскомъ и Андреевскомъ и въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ; только немногіе, наиболѣе просвѣщенные русскіе иноки не согласились на обожествленіе имени „Иисусъ“. Между тѣми и другими начались бурныя столкновенія. Когда о спорѣ стало извѣстно патріарху Іоакиму III, онъ, послѣ разсмотрѣнія книги „На горахъ Кавказа“ Священнымъ Синодомъ Константинопольской церкви, отправилъ на Аѳонъ грамоту отъ 12 сентября 1912 г., въ которой названная книга и содержащееся въ ней ученіе осуждались, а монахамъ рекомендовалось прекратить раздоры и за разрѣшеніемъ возникающихъ недоумѣній обращаться къ церковному преданію. Но Антоній и его единомышленники игнорировали патріаршую грамоту, такъ что патр. Іоакимъ хотѣлъ предать ихъ анаѳемѣ, что не было исполнено только вслѣдствіе неожиданной кончины патріарха.

Между тѣмъ, аѳонскіе почитатели имени „Иисусъ“ рѣшили отъ споровъ перейти къ насильственному распространенію своего ученія. 12 января 1913 г., подъ предводительствомъ іером. Антонія, они ворвались въ Андреевскій скитъ, выгнали архимандрита Іеронима (вмѣсто него настоятелемъ они избрали архим. Давида) и другихъ „имеборцевъ“, т. е. противниковъ ихъ ученія, причемъ нѣкоторыхъ изъ „имеборцевъ“ жестоко избивали. Также и изъ Пантелеймоновскаго монастыря были изгнаны настоятель архим. Мисанлъ и другіе иноки, отказавшіеся подписать составленное „имепоклонниками“ исповѣданіе вѣры, въ которомъ, между про-

чимъ, было сказано: „исповѣдую также и всесвятое Имя Его, которое есть Самъ Онъ Господь Иисусъ.

2 февраля Киноть Аѳонской горы, высшая мѣстная административная и судебная власть для всѣхъ аѳонскихъ монаховъ, издалъ рѣшеніе по дѣлу о новомъ ученіи и о бунтѣ въ Андреевскомъ скиту. Въ этомъ рѣшеніи обожествленіе имени „Иисусъ“ признается „злославіемъ“, т. е. неправославіемъ, защитники его, во главѣ съ Антоніемъ, подвергаются запрещенію въ священнодѣйствіи, а весь Андреевскій скитъ—церковному отлученію. Съ своей стороны, новый патріархъ константинопольскій Германъ V въ своей грамотѣ на имя Кинота осудилъ учиненное въ Андреевскомъ скиту безчиніе и потребовалъ Антонія и архим. Давида къ себѣ на судъ. Но Антоній уѣхалъ съ Аѳона, неизвѣстно куда. На этомъ пока прекращаются свѣдѣнія о данномъ движеніи.

Однимъ изъ острыхъ вопросовъ настоящаго времени является вопросъ еврейскій. Для правильнаго разрѣшенія его не излишне обращаться и къ историческимъ фактамъ изъ жизни еврейскаго народа. Въ этомъ отношеніи представляетъ извѣстный интересъ статья А. Басова „О еврейскомъ вопросѣ въ древнемъ Римѣ“ („Мирный Трудъ“, апрѣль). Авторъ начинаетъ свою статью краткимъ указаніемъ того значенія, которое имѣли пуническія войны, такъ какъ эти войны были первымъ столкновеніемъ римлянъ съ семитами—кареагенами. „Полагая предѣлъ господству семитизма, уничтоженіе Кареагена обезпечивало не только дальнѣйшее развитіе, а и самое существованіе арійской цивилизаціи, какъ противоположности рабовладѣнію, предательству, ритуальной проституціи и кровожадныхъ злодѣяніяхъ семитовъ“. Позднѣе римлянамъ пришлось столкнуться и съ іудеями. Римское общество было очень невысокаго мнѣнія о послѣднихъ. Авторъ приводитъ крайне неблагопріятные отзывы объ іудеяхъ Тацита, Ювенала, Амміана Марцеллина, Діодора Сицилійскаго, Цицерона, Сенеки и другихъ римскихъ писателей. Но правительство римское на первыхъ порахъ относилось къ іудеямъ

покровительственно, оставивши имъ внутреннее самоуправленіе и даже собственныхъ царей. Іудеи, главнымъ образомъ, благодаря своимъ капиталамъ, пріобрѣли значительное вліяніе въ самомъ Римѣ, выразившееся, между прочимъ, въ привлеченіи къ суду негоднаго имъ префекта Каппадокіи Валерія Флакка, обвинителемъ котораго выступилъ подкупленный іудеями Лелій; только благодаря защитительной рѣчи Цицерона, -- которому приходилось временами понижать голосъ изъ-за страха предъ іудеями, которые громадной толпой собрались во время суда на форумъ и производили скандалы, -- Флаккъ былъ оправданъ. Особенно усилилось вліяніе іудеевъ вслѣдствіе того, что они во многихъ провинціяхъ брали на откупъ подати, что открывало имъ путь для воздѣйствія даже на римскую дипломатію. Несмотря на покровительственныя отношенія первыхъ императоровъ, іудеи постоянно возмущались противъ римскаго владычества, что вызвало, наконецъ, разрушеніе Іерусалима и храма Титомъ. Но въ то же время въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Киренѣ, на Кипрѣ, въ Египтѣ, іудеи, пользуясь своимъ превосходствомъ, съ страшной жестокостью десятками тысячъ истребляли своихъ противниковъ. Злодѣйства іудеевъ вызвали новый походъ противъ нихъ при императорѣ Адріанѣ, когда самое имя Іерусалима было уничтожено, построенная на его мѣстѣ крѣпость была названа Эліей Капитолиной, и іудеямъ подъ страхомъ смертной казни было запрещено приближаться къ ней. Однако, и послѣ уничтоженія своей государственности, іудеи сохранили свое внутреннее единство. Объединяющей силой іудейства является, главнымъ образомъ, талмудъ, благодаря которому іудеи составили своего рода государство въ государствѣ, правильно организованный союзъ, рѣзко враждебный по отношенію ко всѣмъ не-іудеямъ.

Въ „Церковной Правдѣ“ (№ 16) г. М. отмѣчаетъ въ въ Германіи „Новый типъ проповѣди“. Такъ называетъ авторъ проповѣди недавно умершаго бременскаго пастора Юлія Бургграфа. Проповѣди эти имѣютъ въ основѣ своей произ-

веденія Гете и Шиллера. Больше всего Бургграфъ останавливается на гетевскомъ „Фаустѣ“, который даетъ ему темы для цѣлаго ряда проповѣдей—о смыслѣ жизни, о назначеніи и цѣли человѣка. Жизнь Фауста, постоянно стремившагося, несмотря на свои заблужденія и соблазны со стороны Мефистофеля, къ отысканію истины и нашедшаго смыслъ жизни въ служеніи благу другихъ людей, представляетъ обильный матеріалъ, которымъ проповѣдникъ искусно пользовался для назиданія своихъ слушателей. Произведеніями Шиллера Бургграфъ пользовался, главнымъ образомъ, для развитія темы о крестоношеніи, о борьбѣ за истину подъ знаменемъ креста. Такъ, „Марія Стюартъ“, изнемогающая подъ бременемъ страданій, которыя для нея оказываются невыносимыми, тогда какъ для истинныхъ христіанъ является „легкимъ игомъ“, даетъ поводъ для развитія мысли о добровольномъ несеніи креста; стихотвореніе „Борьба съ дракономъ“ даетъ мысль о важности смиренія и т. д.

Но Бургграфъ не всегда удачно пользовался литературными произведеніями. Такъ, онъ сравниваетъ подвигъ Ифигеніи, согласившейся быть принесенной въ жертву для избавленія своего рода отъ лежавшаго на послѣднемъ проклятій, со смертію Спасителя. Поэтому авторъ разсматриваемой статьи приходитъ къ выводу, что привлекать поэтическія произведенія въ качествѣ матеріала для церковной проповѣди слѣдуетъ осторожно и обдуманно. Однако, заканчиваетъ авторъ, „не пользоваться помощью художественнаго творчества тамъ, гдѣ явно христіанская великая идея раскрывается съ геніемъ и прозорливостью пророка“ (явное преувеличеніе!), „значитъ погашать духъ, отказаться отъ талантовъ, данныхъ человѣчеству Богомъ; развѣ творчество поэта не даръ Божій, не откровеніе духа?“

Н. Г.

На стражѣ Господней.

*На стражи моей стану. Св.
Григорій Богословъ.*

Мы, пастыри, мало читаемъ писанія великихъ вселенскихъ учителей вѣры и потому нерѣдко теряемъ руководящее начало въ нашей пастырской дѣятельности, теряемъ твердость и мужество и, прикрываясь современными якобы „гуманными“ принципами, часто подкладываемъ, по выраженію древняго пророка, мягкую подушку подъ всякій локоть руки... Особенно это стало часто проявляться въ наше дряблѣе время. Является лжеучитель, пишетъ и печатаетъ что ему вздумается, проповѣдуетъ устно, не только въ домашней бесѣдѣ, но и въ публичныхъ собраніяхъ; его дерзость становится съ каждымъ днемъ все нестерпимѣе, у него являются послѣдователи, а мы все терпимъ, все спускаемъ, сначала будто не замѣчаемъ этого, потомъ какъ-то робко, будто извиняясь, что его побезпокоили, начинаемъ чрезъ миссіонеровъ вразумлять его, но и при этомъ не слышится властнаго слова, сильнаго не только любовью, но и благоговѣніемъ къ непреложности ученія Церкви, слова, крѣпкаго вѣрою въ правоту защищаемого нами ученія Церкви,— и лжеучитель чувствуетъ эту робость, эту какъ бы неувѣренность, какъ бы холодное, вѣрнѣе сказать—тепло-прохладное отношеніе къ святынь истинѣ, и не внимаетъ нашимъ увѣщаніямъ, растворяемымъ гуманными фразами... Въ немъ растетъ самоувѣренность, онъ уже не боится послѣдствій даже отлученія отъ Церкви, ибо не чувствуетъ въ нашемъ увѣщаніи властнаго и любящаго голоса самой матери Церкви. Холодомъ, разсудочностью вѣетъ отъ этихъ официальныхъ увѣщаній, обращенныхъ къ заблуждающимся. Вѣдь, если бы мы искренно любили святую истину, то этого не могло бы быть: мы плакали бы, болѣли бы душою за того, кто вражьи дѣйствіемъ уклонился отъ нея; онъ не могъ бы не чувствовать, не сознавать, что если мы такъ горячо от-

носимся къ его несчастію. то стало быть слѣдуетъ задуматься: „да правъ ли я?“

Въ „Троицкомъ Словѣ“¹⁾ было разсказано, какъ митрополитъ Петербургскій Гавріиль обращалъ раскольника отъ заблужденія его: онъ плакалъ, горячо молился, воздѣвая руки къ небу, и Господь вразумилъ упорствующаго, и смягчилъ его сердце и онъ бросился къ стопамъ святителя и обратился къ православію. Такая ревность о святой истинѣ, такая пламенная любовь къ заблудшему, такая горячая о немъ молитва—творять чудеса. А наша лжегуманная осторожность, наша излишняя деликатность въ отношеніи къ лжеучителямъ только вредятъ дѣлу. Мы какъ будто не сознаемъ своего—не только права, но и *доля* обращать заблудшихъ на путь правый, обличать, запрещать, умолять со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. мы забываемъ, что мы—не овцы, а пастыри, что на насъ лежитъ тяжелая отвѣтственность за гибнущія души, что мы обязаны не только „идти въ пустыню“ за сими гибнущими, но и оберегать другихъ, еще не зараженныхъ отъ ихъ лжеученія. Да что я говорю—отъ лжеученія? Нашъ долгъ охранять ихъ и отъ всякой духовной заразы, отъ всякаго порока. Послушаемъ, что говоритъ великій вселенскій учитель св. Златоустъ. „Вотъ еще достойное посмѣянія и служащее къ нашему стыду. Если у насъ кто-нибудь будетъ обличенъ въ самыхъ постыдныхъ дѣлахъ и на него захотятъ наложить какую-нибудь эпитемію, то всѣ весьма безпокоятся и боятся, какъ бы, говорятъ, онъ не отдѣлился отъ насъ (отъ Церкви) и не присталъ къ другимъ“. Такъ во время Златоуста „говорили“, такія опасенія высказывали вѣрующіе. Пастыри Церкви, повидимому, тогда исполняли свой долгъ, не смущаясь такими опасеніями. А теперь приходится слышать эти опасенія отъ самихъ пастырей. Теперь есть архіереи, которые намѣренно закрываютъ глаза

¹⁾ 1910 г.

на то, что въ ихъ епархіяхъ творится. Ссылаются на „свободу совѣсти“ и допускаютъ явнымъ еретикамъ распространять открыто лжеученія. На ихъ глазахъ происходятъ собранія у такихъ еретиковъ, а они все надѣются своею снисходительностью привлечь сихъ еретиковъ въ нѣдра Церкви, позволяютъ имъ публичныя проповѣди, все опасаясь, какъ бы такіе не отдѣлились отъ Церкви... А того, что сіи самочинные проповѣдники уже отдѣлились отъ Церкви сами собою, своимъ своеволіемъ, уже только тѣмъ, что самочинно выступили на проповѣдь, не испросивъ предварительно на то благословенія епископа,—какъ будто не замѣчаютъ... Все надѣются, что они сами вразумятся, сами одумаются и вернутся къ послушанію Церкви. Были даже примѣры такого снисхожденія къ самочиннымъ учителямъ, что архіереи, хорошо зная, что онѣ не послушаются, если имъ рѣшительно воспретить проповѣдь, стороною имъ подсказывали, чтобы тѣ попросили—для порядка—разрѣшенія на проповѣдь, якобы подъ наблюденіемъ настырей. Тѣ такъ и поступали, и вотъ проповѣдь сомнительныхъ лицъ въ отношеніи ихъ православія такимъ порядкомъ „легализировалась“ и становилась болѣе авторитетною въ глазахъ вѣрующихъ. Зараза распространялась уже „на законномъ основаніи“. И всему причиною эта боязнь: какъ бы самочинникъ не отложился, не увлекъ за собою отъ Церкви своихъ постоянныхъ слушателей. На глазахъ церковной власти образовывалась секта... Не такъ разсуждаетъ великій учитель Церкви св. Златоустъ. „Пусть отдѣляется хоть тысячу разъ, и пусть пристаётъ къ другимъ; я говорю не о согрѣшившихъ только, но хотя бы кто и вовсе былъ безгрѣшенъ,—если хочетъ отложиться, пусть отложится. Хотя я печалюсь,—спѣшить прибавить святитель,—и страдаю, огорчаюсь и мучусь внутренно, лишаясь въ такомъ какъ бы собственнаго члена, но огорчаюсь не такъ, чтобы спасеніе всего этого могло принудить меня сдѣлать что-либо недолжное“. Такъ дорожитъ святитель Христовъ благомъ Церкви. Такъ строго

№ 24. Рук. для сельск. паст. т. II. 1913 г. 2.

требуетъ онъ отъ членовъ Церкви послушанія ей. Онъ не хочетъ покупать кажущейся цѣлости ея цѣною излишняго снисхожденія къ самочинію ея членовъ, побряжками сему самочинію, и притомъ—замѣтите: это не только въ области ученія вѣры, но и въ области нравственной жизни членовъ Церкви. Что же онъ сказалъ бы въ отношеніи погибельныхъ лжеученій тѣхъ ересей, которыя теперь открыто, печатно проповѣдуются самочинными, непризванными учителями—писателями-публицистами, ничего не понимающими въ вопросахъ вѣры и позволяющими себѣ судить о томъ, чего не знаютъ? Что онъ сказалъ бы о тѣхъ невѣждахъ—фанатикахъ, которые собираютъ вокругъ себя толпы темнаго люда и проповѣдуютъ хлыстовскія бредни? Нѣтъ сомнѣнія, онъ, послѣ нѣсколькихъ, можетъ быть, слезныхъ увѣщаній, предалъ бы нераскаянныхъ торжественной анаѳемѣ. И это онъ сдѣлалъ бы ради блага Церкви, ради сохраненія ея цѣлости, ея единства и чистоты, ради огражденія ея отъ раздѣленій. Какъ видите, онъ не дорожитъ количествомъ вѣрующихъ, именующихъ себя православными: „мы не повелѣваемъ вашей вѣрѣ, возлюбленные,—говоритъ онъ,—не деспотически приказываемъ вамъ это. Мы поставлены для поученія васъ словомъ, а не для начальствованія и самовластія надъ вами: наше дѣло совѣтовать вамъ и увѣщевать. Совѣтникъ говоритъ, что ему должно, но не принуждаетъ слушателя, предоставляя ему полную свободу—принять или не принять совѣтъ. Онъ будетъ виновенъ только въ томъ, если не скажетъ того, что ему поручено. Потому то мы и говоримъ все это, обо всемъ этомъ напоминаемъ, чтобы вамъ уже нельзя было сказать въ тотъ (последній) день: никто этого намъ не говорилъ, никто не объяснялъ, мы этого не знали и вовсе не считали грѣхомъ. Итакъ, я говорю и свидѣтельствую, что производить раздѣленія въ Церкви (самочинничать) не меньшее зло, какъ и впадать въ ереси“.

Какъ эти слова великаго іерарха приложимы къ нашему времени! Мірская власть дала свободу вѣроисповѣданія. Эта

свобода никогда въ сущности и не стѣснялась: на Руси не было преслѣдованія за то или другое вѣроисповѣданіе. Напрасно клеветуютъ на Церковь нашу Православную, будто она гнала и преслѣдовала еретиковъ и отступниковъ: не Церковь, а мірская власть, признавая союзъ государства съ Церковію, находила нужнымъ иногда стѣснять еретиковъ и отступниковъ, и не въ видахъ собственно преслѣдованія ихъ за ихъ вѣрованія, а лишь въ видахъ пресѣченія зла, для охраненія Церкви отъ того вреда, какой могли принести Церкви еретики распространеніемъ своего ученія среди простецовъ въ вѣрѣ, вѣрныхъ чадъ Церкви. Теперь свобода исповѣданія расширена: стало возможно прежде запрещаемое законами такъ называемое „оказательство“ раскола, дозволено раскольникамъ и сектантамъ открыто совершать богослуженія, дѣлать молитвенныя собранія и пр. Тѣмъ зорче должны стоять на стражѣ Церкви мы, ея пастыри, тѣмъ внимательнѣе призматриваться: нѣтъ ли среди нашихъ пасомыхъ если не волковъ въ овчихъ одеждахъ, то козлищъ, притворяющихся кроткими агнцами? Недавно объ одномъ, глубоко мною уважаемомъ, образованномъ старцѣ, котораго я считалъ искреннимъ христіаниномъ, мнѣ сказали въ откровенной бесѣдѣ: „да, человекъ прекрасный, стойкій черносотенецъ, но онъ считаетъ буддизмъ чистой философіей, а не идолопоклонствомъ, отстаиваетъ ²буккултизмъ, заявляетъ, что такъ или иначе нужно стараться узнать будущее, хотя бы даже посредствомъ оккультныхъ знаній, вызыванія духовъ, спиритическихкихъ сеансовъ и под., при чемъ кощунственно заявляетъ, что „вѣдь и преподобному Сергію были видѣнія“... Таковы иные, считаемые нами „православными“, интеллигенты. Хорошо, что тотъ, о комъ я говорю, не позволяетъ себѣ распространять своихъ убѣжденій“: при встрѣчѣ съ нимъ можно его предостеречь, и, можетъ быть, онъ отречется отъ своихъ мнѣній. А сколько, говорю, у насъ такихъ, которые щеголяютъ своими лжеученіями, стараются распространить ихъ и въ печати, и въ собраніяхъ, и при каждомъ случаѣ! Много

ли мы, пастыри, дѣлаемъ для обращенія таковыхъ отъ ихъ прямо еретическихъ заблужденій? Не смотримъ ли мы на сихъ, якобы православныхъ (только по паспорту), какъ говорится, сквозь пальцы? Гдѣ же наша пастырская ревность?— Миѣ скажутъ,—если такихъ отлучать, то немного останется у насъ пасомыхъ.—Я повторю на это только слова св. Златоуста: „пусть отлагаются, если не хотятъ повиноваться Церкви; хотя я и печалюсь, и страдаю, и мучусь внутренно, лишаясь въ каждомъ такомъ какъ бы собственнаго члена, но огорчаюсь не такъ, чтобы опасеніе всего этого могло меня принудить сдѣлать что-либо недолжное“, то есть, чтобы считать такого человѣка членомъ Церкви, когда онъ уже пересталъ быть таковымъ.

Тѣмъ паче, еще разъ повторяю, тѣмъ паче мы должны всемѣрно заботиться о томъ, чтобы не допускать такихъ, считающихъ себя еще православными, открыто проповѣдывать въ качествѣ какихъ-то Богомъ призванныхъ учителей вѣры: это уже явная поблажка возникающей ереси и грозитъ отпаденіемъ отъ Церкви не одного такого проповѣдника, но и многихъ вѣрующихъ душъ... Это уже будетъ, по выраженію св. Златоуста, „дѣломъ достойнымъ посмѣянія и служащимъ для насъ, пастырей, къ стыду!“¹⁾ (Христіанниъ).

Свящ. *Василій Петровъ.*

¹⁾ Е. Никоиъ. Тр. Сл. 1910 г.

²⁾ См. № 23 за 1913 г.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе ²).

Дальнѣйшее развитіе трутня. На седмой приблизительно день по выходѣ изъ ячейки, вылетаютъ на первую проигру молодые трутни, причемъ хорошо запоминаютъ мѣстность и свое родное жилище; съ этого дня они уже почти

¹) Е. Никонъ. Тр. Сл. 1910 г.

²) См. № 23 за 1913 г.

ежедневно улетаютъ на прогулку, чѣмъ и исчерпываются до поры до времени всѣ ихъ обязанности. Передъ вылетомъ на прогулку трутни обнаруживаютъ необыкновенную, какую то лихорадочную суетливость; они, какъ шальные, бѣгаютъ по сотамъ то вверхъ, то внизъ, не разбирая толкаютъ встрѣчныхъ пчелъ и матку, бѣгаютъ, толкаются и какъ то судорожно дрожатъ при этомъ, а затѣмъ, очертя голову, устремляются къ летку и вылетаютъ вонъ изъ улья. Очутившись въ воздухѣ, трутни бороздятъ его во всѣхъ направленихъ, радостно покоятъ и съ нетерпѣніемъ влюбленныхъ жениховъ ожидаютъ своихъ невѣстъ съ тѣмъ, чтобы исполнить важнѣйшій и *последній* свой долгъ. Во время проигры, трутень до того бываетъ возбужденъ въ половомъ отношеніи, что если его осторожно поймать въ это время и чуть подавить подъ крылышками, онъ немедленно выдвигаетъ членъ и, распластавъ крылья, также немедленно испускаетъ свой послѣдній вздохъ. То обстоятельство, что трутень передъ своею смертью растопыриваетъ крылья, намъ даетъ нѣкоторое поясненіе акта совокупленія матки съ трутнемъ, происходящаго въ воздухѣ. Растопыренные крылья падающаго мертвымъ трутня нѣсколько уменьшаютъ стремительность его паденія внизъ и тѣмъ способствуютъ успѣху вышеупомянутаго акта.

Если разсмотримъ внимательно выдвинутый членъ трутня, то мы замѣтимъ на концѣ его пару одинаковыхъ на видъ рожекъ, а неподалеку отъ нихъ—мышковидный отростокъ съ отверстіемъ на концѣ, который, собственно, и попадаетъ во влагалище матки во время акта совокупленія и чрезъ который проскакиваетъ туда же сперматофоръ. Бѣлый комъ, торчащій во влагалищѣ возвращающейся съ проигры матки, и есть оторванный ею у трутня мышковидный отростокъ (см. Т. 2 рис. II.).

Въ виду того обстоятельства, что совокупленіе матки съ трутнемъ происходитъ въ воздухѣ, долго не удавалось ученымъ пчеловодамъ прослѣдить этотъ актъ; старающіеся же объяснить его, конечно, по догадкамъ, натуралисты, предпо-

лагая, что трутень садится на матку, какъ это дѣлаютъ, напр., самцы мухъ, высказывали всегда недоумѣніе, какимъ образомъ заворачивающійся вверхъ при выпячиваніи кончикъ члена трутня могъ попасть во влагалище матки, если бы она (матка) оказалась подъ трутнемъ. Долгое время этотъ вопросъ такъ и оставался открытымъ. Но вотъ въ 1884 году профес. Цесельскому, послѣ неоднократныхъ, неудачныхъ наблюденій, въ полупасмурный день удалось вызвать на брачную проигру матку. Вслѣдствіе того обстоятельства, что погода была сомнительна, матка не улетѣла далеко отъ дома, и Цесельскому удалось наблюдать, конечно, лишь отчасти, этотъ интереснѣйшій въ научномъ отношеніи актъ, причемъ онъ увидѣлъ, что матка сѣла на трутня, обхвативъ его подъ крылышки своими ножками. Изслѣдуя упавшаго вмѣстѣ съ маткой на землю трутня, Цесельскій замѣтилъ, что отростокъ его члена былъ оторванъ и унесенъ маткой въ учебный улей, помѣщенный въ комнатѣ. Принявъ все это во вниманіе, Цесельскій заключаетъ, что во время совокупленія матка садится на трутня, обхватываетъ его подъ мышки ножками, кончикъ же своего брюшка она кладетъ между рожками выдвинутаго въ это время члена, причемъ мѣшковидный отростокъ какъ разъ долженъ попасть во влагалище матки.

Интересно здѣсь же будетъ упомянуть, что другой натуралистъ (Alexandre Levy) имѣлъ случай наблюдать тотъ же актъ совокупленія матки съ трутнемъ, причемъ результаты наблюденій получились совершенно противоположныя, т. е., онъ увидѣлъ, что трутень садится на матку. Кто правъ изъ этихъ двухъ ученыхъ, кто виноватъ, судить не намъ; несомнѣнно лишь то, что одинъ изъ нихъ, какъ выражаются малороссы, *везе москаля*, ибо въ одномъ и томъ же актѣ совокупленія насѣкомыхъ одного и того же вида не можетъ быть совершенно противоположныхъ пріемовъ. Что же касается насъ, то мы, принявъ въ расчетъ устройство полового органа трутня, болѣе склонны снять служиваго со спины

пр. Цесельскаго, тѣмъ болѣе, что его національной гордости такая ноша могла бы показаться невыносимой пыткой.

Дальнѣйшее развитіе матки и ея оплодотвореніе. Выйдя изъ маточника, молодая матка кажется на видъ очень слабой; да такова она есть и на самомъ дѣлѣ, но уже черезъ нѣсколько минутъ она крѣпнетъ и, подкармливаемая молочкомъ, подаваемымъ ей работницами, начинаетъ ходить сначала по своему родному, а затѣмъ и по другимъ сотамъ. На седьмой день, по выходѣ изъ ячейки, между 12 и 3 часами пополудни, т. е., въ то время, когда усиленно гуляютъ на пасѣкѣ трутни, матка вылетаетъ *на проигру* для брачной встрѣчи съ самцемъ. Седьмой день для брачнаго полета матки считается нормой, но если погода неблагоприятна для этой цѣли, матка вылетаетъ на 8-й, 9-й, 10-й день и т. д.; двадцать пятый же день считается предѣльнымъ срокомъ, послѣ котораго матка уже не можетъ оплодотвориться.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть еще и о томъ, что молодая матка не вылетитъ изъ улья на брачную проигру до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ своихъ соперницъ и не разгрызетъ всѣхъ запечатанныхъ маточниковъ, что, конечно, она и сдѣлаетъ неукоснительно, если дозволятъ ей пчелы; въ противномъ же случаѣ она уйдетъ съ роемъ и оплодотворится уже въ новомъ помѣщеніи.

Разгрызаніе маточниковъ и уничтоженіе воспитывающихся въ нихъ матокъ происходитъ такъ. Приблизившись къ запечатанному маточнику, матка яростно бросается на него и начинаетъ разгрызать въ немъ сбоку, ниже пряжи кокона, небольшое отверстіе. Какъ только работа эта будетъ окончена, она сейчасъ же вкладываетъ въ продѣланную дырочку брюшко и острымъ жаломъ закалываетъ не выдавшую еще свѣта Божія свою юную соперницу. Продѣланное маткой отверстіе пчелы-работницы расширяютъ и чрезъ него удаляютъ по частямъ трупъ убитой матки. Справившись съ однимъ маточникомъ, матка принимается за другой и т. д.

до тѣхъ поръ, пока всѣ маточники не будутъ уничтожены; если же матка найдетъ въ какомъ-нибудь маточникѣ еще не сформировавшуюся окончательно, бѣлую куколку или личинку, она ее не закалываетъ, а такъ и оставляетъ: пчелы ужъ сами ее уничтожатъ и выбросятъ вонъ. Слѣдя за разрушительной работой своей юной госпожи, пчелы ей не мѣшаютъ, напротивъ, даже побуждаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она отъ усталости прекращаетъ на время свою дѣятельность, что объясняется желаніемъ пчелъ имѣть поскорѣе единственную госпожу въ своей семьѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда выйдутъ изъ маточниковъ одновременно двѣ или три матки, между ними допускается настоящій поединокъ. Лишь только встрѣтятся двѣ соперницы, какъ немедленно, съ большимъ ожесточеніемъ, бросаются одна на другую, схватываются ножками, какъ бы для дружескихъ объятій, а брюшко стараются подогнуть такъ, чтобы поразить другъ дружку въ талию; какой маткѣ удастся поскорѣе продѣлать этотъ маневръ, та и остается побѣдительницей. Если же, во время борьбы, кончики брюшка соперницъ столкнутся, матки, какъ бы въ ужасѣ, отскакиваютъ одна отъ другой съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько минутъ опять схватиться еще съ большимъ ожесточеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ схватокъ, матки уже не такъ охотно набрасываются другъ на дружку и даже убѣгаютъ одна отъ другой, но пчелы, преграждая имъ путь, стараются опять свести ихъ для роковой борьбы и успокаиваются только тогда, когда одна изъ нихъ будетъ убита. Въ общемъ же матки дерутся какъ то пеловко и защищаются совсѣмъ немѣло, точь въ точь, какъ дерутся и защищаются деревенскія бабы.

Къ брачному вылету матку можно побудить и даже ускорить его на одинъ день; для этого нужно только поднять крышку улья и отодвинуть заставную доску такъ, чтобы на соты палъ солнечный лучъ. Яркое солнце немедленно возбуждаетъ въ неоплодотворенной еще маткѣ похоть, и она, какъ

только вы закроете улей, появится у летка вмѣстѣ съ другими пчелами и улетитъ на проигру. Въ учебномъ улейкѣ это дѣлается еще легче; стоитъ только открыть деревянный ставенецъ съ той стороны, гдѣ больше свѣта; черезъ нѣсколько уже минутъ пчелы начнутъ суетливо бѣгать по стеклу улейка, стараясь выдти наружу, а еще черезъ нѣсколько минутъ засуетится и матка и даже перейдетъ на стекло. Какъ только матка перейдетъ на стекло и приблизится къ летку, нужно немедленно закрыть ставенецъ; почти въ ту же минуту появятся на леткѣ пчелы и между ними матка. Очутившись на леткѣ, матка какъ бы въ нерѣшительности постоитъ на немъ съ четверть минуты, а затѣмъ взлетитъ на воздухъ и, покружившись немного около летка съ цѣлью замѣтить хорошо свой улей и его мѣсто, улетаетъ на предварительную рекогносцировку. Черезъ минутъ 10—15 матка обратно прилетаетъ къ своему улью, входитъ въ него и, убѣдившись окончательно, что теперь уже не можетъ ошибиться, улетаетъ вторично, но уже съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться съ трутнемъ и вернуться назадъ оплодотворенной. Если брачный полетъ былъ удаченъ, то въ этотъ вторичный прилетъ матки можно замѣтить бѣлый комъ, торчащій на концѣ ея брюшка во влагалищѣ; это и есть оторванный у трутня мѣшковидный отростокъ съ проскочившимъ въ него сперматофоромъ (см. Т. 2. рис. Н). Войдя въ улей и переведя сѣмя трутня изъ сперматофора въ свой сѣменникъ, матка старается освободиться отъ бѣлаго комка, въ чемъ ей помогаютъ своими клещиками и пчелы-работницы.

На другой уже день послѣ удачнаго совокупленія, можно замѣтить, что брюшко матки увеличивается въ объемъ, при чемъ можно замѣтить также, что пчелы относятся къ ней съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде, а еще черезъ два дня матка начинаетъ нести яички. Въ первый день матка снесетъ совсѣмъ мало яичекъ, во второй больше, въ третій—еще больше и т. д. Яички матка кладетъ правильно—кругами; заложивъ небольшой кружекъ яичекъ съ одной стороны

соты, она переходитъ на другую его сторону и дѣлаетъ то же. Во время обильнаго взятка, въ самую усиленную пору кладки яиць, матка можетъ снести ихъ до 3000 и даже больше. Если бы взвѣсить всѣ тѣ яички, которыя матка можетъ снести въ одинъ день въ пору наибольшей ихъ кладки, то вѣсъ ихъ былъ бы вдвое больше вѣса самой матки. Во время песенія яиць, пчелы кормятъ свою матку почти непрерывно, чѣмъ и можно только объяснить такую удивительную производительность природы.

Не всегда, однако, брачный полетъ бываетъ удачнымъ. Прпнявъ въ расчетъ всѣ неудобства совокупленія матки съ трутнемъ, можно даже предположить, что матка испортитъ не одного трутня, прежде чѣмъ удачно съ какимъ-либо изъ нихъ совокупится. Бываетъ и такъ, что удачное на видъ совокупленіе на дѣлѣ окажется совсѣмъ неудачнымъ; мнѣ самому приходилось наблюдать, какъ матка, возвратившаяся съ бѣлымъ комкомъ на концѣ брюшка, повторила свой вылетъ на другой день и также возвратилась съ комкомъ.

Оплодотворяется матка всего лишь одинъ разъ на всю свою жизнь и, начавъ нести яички, она несетъ ихъ съ большимъ, правда, перерывами до дня послѣдняго своего издыханія.

Если пчелы зимуютъ въ хорошемъ омшаникѣ, гдѣ температура колеблется между 2 и 7° тепла, матка почти совершенно прекращаетъ червленіе; но если пасѣка стоитъ зимой на дворѣ, и пчелы, во время сильнаго холода, бываютъ вынуждены поднять температуру гнѣзда до 30° Цельз., для уравновѣшиванія ея съ температурой внѣшняго воздуха, матка можетъ начать червить и въ эту неудобную для червленія пору. Въ концѣ же зимы, т. е. въ февралѣ мѣсяцѣ, матка, по нѣкоторымъ переменамъ въ состояніи воздуха, уже чувствуетъ приближеніе весны и начинаетъ понемногу червить, хотя и съ большой осторожностью. Правильное червленіе начинается по выставкѣ пасѣки на точку, послѣ перваго

весеняго облета, и увеличивается затѣмъ съ каждымъ днемъ. Во время обильнаго взятка червленіе достигаетъ наибольшихъ размѣровъ, а съ прекращеніемъ его прекращается и червленіе, хотя и не сразу, а постепенно. Осенью только въ рѣдкихъ ульяхъ можно встрѣтить черву. Разумѣется, если появится внезапно взятокъ, червленіе можетъ возобновиться опять, но уже въ небольшихъ размѣрахъ.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ:

а) Можно ли вторично жениться на своей женѣ?

Возможно ли второй разъ вѣнчаться со своею женой! Этотъ вопросъ, ни разу еще не встрѣчавшійся въ жизни, разрѣшенъ Св. Синодомъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій. Разведенная жена потомственнаго почетнаго гражданина И—ва возбудила ходатайство передъ Синодомъ о возстановленіи ея брака съ прежнимъ мужемъ, послѣ развода вступившимъ въ новое супружество. Вторая жена И—ва умерла, и тотъ и другой изъ разведенныхъ супруговъ выразили желаніе продолжать свое брачное сожителство по закону.

При обсужденіи этого ходатайства Синодъ нашель, что бракъ супруговъ И—выхъ, законно расторгнутый духовнымъ судомъ, совершенно уничтожился за вступленіемъ И—ва въ бракъ съ другимъ лицомъ. Вслѣдствіе же того, что вторая жена И—ва, съ которой онъ вступилъ въ бракъ послѣ развода съ первой женой, умерла. Синодъ не встрѣчаетъ препятствій къ возстановленію брака разведенныхъ супруговъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ Св. Синодъ предписалъ бракъ разведенныхъ супруговъ И—выхъ возстановить черезъ совершеніе браковѣчанія, при чемъ для И—ва бракъ его съ прежней женой долженъ считаться въ записи метрическихъ книгъ третьимъ, а для И—вой вторымъ („Кавказскій Благовѣстникъ“).

Противоалкогольное средство,

Страсть къ винопитію прививается искусственно вслѣдствіе болѣе или менѣе частыхъ пріемовъ алкоголя въ разныхъ видахъ (водки, вина, пива). Учащенные пріемы алкоголя вызываютъ уже потребность нервной системы въ возбуждателяхъ. Если удовлетворить эту потребность ядомъ болѣе слабымъ и менѣе вреднымъ, чѣмъ алкоголь, то къ послѣдному начинается пробуждаться полное отвращеніе. Врачъ Тувимъ предложилъ пользоваться для уничтоженія страсти къ водкѣ небольшими дозами атропина. Послѣ введенія въ организмъ атропина наступаетъ полное возбужденіе нервной системы; послѣ чего алкоголь даетъ только перевозбужденіе, связанное съ ощущеніемъ тягости и общаго недомоганія. Вкусъ водки и пива становится противнымъ и вызываетъ рвоту. Д. Пероттъ, примѣняя дозы атропина (0,001—0,01 въ день), не вызывалъ этимъ никакихъ побочныхъ разстройствъ въ организмѣ. Торговецъ, выпивавшій въ сутки 5 бутылокъ водки, послѣ атропиноваго лѣченія совершенно пересталъ пить. Сапожникъ, получавшій отъ запоя бѣлую горячку, на третій день послѣ лѣченія атропиномъ совершенно не переносилъ вкуса водки. Содержатель буфета, пившій непрерывно въ теченіе 17 лѣтъ, черезъ 2 недѣли бросаетъ пить. Инженеръ, тщетно лѣчившійся отъ запоя гипнозомъ и стрихниномъ, по истеченіи 3 недѣль прекратилъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, и много др. случаевъ. Леченіе атропиномъ представляетъ удобство еще въ томъ смыслѣ, что можетъ быть примѣнено безъ вѣдома и согласія больного.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 5-го іюня 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Авд. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингов. уа. № 6.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 25

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 16-го іюня.

Содержаніе: I. По поводу одного изданія. Свящ. В. П.—II. Жизнь пасты-
рей. Свящ. Ал. Введенскій.—III. Изъ журналовъ Н. Г.—IV. У при-
станн. Свящ. Вл. Успенскій.—V. Бесѣды по пчеловодству (продол-
женіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Запѣтки: а) Катихизація для
взрослыхъ.—б) Удовлетвореніе религиозныхъ нуждъ хуторянъ.—с)
О заупокойныхъ литургіяхъ по умершимъ священникамъ.—

По поводу одного изданія.

Однимъ изъ виднѣйшихъ книгоиздательствъ, завоевав-
шимъ въ послѣдніе годы книжный рынокъ, конкурирующимъ
съ издательствами старыми и солидными, является книгоиз-
дательство Горбунова-Посадова. Причина такого успѣха за-
ключается въ томъ, что книгоиздательство это старается из-
даваемыми имъ книгами удовлетворить назрѣвшимъ запро-
самъ жизни и тѣмъ требованіямъ, какія прѣдъявляются къ
книгѣ читателемъ. Возможная дешевизна и изящество изда-
нія—характерный признакъ всѣхъ изданій Горбунова-Поса-
дова. Дѣтская литература, учебныя пособія, деревенское хо-

зайство и крестьянская жизнь, борьба съ пьянствомъ, взаимная помощь, таковы главнѣйшіе отдѣлы, въ которыхъ интенсивно работаетъ указанное книгоиздательство. Вопросамъ религіи и морали к-во Горбунова-Посадова также удѣляетъ много вниманія, проводя въ своихъ изданіяхъ почти исключительно толстовскія идеи; въ отдѣлѣ „религія“ брошюры изъ сочиненій Толстого занимаютъ главное мѣсто. Особый отдѣлъ въ каталогѣ Горбунова-Посадова отведенъ „поученіямъ и избраннымъ мыслямъ изъ твореній духовныхъ писателей“. Брошюръ въ этомъ отдѣлѣ не много, но онѣ заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться вниманіемъ. Передъ нами „душеспасительныя наставленія св. Василія Великаго“ (I—XII выпуски). Небольшія книжечки, въ одинъ печатный листъ, излагаютъ, по сочиненіямъ св. Василія Великаго, отдѣльные вопросы нравственности: „о гнѣвѣ и зависти“, „о смиреніи и покаяніи“, „о познаніи себя“, „о гордости и празднословіи“, „о богатствѣ и любостыжаніи“. Книжечки вложены въ изящныя обертки и цѣна имъ назначена самая незначительная: $\frac{3}{4}$ коп. за экземпляръ, на лучшей бумагѣ— $1\frac{1}{2}$ коп. На книжки эти очевидно есть значительный спросъ, такъ какъ имѣющіяся у насъ помѣчены 3-мъ изданіемъ. Изданіе это, при всѣхъ отмѣченныхъ внѣшнихъ достоинствахъ, довольно тенденціозно; представляя собою подборъ выдержекъ на ту или другую тему, выбранную составителемъ, оно не даетъ цѣльнаго представленія о твореніяхъ св. Василія Великаго, особенно о тѣхъ изъ нихъ, которыя обличаютъ сектантовъ древнихъ и новыхъ.

Дешевое изданіе „душеспасительныхъ наставленій св. Василія Великаго“ интересно въ томъ отношеніи, что оно удовлетворяетъ давно назрѣвшей нуждѣ въ изданіи свято-отеческихъ твореній для народа. Свято-отеческая письменность нѣкогда была единственнымъ чтеніемъ нашихъ благочестивыхъ предковъ. Ихъ проповѣди старательно переписывались, перечитывались, заучивались наизусть. Въ настоящее время, несмотря на усовершенствованія книгопечатанія, дешевизну

книги, свято-отеческія творенія для народа—земля невѣдомая. Для распространенія въ народѣ такихъ твореній нами почти ничего не сдѣлано.

Дороговизна полныхъ свято-отеческихъ твореній, устарѣлый языкъ, ведутъ къ тому, что любители такихъ твореній—въ настоящее время величайшая рѣдкость. Въ настоящее время большіе успѣхи дѣлаетъ изданіе всевозможныхъ дешевыхъ листковъ и брошюръ для раздачи народу. Полезное необходимое дѣло. Но среди такихъ изданій давно уже пора быть еще одному—„общедоступному изданію свято-отеческихъ твореній“. При глубинѣ мысли, своеобразной красотѣ языка, творенія эти не утратили своего значенія и для настоящаго времени.

Свящ. В. П.

Жизнь пастырей.

Просматривая миссіонерскіе журналы, перечитывая ихъ почтовую корреспонденцію, неоднократно наталкиваешься на такіе вопросы пастырей-подписчиковъ:

Что дѣлать съ сектантами? Какъ вести борьбу съ ними? Какими мѣрами и путями подавить ихъ пропаганду, парализовать успѣхъ, лишить ихъ могущества, силы и обаянія? Мы вели постоянныя собесѣдованія съ народомъ, и народъ, однако, не перестаетъ ходить къ штундистамъ. Мы все испробовали, но наши попытки не увѣнчались успѣхомъ. Мы вели ожесточенную полемику съ сектантскими агитаторами, но сектантство тѣмъ не менѣе не уменьшается, а еще болѣе усиливается и распространяется. Мы обращались за помощью и содѣйствіемъ къ свѣтской власти, но и изъ этого ничего не вышло. Что же дѣлать? Неужели сидѣть сложа руки?

Думали и мы надъ этимъ вопросомъ. Совѣтовались съ опытными въ этомъ дѣлѣ людьми и съ престолюдинами. Разспрашивали не только своихъ, но и „религіозныхъ отщепенцевъ“. И вотъ въ концѣ концовъ, послѣ многихъ думъ и

долгихъ совѣщаній, на основаніи многочисленныхъ документальныхъ данныхъ мы пришли къ такому заключенію.

Мы, пастыри, сами отчасти виноваты въ томъ, что всѣ наши попытки не увѣнчиваются успѣхомъ. Мы сами являемся причиной тому, что сектантство растетъ, развивается, а наши приходы рѣдѣютъ, да соблазняются.

Мы все разбираемъ сектантское вѣроученіе, толкуемъ его на всевозможные лады, показываемъ неосновательность и несостоятельность его съ евангельской точки зрѣнія, выясняемъ превосходство православія предъ сектантствомъ. Все это, конечно, важно и необходимо. Безъ этого никакъ нельзя обойтись. Но вѣдь это не все. Есть что то другое, одинаково важное и необходимое въ дѣлѣ противосектантской миссіи, безъ чего тоже обойтись нельзя, и что тоже въ свою очередь служить камнемъ преткновеній и соблазна для многихъ прихожанъ, для многихъ христіанъ, а также и для нашихъ религиозныхъ враговъ.

Это — жизнь наша, жизнь пастырей, жизнь долженствующая быть исполненной благодати и истины.

Если Оза долженъ былъ умереть потому, что только дотронулся до ковчега Господня, хотя онъ хотѣлъ лишь удержать его отъ паденія; если тоже самое случилось съ жителями Веесамса, которые лишь заглянули въ него; если смерть угрожала даже животнымъ, приближавшимся къ священной горѣ, то каковы же должны быть тѣ лица, которыя удостоиваются „говорить“ съ Самимъ Господомъ, „предстоять Ему подобно Ангеламъ“, „нести Имя Его къ язычникамъ“ — иначе сказать, быть Его послами на землѣ?

Прежде всего, они должны быть чистыми, непорочными и неповинными предъ Господомъ Богомъ; должны быть „вѣчно горящими и свѣтящими во тьмѣ свѣтильниками“. Они должны своею жизнью дополнять свое ученіе. Если же они не дѣлаютъ сего, то они оскорбляютъ Того, Кто послалъ ихъ учить Свой народъ.

„Священство, пишетъ по данному вопросу св. Іоаннь Златоустъ въ своемъ трактатѣ „О священствѣ“, совершается на землѣ, но принадлежитъ къ порядку небесныхъ учрежденій, и весьма справедливо. Не человекъ, не ангель, не архангель, не другая какая сотворенная сила, но Самъ Утѣшитель установилъ это служеніе и побудилъ людей, еще пребывающихъ во плоти, подражать службѣ ангеловъ. Поэтому, священникъ долженъ быть такъ чистъ, какъ бы стоялъ на небѣ посреди ангельскихъ силъ... Когда видишь Господа закланнымъ и лежащимъ, священника предстоящимъ при жертвоприношеніи и молящимся и всѣхъ окропляемыхъ честною кровію, думаешь ли ты, что еще находишься съ людьми, стояшь на землѣ; что не мгновенно перенесся на небеса, и отринувъ отъ души всѣ плотскія мысли, простою душею и чистымъ умомъ не созерцаешь небесное?.. Живя на землѣ, священники призваны къ распоряженію небеснымъ и получили власть, какой Богъ не далъ ни ангеламъ, ни архангеламъ, потому что имъ не сказано: „что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ, и что разрѣшаете на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“ (Мѡ. 18 гл. 18 ст.). Какая власть больше этой?..“¹⁾

Говоря, затѣмъ, о нравственной чистотѣ священника, стоовѣтствующей высокому служенію его, св. Златоустъ вопрошаетъ: „каковъ долженъ быть тотъ, кто молится за цѣлый городъ, за всю вселенную и умилоствуетъ Бога за грѣхи всѣхъ, не только живыхъ, но и умершихъ? Для такой молитвы я не считаю достаточнымъ даже дерзновеніе Моисея и Іліи. Онъ (священникъ) такъ приступаетъ къ Богу, какъ будто ему ввѣренъ весь міръ, и онъ есть Отецъ всѣхъ: молить о прекращеніи повсюду войнъ, утишеніи мятежей, просить о мирѣ, плодородіи, скоромъ устраненіи всѣхъ тяготяющихся бѣдствій, частныхъ и общественныхъ. Онъ долженъ во всемъ столько превосходить всѣхъ, за которыхъ просить,

¹⁾ Изд. 1872 г. СПб. кн. 3, стр. 3—33

сколько защитникъ превосходитъ защищаемыхъ. А когда онъ призываетъ Св. Духа, совершаетъ страшную жертву и постоянно касается общаго всѣхъ Владыки,—скажи мнѣ, гдѣ помѣстимъ его? Какой потребуемъ отъ него чистоты и какого благоговѣнія? Подумай, каковы должны быть руки, служащія этому, каковъ языкъ, произносящій эти слова? Не всего ли чище и свѣтлѣе душа, принимающая этого Духа? Тогда ангелы предстоятъ священнику, весь чинъ небесныхъ силъ взываетъ и, въ честь Лежащаго, наполняетъ мѣсто около престола!¹⁾

Словомъ, пастырѣ Церкви въ виду его высокаго и святаго служенія долженъ быть чистымъ, непорочнымъ и неповиннымъ предъ Господомъ Богомъ.

Но являемся ли мы на самомъ дѣлѣ таковыми? Исполняемъ ли мы апостольскій завѣтъ: „образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“²⁾ Слѣдуетъ ли словамъ Божественнаго Учителя: „такъ да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“³⁾ Приближаемся ли хотя отчасти къ тому идеалу священства, который изображенъ въ твореніяхъ святыхъ отцовъ и учителей Церкви? Къ сожалѣнію, нѣтъ, по крайней мѣрѣ не всѣ, не всегда, не во всемъ. И народъ отшатывается отъ насъ, разлюбливаетъ насъ.

— „Почему бы и не ходить въ церковь,—говорятъ сютаевцы,—дайте намъ такихъ священниковъ, какихъ требуетъ Евангеліе, и мы пойдѣмъ къ нимъ и за ними. Седьмая глава посланія къ евреямъ указываетъ, что священники должны быть святыми и не причастными злу“⁴⁾.

— „Когда при производствѣ слѣдствія въ Ярославскомъ уѣздѣ, Красносельскомъ приходѣ,—сообщаетъ графъ Стен-

¹⁾ Кн. 6, стр. 106—107.

²⁾ 1 Тим. 4 гл. 12 ст.

³⁾ Матѣ. 5 гл. 16 ст.

⁴⁾ А. Пругавинъ: „Расколъ и сектанство“. Москва. 1905 г. стр. 75.

бокъ,—я былъ удивленъ, что крестьяне, называя себя православными, уклоняются отъ причастія, и недоумѣвалъ, какія тому причины, то одинъ изъ тайныхъ раскольниковъ, крестьянинъ деревни Кетова, Яковъ Батыевъ, объяснилъ мнѣ откровенно, что это все „колеблющіеся“, изъ которыхъ съ каждымъ годомъ многіе переходятъ въ какую-нибудь раскольническую секту“. На мой вопросъ: отчего же происходитъ это равнодушіе?—онъ чистосердечно отвѣчалъ:

— Оттого, что попы стали всѣмъ ужъ черезчуръ не любы ¹⁾).

Въ 1910 году въ редакцію Екатеринославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей „14 ревнителѣй и истыхъ православныхъ христіанъ“ прислали письмо слѣдующаго содержанія:

. . . „Какая польза, если пастырь учить не пьянствовать, а самъ, чтобы получить нѣсколько мѣшковъ пшеницы, послѣ освященія полей, устраиваетъ у себя такую пирушку, что мужички уходятъ отъ него чуть ли не ползкомъ. Говорить тотъ же пастырь: „будьте честны“, а самъ выдаетъ документы съ подложными печатями. Учатъ пастыри своихъ пасомыхъ жить другъ съ другомъ въ мирѣ и согласіи. А сами? Сами никогда не выполняютъ этого, ссорясь изъ за денежныхъ счетовъ, или изъ-за старшинства. Учатъ іереи стоять въ церкви благоговѣнно, чинно, а сами совершаютъ службу спѣша, священникъ пропускаетъ молитвы, діаконъ что то бормочетъ себѣ подъ носъ, и присутствующіе въ храмѣ изъ всей ектеніи слышатъ только одно „помолимся, помолимся“.

Какъ же отражаются эти факты на приходѣ?—Очень печально. Вѣдь, если обыкновенный человѣкъ, у котораго слово расходится съ дѣломъ, не имѣетъ довѣрія среди окру-

¹⁾ Записка гр. Стенбока. Сборн. Кельсіева. см. Пругавина: „Расколь и сектантство“ стр. 74.

жающихъ, то тѣмъ болѣе пастырѣ, который одно говоритъ, а другое дѣлаетъ, и на котораго обращены взоры прихожанъ, будетъ постепенно терять ихъ довѣріе и они пойдутъ искать правды въ дебряхъ сектантства“¹⁾.

Подобнаго рода письмо было прислано и въ редакцію „Миссіонерскаго Сборника“.

„За послѣднее время, пишетъ авторъ, мнѣ приходится выслушивать, что моль вѣра у насъ пошатнулась черезъ пастырей. У таковыхъ я спрашивалъ—да чѣмъ же виновны пастыри? Развѣ они въ храмѣ учатъ грабить, пьянствовать, воровать? Вѣдь у насъ пастыри учатъ и наставляютъ насъ, по Слову Свящ. Писанія, любить ближняго, какъ самото себя, они напоминаютъ слова апостола, что блудники и пьяницы Царствія Божія не наследуютъ. На такія рѣчи я получалъ въ отвѣтъ: да, это такъ, но они только насъ учатъ, а сами.. играютъ въ карты, курятъ, въ посты скоромное ѣдятъ. А намъ говорятъ, что все это грѣхъ. Они не вѣрятъ въ то, чему другихъ учатъ. Къ нимъ не подступиться“...²⁾.

Какой же выводъ слѣдуетъ отсюда?

А тотъ, что дѣло миссіи только тогда будетъ идти успешно, когда само духовенство своимъ добрымъ поведеніемъ, своею нравственною жизнью будетъ поддерживать дѣятельность православныхъ миссіонеровъ.

Другими словами, примѣрная жизнь пастырей представляетъ собою одно изъ самыхъ могучихъ и дѣйствительныхъ средствъ въ борьбѣ съ сектантствомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи,
Священникъ Александръ Введенскій.

¹⁾ № 25, стр. 557—558.

²⁾ Мис. Сбор. 1912 г. № 6, стр. 539.

Изъ журналовъ.

(*Православный Собесѣдникъ, Пива, Церковный Вѣстникъ, Христіанинъ*).

Въ апрѣльскомъ номерѣ „Православнаго Собесѣдника“ проф. В. А. Керенскій заканчиваетъ рядъ очерковъ современной западно-европейской церковной жизни подъ общимъ заглавіемъ „*На Западъ*“. Интересны окончательные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ. Для представителей православія очень важно знакомство съ западной религіозной жизнью, такъ какъ Православной Церкви приходится сталкиваться съ западными исповѣданіями. Православію угрожаетъ и протестантизмъ, „съ присущимъ ему духомъ разложенія, могущимъ опаснѣе всякой положительной силы дѣйствовать на слабыхъ вѣрою людей“, и католицизмъ „съ его прочной внѣшней организаціей, могущій привлекать къ себѣ всѣхъ, которыхъ прельщаетъ не столько существо христіанства, сколько его форма“. Въ борьбѣ съ той и другой крайностью полезнымъ союзникомъ православія можетъ быть старокатоличество, представители котораго и сами стремятся къ единенію съ Православнымъ Востокомъ. Авторъ указываетъ значительныя отличія, которыя отдѣляютъ старокатоличество, съ одной стороны, отъ римско-католиковъ, съ другой,—отъ протестантовъ. Правда, нѣкоторые недостаточно развитые пункты старокатолическаго ученія приближаются къ протестанству, какъ взглядъ на инокопочитаніе, призываніе святыхъ, таинства миропомазанія, покаянія, причащенія; самое ученіе о Церкви у старокатоликовъ не отличается полной опредѣленностью; но въ послѣднее время, особенно подъ вліяніемъ обмѣна мыслей съ православными богословами, старокатолическіе писатели (въ особенности Коппъ) почти во всѣхъ этихъ пунктахъ все болѣе приближаются къ чисто православнымъ воззрѣніямъ. Поэтому почтенный авторъ, раньше высказывавшійся о затруднительности соединенія старокатоликовъ съ православными, заканчиваетъ свои очерки слѣдующими словами:

„вообще старокатолическая церковь въ своемъ внутреннемъ развитіи достигаетъ той стадіи, при которой соединеніе съ Православною Церковью представляется актомъ, не вызывающимъ особенно серьезныхъ затрудненій“. Добавимъ отъ себя, что этотъ вопросъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, вслѣдствіе религіознаго единенія старокатоликовъ съ маріавитами. И вообще при современной все болѣе обостряющейся борьбѣ адскихъ силъ противъ Церкви Христовой такое соединеніе представляется весьма желательнымъ и даже необходимымъ.

Интересный *случай изъ жизни Л. Н. Толстого* передается въ майской книжкѣ литературныхъ приложений къ журналу „Нива“ (въ смѣси). Однажды Л. Н., въ присутствіи Л. Оболенскаго, бывшаго тогда редакторомъ „Русскаго Богатства“, Н. Страхова и др., предложилъ прочитать набросанное имъ сказаніе изъ древней жизни. Всѣ, разумѣется, высказали живой интересъ къ новому произведенію и, со вниманіемъ выслушавши его, стали имъ восторгаться, а Л. Оболенскій сталъ просить у Л. Н. рукопись для напечатанія. Въ отвѣтъ на это Толстой сказалъ, что онъ читалъ давно уже напечатанное: дѣйствительно, какъ оказалось, имъ прочитанъ былъ отрывокъ изъ 2 книги Ездры, именно рассказъ о томъ, какъ три тѣлохранителя царя Дарія рѣшали вопросъ: что сильнѣе всего? „Я хотѣлъ вамъ показать,—улыбнулся Левъ Николаевичъ:—какія есть удивительныя вещи въ Библии, и какъ мало мы знаемъ ихъ еще“.—Интересно было бы знать,—измѣнился ли бы отзывъ слушателей, если бы знали, что Толстой читаетъ имъ не свое, а библейское повѣствованіе.

Въ виду ожидаемыхъ преобразованій русской церковной жизни, свящ. А. Хрусталева въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (№ 20) ставитъ вопросъ: „*Могъ ли быть полезенъ общеимперскій съездъ представителей сельскаго духовенства для подготовительныхъ работъ къ церковной реформѣ?*“ Авторъ указываетъ, что такія подготовительныя работы поручены Предсоборному Совѣщанію, состоящему изъ высокоавторитет-

ныхъ и освѣдомленныхъ лицъ. Но лица эти стоятъ близко, главнымъ образомъ, къ городской и общественной жизни. Между тѣмъ, для наиболѣе цѣлесообразнаго преобразованія необходимо близкое и непосредственное знакомство со всѣми сторонами церковной жизни. Такое знакомство съ жизнью, интересами, потребностями и воззрѣніями простого народа есть только у сельскаго духовенства. Въ качествѣ вопросовъ, которые могутъ быть наиболѣе правильно освѣщены именно послѣднимъ, авторъ указываетъ вопросъ о благоустройствѣ прихода, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, допустимыхъ въ богослуженіи и т. п. Поэтому авторъ признаетъ желательнымъ устройство всероссійскаго съѣзда представителей сельскаго духовенства для обсужденія подобныхъ вопросовъ, при чемъ справедливо замѣчаетъ, что, хотя эти вопросы будутъ поставлены и на ожидаемомъ Соборѣ, но столкнуться и выяснить положеніе дѣла нужно до Собора.

Изъ назидательнаго матеріала отмѣтимъ статью свящ. В. Щукина „*Вѣчный путь къ Царству Божію*“ („Христіанинъ“, апрѣль). Авторъ начинаетъ свою статью указаніемъ, что теперь какъ будто неприложимы прежніе пути къ достиженію Царства Божія, какъ отшельничество, удаленіе въ пустыню; даже въ монастыряхъ теперь очень много мірскихъ заботъ и соблазновъ; благотворительность все болѣе приобретаетъ общественный характеръ. Но основной, исходный путь къ Царству Божію всегда одинъ и тотъ же: „Царство Божіе внутри васъ есть“, оно заключается въ самомъ человѣкѣ, „въ непреодолимомъ желаніи его быть близкимъ къ Богу и жить въ любви и общеніи съ Нимъ“. Практическій же способъ для осуществленія этого желанія всегда легко найти. Для безпрепятственнаго, уединеннаго общенія съ Богомъ нѣтъ надобности удаляться въ пустыню, такъ какъ теперь религіозно настроенный человѣкъ и въ многолюдныхъ городахъ такъ мало встрѣчаетъ себя сочувствія, что почти всегда чувствуетъ себя одиокомъ. Главной задачей нашей и должно быть сохраненіе и развитіе своей религіозной настроенности, стрем-

ленія къ Богу и богоугодной жизни. Но люди въ большинствѣ случасвь слишкомъ мало заботятся о развитіи своей религіозности: на первый планъ у нихъ выступаютъ государственныя, общественныя и личныя заботы, а для исканія Царства Божія и времени не остается. Такое положеніе дѣла совершенно неправильно. Нужно помнвить, что и для обезпеченія земного благополучія необходимо водвореніе на землѣ идеаловъ Царства Божія. Если бы всѣ люди прониклись этими идеалами и дѣятельно стремились къ ихъ осуществленію, тогда, и только тогда, и земная жизнь походила бы на небесную, райскую. Это вѣрно, скажемъ мы отъ себя. Но совершенно напрасно о. Щукинъ думаетъ, что прежніе пути теперь не приложими. „Могій вмѣстить, и вмѣстить“.

Н. Г.

У пристани.

И пусть мой крестъ тяжолъ; пусть бури и
сомнѣнья,
 Невзгоды и борьбу несетъ онъ мнѣ съ со-
бой,
 Онъ мнѣ дарить за то и свѣтлыя мгно-
венья—
 Мгновенья радости высокой и святой.

С. Я. Надсонъ.

Священникъ одного изъ селъ Малороссіи о. Іоаннъ Никольскій вошелъ въ свой кабинетъ взволнованный и утомленный. Ему только что пришлось выдержать въ кухнѣ „горячую баню“. Приходилъ прихожанинъ торговаться „за вѣнчанье“. Возмутительный деревенскій обычай! Какъ пагубно дѣйствуетъ онъ на расшатанные нервы и слабое сердце о. Іоанна всякій разъ, какъ въ селѣ бываютъ свадьбы! Когда кто изъ крестьянъ является къ батюшкѣ съ просьбою о „вѣнчаньи“ и спрашиваетъ: „сколько отецъ духовный положитъ за свой трудъ?“ — кровь горячей волной приливаетъ къ сердцу

о. Иоанна, и оно начинает усиленно биться. Плата причту за бракъ въ такихъ случаяхъ давно всѣмъ извѣстна, давно освящена временемъ — четыре рубля. Такъ вознаграждали причтъ прадѣды, дѣды и отцы теперешнихъ поколѣній, когда жизненныя условія были иныя: жизнь была дешевле; такъ продолжаютъ вознаграждать и теперь, когда жизнь вздорожала. Но раньше прихожане не торговались: придуть, положить, по обычаю, „паляницу“ на столъ, поставятъ „око“ или „поль-ока“ (бутылку или полбутылки) водки и, попросивъ благословенія у отца духовнаго, излагаютъ дѣло, просятъ поздравить жениха и невѣсту чаркой горилки и, затѣмъ, вручивъ установленную плату, уходятъ. Теперь поздравленіе чаркой горилки вывелось (по почину о. Иоанна), но какъ бы взамѣнъ этого ввелось обыкновеніе выторговывать у причта изъ платы за требу хоть рубль, хоть полрубля, хоть даже „два злѣтыхъ“ (30 к.), и не потому, что труднѣе стало жить прихожанамъ, бѣднѣе дѣдовъ и отцовъ они стали: живутъ, пожалуй, побогаче, имѣя, правда, меньше земли вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, но зато больше постороннихъ заработковъ въ экономіяхъ, лѣсахъ и на сахарныхъ заводахъ, — нѣтъ, а просто такъ, чтобы отвести душу. Это, повидимому, доставляетъ большое удовольствіе крестьянамъ. Какъ же такъ не поторговаться? Вездѣ торгуются, гдѣ идетъ разговоръ о платѣ.

Крестьянамъ это удовольствіе, а о. Иоанну мученіе. Уступить, — но ему и причетнику, при ихъ многосемейности, дорога каждая копейка. Да и для чего уступать? Чтобы дать прихожанину возможность лишній разъ побольше отравить себя водкой? Другого употребленія выторгованнымъ деньгамъ онъ не сдѣлаетъ. Наставать на установленной платѣ, — но какая попытка! Иной крестьянинъ по часу и по два не выходитъ изъ священническаго дома, все клянча — „уступите, батюшка, времена тугія“, безчисленное количество разъ кольнетъ священника тѣмъ, что „попы деруть и съ живого и съ мертваго“, грозить жаловаться архіерею на поповское притѣсненіе и уйдетъ,

не сторговавшись, чтобы через день, через два притти опять кланчить: „уступите же, батюшка!“ — пока, наконецъ, это ему самому не прискучить. Тогда онъ, вряхтя, охая и вздыхая, лѣзетъ за голенища сапогъ, вынимаетъ оттуда давно уже заготовленный кошель или платокъ съ деньгами, развязываетъ его, пересчитываетъ „гроши“ и, вручивъ ихъ священнику, съ примирительной улыбкой говоритъ:

— Что, уморилъ я васъ, батюшка? Ужъ извините, такъ повелось!..

Прихожанинъ, котораго отпустилъ теперь о. Іоаннъ, оказался особенно неподатливымъ. Уперся, какъ быкъ: «Не дамъ больше трехъ карбованцевъ. Пусть «диты» живутъ невѣнчанные, пока я до архіерея не дойду и тотъ не заставитъ васъ повѣнчать «дурно» (безвозмездно)».

И съ тѣмъ ушелъ.

До архіерея! Вѣдь что сказали! Никто еще не жаловался архіерею на о. Іоанна. Поторгуются, поторгуются, попортятъ ему крови, да и уплатятъ, что слѣдуетъ, а этотъ не постѣснялся пригрозить и высшей епархіальной властью, да какъ—не на шутку! Что, если онъ и въ самомъ дѣлѣ исполнитъ эту угрозу? Епархіальная власть не станетъ разбирать, по какимъ побужденіямъ о. Іоаннъ не уступилъ: у нея обычная резолюція въ такихъ случаяхъ: «на три мѣсяца въ монастырь съ запрещеніемъ священнослуженія». Епархіальная власть рассуждаетъ такъ: «взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ». Находи средства на содержаніе себя и семьи, а требовать отъ прихожанъ мзды не смѣй, довольствуйся тѣмъ, что даютъ.

Съ своей точки зрѣнія епархіальная власть, можетъ быть, и права, да причту то какъ быть, когда земля стала давать очень скудные урожаи, а прихожане ищутъ всякихъ случаевъ, чтобы довести плату причту до возможнаго минимума, а если можно, то и совсѣмъ не платить. Имъ тоже нѣтъ дѣла до семейнаго положенія причтовъ: они блюдутъ свои интересы.

Да, трудный подвигъ принялъ на себя о. Іоаннъ, не считавъ, въ какое положеніе поставитъ онъ свою семью. Въдь вотъ жена и дѣти, да и самъ онъ, полуодѣты, полуобуты, и кругомъ то они въ долгахъ! Дѣти и въ школахъ не учатся, не на что отдавать, хотя старшей дѣвочки уже пятнадцать, а старшему мальчику четырнадцать лѣтъ. Онъ учитъ ихъ дома, а что изъ этого выйдетъ, онъ и самъ и не знаетъ...

Не рассчиталъ!.. А какъ бы онъ могъ рассчитать, когда онъ изъ свѣтскихъ, хотя и носитъ духовную фамилію «Никольскій». И отецъ, и дѣдъ его были чиновниками. По семейнымъ преданіямъ, къ духовной средѣ принадлежалъ пра-дѣдъ; тотъ былъ священникомъ. Но то было давно—въ Екатерининскія времена и въ другомъ краѣ — Великороссіи. Отецъ же Іоаннъ возвратился въ духовную среду непредвидѣнными судьбами.

Онъ служилъ бухгалтеромъ въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи въ Полѣсьѣ. Познакомился и подружился съ священникомъ того прихода, къ которому было приписано имѣніе. Посѣщалъ съ семьей его домъ, бралъ у него богословскія и философскія книги для прочтенія, велъ съ нимъ бесѣды на религіозныя темы. Однажды, неожиданно для о. Іоанна (тогда еще Ивана Ивановича Никольскаго) священникъ сталъ уговаривать его принять духовный санъ.

— Изъ васъ выйдетъ прекрасный священникъ! говорилъ онъ.

Конечно, Иванъ Ивановичъ отбивался отъ этого предложенія, какъ говорится, и руками, и ногами, считая себя недостойнымъ іерейскаго сана ни по жизни, ни по образованію. Онъ велъ обычную жизнь свѣтскихъ людей, не прочь былъ отъ разныхъ свѣтскихъ удовольствій, а по образованію онъ былъ недоучка—вышелъ изъ седьмого класса гимназіи при переходѣ въ восьмой.

Но священникъ не отступалъ, представляя различные весьма убѣдительные доводы и призывалъ къ себѣ на помощь

своего родственника, преподавателя семинаріи, захавшаго какъ то лѣтомъ къ нему отдохнуть на лонѣ природы.

Въ концѣ концовъ, Иванъ Ивановичъ сдался и рѣшилъ попытаться счаться на новомъ поприщѣ. вмѣстѣ съ новымъ своимъ другомъ отправился онъ въ губернской городъ къ архіерею для подачи прошенія о предоставленіи ему священническаго мѣста. Прошеніе его было принято благосклонно. Владыка назначилъ Ивану Ивановичу держать священническій экзамень у ректора Духовной Академіи—своего викарія. Иванъ Ивановичъ сталъ готовиться и черезъ полгода благополучно выдержалъ экзамень, а вскорѣ былъ назначенъ въ тотъ приходъ, гдѣ онъ состоитъ нынѣ..

Вспоминая теперь, какъ легко и скоро это ему удалось, о. Іоаннъ склоненъ заключать, что это произошло не случайно, а по Божьему произволенію.

Вотъ онъ пожалѣлъ было, что не рассчиталъ, въ какое положеніе поставитъ семью, принявъ на себя трудный подвигъ священства. Ну, а если бы рассчиталъ и не пошелъ на божественный зовъ, выигралъ ли бы онъ?..

Оглядываясь на прошедшую жизнь, о. Іоаннъ склоненъ заключать, что на немъ «по исполненіи временъ» въ ихъ семьѣ долженъ былъ совершиться «атавизмъ»—возвращеніе на путь предковъ, хотя родные и хлопотали о другомъ пути. Родные предназначали его къ пути дѣда и отца—чиновничеству.

О. Іоаннъ родился въ бѣдной чиновничьей семьѣ одного маленькаго уѣзднаго при-окскаго городка. Отець его, выучившись грамотѣ на „мѣдныя деньги“ у дьячка, всю жизнь свою провелъ въ канцеляріяхъ, начавъ службу въ уѣздномъ судѣ писцомъ 2-го разряда и постепенно подвигаясь къ должностямъ столоначальника и секретаря. По упраздненіи уѣздныхъ судовъ въ „эпоху великихъ реформъ“—отець о. Іоанна—Иванъ Ивановичъ Никольскій вышелъ въ отставку и, зачислившись номинально письмоводителемъ къ уѣздному предводителю дворянства, сталъ заниматься адвокатурою въ новыхъ

судебныхъ учрежденіяхъ. На склонѣ лѣтъ занялъ мѣсто нотаріуса въ своемъ уѣздномъ городѣ, не переставая въ то же время частнымъ образомъ заниматься и адвокатурою.

О. Іоаннъ былъ предпоследнимъ по счету и единственнымъ оставшимся въ живыхъ сыномъ Никольскаго—отца. Родился онъ въ то время, когда отецъ его еще занимался исключительно адвокатурою. Съ самаго ранняго возраста у о. Іоанна проявилась охота къ ученью. Уже къ шести годамъ своей жизни подъ руководствомъ старшаго брата (искорѣ умершаго) выучилъ онъ азбуку и склады, а на седьмомъ году поступилъ въ училище. Отецъ не хотѣлъ было такъ рано отдавать туда сына, но сынъ своими непрестанными слезами и капризами довелъ отца до того, что тотъ махнулъ рукой, отправился къ завѣдывающему училищемъ и упросилъ его принять Ваню въ приготовительный классъ, хотя по правиламъ школьнымъ ранѣе восьмилѣтняго возраста дѣти въ училище не принимались.

— Это для Вани игрушка своего рода. Надоѣсть она ему—возьму его изъ училища до установленнаго возраста, сказалъ онъ завѣдывающему.

Но Ванѣ его игрушка не надоѣла и во весь пятилѣтній школьный курсъ онъ учился отлично. Въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ кончилъ онъ училище съ наградой первой степени—первымъ ученикомъ. Не имѣя достатковъ вести образованіе сына дальше, Иванъ Ивановичъ—отецъ оставилъ Ваню на повторительный курсъ, рассчитывая черезъ годъ, черезъ два сдѣлать его своимъ письмоводителемъ. (Никольскій въ то время былъ уже нотаріусомъ), а впоследствии передать ему нотаріальную контору. Но въ судьбу Вани вмѣшался его дядя—шуринъ Ивана Ивановича—отца Петръ Николаевичъ Лавровъ, занимавшій должность секретаря сѣзда мировыхъ судей—человѣкъ съ достатками. Онъ сталъ настаивать, чтобы Иванъ Ивановичъ помѣстилъ сына въ гимназію.

— На какія средства? Гдѣ я возьму 300—400 руб. въ годъ на его содержаніе въ гимназіи, когда ты знаешь, что

иной годъ весь мой заработокъ едва равняется этой суммѣ? — возражалъ Иванъ Ивановичъ.

— Я помогу.

— Развѣ что ты! Тогда иное дѣло. Но въ такомъ случаѣ, не лучше ли помѣстить Ваню въ духовное училище? Оно ближе отъ насъ и содержаніе въ немъ дешевле. А тамъ, если Ваня не избалуется—перейдетъ въ семинарію, священникомъ будетъ, какъ его прадѣдъ о. Гавріиль.

— Ахъ, что вы говорите, Иванъ Ивановичъ! ужаснулся Петръ Николаевичъ, вы хотите, что бы Ваня сдѣлался „кутейникомъ“, присталъ къ долгогривой братіи, протягивалъ руку за подаваніемъ, сдѣлался посмѣшищемъ города, какъ наши городскіе попы и дьяконы? Вы этого хотите?.. А сами пошли бы въ долгогривые, если бы была возможность? Не пошли бы вѣдь? Такъ зачѣмъ же вы сына хотите толкать на эту ужасную дорогу?.. Слава Богу, что хоть отцы наши сошли съ нея!.. Нѣтъ, нѣтъ—у Вани есть способности—изъ него юристъ хорошій можетъ выйти: какой-нибудь слѣдователь или присяжный повѣренный, какъ нашъ братъ Алексѣй Николаевичъ. Вѣдь вотъ возьмемъ хоть съ него примѣръ: онъ пѣшкомъ, чуть не въ лаптяхъ, ушелъ изъ семинаріи въ Москву, чтобы выбраться изъ кутейниковъ. Видно, по опыту родственниковъ, зналъ, какъ сладко быть попомъ... Какъ хотите, а я и гроша мѣднаго не дамъ, если вы помѣстите Ваню въ бурсу...

Иванъ Ивановичъ вынужденъ былъ сдаться и готовить сына въ гимназію, отъ чего Ваня былъ въ восторгѣ. Противъ духовнаго училища и семинаріи онъ былъ настроенъ. Онъ видѣлъ сыновей городскихъ священниковъ, „бурсаковъ“, какъ ихъ называли, въ длиннополыхъ сюртукахъ, съ короткими рукавами, изъ которыхъ такъ смѣшно торчали ихъ длинныя красныя руки, въ короткихъ, смѣшно топорщащихся брюкахъ и круглыхъ низкихъ шляпахъ съ широкими полями, носившихъ названіе „семинарокъ“. Надъ этими костюмами, какъ и надъ его обладателями, застѣнчивыми и неуклюжими,

всѣ въ городѣ потѣшались. И Ваня не хотѣлъ быть предметомъ такихъ же насмѣшекъ. А гимназисты—военные и статскіе—были въ городѣ въ почетѣ. Его двоюродный братъ былъ ученикомъ военной гимназіи (такъ назывались тогда кадетскіе корпуса) и возбуждалъ зависть въ средѣ сверстниковъ своею формою съ блестящими пуговицами, петлицами, погончиками и цвѣтнымъ кушакомъ. У свѣтскихъ гимназистовъ хотя нѣтъ погоны и цвѣтнаго кушака, но все же есть свѣтлыя пуговицы. А впереди перспектива—студентъ.. Студентовъ въ городѣ чуть на рукахъ не носили. Вѣдь это умницы, душки, Рудины... Начнуть говорить, что твой соловей—заслушаешься. Его тетка (сестра Петра Николаевича) до сихъ поръ вздыхаетъ объ одномъ студентѣ—шестидесятникѣ, плѣнившемъ ея пылкую дѣвичью душу своимъ краснорѣчіемъ, она до сихъ поръ млѣетъ отъ восторга, когда вспоминаетъ „его восторженную рѣчь и кудри черныя до плечь“... Спасибо дядѣ, что тотъ отстаивалъ для него право на будущее студенчество!

Свящ. Влад. Успенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе) ¹⁾.

Трутневая или трутовая матка. Предѣльнымъ срокомъ, послѣ котораго матка теряетъ способность оплодотвориться, считается приблизительно 25-й день, по выходѣ ея изъ маточника. Послѣ этого срока, матка уже не вылетаетъ на брачную проигру, а если и вылетитъ, то удачно оплодотвориться не можетъ; чувствуя же неодолимую потребность сдѣлаться матерью, она начинаетъ нести яички, но, къ сожалѣнію, всѣ они будутъ неоплодотворенными и изъ нихъ

²⁾ См. № 24 за 1913 г.

выйдутъ только лишь трутни. Матка, несущая одни лишь трутневые яйца, называется *трутневой* или *трутовой*. Трутневая матка, также какъ и плодная, въ пору кладки яицъ увеличивается въ объемъ и по вѣшнему виду ихъ нельзя отличить одну отъ другой. Пчеловодъ только тогда можетъ убѣдиться, что у него работаетъ трутневая матка, когда появится *горбатая*, т. е., запечатанная, трутневая черва въ пчелиныхъ ячейкахъ. Трутневая матка яички кладетъ неправильно и преимущества трутневымъ ячейкамъ передъ пчелиными не отдаетъ.

Матка трутовка появляется въ пчелиной семьѣ только тогда, когда она (семья) окончательно потеряетъ возможность вывести себѣ настоящую мать, т. е., когда нѣтъ въ ульѣ ни оплодотворенныхъ яичекъ, ни молодой, рабочей дѣтки, и ему угрожаетъ полное сиротство. Выхода изъ угрожающаго положенія трутовка не даетъ, а лишь является той соломинкой, за которую утопающій хватается въ послѣдней, безумной надеждѣ спасти себѣ жизнь. Трутовкой называется обыкновенная пчела-работница, принявшая на себя обязанности матки. Въ виду того обстоятельства, что пчелы начинаютъ кормить свою неудачную избранницу маточнымъ кормомъ (молочкомъ), яичники ея увеличиваются немного въ объемъ, и въ нихъ начинаютъ развиваться въ небольшомъ количествѣ яйца, каковыя она и кладетъ въ ячейки (см. Т. 2 рис. М. О.). Трутовка по своему вѣшнему виду ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной пчелы, и потому нѣтъ возможности отличить ее отъ другихъ пчелъ въ ульѣ. Присутствіе трутовки обнаружить можно по беспорядочной кладкѣ яицъ, каковыя она кладетъ неправильно, съ большими пропусками и по нѣсколько въ каждую ячейку. Въ глубокія, пчелиныя ячейки трутовка совсѣмъ почти не можетъ положить яичка, ибо не можетъ своимъ короткимъ брюшкомъ достать дна; охотиѣе она кладетъ яйца въ попадающіяся иногда мелкія ячейки, но и здѣсь она можетъ исполнить свое желаніе, преодолевъ большія трудности. Прежде всего мѣшаютъ трутовкѣ опустить

брюшко въ ячейку—крылышки, и если вамъ удастся застать трутовку въ моментъ кладки яицъ, вы замѣтите, что крылышки ея, опершись своими основаніями о края ячеекъ, задрались вверхъ, какъ два мельничныхъ крыла, а сама виновница такой оригинальной кладки имѣетъ довольно забавный видъ. Такъ какъ трутовкѣ трудно опустить брюшко въ ячейку, то она ужъ очень рада, если этотъ маневръ, наконецъ, ей удастся, и садить по нѣсколько яицъ сразу, причемъ яйца беспорядочно прилипаютъ то ко дну, то къ стѣнкамъ ячейки; охотнѣе же всего трутовка кладетъ яйца въ ячейки, наполовину заложеныя пергой и въ трутневья. Яички трутовки неоплодотворенныя, и изъ нихъ рождаются только трутни; значить, трутовка не только не избавляетъ семью отъ гибели, но, напротивъ, ведетъ ее къ ней ускореннымъ темпомъ.

По наблюденіямъ ученыхъ пчеловодовъ, трутовка можетъ появиться не во всѣхъ семьяхъ, а только въ тѣхъ, гдѣ воспитывались недавно матки, и гдѣ есть еще въ живыхъ ихъ ровесницы—пчелы-работницы; ибо въ то время, когда воспитывается матка, пчелы зачастую воспитываютъ точно такимъ же кормомъ (молочкомъ) и нѣкоторыхъ пчелиныхъ личинокъ въ ихъ же простыхъ, пчелиныхъ ячейкахъ; вотъ эти то избранницы, по мнѣнію пчеловодовъ, только и могутъ быть трутовками.

Порочная матка можетъ быть таковой отъ старости и отъ какойнибудь болѣзни. Въ первомъ случаѣ матка не особенно опасна для семьи, такъ какъ не вноситъ въ нее болѣзней, а только скверно работаетъ, мѣшая пчелиныя яйца съ трутневыми; во второмъ-же случаѣ она въ семьѣ не терпима. Какъ больная туберкулезомъ мать рождаетъ дѣтей, предрасположенныхъ къ этой ужасной болѣзни, такъ и порочная отъ болѣзни, пчелиная матка кладетъ яички, изъ которыхъ выходятъ личинки, зараженныя болѣзью своей матери, и многія изъ нихъ, недоразвившись, замираютъ въ запечатанныхъ ячейкахъ и тамъ же начинаютъ разлагаться,

заражая воздухъ своимъ тлетворнымъ, гниlostнымъ запахомъ. Работу порочной отъ болѣзни матки можно замѣтить, во-первыхъ, по беспорядочной кладкѣ яицъ, а во-вторыхъ, по ввалившимся крышечкамъ ячеекъ, вскрывъ которыя, найдемъ разлагающуюся, вонючую личинку въ такомъ или иномъ періодѣ своего развитія. Порочную матку нужно немедленно замѣнить другой изъ семьи здороваго улья; если же пожелаете предоставить пчеламъ вывести ее у себя, то постарайтесь, чтобы онѣ вывели ее изъ чужихъ, здоровыхъ ячеекъ, а не изъ своихъ, оставленныхъ имъ въ наслѣдство больной матерью.

Бываетъ иногда, что молодая, только что оплодотворенная матка начинаетъ класть яички беспорядочно, точь въ точь, какъ кладетъ ихъ старая или порочная мать, но вы не спѣшите удалять ее, ибо зачастую такая шалунья скоро исправляется и дѣлается прекрасной маткой во всѣхъ отношеніяхъ. Матка такая называется *порочной временно*.

Продолжительность жизни матки. Матка можетъ прожить до пяти лѣтъ, но хорошо проработать для пользы семьи она можетъ не больше трехъ лѣтнихъ сезоновъ; долѣе этого періода времени она уже не выдерживаетъ съ честью, и ее нужно удалить. „Старость-не радость“, говорить русская пословица;—не радуется и пчеловода старая матка, хотя пчелы по-прежнему ее любятъ и защищаютъ, какъ самую лучшую, молодую матку. Старая матка червить уже неправильно, пропускаетъ ячейки и часто сѣетъ въ нихъ неоплодотворенныя, трутневыя яички, что, конечно, объясняется общимъ упадкомъ силъ ея и истощеніемъ спермы въ сѣменникѣ. Матка въ такомъ возрастѣ и состояніи называется *порочной отъ старости*; пчеловодъ ее непременно долженъ замѣнить другою, не дожидаясь естественной кончины вдоволь потрудившейся старухи. Если матка, напримеръ, вывелась и начала червить въ 1912 году; она хорошо будетъ работать въ слѣдующемъ 1913 году, хорошо также проработаетъ весну и почти весь сезонъ 1914 года, къ концу

котораго (сезона) ее слѣдуетъ замѣнить молодой маткой, но такъ, чтобы и молодая могла себя показать. Когда пчеловоду удобнѣе будетъ произвести обмѣнъ матки, и какъ этотъ обмѣнъ лучше всего совершить, скажемъ во второй, практической части нашихъ бесѣдъ.

Двѣ матки въ одной семьѣ. Въ хорошо поставленныхъ пасѣкахъ, какъ мы только что сказали, матка не работаетъ болѣе трехъ и то неполныхъ сезоновъ, послѣ каковаго періода времени она умираетъ насильственной смертью, т. е., пчеловодъ ее просто-напросто задавливаетъ; въ запущенныхъ же пасѣкахъ, гдѣ пасѣчникъ, предоставляя маткѣ умереть естественной смертью, не интересуется обмѣномъ ея, а то и совсѣмъ не знаетъ, что ее слѣдуетъ замѣнить другой, матка живетъ до пяти лѣтъ..., старится и дѣлается порочной отъ старости. Если старая дряхлая матка не затеряется вслѣдствіе какихъ нибудь случайныхъ причинъ,—на вылетѣ, напр., съ роемъ первакомъ, или если она не погибнетъ въ борьбѣ съ молодой, болѣе подвижной и ловкой своей соперницей,—она умираетъ у себя дома, среди своихъ дочерей, какъ мы только что сказали, естественной смертью.

Хорошо, конечно, если естественная смерть застигнетъ матку среди сезона, когда въ ульѣ есть свѣжій засѣвъ, молодая черва и трутни, т. е., когда пчелы могутъ съ успѣхомъ вывести себѣ молодую хозяйку; но если она вздумаетъ помереть зимой, или поздней осенью, или, наконецъ, ранней весной, когда нѣтъ еще на пасѣкѣ трутней, семьѣ грозитъ сиротство и гибель. Говоря о такой страшной развязкѣ, какъ гибель семьи, мы имѣемъ, конечно, въ виду небрежное веденіе пасѣки и неопытнаго пасѣчника, ибо въ противномъ случаѣ горю пособить еще можно, о чемъ мы еще скажемъ впоследствии.

Въ томъ случаѣ, когда естественный конецъ матки наступитъ лѣтомъ или въ концѣ весны, можетъ имѣть мѣсто необыкновенное явленіе, благополучной семьѣ совершенно несвойственное, а именно: въ ульѣ могутъ быть двѣ матки,

не питающія другъ къ дружкѣ смертельной вражды. Обыкновенно это такъ случается: больная старуха—мать, чувствуя приближеніе своей кончины и не желая оставить своей семьѣ въ наслѣдство непоправимое сиротство, закладываетъ яички въ маточниковую мисочку; пчелы, конечно, начинаютъ воспитывать выклюнувшуюся личинку на матку, и черезъ 16 дней, какъ мы знаемъ, выйдетъ молодая матка.

Если къ этому времени больная старуха еще не померла, мать и дочь мирно уживаются и могутъ даже быть на одномъ и томъ же соту, и что страннѣе всего, такъ это то, что присутствіе старой матки не служитъ препятствіемъ для молодой вылетѣть на брачную проигру, что ни въ какомъ случаѣ, какъ намъ извѣстно, не можетъ быть допущено при другихъ обстоятельствахъ. Старая и молодая матка могутъ даже работать вмѣстѣ болѣе или менѣе продолжительное время, но чаще случается такъ, что дряхлая старуха умираетъ немедленно, по снесеніи яичка въ маточниковую мисочку.

Въ практикѣ пчеловодовъ зарегистрированъ еще болѣе рѣдкій случай, когда вывелись рядомъ двѣ матки, оплодотворились одновременно и работали въ разныхъ половинахъ одного и того же улья и даже пошли обѣ въ зиму, но весной одна изъ нихъ найдена была мертвой на днѣ улья. Конечно, такіе случаи весьма рѣдки, и о нихъ можно лишь сказать: „нѣтъ правила безъ исключенія“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

ЗАМѢТКИ.

а) Катихизація для взрослыхъ.

Въ „Москов. Вѣд.“ г. Сидоровъ поднимаетъ вопросъ о необходимости ввести катихизацію для взрослыхъ. „Народъ нашъ искони былъ религіозенъ, но въ пониманіи истинъ

вѣры онъ слабъ. Онъ любитъ свой родной храмъ, любитъ и добрыхъ пастырей, которые благоговѣйнымъ служеніемъ и вдохновеннымъ словомъ согрѣваютъ душу и возбуждаютъ религиозное чувство, но часто встрѣчаетъ простыхъ „требоисправителей“. Существующія школы даютъ народу не такъ много. Трудно народу при такихъ условіяхъ бороться съ хитросплетенною ложью сектантовъ, знающихъ наизусть множество текстовъ и постоянно изучающихъ Священное Писаніе подъ руководствомъ своихъ наставниковъ. Еще труднѣе противостоять растлѣвающему вліянію духа времени и усилившейся антихристіанской и социалистической пропаганды. Въ виду происходящей теперь и предстоящей еще борьбы съ врагами православія необходимо духовно вооружить народъ. Для этого необходимо въ ожиданіи реформъ церковной жизни хотя бы устраивать краткіе повторительные курсы для окончившихъ начальную школу, открывать всюду воскресныя школы и особенно ввести катихизацію взрослыхъ. Нужныя для этого средства, вѣроятно, найдутся,—нашлись бы только добрые дѣлатели на нивѣ Божіей. Починъ въ этомъ дѣлѣ уже сдѣланъ преосв. Палладіемъ, епископомъ пермскимъ и соликамскимъ. Въ своемъ обращеніи къ пермской духовной консисторіи онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Во всѣхъ приходахъ катихизація должна быть введена непремѣнно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Оглашеніе народа основными истинами вѣры и нравоученія должно совершаться не только въ храмѣ, но и внѣ храма, по всѣмъ деревнямъ. Каждый пастырь можетъ легко составить программу катихизація по деревнямъ и осуществить ее при помощи дьякона и псаломщика“. Авторъ проекта не скрываетъ отъ себя, что это дѣло потребуетъ и средствъ и силъ. Но онъ увѣренъ, что общество откликнется на призывъ, когда пойметъ всю важность начинанія. (Соврем. лѣт.).

б) Удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ хуторянъ.

Законъ 9 ноября объ отрубяхъ выдвинулъ передъ пастырями новый вопросъ—объ удовлетвореніи религіозныхъ нуждъ хуторянъ, живущихъ вдали отъ приходской церкви и потому часто не имѣющихъ возможности, несмотря даже на искреннее желаніе, посѣтить церковь и исполнить тамъ свой христіанскій долгъ. Въ виду этого саратовская епархіальная власть нашла возможнымъ разрѣшить уѣзднымъ миссіонерамъ имѣть при себѣ во время разѣздовъ по уѣзду антимины съ тѣмъ, чтобы отправлять всенощное бдѣніе и литургію, исповѣдывать и причащать во время великаго поста жителей наиболѣе удаленныхъ отъ приходской церкви хуторянъ. Позже вопросъ о походныхъ священникахъ предполагается представить на усмотрѣніе Св. Синода. (Совр. лѣт.).

с) О заупокойныхъ литургіяхъ по умершимъ священникамъ.

„Волинскія Епарх. Вѣдом.“, отмѣчая существующій въ нѣкоторыхъ благочинническихъ округахъ обычай поочереднаго служенія заупокойныхъ литургій священниками округа по усопшемъ собратѣ, при чемъ литургіи эти служатся или въ приходѣ почившаго, или каждымъ священникомъ въ своемъ приходѣ,—справедливо указываютъ на желательность распространенія этого обычая по всѣмъ округамъ. (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 11-го іюня 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Мѡвѣ, Тип. Акад. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингов. ул. № 6.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 26

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 23-го іюня.

Содержаніе: I. Женщина въ дѣлѣ миссіи. Кир. Тихомировъ.—II. Жизнь пастырей. (Продолженіе). Свящ. Ал. Введенскій.—III. Изъ Енархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—VI. У приггани. (Продолженіе). Свящ. Вл. Успенскій.—V. Бесѣды по ичеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисанскій.

Женщина въ дѣлѣ миссіи.

Газеты уже давно оповѣстили о томъ, что Духовное Вѣдомство думаетъ ознаменовать трехсотлѣтній юбилей царствованія Дома Романовыхъ устройствомъ въ С.-Петербургѣ ¹⁾ высшаго богословскаго института для женщинъ. Съ глубокимъ внутреннимъ удовлетвореніемъ привѣтствуемъ это предпріятіе. Всѣ области образованія уже открыты у насъ женщинамъ; есть даже архитекторскіе курсы. И одна только область религіознаго научнаго знанія доселѣ оставалась жен-

¹⁾ Вопросъ о мѣстѣ еще не рѣшенъ.

щинамъ недоступной. А, между тѣмъ, именно теперь, въ такое тяжелое для Церкви время, пора вспомнить высокую роль женщины въ христіанствѣ и воскресить ея былую церковную дѣятельность. Можетъ быть, христіанскій міръ еще бы разъ обновился вѣяніемъ благодатнаго духа чрезъ новыхъ Оявъ и Персидь, которыхъ съ такою любовью, съ такимъ почетомъ привѣтствовалъ въ своихъ посланіяхъ апостоль Павелъ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ отношеніи къ женщинѣ высказалъ такое глубокое вниманіе и такъ ясно поставилъ вопросъ о достоинствѣ женщины, какъ равноправнаго мужчинѣ помощника и друга, что, кажется, перерѣшать его можетъ быть основаніе только у тѣхъ, кому непріятно такое высокое положеніе женщины, кому хочется обратить ее изъ равноправной подруги жизни въ простую, безотвѣтную слугу своимъ похотямъ и страстямъ. Въ укоръ и въ полную противоположность современнымъ ему человѣческимъ преданіямъ, Іисусъ Христосъ рѣзко подчеркнул, что женщина заслуживаетъ иного отношенія.

Женщинѣ во время Христа въ Іудеѣ, по обычаямъ страны, не кланялись; съ нею (даже и съ собственной женою) не разговаривали при другихъ. Раввины отказывались наставлять женщинѣ въ законѣ. Бросьте лучше слова закона въ огонь, говорили они, только не сообщайте ихъ женщинѣ. И вотъ Спаситель, выступивъ съ проповѣдью царства Божія, въ дружеской бесѣдѣ, наединѣ, въ прямыхъ и ясныхъ словахъ, одною изъ первыхъ удостоиваетъ вѣсти о томъ, что Онъ Мессія—жену самарянку. Ей Онъ первой открываетъ и высокое ученіе о поклоненіи Богу духомъ и истиною, составляющее основу христіанства.

Далѣе, женщина первая услышала радостную вѣсть воскресенія и явилась первою благовѣстницею Воскресшаго, женщина первою удостоилась явленія воскресшаго Христа. И за то вездѣ, гдѣ начиналась проповѣдь Евангелія, женщины являлись самыми ревностными благовѣстницами. До-

статочно пересмотрѣть начальныя и заключительныя главы апостольскихъ посланій, гдѣ апостолы шлютъ привѣтствіе и благопожеланія тамъ членамъ Церкви, которые приносятъ особый плодъ своею дѣятельностью или обнаруживаютъ особенную ревность, чтобы понять, какое огромное значеніе имѣла женщина въ христіанизациі общества и распространеніи истинной вѣры въ то время.

Имена Маріи, Маріи сестры Лазаревой, столь извѣстныя изъ евангелій, въ посланіяхъ уступаютъ мѣсто многочисленнымъ уже благовѣстницамъ: Оливѣ, Маріамѣ, Персидѣ, Юліи и той, очевидно, много потрудившейся „госпожѣ“, которой написано второе соборное посланіе Іоанна. Далѣе слѣдуютъ и яркими звѣздами сіяютъ имена славныхъ великомученицъ, удивившихъ языческой міръ своимъ терпѣніемъ мукъ за имя Христово. Чудныя, новыя, недостижимой красоты и поэзіи жизнеописанія ихъ, къ сожалѣнію, такъ мало извѣстны нашимъ женщинамъ и дѣвушкамъ! Что именно женщины составляли великое украшеніе Церкви въ первые вѣка христіанства, нелицеприятными свидѣтелями этого являются сами язычники. „Какія женщины у этихъ христіанъ“, — восклицали они, пораженные духовною красотой добродѣтельныхъ христіанокъ. Какое огромное вліяніе имѣли они у себя въ семьѣ на дѣтей, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ имена Анфусы, Макрины, Нонны и многихъ другихъ матерей великихъ отцовъ Церкви.

Въ послѣднее время точно туча изъ за лѣса движется на насъ язычество; оно надвигается, какъ плотная, все проникающая собою атмосфера, какъ туманъ, спускающійся съ горъ. Въ наукѣ, въ искусствѣ, въ бытѣ оно постепенно, шагъ за шагомъ вытѣсняетъ христіанскія преданія и христіанскія понятія. Женщина, которая такъ чутка сердцемъ, такъ отзывчива на все высокое, одна, кажется, можетъ проявить во всей глубинѣ вліяніе на общественную среду. Женщина, какъ мать, жена и сестра въ семьѣ, женщина, какъ воспитательница въ семьѣ и наставница въ школѣ, женщина,

какъ собесѣдница въ больницѣ, женщина, какъ миссіонерка— проповѣдница заблудшимъ, какъ утѣшительница скорбящихъ, — какое необозримое поприще для служенія дѣлу евангелія.

Женщинѣ было запрещено выступать проповѣдницей въ храмѣ, но она всегда являлась проповѣдницей истины въ кругу своей семьи. И теперь богословское образованіе въ связи съ широкимъ общимъ развитіемъ необходимо женщинѣ не только для чисто профессиональныхъ цѣлей. Не эти цѣли должно ставить на первый планъ. Правда, образованная настоятельница монастыря, религіозно образованная начальница или воспитательница женскаго училища могутъ сослужить немалую службу, не выходя изъ среды своихъ служебныхъ обязанностей. Но гораздо большее значеніе будетъ заключаться въ томъ, что новое учрежденіе вольетъ новую струю въ душевную жизнь интеллигентной женщины.

„Курсы—только начало, пишетъ „Калужскій церковно-общественный Вѣстникъ“. Что же потомъ? Въ отвѣтъ на это рисуется намъ такая обитель милосердія, еще не монастырь, а обитель, куда сошлись добрыя души русскихъ православныхъ женщинъ. Въ трудѣ и молитвѣ проходитъ ихъ жизнь; гдѣ скорбь, гдѣ болѣзни, гдѣ несчастье и горе—тамъ появляются онѣ, во имя Христова, какъ тихіе ангелы-утѣшители... Въ глубинѣ минувшихъ вѣковъ, за полуторы тысячи лѣтъ до нашего времени, тихимъ свѣтомъ свѣтится въ Римѣ, на Авентинскомъ холмѣ, обитель дѣвъ и вдовицъ, подъ руководствомъ св. Павлы, а въ наше время, въ нашей первопрестольной столицѣ возникаетъ подобная же обитель милосердія“...

Вообще въ жизни женщины всегда религіознѣе мужчинъ. Посмотрите на молящихся въ храмѣ; среди нихъ преобладаютъ женскія лица. А кто молится со всею силою вѣры, кто плачетъ въ молитвенныхъ воздыханіяхъ? Тоже женщина: плачущій на молитвѣ мужчина—рѣдкость. Нѣтъ сомнѣнія, что женщины отзовутся со всею своею религіозною

отзывчивостью на голосъ богословской науки. Получивъ такое образованіе, женщина можетъ быть и учительницею Закона Божія въ нашихъ школахъ. И это будетъ лучшая учительница. Женщина теплотой своей сердечной вѣры размягчитъ сухость прежнихъ схоластическихъ пріемовъ преподаванія Закона Божія; она дастъ ему жизнь, внесетъ сюда свѣтъ, сдѣлаетъ его любимымъ, самымъ занимательнымъ предметомъ. Теперь нерѣдко уроки религіи наводятъ скуку на учащихся. Но это потому, что въ душѣ наставниковъ нѣтъ музыки Евангелія, нѣтъ нѣжной чуткости къ предметамъ вѣры. Все это кончится, когда войдетъ въ школу „смирная, одѣтая убого, но видомъ величавая жена“.

Дѣйствительно, о женскихъ обителяхъ милосердія, о женскомъ преподаваніи Закона Божія въ школѣ, или о возрожденіи служенія діаконисъ приходится чаще всего мечтать нашимъ церковнымъ радѣтелямъ. Можетъ быть, даже не нужно и никакихъ специальныхъ институтовъ и общинъ, а только одно, чтобы русскія образованныя женщины вновь почувствовали себя христіанками и въ своей лучшей части объединились на борьбу съ языческой волной: съ возрождающимися языческими понятіями, вкусами и навыками. Словомъ, нужна широкая и многообразная миссіонерская дѣятельность русской женщины, миссіонерская въ самомъ всеобъемлющемъ смыслѣ этого слова. Это не та миссія полемистовъ, словесныхъ, а порою и юридическихъ утѣснителей иновѣрцевъ, которая обычно соединяется въ свѣтскомъ обществѣ съ наименованіемъ „миссіонеръ“. Это сѣяніе всего высокаго и святаго на почвѣ евангельскаго ученія въ нашей замутившейся культурной жизни. Это прежде всего сознательная и продуманная защита религіознаго идеала предъ его легкомысленными порицателями.

Такъ какъ во всѣхъ этихъ надеждахъ на русскую женщину имѣется ея участіе именно въ культурной борьбѣ, направленной противъ христіанства, то она и должна быть снабжена всѣми необходимыми для того культурными сред-

ствами, т. е. достаточно широкими познаніями какъ въ религіи и религіозной морали въ частности, такъ и въ области философіи, литературы и исторіи, откуда, главнымъ образомъ, берутся мотивы для враждебныхъ христіанству настроеній. Такъ именно и строится курсъ новаго высшаго учебнаго заведенія для женщинъ.

Говорить о его будущемъ, о его роли въ исторіи русскаго просвѣщенія, конечно, еще рано. Это еще мысль, не приведенная въ осуществленіе, и ее можно оцѣнивать какъ идею, какъ принципъ. И мы хотимъ подчеркнуть только то, что въ этой идеѣ дороже всего и, можно сказать, надежнѣй всего—призывъ къ христіанскимъ чувствамъ въ женщинѣ и напоминаніе ей объ ея огромной, но, къ сожалѣнію, утраченной роли, какъ двигателя христіанскаго просвѣщенія народовъ.

Женщина чутка, ей важно бросить доброе зерно и дать средство его вырастить. Приложеніе своимъ познаніямъ и кругъ своей дѣятельности женщина найдетъ сама. Но, разумѣется, и Духовное Вѣдомство и разныя духовныя просвѣтительныя учрежденія не окажутся въ убыткѣ отъ того, что на Руси появится богословски-просвѣщенная женщина. Если куда, дѣйствительно, женщина имѣетъ право свободнаго входа, то это въ область религіозной мысли. Сорокъ лѣтъ тому назадъ у насъ одинъ изъ виднѣйшихъ іерарховъ высказался за то, чтобы двери духовныхъ академій были открыты и для вольнослушательницъ. Но только теперь эта мысль начинаетъ получать осуществленіе въ высшемъ богословскомъ институтѣ. Будемъ надѣяться, что на этомъ не остановится развитіе высшаго женскаго богословскаго образованія.

Кир. Тихомировъ.

Жизнь пастырей.

(Продолженіе ¹⁾).

Сдѣлаемъ маленькій экскурсъ въ область исторіи, чтобы на примѣрахъ убѣдиться въ справедливости сдѣланнаго нами вывода и не тратить лишнихъ думъ и силъ въ борьбѣ со страшнымъ и опаснымъ для Церкви врагомъ. ²⁾.

Исторія говоритъ, что Церковь Христова всегда побѣждала своихъ враговъ не истиною только вѣры, но и чистотою и святостью жизни своихъ пастырей и членовъ.

Посылая Апостоловъ на проповѣдь, Христосъ Спаситель говорилъ имъ: „Вы свѣтъ міру“. „Да свѣтитъ же свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославили Отца вашего небеснаго“ (Матѣ. 5 гл. 14—16 ст.).

Апостолы и были свѣтомъ для міра. Они зажгли сердца вѣрующихъ во всей вселенной и никто не могъ побѣдить ихъ. Напротивъ, они побѣдили міръ, побѣдили своими добрыми дѣлами, подвигами, страданіемъ и мученичествомъ. Они и учениковъ своихъ наставляли „быть образомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“ (1 Тим. 4 гл. 12 ст.), и христіанъ призвали быть „богатыми на всякое доброе дѣло“ (2 Кор. 9 гл. 8 ст.).

Истинные пастыри Церкви Божіей, дѣйствительно, были облечены въ Господа. Самые даровитые изъ нихъ, блиставшіе богатыми проповѣдническими талантами, привлекали народъ ко Христу не дарованіями, не блестящимъ изложеніемъ христіанскаго ученія, а жизнью своей, святою, праведною, богоугодною жизнью.

О знаменитомъ Медиоланскомъ епископѣ Амвросіи говорится, что жизнь его производила на язычниковъ болѣе

¹⁾ См. № 25 за 1913 г.

²⁾ См. „Церковь“. 1911 г. № 40, стр. 957.

сильное впечатлѣніе, чѣмъ горячія и убѣдительныя рѣчи его о христіанствѣ. Даже такого ученаго язычника-философа, какимъ былъ блаженный Августинъ, Амвросій привлекъ ко Христу не силой слова своего, а высокой и чистой жизнью. И самъ Августинъ, сдѣлавшись пастыремъ, производилъ неотразимое впечатлѣніе на враговъ Церкви своею подвижническою жизнью. Рассказывается въ его жизнеописаніи, что даже такіе изувѣры, какъ сектанты-донатисты, смирялись предъ его добродѣтелью.

„Первымъ дѣломъ Августина, послѣ назначенія его епископомъ, пишетъ о немъ біографъ Вальмехъ, была попытка къ примиренію съ донатистами. Онъ написалъ ихъ епископу посланіе, въ которомъ предлагалъ донатистамъ искать истину вмѣстѣ; обсудить и разобрать спорныя вопросы или публично, въ присутствіи избранныхъ судей и народа, или же въ совѣщаніи безъ свидѣтелей, или, наконецъ, въ письмахъ. Вызовъ Августина не былъ принятъ, но добродѣтельное житіе его и кротость смягчали даже враговъ его, и донатисты рѣдко свирѣпствовали въ Иппонѣ“.

Вселенскіе учителя Церкви: св. Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Аѳанасій Великій и многіе другіе просвѣщали всю вселенную не богословскими и высоко-нравственными трактатами только, но и святою жизнью, высокими христіанскими подвигами и многими добродѣтелями.

Достаточно прочесть одни только „Четви-Миней“, чтобы видѣть, чѣмъ собственно просвѣщали свою паству церковныя пастыри, чѣмъ они покоряли „подъ нозѣ свои всякаго врага и супостата“.

Въ ихъ жизнеописаніяхъ говорится, что они „словомъ и дѣломъ всѣхъ спасительному пути учили“, „многихъ благочестія своимъ образомъ ко Христу привели“. „добродѣтельное ихъ житіе просія яко свѣтъ и бѣ всѣмъ на пользу“. „Сии пресвѣтлыя свѣтильники въ Церкви Божіей просвѣщаша ю премудрыми ученіи и чистымъ житіемъ“.

Чистая и праведная жизнь нашихъ богоносныхъ пастырей производила столь благодатное спасительное дѣйствіе на народъ, что съ нимъ не могутъ сравняться тысячи самихъ даровитѣйшихъ проповѣдей. Последнія безцѣльны и мертвы, если сами проповѣдники по своему поведенію никуда не годятся. Казалось бы, какая можетъ быть польза отъ такого подвига, какъ многолѣтнее стояніе на столпѣ и уединенная молитва пустытника. Однако о св. Симеонѣ Столпникѣ говорится въ его житіи, что слава о его дивномъ подвигѣ такъ сильно дѣйствовала, что „на единомъ стоя мѣстѣ, многія къ вѣрѣ приведе, аки бы кто проходилъ вселенную уча и проповѣдуя“. По свидѣтельству жизнеописанія его, въ христіанство цѣлыми толпами обращались въ то время иверы, персы, армяне и язычники. Ихъ влекло сюда чудное подвижническое житіе святого Столпника.

Такъ неотразимо дѣйствуетъ на народную душу великій подвигъ, чистая и безупречная жизнь пастыря Церкви.

Дѣйствительно, какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ желѣзныя вещи, такъ и христіанская жизнь пастыря притягиваетъ, привлекаетъ души ко Христу. Освященная благодатью Божіей, она какъ бы призываетъ грѣшниковъ обратиться къ Господу, она имѣетъ замѣчательную притягательную силу.

Извѣстный проповѣдникъ Іеремія Тэйлоръ говоритъ своимъ оригинальнымъ, цвѣтистымъ языкомъ:

„Голуби Ирода никогда не могли бы привлечь къ себѣ такое великое множество чужихъ птицъ, если бы они не были вымазаны арабскимъ бальзамомъ. Вымажь твоихъ голубей ароматами и они привлекутъ цѣлыя стаи птицъ“. ¹⁾

Такъ и мы, пастыри, если жизнь наша хороша, если благоухаютъ наши добродѣтели, мы скоро привлечемъ къ себѣ сердца нашихъ прихожанъ, такъ что они будутъ ста-

¹⁾ „Какъ сдѣлаться ораторомъ?“ Лекціи Сперджона. т. I. Сергіевъ Посадъ. 1908 г. стр. 17.

ратся подражать нашему „благоуханію“. Люди будутъ стремиться сдѣлаться похожими на насъ, если мы сами будемъ стараться приблизиться къ подобію Божію. Они будутъ такими же благочестивыми, какъ благочестивы и ихъ пастыри, будутъ такими же твердыми и непоколебимыми въ вѣрѣ, какъ и ихъ духовные руководители, будутъ такъ же страшиться измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ, какъ и ихъ наставники.

Словомъ, труды пастыря могутъ быть выполнены настолько хорошо, насколько сильна его духовная жизнь. Мы можемъ хорошо исполнять свое дѣло лишь тогда, когда у насъ самихъ все обстоитъ благополучно. Каковъ работникъ, такова будетъ и его работа. „Каковъ попъ, говоритъ народная русская пословица, таковъ и приходъ“.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназiи,
Священникъ *Александръ Введенскій*.
(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Къ полемикѣ со старообрядцами.

Давно извѣстно, что старообрядческіе начетчики, опровергнутые православнымъ миссіонеромъ на публичномъ соборѣ, прибѣгаютъ къ разнаго рода неожиданнымъ вопросамъ, чтобы смутить какъ-нибудь миссіонера и произвести выгодное для себя впечатлѣніе на публику. Вопросы эти берутся часто изъ такой области, которая ничего не имѣетъ общаго съ темой бесѣды. Но логическая связь для старообрядцевъ—совопросниковъ не важна: имъ лишь бы поставить какъ-нибудь въ тупикъ миссіонера и имѣть хотя какое-нибудь основаніе горделиво сказать: „препрѣхомъ“. „Симбирскія Епархіальныя Вѣдомости“ передаютъ одинъ изъ фактовъ

подобнаго старообрядческаго способа вести полемику съ представителями Православной Церкви. Въ одномъ изъ сель С-го уѣзда шло публичное собесѣдованіе православнаго окружнаго миссіонера съ безпоповцемъ о незаконности и безблагодатности безпоповщины, причемъ вопросъ былъ исчерпанъ въ совершенной полнотѣ, и безпоповецъ въ концѣ концовъ ничего не могъ возразить. Но полемическій задоръ и нежеланіе признать себя побѣжденнымъ побуждаютъ безпоповца прибѣгнуть къ обычному приему: задать искусительный вопросъ, чтобы заставить его задуматься. „На какомъ основаніи, спрашиваетъ безпоповецъ, пастыри Греко-Россійской Церкви совершаютъ омовеніе св. мѹра на крещаемыхъ младенцахъ не въ восьмой день по крещеніи, какъ это указано въ требникѣ, а тотчасъ послѣ миропомазанія?“ Миссіонеръ даль отвѣтъ вопрошающему въ томъ смыслѣ, что омовеніе св. мѹра есть дѣйствіе обрядовое и время совершенія его обусловливается не столько буквой устава, сколько обстоятельствами, въ которыхъ находится какъ совершитель крещенія, такъ и крещаемый; указалъ миссіонеръ также на то, что подобныя отступленія отъ устава были и во дни стоглаваго Собора, но тогда они не почитались ересью. Однако такой отвѣтъ не былъ признанъ убѣдительнымъ ни начетчикомъ, ни слушателями бесѣды, ни даже самымъ окружнымъ миссіонеромъ, въ виду чего онъ и обратился въ епархіальный миссіонерскій совѣтъ съ ходатайствомъ дать должное разъясненіе по указанному вопросу. Въ отвѣтъ на данное ходатайство епархіальный миссіонеръ даетъ слѣдующій совѣтъ пастырямъ, которымъ приходится бесѣдовать со старообрядцами. Лучше всего въ случаѣ подобныхъ вопросовъ обращаться къ практикѣ древней Русской Церкви до-никоновскаго времени и доказать на основаніи богослужебныхъ книгъ этого періода, что древней Церкви на ряду съ чинами и дѣйствіями, приемлемыми нынѣ старообрядцами, не чужды были обряды и обычаи, принятые теперь въ Православной Церкви. Такимъ путемъ очень успѣшно разрѣшается цѣлый рядъ вопросовъ,

напр., объ имени „Иисусъ“, „седемипросфоріи“ и „аллилуіи“. Вотъ и вопросъ о времени омовенія св. мвра на крещаемыхъ разрѣшается чрезвычайно легко и убѣдительно путемъ ссылки на потребникъ, изданный при патріархѣ Іосафѣ въ 7147 году (1638—1639). Здѣсь мы находимъ предъ послѣдованіемъ „во еже омыти крестившагося во осьмый день“ слѣдующее руководственное указаніе устава: „Аще будетъ омыти святое мвро *въ то же время* (тотчасъ послѣ мвропомазанія), и тогда начала „Царю Небесный“ не глаголемъ, но прикладованіи ко святымъ образомъ глаголемъ молитву омовенію святого мвра: „иже избавленіе и прочая“. Итакъ ясно, что до-никоновская Русская Церковь допускала ту и другую практику: омовеніе св. мвра совершалось ею какъ въ восьмой день, такъ и тотчасъ по миропомазаніи, смотря по условіямъ, въ какихъ находился какъ совершитель таинства, такъ и сподобляемый его. Такая ссылка на практику древней Церкви сама по себѣ достаточна для разъясненія даннаго вопроса, но въ цѣляхъ полноты и большей убѣдительности полезно сослаться еще на безусловную невозможность сохранить въ незагрязненномъ видѣ знаки св. миропомазанія до восьмого дня на тѣлѣ новорожденного младенца, въ виду чего Церковь и разрѣшила совершать это омовеніе тотчасъ послѣ миропомазанія. Устанавливая же восьмой день для этой цѣли, Церковь, очевидно, имѣла въ виду взрослыхъ крещаемыхъ, которые сами могутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не загрязнить чѣмъ-либо помазанныхъ мѣстъ тѣла.

Чрезвычайно хорошимъ пособіемъ для изученія практики древней Русской Церкви въ цѣлихъ полемики со старообрядцами можетъ служить небольшая книга іеромонаха Филарета: „Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій по старопечатнымъ книгамъ первыхъ пяти патріарховъ“. Изд. 4, Москва, 1890 г. Книга эта тѣмъ болѣе важна, что богослужебныя книги до-никоновскаго времени встрѣчаются очень рѣдко.

Полезное напоминаніе.

Извѣстно, что у насъ старый обычай посѣщать прихожанъ на дому въ дни св. Пасхи, Рождества Христова, Крещенія и въ посты быстро уходитъ въ область преданій. Правда, въ центральныхъ губерніяхъ Россіи этотъ обычай держится еще довольно прочно въ виду того, что такое посѣщеніе связано тамъ съ матеріальнымъ обезпеченіемъ духовенства. Не пойдетъ тамъ клиръ по домамъ, и останется въ голодѣ и холодѣ на весь годъ, такъ какъ прихожане не несутъ ему, конечно, на домъ приношеній въ видѣ зерна, хлѣба, дровъ и т. д. Но вотъ на югѣ и юго-западѣ Россіи нѣтъ такой тѣсной зависимости между хожденіемъ клира по домамъ и его матеріальнымъ обезпеченіемъ, и потому обычай этотъ тамъ выводится. Особенно пало обыкновеніе посѣщать прихожанъ въ праздники, тогда какъ постомъ духовенство еще довольно аккуратно соблюдаетъ этотъ старый обычай. Конечно, не лѣность, не нерадѣніе о своей паствѣ заставляетъ пастырей уклоняться въ данномъ случаѣ отъ традицій. Причина этого явленія лежитъ въ тяжелыхъ чувствахъ, которыя очень часто приходится переживать священнику при посѣщеніи своихъ прихожанъ. Время праздничное; въ избахъ, поэтому, идетъ пиръ горой, и пьяные на каждомъ шагу и въ каждомъ домѣ. Еле ворочая языкомъ, какой-нибудь охмелѣвшій хозяинъ приглашаетъ батюшку распить съ нимъ одинъ—другой стаканчикъ водки или бутылку пива; тутъ же случившійся гость, выпившій не менѣе хозяина, вступаетъ съ батюшкой въ объясненія по поводу еще прошлогоднихъ крестинъ, или обиды, нанесенной ему будто бы батюшкой пять лѣтъ назадъ. Священникъ торопится уйти отъ этой милой компаніи; ему вслѣдъ несутся ругательства, насмѣшки. Съ болью въ сердцѣ выходитъ пастырь безвинно обруганный, оскорбленный; а тутъ еще косые взгляды, плохо скрываемя подозрѣнія, а подчасъ и откровенныя заявленія, что батюшка, мошь, ходитъ со спеціальной цѣлью—сорвать

какой-нибудь пятакъ съ прихожанина. Вотъ и ходи по домамъ своихъ овецъ при такихъ условіяхъ. Тяжело, что и говорить. Но вѣдь это—пастырскій крестъ, который надо покорно нести; это вѣдь—бремя, которое пастырь добровольно беретъ на себя. Поэтому необходимо свое личное благополучіе, свои чувства и миръ душевный принести въ жертву дѣлу Христову, и добрый, по существу дѣла, обычай посѣщенія прихожанъ выполнять такъ, чтобы онъ всего менѣе походилъ на обирательство прихожанъ и приносилъ возможно большую пользу пасомымъ.

Полоцкій Преосвященный Никодимъ, исходя изъ той мысли, что указанный обычай является наилучшимъ средствомъ общенія пастыря съ пасомыми и полного знакомства съ ними, напоминаетъ подчиненному духовенству о необходимости возвратиться къ этому обычаю, придавъ ему характеръ пастырскаго путешествія. Чѣмъ чаще пастырь будетъ бывать въ домахъ пасомыхъ, тѣмъ лучше для его дѣла, ибо онъ узнаетъ ихъ, познакомится съ ихъ настроеніемъ и станетъ ближе къ тому идеалу, по которому пастырь долженъ своихъ овецъ „глашать по имени“. Потому то и развѣдаютъ православную паству расколь, сектанство, католицизмъ и невѣріе, что пастырь мало знаетъ ее, а вслѣдствіе того имѣетъ и мало вліянія на прихожанъ. Если священникъ, вмѣсто торопливаго обхожденія всѣхъ домовъ, удѣлитъ каждому семейству нѣсколько минутъ для разумной бесѣды съ членами его, для назиданія; если съ радующимся порадуется и со скорбящимъ поскорбитъ и утѣшитъ его, то такое посѣщеніе будетъ имѣть пастырскій характеръ и послужитъ къ общей пользѣ пастырскаго дѣла. Кромѣ этихъ обычныхъ посѣщеній, владыка Полоцкій предписываетъ предпринимать особыя „апостольскія“, проповѣдническія путешествія по приходу, которыя можно приурочить къ осеннему времени, къ провѣрѣ населенія прихода для исповѣдныхъ вѣдомостей. Цѣлью этого путешествія должно быть проповѣданіе Слова Божія, для чего священникъ, подчеркнувъ заранѣе простыя, доступныя для

простого народа мѣста въ Новомъ Завѣтѣ, съ Евангеліемъ въ рукахъ переходить изъ дома въ домъ и наставляеть свое стадо въ великихъ истинахъ Христовой вѣры.

Скажемъ отъ себя, что три—четыре стиха, прочитанные изъ Слова Божія, и краткое простое наставленіе, данное по содержанію ихъ, можетъ производить глубокое впечатлѣніе на слушателей. Слыхали мы про одного священника, который подобнымъ образомъ проповѣдывалъ даже въ храмѣ. Стоя на утрени посреди храма, у аналоя, на которомъ лежитъ Евангеліе, онъ каждому, подходящему къ св. Евангелію, читалъ изъ Новаго Завѣта тотъ или другой стихъ по своему выбору. Каждый изъ молящихся съ благоговѣніемъ выслушивалъ прочитанное, видя въ немъ особый, таинственный глаголь Божій, обращенный лично къ нему, въ соотвѣтствіе съ его нуждой, въ его духовнымъ состояніемъ. Недаромъ же въ жизни святыхъ извѣстны многіе случаи, когда одно какое-нибудь услышанное Евангельское изреченіе рѣшало судьбу человѣка, превращая грѣшника въ праведника, мірянина, любящаго пожить въ свое удовольствіе, въ великаго аскета-отшельника и т. д. (Екатер. Епарх. Вѣд.).

Б.

У пристани.

(Продолженіе ¹⁾).

Съ грѣхомъ пополамъ Ваня сдалъ экзамень во второй классъ губернской гимназіи; съ грѣхомъ пополамъ потому, что ему, первому ученику городского училища, по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, за исключеніемъ древнихъ языковъ, подготовленному чуть не въ четвертый классъ (а ужъ въ третій навѣрняка!) упорно не давалась „латынь“. Къ тому же его готовилъ семинаристъ—бывшій его настав-

¹⁾ См. № 25 за 1913 г.

никъ въ училищѣ. А гимназическая и семинарская латынь были въ то время не одно и то же. То была эпоха расцвѣта въ гимназіяхъ самаго строгаго классицизма, пересаженнаго на русскую почву изъ нѣмецкихъ училищъ Катковымъ и министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ. Уже одно произношеніе семинаристами латинской буквы „e“ мягкимъ выговоромъ, какъ „e“ русское, и написаніе буквы „f“ въ видѣ якоря t, вызывало взрывъ негодованія въ гимназическихъ педагогахъ. Такое произношеніе и правописаніе въ соединеніи съ плохо-написаннымъ „extemporale“ (horribile dictu! по тогдашнему времени), едва не закрыло передъ Ваней двери гимназіи. Его выручилъ инспекторъ, тоже классикъ, но болѣе снисходительный, чѣмъ учитель второго класса. Инспекторъ принялъ на себя отвѣтственность за будущіе успѣхи Вани въ древнихъ языкахъ. Увы! Ваня не оправдалъ довѣрія инспектора: хотя отъ рѣжущаго слухъ классиковъ семинарскаго произношенія буквы „e“, а глазъ—правописанія буквы „f“ Ваня отсталъ сравнительно легко и скоро, но писать extemporalia языкомъ Юлія Цезаря и Цицерона, какъ требовалось тогда въ гимназіяхъ, не научился до самаго выхода своего изъ этого учебнаго заведенія, и еле-еле тянулся изъ класса въ классъ разными случайностями: то на экзаменахъ спишетъ extemporale—сдеретъ, по школьному жаргону, то кое-какъ выручитъ на устныхъ экзаменахъ. Какъ-то помогала судьба! Вообще-же Ваня раскаялся, что прельстился мундиромъ гимназиста. Знай онъ, что его ожидаетъ въ гимназіи, онъ всѣ усилія употребилъ бы, чтобы упротить отца отдать его или въ реальное училище, или хотя бы даже въ „бурсу“, противъ которой онъ былъ такъ настроенъ дядей и тетей. Въдъ и гимназія, или точнѣе, гимназическій пансіонъ, куда помѣстилъ Ваню отецъ по совѣту гимназическаго начальства, недалеко въ то время отстоялъ отъ „бурсы“, --классической бурсы Помяловскаго. Вся обстановка его и весь воспитательный режимъ былъ какъ бы подогнанъ къ тому, чтобы не развивать мыслительныхъ спо-

собностей воспитанниковъ, а помогать пресловутому „классицизму“ притуплять ихъ, убивая трудовую энергію дѣтей.

Пансіонъ помѣщался въ гимназическомъ зданіи. Зданіе это по внѣшнему виду было очень похоже на „острогъ“ родного городка Вани, отличаясь отъ него только бѣльшими размѣрами, бѣльшею высотой, да незатѣйливыми украшеніями по фронту и вѣстибюлю. Находилось оно въ центральной, самой болотистой и нездоровой части города, вблизи отъ Кремля, въ глубинѣ обширнаго пустыря. Отъ улицы этотъ пустырь ограждался невысокою каменною стѣною съ чугунною рѣшеткою и крѣпкими дубовыми воротами. Съ лѣвой стороны отъ улицы къ нему примыкалъ, какъ его продолженіе, солдатскій плацъ, съ правой и задней—усадыбы и торговныя помѣщенія городскихъ обывателей. Отъ этихъ усадебъ гимназическая усадьба защищалась зданіями квартиръ директора и эконома, пансіонскими кухней и кладовою и маленькимъ тощимъ садикомъ—единственнымъ оазисомъ въ гимназическомъ пустырѣ. Въ общемъ же, гимназическая усадьба и зданіе производили впечатлѣніе обширной тюрьмы, въ которую нѣтъ доступа постороннимъ. Она, казалось, старательно была ограждена и отъ доступа свѣжаго воздуха, столь необходимаго для дѣтей.

Съ утра до вечера гимназическую усадьбу съ лицевой стороны окутывали дымъ и копоть громаднаго казеннаго оружейнаго завода, съ остальныхъ—городская пыль и міазмы болотъ. Отдѣльнаго помѣщенія для пансіона въ зданіи не было отведено: пансіонеры ютились въ гимназическихъ классахъ. Отдѣльно отъ классовъ были устроены: въ самомъ верхнемъ четвертомъ этажѣ спальни и больница, да въ нижнемъ—столовая и цейхаузъ. И спальни, и больница, и столовая, и цейхаузъ были мало приспособлены къ своему назначенію: низкія, пыльные, душныя, со сводчатыми потолками и переплетенными желѣзной рѣшеткой окнами, они угнетали воспитанниковъ своимъ мрачнымъ видомъ, усиливая въ нихъ впечатлѣніе, что они находятся въ тюрьмѣ.

Почти весь день пансіонеровъ проходилъ въ занятіяхъ и какихъ занятіяхъ! Господствующими учебными предметами въ гимназіяхъ были древніе языки или точнѣе—латинская и греческая грамматика. Изученіе первой начиналось съ 1-го, послѣдней съ 3-го класса и продолжалось во весь гимназическій курсъ. Учебники были ужасающихъ размѣровъ и изложены малопонятнымъ языкомъ. Составители ихъ были или нѣмцы или „братушки-славяне австрійскіе“—Шульцъ, Ходобай, Кюннеръ, Кесслеръ, Зейфертъ, Черный, Млинаричъ и др., явившіеся изъ Германіи и Чехіи пересаживать классицизмъ на русскую почву. Долбежка этихъ учебниковъ отнимала бѣольшую часть времени у гимназистовъ. Въ стремленіи усвоить классическія прелести воспитанники нерѣдко лишали себя отдыха и въ рекреационные часы.

— Хоть не ѣшь, не пей и не отдыхай, а латинскую и греческую грамматику знай, какъ свои пять пальцевъ,—вотъ что внушали и чего требовали отъ гимназистовъ педагоги.

О. Іоаннъ еще до сихъ поръ не забылъ комической сцены, разыгравшейся на урокъ латинскаго языка вскорѣ же послѣ его поступленія въ гимназію. Во время этого урока его и нѣкоторыхъ изъ его товарищей вызвалъ въ больницу докторъ для медицинскаго освидѣтельствованія.

— Вѣтъ нашелъ время эскулапъ заниматься своей ерундой! Онъ бы васъ еще во время богослуженія вызвалъ. Я буду жаловаться директору! негодовалъ учитель, но все же долженъ былъ отпустить учениковъ. По возвращеніи ихъ изъ больницы, онъ останавливалъ каждого въ дверяхъ классной комнаты и торжественно тыча въ грудь указательнымъ пальцемъ возглашалъ—къ одному: „edo“; къ другому „fio“, къ третьему „fego“ и т. д.

Никто не понималъ, что это значить, и всѣ молчали.

— Ишли на мѣсто! гнѣвно сверкая глазами провожалъ ихъ мимо себя педагогъ и продолжалъ останавливать слѣдующихъ: volo, polo, malo... съ тѣмъ же результатомъ.

Наконецъ кто-то нашелся.

— *Gaudeo!* ткнуть его пальцемъ въ грудь учитель.

— *Gavisus sum, gaudere!* отчеканилъ тотъ.

— Вотъ примѣрный ученикъ! похвалилъ учитель. Смотрите на него—это гимназистъ, это достойный ученикъ своей *almae matris*. А вы дубье! Вамъ мѣсто не здѣсь, а въ „реалкѣ“ (такъ презрительно называли гимназическіе учителя реальное училище). Вы должны понимать меня съ полслова и знать грамматику, какъ дважды два—четыре, или свои пять пальцевъ. Приду я, допустимъ, къ кому-нибудь изъ васъ въ двѣнадцать часовъ ночи и, разбудивъ, скажу:

— *Fero?*

— *Tuli, latum, ferre!* вскочивъ, долженъ отчеканить ученикъ.

— *Arbor?*

— *Feminini generis.*

Только *arbor, arboris,*

Os же—кость и *os*—уста

Рода средняго всегда...—

И снова лечь.

Но учитель второго класса все же былъ однимъ изъ лучшихъ педагоговъ и дѣлалъ много облегченія ученикамъ, составляя свои записки по грамматикѣ древнихъ языковъ ясныя и вразумительныя. Другіе же учителя требовали долбежки отъ сихъ и до сихъ...

Ваня все время, пока состоялъ ученикомъ этого педагога, получалъ удовлетворительныя отмѣтки по латинскому языку, и на переводныхъ экзаменахъ въ третій классъ отличился даже на 5. Но съ переходомъ въ 3 классъ, когда онъ попалъ къ нѣмцамъ и чехамъ, его уснѣхи по древнимъ языкамъ стали понижаться. Обычнымъ балломъ за грамматику и *extemporalia* (если послѣднія ему не удавалось у кого нибудь списать) была двойка. Его выручали еще нѣсколько переводы на русскій языкъ классиковъ: Цезаря, Саллюстія, Цицерона, Овидія, Гомера и др. Въ переводахъ Ваня успѣвалъ, но они тогдашними учителями цѣнились не такъ высоко, какъ грам-

матическій разборъ и упражненія. Въ погонѣ за удовлетворительными баллами по древнимъ языкамъ Ваня вынужденъ былъ напрягать всѣ способности своего ума и памяти и жертвовать всѣмъ своимъ свободнымъ временемъ. Онъ дорожилъ каждою свободною минутою: вѣдь кромѣ древнихъ языковъ, учебныхъ предметовъ было много; нельзя было и ихъ запустать. Поэтому Ваня устраивался такъ: на репетиціяхъ готовилъ очередные уроки, а въ рекреационные часы налегалъ на грамматику древнихъ языковъ. Но ему много въ этомъ мѣшали товарищи—безпечный и легкомысленный народъ! Они постоянно тормозили Ваню и разными выходками отвлекали его отъ занятій. Особенно доставалось Ванѣ отъ товарищей въ низшихъ классахъ. Надзоръ за воспитанниками въ гимназическомъ пансіонѣ былъ плохой. Воспитателей въ полномъ значеніи этого слова не было. Было четыре дежурныхъ надзирателя, чередовавшихся между собою въ дежурствѣ по днямъ. Эти надзиратели слѣдили лишь за тѣмъ, чтобы пансіонеры во время репетицій не шумѣли. Въ рекреационные же часы воспитанникамъ позволялось ходить хоть на головахъ. Дежурный надзиратель обыкновенно запиралъ на эти часы ходы и выходы изъ пансіонскаго помѣщенія, а самъ удалялся или въ больницу—къ фельдшеру въ гости, или въ старшую комнату играть съ старшими воспитанниками въ шашки и шахматы. Въ двухъ другихъ комнатахъ пансіонскаго помѣщенія—средней и младшей—стоялъ въ это время дымъ коромысломъ. Воспитанники устраивали всевозможныя игры и забавы, дѣлали другъ другу вселенскія и инныя смази, „вертаніе руки и у спину кулаки“ и многое другое, что никакъ не могло характеризовать пансіонъ „благороднымъ“, какъ онъ оффиціально назывался. Зубрилъ въ пансіонѣ въ первые годы ученья Ваня не терпѣли. То были еще, такъ называемыя, „героическія“ времена гимназіи, когда воспитанникамъ позволялось еще сидѣть въ одномъ и томъ же классѣ по два и по три года и даже въ низшихъ классахъ встрѣчались „Ахиллы“ и „Гекторы“ съ „бородами“. Эти то

герои гимназической камчатки и донимали Ваню. Бывало, только онъ въ рекреационные часы уйдетъ съ учебникомъ въ корридоръ и выбравъ тамъ укромное мѣстечко начнетъ „толкать“ грамматику, какъ на него наскაკиваютъ мучители.

— А, зубрила уже здѣсь! Товарищи, арестовывай его и веди въ классъ, а предварительно вселенская смазь и вертаніе руки!

Въ классѣ его обязательно подвергнуть еще многимъ другимъ издѣвательствамъ и не выпустятъ изъ подъ своего надзора до конца рекреаций. А жаловаться не смѣй! Не говоря уже о томъ, что ябедники выкуривались разными способами своими же товарищами, они много проигрывали и въ глазахъ начальства... Молчи и терпи!... Только уже въ старшихъ классахъ получилъ свободу дѣйствій Ваня, но тогда онъ уже самъ сдался—сталъ равнодушенъ къ двойкамъ изъ древнихъ языковъ и тянулъ ученіе по инерціи—пока оно тянулось...

Въ это время отецъ Вани лежалъ уже въ могилѣ, и Ваня, по хлопотамъ дяди, былъ принятъ на казенное содержаніе.

— Дотяну до аттестата зрѣлости — хорошо, придется раньше покинуть гимназію, не бѣда и это—все равно въ университетъ не идти, не на что тамъ содержаться. Мой удѣлъ — быть канцеляристомъ, писателемъ казенныхъ бумагъ! Такъ рѣшалъ свою судьбу Ваня, и свободные часы сталъ посвящать постороннимъ учебному дѣлу занятіямъ: онъ накинудся на литературу, философію и исторію, особенно на философію. Читалъ все, что попадалось по этому предмету подъ руку и въ гимназической, и въ частныхъ библіотекахъ.

Его увлеченіе философіей не осталось незамѣченнымъ гимназическими педагогами.

— Аха, аха, Никольскій, Никольскій!... да, Никольскій! пѣвучимъ голосомъ укорялъ его на урокахъ древнихъ языковъ чехъ Отрожь. Вотъ вы все философіей занимаетесь, а грамматику не учите и не знаете... нѣтъ, не знаете... И ат-

тестата зрѣлости вамъ не видать, какъ ушей своихъ да, своихъ ушей...

— Ну и пусть! озлобленно думаль про себя Ваня. Не видать, такъ и не видать,—экая важность. Не пропаду и безъ аттестата, а лишь пораньше вздохну...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. *Вл. Успенскій.*

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе ¹⁾).

Вліяніе корма, тепла и объема ячеекъ на развитіе червы.

Кормъ. Первымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія червы является кормъ. Если въ ульѣ достаточно меда и перги, то и успѣхъ размноженія данной семьи обезпеченъ; вотъ почему первой заботой пчеловода весной, по выставкѣ пасѣки на точекъ, будетъ узнать: достаточно ли имѣютъ пчелы запасовъ. Освѣдомленность пчеловода въ этомъ случаѣ и соответствующія мѣры съ его стороны будутъ имѣть рѣшающее значеніе на такое или иное развитіе и усиленіе пчелиныхъ семей его пасѣки.

Пчелы будутъ только тогда правильно увеличивать свою семью, когда увидятъ, что онѣ обезпечены запасами. Запасъ въ пять фунтовъ меда можно считать нормой, уменьшенія которой пчеловодъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ допускать въ виду слѣдующихъ соображеній: для полной выкормки 1000 пчелиныхъ личинокъ требуется 100 граммъ меда, не считая перги. 100 граммъ меда на русскихъ вѣсахъ завѣсятъ, приблизительно, около полу-фунта; значитъ, на вы-

¹⁾ См. № 25 за 1913 г.

кормку 1000 личинокъ въ пятидневный срокъ (послѣ этого срока, какъ мы знаемъ, личинка уже запечатывается) требуется около половины фунта меда. Но вѣдь не одна тысяча личинокъ воспитывается въ хорошей пчелиной семьѣ; ихъ можетъ быть тысячъ десять и даже больше; тогда всѣ ваши пять фунтовъ меда за пять дней и выйдутъ, если нѣтъ въ полѣ взятка. Но, можетъ быть, кто подумаетъ еще, что 1000 воспитывающихся личинокъ занимаетъ на сотахъ большое пространство, и что полъ фунта меда совсѣмъ небольшое количество для выкормки тысячи пчелъ!? Посчитавъ ячейки, можемъ сообщить интересующимся, что 1000 пчелиныхъ ячеекъ, — конечно, съ обѣихъ сторонъ сота — вмѣщается, приблизительно, на пространствѣ $2\frac{1}{2}$ квадр. вершковъ; какъ видимъ, пространство совсѣмъ маленькое, и полъ-фунта меда на такое уже незначительнымъ количествомъ не покажется; десять же тысячъ личинокъ могутъ воспитываться всего лишь на двухъ рамкахъ среднихъ размѣровъ. На воспитаніе трутней идетъ вдвое больше корма, чѣмъ на воспитаніе пчель-работницъ.

Недостатокъ корма можетъ вызвать въ семьѣ голодовку, голодовка же неизбѣжно повлечетъ самыя тяжелыя послѣдствія для семьи. Прежде всего можетъ замереть воспитывающаяся черва, а затѣмъ могутъ страдать отъ голода и даже умирать сѣми хозяйки улья — пчелы работницы. Голодающія пчелы рѣшаются иногда на безумныя поступки; онѣ могутъ даже уничтожить выкармливающихся личинокъ, высосавъ изъ нихъ соки, для поддержанія своей жизни; скудно же воспитанная черва, не будучи въ состояніи пройти всѣ фазы перерожденія, зачастую умираетъ въ запечатанныхъ ячейкахъ. Вскрывая запечатанную ячейку, изъ которой долго не выходитъ пчела, иногда можно натолкнуться на молодую, вполне развитую пчелку, но повернутую головкой ко дну ячейки; естественно, что такая пчелка должна погибнуть, такъ какъ не можетъ повернуться головкой къ крышечкѣ и разгрызть ее. Такое явленіе можетъ произойти отъ болѣзненного со-

стоянія личинки, — вслѣдствіе недостатка корма или тепла, обезсиленной до потери возможности повернуться головкой къ крышечкѣ, послѣ окончанія завивки кокона. Недостатокъ перги ведетъ также къ замиранію червы.

Теплота имѣетъ большое вліяніе на успѣшное развитіе червы. Въ зимующемъ клубѣ пчель температура не поднимается выше 10° Цельз., но лишь только вынесли пасѣку на точекъ и въ немъ появилась дѣтка, какъ общая температура въ клубѣ пчель повысится, вблизи же дѣтки она достигнетъ 35°. По мѣрѣ увеличенія площади засѣва ячеекъ, будетъ увеличиваться и общій уровень температуры, не превышая однако средней нормы (35° Цел.). Недостатокъ тепла скверно отражается на развитіи червы; въ лучшемъ случаѣ она запоздаетъ выходомъ на дра—три дня, въ худшемъ же—совершенно замреть. Особенно чувствительны къ холоду не запечатанныя еще личинки, черва же запечатанная, особенно въ послѣдней стадіи своего развитія, къ холоду менѣе чувствительна, такъ какъ развиваетъ теплоту свою собственную. Только что снесенныя яички, точно также же, какъ и запечатанная черва, мало чувствительны къ холоду; они могутъ простоять внѣ семьи, не теряя жизненной силы, около двухъ дней.

Объемъ ячеекъ. Мы уже говорили, что пчелы, воспитанныя въ старыхъ, загрязненныхъ отъ времени и уменьшенныхъ, вслѣдствіе различныхъ наслоеній, сотахъ, будутъ нѣсколько менѣе ростомъ тѣхъ пчель, которыя воспитываются въ ячейкахъ свѣжей вошины, особенно искусственной. Отсюда выводъ тотъ, что размѣры ячеекъ имѣютъ вліяніе на нормальное развитіе пчель. Ученые пчеловоды, принимая во-шесказанное во вниманіе, пытались постепенно увеличивать размѣры пчелиныхъ ячеекъ, съ цѣлью получить болѣе крупныхъ работницъ; опыты удавались только отчасти. Ячейка, увеличенная на $\frac{1}{2}$ миллиметра, давала хорошіе результаты, т. е., въ ней выводилась болѣе крупная пчела, но въ ячейкахъ, увеличенныхъ на цѣлый миллиметръ, результаты

получались неудачные, а именно: матка ихъ совершенно не засѣвала, а если и засѣвала, то пчелы, увидя въ такихъ ячейкахъ личинку работницы, сначала прекращали ея воспитаніе, а затѣмъ выбрасывали вонъ; точно также выбросятъ пчелы и пчелиную личинку, перенесенную изъ пчелиной ячейки въ трутневую.

Неправильно сформированныя, порочныя пчелы. Какъ-то разъ захожу я на хуторокъ Грыцька Буня.

— Доброго здоровья, дидусь!

— Здорови були паньчу!

— А чы немає часомъ у васъ холѳдненькои водици?

— А Богъ его знае!? Здаеця е! Присяю! прынеси, дытыно, баньку зъ водою, а якъ нема, то побіжы до крынычки за свиженькою! Тутъ недалечко! прибавилъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ. Дѣвочка побѣжала, а мы разговорились. Бунъ былъ въ недавно подаренной ему отцомъ бархатной скуфѣѣ и потому въ хорошемъ расположеніи духа.

— Отъ спека, не знать куды-бъ и сховавсь отъ соньця!

— А Богъ его знае! отвѣтилъ по своему обычаю Бунъ и хотѣлъ было погладить по привычкѣ лысину, но, ощупавъ вмѣсто нея скуфью, радостно просіялъ...

— Отъ спасыби батюшци за пархову скухвейку; якъ бы не вона, то чысто поныкъ бы тям!

Пользуясь хорошимъ настроеніемъ дѣда, я перевелъ разговоръ на пчелъ. Оживился *дидусь* и вдругъ, показавъ два ряда дѣсенъ, украшенныхъ *пыльками* нѣкогда славныхъ зубовъ, сдѣлалъ мнѣ неожиданное предложеніе:

— А хоште, я вамъ москалыкывъ покажу?

— Москалыкывъ? Дежъ воны?

— Э-ге! таке вамъ покажу, що й самъ никола не бачивъ! Съ этими словами Бунъ подвелъ меня къ одному улю, перевернулъ его и, указывая *пучкой* куда-то въ глубину, сталъ приговаривать:

— Ось! ось! а онъ де ще одынь..., та якый бравесенькій!

— Та що вы тамъ бачете? покажить!

— Та дывить бо! Бачете, який прыхорошый москалыкъ лизе?!

Посмотрѣль я въ то мѣсто, куда Бунь указываль *пучкою*, и дѣйствительно, на стѣнкѣ улья увидѣль ползущаго трутня съ глазами сургучнаго цвѣта.

-- Де це винъ такый узався?

— А Богъ его знае! Я думавъ цего пенечка забыть, а теперъ въ темныкъ пушу, ныхай и въ мене буде свое висько!

Меня тоже заинтересовали *москалыкы*, но когда я впоследствии узналъ, что это за дружина, то искренно посмѣялся надъ Бунемъ, лелѣявшемъ мечту имѣть свое *висько*. Оказывается, что появляются иногда въ ульяхъ пчелы и трутни, такъ называемые альбиносы, съ бѣлыми или красноватыми глазами. Опыты показали, что у альбиносовъ на глазахъ бѣлзма, и что они совершенно слѣпы; вылетѣвъ изъ улья, альбиносы назадъ уже не возвращаются. Такъ вотъ какую рать Бунь хотѣль культивировать у себя! На слѣдующій годъ, посѣтивъ Буня на пасѣкѣ, я освѣдомился о судьбѣ *москалыкыивъ*, но старикъ съ сожалѣніемъ мнѣ заявилъ, что улей съ москалыками *замеръ зимою*.

— И не шкодуйте, бо ваши москалыкы слипци! сказалъ ему я.

— Якъ кажете?

— Москалыкы ваши слипцы,—съ бильмами на очахъ, ничего не бачуть! И я ему рассказалъ все, что зналъ про альбиносовъ. Бунь слушалъ меня довольно разсѣнно, когда же я кончилъ, заключилъ такъ:

— А Богъ его знае! Шкода, що замеръ!

Матка, производящая альбиносовъ называется *порочной по природѣ*; ее слѣдуетъ замѣнить. Порочныя матки производятъ еще и двуполыхъ уродцевъ, такъ называемыхъ *гермафродитовъ*. Выйдетъ изъ ячейки такой фруктъ, а вы и не знаете, что оно за штука; голова какъ у трутня, а туловище, какъ у работницы, и даже жало есть; случается и наоборотъ.

Случается еще иногда въ ульяхъ видѣть совершенно черныхъ, какъ уголь, пчелъ; такія пчелы чрезвычайно вертлявы и, какъ видно, совершенныя бездѣльницы, ибо работницы ихъ не кормятъ и гонятъ отъ запасовъ, какъ трутней, по прекращеніи взятка. Попадаются также въ ульяхъ и маленькіе пчелки, чуть больше обыкновенной, комнатной мухи; онѣ также вертлявы, какъ и черные выродки, но прослѣдить за ними нѣтъ возможности... тутъ увидѣлъ... а вотъ уже и нѣтъ ея. За все время своей практики я только одинъ разъ и видѣлъ маленькую, черненькую пчелку, но она такъ быстро шнырнула въ кучу другихъ, что и слѣдъ ея простылъ.

Спартанскіе обычаи. Мы уже упоминали о томъ, что пчелы усвоили себѣ спартанскій образъ жизни; онѣ во всемъ умѣренны, отважны въ бою и такъ же, какъ и герои древаго юга, относятся къ порочнымъ членамъ своей семьи. Чуть выйдетъ изъ ячейки пчелка-калѣчка, какъ ее немедленно обступятъ безжалостныя сестрицы и начнутъ дергать за неразвившійся или уродливый членъ, безразлично, будетъ ли то крылышко, или ножки или усикъ. Такая экспертиза продолжается до тѣхъ поръ, пока несчастная калѣчка не уйдетъ изъ улья; если вы ее подымете съ земли и посадите на летокъ, она съ ужасомъ опять уйдетъ оттуда и свалится на землю, гдѣ и найдетъ себѣ медленную смерть въ жестокихъ клещикахъ муравья.

Сиротство семьи можетъ быть временнымъ и полнымъ. Если пчелы потеряли матку въ то время, когда у нихъ есть молодъ, или оплодотворенныя яички, ихъ сиротство будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока у нихъ не выведется и не оплодотворится молодая матка, что случится приблизительно черезъ 20—25 дней. День выхода молодой матки изъ маточника мы не считаемъ концемъ сиротства, ибо впереди еще предстоитъ рискъ оплодотворенія, да и пчелы, повидимому, раздѣляютъ на этотъ счетъ нашъ взглядъ, судя по ихъ неизмѣняющемуся настроенію и продолжающемуся безразличному отношенію и даже лѣни къ работѣ; но вотъ

благополучно оплодотворилась молодая матка и, какъ по ма-новенію волшебнаго жезла, все перемѣвилось: завеселѣли пчелки, откуда и пруть взялась, наперерывъ всѣ летать за взяткомъ; гдѣ дѣвалась ихъ прежняя раздражительность!

Пчелы временно осиротѣлыя, хотя и бездѣятельны, но не теряютъ жажды жизни; злы же онѣ потому, что выбиты изъ нормальной колеи жизни. Не то скажемъ о семьѣ, потерявшей всякую надежду на возможность вывести у себя матку. Семья, осиротѣвшая окончательно, имѣетъ жалкій, унылый видъ; на стукъ отзывается, какъ мы уже говорили, не сразу и не дружнымъ откликомъ, а заунывнымъ, какъ-бы погребальнымъ причитаніемъ. Въ случаѣ напада сиротствующая семья почти совсѣмъ не защищается, напротивъ, охотно подаетъ свои запасы грабительницамъ, лишенная каковыхъ (запасовъ) можетъ даже присоединиться къ своимъ врагамъ и разлетѣться вмѣстѣ съ ними по чужимъ ульямъ, въ чемъ видитъ единственное свое спасеніе. Въ хорошо поставленныхъ пасѣкахъ полное сиротство не можетъ имѣть мѣста.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ, 11-го іюня 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингов. ул. № 6.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на шѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 27

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 30-го іюня.

Содержаніе: I. Къ вопросу объ окружныхъ бібліотекахъ. Свящ. Г. Мель-
ницкій.—II. Жизнь пастырей. (Окончаніе). Свящ. Ал. Введенскій.—
III. У пристави. (Окончаніе). Свящ. Вл. Успенскій.—IV. С. А. Дех-
таровъ (1766—1813). В. П—скій.—V. Бесѣды по пчеловодству. (Про-
долженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Забѣтка. Успѣшная дѣятель-
ность братства.

Къ вопросу объ окружныхъ бібліотекахъ.

Бываютъ вопросы маленькіе, второстепенные, но острые и настоятельные. Таковъ вопросъ объ окружныхъ бібліотекахъ. Это, конечно, не приходскій и не миссіонерскій вопросъ. Но какъ и въ исторіи народа нерѣдко маловажныя причины порождаютъ великія событія, такъ и незначительный вопросъ объ окружныхъ бібліотекахъ сталъ, повидимому, въ послѣднее время интересоватъ наше сельское духовенство. Правда, по спорности и неустойчивости взгляда на него духовенства, это одинъ изъ боевыхъ въ послѣднее время вопросовъ.

Когда соберется три—четыре духовныхъ лица, то, будьте увѣрены, столько же получится и рѣшеній вопроса объ окружныхъ библіотекахъ. Одинъ предложить вовсе закрыть окружныя библіотеки, какъ ненужный балластъ въ окружныхъ дѣлахъ, другой пожелаетъ реформы библіотекъ на самыхъ широкихъ началахъ, вплоть до выписки научныхъ трудовъ изъ областей права и естествознанія (это за 40—50 руб. въ годъ!?), третій потребуетъ (и справедливо) частичнаго улучшенія окружныхъ библіотекъ, четвертый хотѣлъ бы получать въ библіотекѣ періодическія изданія etc.,—словомъ, разнообразіе во мнѣніяхъ получится полнѣйшее. Позволительно, однако, спросить, для чего существуютъ наши окружныя библіотеки? Это, впрочемъ, вопросъ для учениковъ 1-го класса гимназіи, подобно вопросу „полезно-ль просвѣщеніе?“ Но тѣмъ не менѣе отъ правильнаго отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ и рѣшеніе злополучнаго вопроса о характерѣ и судьбѣ нашихъ окружныхъ библіотекъ.

Мы думаемъ, что окружныя библіотеки, обслуживая духовенство округа, никакими сторонними цѣлями не должны задаваться. Окружныя библіотеки должны давать духовенству то, чего не можетъ достигнуть каждый изъ насъ порознь, т. е., такіе труды, какіе не можетъ по скудости средствъ имѣть ни одна церковь, ни одинъ священникъ. Значить, вопросъ о выпискѣ въ окружныя библіотеки книгъ случайнаго характера, общедоступныхъ, такъ называемыхъ народныхъ, сборниковъ проповѣдей для простаго народа, вѣбогослужебныхъ собесѣдованій и журналовъ типа „Нормчій“, какъ доступныхъ для духовенства и безъ окружныхъ библіотекъ и по самому характеру своему не дающихъ духовенству ничего выше чтеній для простыхъ слушателей христіанской семьи, не должны имѣть мѣста въ окружныхъ библіотекахъ. Духовенству необходимы въ окружныхъ библіотекахъ классическіе труды по богословскимъ наукамъ, а также капитальныя произведенія по исторіи философіи, этой „*ancillae theologiae*“.

Въ то время, какъ различныя проповѣди, собесѣдники, „Кормчіе“ и т. п. представляютъ чтеніе для окончившихъ церковныя и имъ подобныя школы, духовенство, въ массѣ интеллигентное сословіе, должно знакомиться съ богословскими науками по важнѣйшимъ трудамъ. Сюда относятся творенія св. отцовъ и учителей Церкви и такіе труды, какъ Е. Голубинскаго по Церков. исторіи, Мартенсена, Янышева. Свѣтлова и Рождественскаго по нравственному богословію и апологетикѣ, Робертсона по исторіи Западной Церкви, проф. Лопухина, Болотова, Глубоковскаго, Каптерева, еп. Михаила и под. Расширяя кругозоръ, такіе и имъ подобныя труды дадутъ духовенству дѣйствительно нужныя знанія и поставятъ его у кладезя истинной богословской мысли, а не жалкихъ суррогатовъ ея. То же должно сказать и о выпискѣ въ бібліотеку нашихъ лучшихъ духовныхъ журналовъ, въ родѣ: „Богословскій Вѣстникъ“, „Странникъ“, „Церковный Вѣстникъ“, „Труды Кіев. Академіи“, „Руководство для сельскихъ пастырей“, отчасти „Миссіонер. Обзорѣніе“ и „Мис. Сборникъ“, которые ведутся у насъ лучшими силами академической науки и духовенства. Ничто не препятствуетъ имѣть въ окружныхъ бібліотекахъ и такіе труды, какъ сочиненія нашихъ русскихъ философовъ—Влад. Соловьева, С. Трубецкаго, Кудрявцева-Платонова и др. капитальные труды по исторіи философіи. Всѣ указанные и другіе подобныя труды, доступные для выписки только сообща, будутъ дѣйствительно цѣнными и долговѣчными приобрѣтеніями въ окружныя бібліотеки. Все же остальное, въ родѣ разныхъ сборниковъ собесѣдованій да духовныхъ народныхъ журналовъ—значенія особеннаго не имѣютъ для духовенства. Зачѣмъ намъ повторять въ этомъ дѣлѣ ошибки прошлаго? Заполняющій же наши окружныя бібліотеки ненужный хламъ слѣдуетъ ликвидировать разъ навсегда.

Теперь вопросъ объ организаціи бібліотечнаго дѣла.

Распоряженіе бібліотечными суммами должно быть всецѣло въ рукахъ всего округа. Выписка книгъ и періодиче-

скихъ изданій также зависить отъ рѣшенія всего окружного духовенства, а библіотекаръ, избираемый на опредѣленное время съ согласія всего духовенства, долженъ быть исполнителемъ воли его, отнюдь не вмѣшиваясь въ единоличное распоряженіе библіотекой или суммами.

При намѣченныхъ нами основаніяхъ частичнаго улучшенія нашихъ окружныхъ библіотекъ, въ связи съ разумнымъ употребленіемъ библіотечныхъ суммъ на выписку изданій, дѣйствительно цѣнныхъ для духовенства, мы полагаемъ, не должно быть рѣчи объ уничтоженіи окружныхъ библіотекъ, какъ учрежденія весьма полезнаго и необходимаго для нашего духовенства.

Священникъ *Г. Мельницкій.*

Жизнь пастырей.

(Окончаніе)¹⁾.

Окончимъ свои разсужденія слѣдующими словами блаженнаго Іеронима къ Непоціану:

„Не допускай, говоритъ онъ, твоимъ дѣламъ позорить все ученіе, чтобы тѣ, кто слышали тебя въ церкви, не подумали о тебѣ: отчего же не дѣлаешь ты самъ того, чему учишь другихъ? Плохой учитель тотъ, кто учитъ другихъ воздержанію, самъ же объѣдается. Какъ разбойнику предостерегать другихъ отъ корыстолюбія? Уста, руки, сердце священника Христова должны быть въ полномъ согласіи между собою“.

Не погашайте, пастыри Церкви, возженный въ васъ огонь Христовой благодати, свѣтите всѣмъ истиннымъ евангельскимъ свѣтомъ, и этотъ свѣтъ подобно солнцу, разгоняющему мракъ и темноту, уничтожить всякое сомнѣніе о проповѣдуемой вами истинѣ, уничтожить самыхъ опасныхъ вра-

¹⁾ См. № 26 за 1913 г.

говъ Церкви. И они припадутъ къ ней съ покорностью, примутъ ея таинства и благодать съ благоговѣніемъ и радостнымъ духовнымъ восторгомъ.

Вы, конечно, скажете мнѣ, что это простая, азбучная, всѣмъ извѣстная истина.

Я согласенъ съ этимъ. Но и вы должны согласиться со мною, что эту простую, но вмѣстѣ съ тѣмъ важную истину весьма часто и весьма многіе забываютъ, поэтому нужно почаще о ней думать, почаще писать и говорить.

Не лишне припомнить тутъ слова приснопамятнаго херсонскаго архіепископа Никанора, которыя какъ нельзя лучше вскрываютъ передъ нами настоящія причины упадка нравственной жизни среди православнаго духовенства:

„Русскому духовенству, писалъ покойный архипастырь ¹⁾ сильно вредить недостатокъ знанія и пониманія нашей исторіи и всосавшееся въ нашу плоть и кровь сознаніе, что Православная Церковь есть господствующая въ Россіи. Пока это сознаніе было крѣпко въ латинскомъ клирѣ, до тѣхъ поръ онъ поражалъ весь свѣтъ своей распущенностью. А когда утвердился этотъ клиръ въ сознаніи, что онъ долженъ отстаивать не только свое положеніе, но бытіе самой церкви неустанною борьбою съ безчисленными врагами безъ поддержки правительства, тогда члены этого клира крѣпко сжались въ своемъ поведеніи. Пора проникнуться подобнымъ сознаніемъ нашему духовенству, что мы нынѣ со всѣхъ сторонъ окружены врагами, съ которыми призваны безпрестанно бороться, предъ которыми никакъ не должны обнажать свои нравственные немощи. Поэтому, въ православномъ духовенствѣ слѣдуетъ стѣснять всякое обнаруженіе неблагоповеденія, не говорю конкубинатъ, но обнаруженіе повторяющагося охмѣленія, обнаруженіе рѣзкой строптивости въ церкви, обнаруженіе дракъ, буйства, ругательства, соблазнительныхъ выходовъ, вольнаго обращенія съ женскимъ поломъ, танцевъ и

¹⁾ Еп. Алексій.. Матеріалы... стр. 318.

т. п. (курение табаку въ открытыхъ мѣстахъ, нарушение по-
стовъ открыто предъ народомъ), слѣдованіе модамъ въ платьѣ:
ношеніе рясь полупальто, подрясниковъ - полусюртуковъ,
ношеніе ботинокъ, выставку воротничковъ, полисоновъ и
т. п., въ прическѣ—стрижку волосъ, косые проборы, взби-
тіе чуба на лбу и т. д. Но особенно ненавистны народу въ
пастыряхъ церкви: вымогательство, выторговываніе платы за
требы и дерзкое при этомъ обращеніе, что и не должно быть
терпимо. Увы! Вредно же дѣйствуютъ на народное чувство
и даже возбуждаютъ отвращеніе его отъ церкви—пастыри
отъ природы убогіе, безталанные, неудалые: нужно и такихъ
обиженныхъ природою или же опустившихся по собствен-
ному нерадѣнію, скрывать за другими пастырями способными,
назидательными и привлекательными, любезными народному
сердцу и очамъ“.

Итакъ, жизнь пастырей—одно изъ самыхъ могучихъ
средствъ въ борьбѣ съ сектантствомъ.

Ну, хорошо. А если пастырь не можетъ подняться на
подобающую ему высоту? Если онъ, по своей немощи, не
возвысится надъ уровнемъ обыкновенной людской нравствен-
ности и, подобно своимъ пасомымъ, будетъ жить плотскою,
грѣховною жизнью? Тогда что?

Тогда можно опасаться, что многіе изъ православныхъ
сыновъ отшатнутся отъ насъ и могутъ уйти къ сектантамъ,
въ надеждѣ тамъ, среди нихъ найти добрыхъ и достойныхъ
пастырей, которые соотвѣтствовали бы ихъ высокому хри-
стіанскому идеалу и были бы „любезными народному сердцу
и очамъ“.

Впрочемъ, до нѣкоторой степени можно предупредить
распадъ прихода и не допустить своихъ прихожанъ до пе-
рехода въ сектантство. Это трудно сдѣлать, но все-таки
можно, если не всецѣло, то хотя отчасти.

Дѣло въ томъ, что люди какъ-то странно, подъ особымъ
угломъ смотрятъ на дѣйствіе благодати и на тѣ условія,
при которыхъ она подается. Они думаютъ, болѣе того—они

бываютъ убѣждены, что если пастырь имѣетъ слабости и недостатки, если онъ не вполне соотвѣтствуетъ христіанскому идеалу пастыря, то благодать и не подается чрезъ него.

Вотъ почему, какъ только прихожане ближе познакомятся со своимъ пастыремъ, узнаютъ, такъ сказать, закулисныя стороны его жизни, они разочаровываются въ немъ, теряютъ всякое довѣріе къ нему, начинаютъ его судить и вкривь и вкось, рассказывать о немъ и были и небылицы и подь конецъ совершенно избѣгаютъ его. Удовлетворенія же своего религіознаго чувства ищутъ гдѣ нибудь на сторонѣ, либо въ монастырѣ, либо въ сосѣднемъ селѣ, а большею частью среди сектантовъ и другихъ „религіозныхъ отщепенцевъ“.

Конечно, это ложь, обманъ, заблужденіе.

Но надо бороться со всѣмъ этимъ. Надо раскрыть и показать народу эту ложь. Надо разсвѣять вѣковое заблужденіе. Надо убѣдить народъ въ томъ, что сила Божія и въ немощахъ совершается и что благодать Божія въ одинаковой степени подается какъ чрезъ достойныхъ, такъ и недостойныхъ пастырей, независимо отъ ихъ жизни и нравственности.

91

„Дары Божіи не таковы, пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ, чтобы они зависѣли отъ священнической добродѣтели. Все происходитъ отъ благодати. Дѣло священника только отверзать уста, а все совершаетъ Богъ; священникъ же только исполняетъ видимыя дѣйствія... Нѣтъ ни одного человѣка, который бы отстоялъ отъ другого такъ далеко, какъ Іоаннъ отъ Іисуса, и однако Духъ сошелъ на Него (при крещеніи отъ Іоанна), чтобы ты зналъ, что все устрояетъ Богъ, что все совершаетъ Богъ... Я хочу сказать нѣчто дивное, продолжаетъ святой отецъ, но вы не изумляйтесь и не смущайтесь. Что же это такое? Приношеніе въ евхаристіи одно и то же, кто бы ни совершалъ его — Павелъ или Петръ. Оно то же самое, которое Христось преподаль ученикамъ, то же самое и нынѣ совершаютъ священники; послѣдніе не ниже

перваго, такъ и это не люди освящаютъ, а Самъ Тотъ, Кто освятилъ его и тогда... Равно и крещеніе то же самое, которое Онъ преподавалъ“....

„Если Богъ ничего не совершаетъ чрезъ него, то ты ни крещенія не имѣешь, ни таинъ не причащаешься, ни благословенія не получаешь и, слѣдовательно, ты—не христіанинъ“¹⁾.

Такъ вотъ въ чемъ надо прежде всего убѣдить народъ. Въ томъ, что благодать Божія подается чрезъ cadaго пастыря, и посему не должно избѣгать никакого пастыря, ни достойнаго, ни недостойнаго.

Мы увѣрены, что если только народъ проникнется этимъ убѣжденіемъ и повѣритъ въ дѣйственность священнодѣйствія cadaго пастыря, онъ успокоится, перестанетъ мучиться сомнѣніями, преисполнится уваженіемъ къ своему священнику и никогда ужъ потомъ не осмѣлится уйти „въ страну далече для поисковъ болѣе достойнаго, чистаго и благоговѣйнаго пастыря. И чрезъ то сектанты никогда не завлекутъ его къ себѣ. Пусть они будутъ смѣяться надъ его пастырями; пусть будутъ осуждать, порицать ихъ, но сознание того, что и чрезъ такихъ подается благодать, что и при содѣйствіи недостойныхъ пастырей можно спастись и получить необходимую благодать, сознание этого парализуетъ всякую мысль о дезертиствѣ и отобьетъ охоту къ религіозному кочеванію.

А такъ какъ для насъ это существенно важно, то мы и должны обратить на это самое серьезное вниманіе.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи,
Священникъ *Александръ Введенскій*.

¹⁾ Твор. св. Іоанна Златоуста. Изд. СПб. Духовной Академіи т. XI кн. 2, стр. 769—770.

У пристани.

(Окончаніе ¹⁾).

За свое пребываніе въ гимназіи Ваня усталъ, усталъ и отъ зубрежки древнихъ языковъ и отъ всего учебнаго и пансіоннаго режима,—и мало того, что усталъ—обезсилѣлъ.

Онъ поступалъ въ гимназію крѣпкимъ, краснощекииъ, коренастымъ мальчуганомъ, теперь представлялъ изъ себя „тѣнь отца Гамлета“, какъ подшучивали надъ нимъ его товарищи. Высокій, худой, какъ щепка, со впалыми щеками и длинными руками и ногами, выставлявшимися изъ подъ короткихъ рукавовъ гимназической куртки и такихъ же короткихъ штановъ, онъ представлялъ собою или эту тѣнь, или „рыцаря печальнаго образа“. Здоровье его оставляло желать много лучшаго.

Да, и какъ было не заххнуть въ пансіонѣ, хотя бы тому не способствовала даже и трудность изученія древнихъ языковъ по тяжеловѣснымъ гимназическимъ учебникамъ. Мало того, что гимназическая усадьба находилась въ самой нездоровой части города и, за исключеніемъ маленькаго, тощаго садика, была лишена всякой растительности, воспитанники бѣольшую часть учебнаго времени вынуждены были сидѣть въ четырехъ стѣнахъ пансіона въ пыли и духотѣ классныхъ комнатъ. На воздухъ ихъ выпускали только въ теплые весенніе и лѣтніе дни, да не въ очень холодные зимніе и при томъ исключительно на гимназическій дворъ. Въ холодную и дождливую погоду ихъ берегли. И какъ было не беречь, когда ни теплыхъ пальто, ни калошъ воспитанникамъ не полагалось, а плату за содержаніе брали высокую—300 руб. въ годъ за девять учебныхъ мѣсяцевъ. Въ отпускъ къ роднымъ и знакомымъ или такъ прогуляться по городу тоже отпускали не всѣхъ и не часто; для того, чтобы заслу-

¹⁾ См. № 26 за 1913 г.

жить это „пансіонское счастье“, нужно было постараться не получить ни одной двойки въ недѣльных отмѣткахъ...

Вообще же гимназическій пансіонъ того времени можно было охарактеризовать такъ: кормили впроголодь, одѣвали плохо, держали въ четырехъ стѣнахъ... Мало даже давали отдыха отъ учебныхъ занятій.

При такой жизни, да при своей неспособности къ древнимъ языкамъ, удивительно еще, какъ Ваня не спасовалъ въ младшихъ классахъ. А онъ дотянулъ почти до послѣдняго—восьмого класса, оставшись на повторительный курсъ только въ шестомъ классѣ, да и то потому, что ему рѣшительно опротивѣла „латынь“. А когда затѣмъ переводные экзамены въ восьмой классъ изъ за двойки въ древнихъ языкахъ ему были отложены до осени—Ваня не выдержалъ и на лѣтнихъ каникулахъ заявилъ дядѣ, что не хочетъ дальше учиться...

Мало отрадныхъ впечатлѣній вынесъ Ваня изъ гимназіи. Не за что ему было поблагодарить гимназическихъ педагоговъ. Мало они ему дали знаній.

Единственно, кто заронилъ въ душу Вани чувство благодарности къ себѣ—это учитель русскаго языка и словесности Платковъ. Тотъ много способствовалъ умственному развитію воспитанниковъ. Но Платковъ велъ Ваню только до шестого класса...

Вообще же о. Іоаннъ вышелъ изъ гимназіи совершенно не подготовленнымъ къ жизни, съ скуднымъ запасомъ знаній, пригодныхъ для трудового существованія. Ему, по настоящему, самое подходящее было тогда же итти въ духовное званіе, къ которому его звалъ еще въ VI классѣ гимназіи мѣстный архіерей, когда посвящалъ его въ стихарь. Въ стихарь Ваня, или теперешній о. Іоаннъ, былъ посвященъ по настоянію директора гимназіи. Ваня съ 5 класса прислуживалъ при гимназической церкви въ качествѣ чтеца. Читалъ онъ очень хорошо и заслужилъ одобреніе не только гимназическаго

начальства, но даже самого Министра Народнаго Просвѣщенія, какъ то посѣтившаго гимназію. Послѣ этого посѣщенія директору и пришла въ голову мысль хлопотать передъ Преосвященнымъ Владыкой о посвященіи Никольскаго въ стихарь. Владыка охотно исполнилъ желаніе директора гимназіи и при посвященіи предложилъ Ванѣ итти въ духовное званіе, если онъ того захочетъ. Владыка обѣщалъ ему посвятить его въ священники. Но Ваня въ то время относился съ предубѣжденіемъ къ духовному званію и духовенству. Его отвращала отъ себя внѣшняя показная сторона быта духовенства, которую ему приходилось наблюдать въ родномъ городѣ и отчасти въ губернскомъ. Онъ видѣлъ худыхъ, изможденныхъ, озабоченныхъ, приниженныхъ сельскихъ священниковъ и псаломщиковъ и плотныхъ, тучныхъ городскихъ, казавшихся ему самодовольными и горделивыми. И онъ думалъ, что одни изъ нихъ блаженствуютъ, другіе страдаютъ. Но истиннаго положенія духовенства онъ не понималъ и не могъ понимать. Если бы Ваня узналъ всѣ терніи священнической жизни, онъ своимъ молодымъ чуткимъ сердцемъ понялъ бы, что русское православное духовенство, въ силу неблагоприятно сложившихся историческихъ условій, несетъ великій подвигъ самоуничженія и самооплеванія, понялъ бы и оцѣнилъ бы этотъ подвигъ духовенства и какъ пылкій юноша самъ устремился бы въ ряды „уничжененныхъ и оскорблененныхъ“.

Но Ваню некому тогда было познакомить съ этимъ подвигомъ. Законоучитель гимназіи былъ такъ же далекъ отъ своихъ учениковъ, какъ и прочіе педагоги. Въ воспоминаніяхъ онъ представляется Ванѣ горделивымъ „магистромъ богословія“, любившимъ щегольнуть своею ученостью передъ старшими учениками, особенно знаніемъ математики, естествовѣдѣнія и астрономіи, выводившимъ на классной доскѣ замысловатыя вычисленія тангенсовъ, синусовъ и косинусовъ при объясненіи движенія небесныхъ планетъ и времени ихъ существованія, когда онъ пытался опровергнуть системы есте-

ственниковъ о многомилліонномъ существованіи міра — и только...

Видно Господу Богу было угодно, чтобы Ваня путемъ долгаго опыта, долгихъ скитаній въ морѣ житейскомъ понялъ и оцѣнилъ духовенство.

По выходѣ изъ гимназіи Ваня поступилъ на частную службу—въ конторщики. Тутъ ему пришлось поколесить по городамъ и весямъ матушки Россіи. Служилъ онъ на сѣверѣ, служилъ и на югѣ—и въ городахъ и селахъ. Много крови попортилъ за это время Ваня или уже Иванъ Ивановичъ, много униженій перенесъ, какъ всѣ трудовые необезпеченные люди, много душевной тренки испыталъ. Обзавелся женою и дѣтьми и къ зрѣлому возрасту сталъ мечтать о тихой пристани... Но удивительное дѣло! Всякій разъ, какъ онъ думалъ, что вотъ онъ наконецъ у пристани, случалось что-нибудь, что заставляло его сниматься съ мѣста...

У пристани онъ только теперь, когда жизнь убила въ немъ всѣ мечты, всѣ порывы. Теперь онъ въ своемъ селѣ дѣятель на почвѣ просвѣщенія темныхъ массъ. Онъ и учитель и юристъ-совѣтчикъ, и отчасти медикъ. Подъ его рукою цвѣтутъ церковныя братства, коопераціи, землекультурныя начинанія... Но все это его не такъ радуетъ, какъ радуетъ сознаніе, что онъ „служитель престола Божія“.

Вѣдь подумать только! Онъ предстоить передъ престоломъ Небеснаго Владыки, „идѣже вси ангелы приникнути желаютъ“,—онъ, червь ползущій, пылинка ничтожная, видитъ душевными очами при священнодѣйствіи Самого Царя Славы—Господа Иисуса Христа, соединяется съ Нимъ при вкушеніи Его Пречистой Плоти и Крови!..—Онъ, грѣшнѣйшій паче всѣхъ людей! Это ли не величайшее счастье, это ли не блаженство, это ли не утѣшеніе о. Іоанну въ его жизни?..

Какъ часто, совершая богослуженіе и проникая душевнымъ взоромъ въ открывающійся ему въ это время небесный міръ, о. Іоаннъ въ восторгѣ восклицаетъ: „Господи! за что мнѣ сіе! Мнѣ—самому грѣшному изъ людей?“ И вспомна-

ются ему въ это время слова Псалмопѣвца Давида: „Что есть человекъ, что Ты помнишь его, и сынъ человеческій, что посѣщаешь его? Умалилъ его малымъ чѣмъ отъ ангеловъ, славою и честью увѣнчалъ его!“...

И какимъ необычайнымъ образомъ все это устроилось: вѣдь о. Іоаннъ скорѣе изъ любопытства, что выйдетъ, чѣмъ изъ самомнѣнія, рѣшился подать Преосвященному Владыкѣ прошеніе о предоставленіи ему священническаго мѣста. Какое у него могло быть самомнѣніе, когда онъ зналъ и глубоко чувствовалъ, какъ знаетъ и чувствуетъ и теперь, что ни по образованію, ни по жизни—онъ святого іерейскаго сана не достоинъ! И вотъ,—подаетъ прошеніе Владыкѣ, Владыка принимаетъ; держитъ экзамень—выдерживаетъ, хотя въ полгода, при служебныхъ занятіяхъ, много ли знаній богословскихъ и философскихъ могъ онъ схватить; подаетъ прошеніе на приходъ—тотчасъ же получаетъ мѣсто. Тутъ явно сказалась Божія о немъ воля... Такъ пусть же приходится ему испытывать всевозможныя униженія и оскорбленія; пусть мужички при требованіи имъ платы за іерейскій трудъ называютъ его „живодеромъ“, какъ привыкли они называть вообще священниковъ; пусть неблагодарны за его безмездные труды по улучшенію ихъ быта—онъ все перетерпитъ, все перенесетъ, лишь бы подольше быть слугою Царя Небеснаго хоть въ нашемъ земномъ мірѣ (о небесномъ что задумываться? да будетъ воля Господня, куда насъ опредѣлитъ—въ царство ли свѣта или въ царство тьмы). Это счастье—быть слугою Царя Небеснаго хоть здѣсь—на землѣ не всякому дается, а кому оно дается—не всѣ его берегутъ. Но о. Іоаннъ будетъ беречь свое счастье и не промѣняетъ своего первородства на чечевичную похлебку земного благополучія...

Свящ. Влад. Успенскій.

С. А. Дехтяревъ (1766--1813).

Въ настоящемъ 1913 г. исполняется столѣтіе со дня смерти извѣстнаго духовнаго композитора С. А. Дехтярева, произведенія котораго въ концѣ 18 в. и въ теченіе всей первой половины прошлаго вѣка очень цѣнились любителями церковной музыки и были распространены во множествѣ списковъ. Поэтому считаемъ благовременнымъ сказать нѣсколько въ память его.

Степанъ Аникіевичъ Дехтяревъ — одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и притомъ музыкально образованныхъ нашихъ церковныхъ композиторовъ прежняго времени. Замѣчательна судьба его, обычная судьба талантливаго русскаго челоуѣка, вышедшаго изъ среды простаго народа, челоуѣка, одареннаго крупнымъ талантомъ, но, вслѣдствіе тяжелыхъ внѣшнихъ условій, неудачника въ жизни.

Дехтяревъ родился въ 1766 г. въ Курской губерніи. Онъ происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ графа Шереметева и въ дѣтствѣ былъ взятъ въ Петербургъ въ собственный гр. Шереметева хоръ пѣвчимъ. Шереметевская капелла въ то время была поставлена великолѣпно: она всегда находилась подъ руководствомъ выдающихся музыкантовъ, часто иностранцевъ, снабжена была необходимыми для обученія пѣвчихъ средствами и потому вполне естественно, что она занимала первое послѣ придворной капеллы мѣсто. При ней существовала школа, въ которой пѣвчіе, кромѣ музыки, обучались и грамотѣ. Въ этой школѣ и получилъ первоначальное образованіе Дехтяревъ. Графъ Шереметевъ не жалѣлъ средствъ на образованіе талантливыхъ и нужныхъ ему людей, и Дехтяреву, какъ обнаружившему выдающіяся музыкальныя способности, было дано вполне законченное музыкальное образованіе. Его учили лучшіе учителя и въ числѣ ихъ знаменитый Сарти, съ которымъ онъ даже былъ посланъ для усовершенствованія въ Италію, гдѣ пріобрѣлъ извѣстность своими сочиненіями. По возвращеніи изъ Италіи, Дех-

тяревъ былъ назначенъ капельмейстеромъ графской капеллы, оставаясь, несмотря на свое образованіе и положеніе, въ крѣпостной зависимости отъ своего владѣльца. Гр. Н. П. Шереметевъ, хотя любилъ и цѣнилъ Дехтярева, — не хотѣлъ при жизни дать ему свободу, быть можетъ потому, что не хотѣлъ лишиться талантливаго капельмейстера и композитора, поддерживавшаго славу его капеллы, и только въ своемъ духовномъ завѣщаніи даровалъ ему отпускную на волю. Понятно, что такое зависимое, рабское положеніе со всѣми его послѣдствіями, не мирилось съ артистической натурой Дехтярева и не могло не тяготить его, какъ челоуѣка образованнаго, видѣвшаго и знавшаго иную жизнь. Онъ стремился къ свободѣ и думалъ, что его сочиненія и заслуги дадутъ ему право на независимое положеніе; но владѣлецъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ. Тогда даровитый художникъ сталъ искать забвенія своихъ страданій въ винѣ, которое погубило столько русскихъ талантовъ и особенно, кажется, пѣвческихъ. Академикъ Никитенко въ своихъ „Памятныхъ запискахъ“ сообщаетъ, по воспоминаніямъ своего отца, который также былъ пѣвчимъ въ хорѣ гр. Шереметева, что Дехтярева (или, какъ называетъ его Никитенко, Дехтяревскаго) за пьянство даже подвергали оскорбительнымъ наказаніямъ, что, конечно, совершенно въ духѣ и нравахъ того времени. Къ лучивъ свободу послѣ смерти гр. Н. П. Шереметева, Дехтяревъ очутился безъ всякихъ средствъ и не могъ даже нанять лишнюю телѣгу, чтобы вывезти свою потную библіотеку, и потому большую часть ея сжегъ. Такимъ образомъ погибли всѣ автографы музыкальныхъ сочиненій Дехтярева, и изъ нихъ сохранились только тѣ, которыя успѣли раньше разойтись въ спискахъ по разнымъ хорамъ Россіи и вслѣдствіе этого дошли до насъ, по всей вѣроятности, въ сомнительномъ видѣ.

Вскорѣ по освобожденіи и незадолго до смерти судьба улыбнулась несчастному композитору, и хоть на короткое время онъ приобрѣлъ громкую извѣстность. Подъ впечатлѣ-

ніемъ событій отечественной войны онъ написалъ большую ораторію „На освобожденіе Москвы“, которая была исполнена съ громаднымъ успѣхомъ въ Московскомъ Дворянскомъ Собраніи и затѣмъ еще разъ была повторена, по Высочайшему повелѣнію, уже послѣ смерти композитора, въ 1818 г. при открытіи памятника Минину и Пожарскому. На Дехтярева посыпались почести, его имя сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей. Вскорѣ онъ началъ писать и другую ораторію подъ заглавіемъ „Торжество Россіи и истребленіе враговъ ея“; но это произведеніе осталось не оконченнымъ и было его лебединой пѣснью. Но слава и почести, выпавшія на долю несчастнаго композитора на склонѣ его жизни, не улучшили нищенскаго положенія его; матеріальныя невзгоды продолжали преслѣдовать его, и онъ, чтобы не умереть съ голоду, взялъ мѣсто регента у одного незначительнаго помѣщика родной ему Курской губерніи и на этомъ мѣстѣ вскорѣ, въ 1813 г., скончался отъ чахотки. „Дехтяревскій угасъ, говоритъ академикъ А. В. Никитенко, среди глубокихъ, непонятыхъ и никѣмъ нераздѣленныхъ страданій. Это была одна изъ жертвъ того ужаснаго положенія вещей на землѣ, когда высокіе дары и преимущества духа выпадаютъ на долю человѣка только какъ бы въ посмѣяніе и на позоръ ему. Дехтяревскаго погубили талантъ и рабство“.

Дехтяревъ былъ по преимуществу церковнымъ композиторомъ, и его произведенія относятся главнымъ образомъ къ области духовной музыки. Число обращающихся въ хорахъ его сочиненій доходитъ до 60; нѣкоторыя изъ нихъ въ послѣднее время напечатаны, большинство же сохраняется въ рукописномъ видѣ. Даже его ораторія „На освобожденіе Москвы“, которую такъ умѣстно было бы напечатать (если она еще сохранилась гдѣ-нибудь) и даже исполнить во время недавнихъ торжествъ по случаю 100-лѣтія отечественной войны, остается неизвѣстною ни музыкальнымъ кругамъ, ни широкой публикѣ.

Музыкальныя сочиненія Дехтярева ясно свидѣтельствуя о незаурядномъ талантѣ и законченной техникѣ его. Онъ вполне владѣлъ формами гармоническаго и полифоническаго стиля и въ этомъ отношеніи стоялъ, несомнѣнно, выше другихъ современныхъ композиторовъ; въ то же время онъ не лишенъ былъ дара мелодическаго творчества, въ духѣ, впрочемъ, слащавой итальянщины. Нельзя не признать также болѣе или менѣе осмысленнаго отношенія его къ тексту священныхъ пѣснопѣній и достаточной выразительности въ этомъ отношеніи его музыки. Въ свое время духовно-музыкальныя сочиненія Дехтярева пользовались большой извѣстностью; теперь же они представляются значительно устарѣлыми, хотя все еще совершенно не вышли изъ употребленія. Быть можетъ, болѣе широкой извѣстности и распространенію ихъ въ настоящее время препятствуетъ развитіе и доступность печатной церковно-пѣвческой литературы, постепенно вытѣсняющей даже въ захолустьяхъ старинную рукописную нотную литературу.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одинъ теоретическій музыкальный трудъ Дехтярева, хотя и не оригинальный, но замѣчательный уже тѣмъ, что это одинъ изъ первыхъ на русскомъ языкѣ трудовъ по теоріи музыки. Кстати замѣтимъ, что это музыкально-теоретическое произведеніе Дехтярева у насъ до сихъ поръ неизвѣстно было; по крайней мѣрѣ о немъ не упоминается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ очерковъ по исторіи русской музыки. Заглавіе этого сочиненія таково: „Правила гармоническія и мелодическія для обученія всей музыки, изданныя Господиномъ Винченцо Манфредини вторымъ и помноженнымъ изданіемъ на Италіянскомъ языкѣ въ 1797 году въ Венеціи. Съ Италіянскаго на Россійскій перевелъ Степанъ Дехтяревъ. Санктпетербургъ въ Театральной Типографіи 1805“. Дехтяревъ посвящалъ свой трудъ своему господину и покровителю гр. Н. П. Шереметеву за его „познаніе и охоту къ музыкѣ“, а также въ благодарность за его „великія и не по заслугамъ оказываемыя милости“. № 27. Рук. для сельск. част. т. II. 1913 г.

лости". Въ своемъ посвященіи онъ такъ объясняетъ мотивы, по которымъ онъ остановилъ свое вниманіе именно на сочиненіи В. Манфредини: „Съ нѣкотораго времени упражняясь въ приисканіи на иностранныхъ языкахъ хорошихъ музыкальныхъ правилъ, по щастливому случаю, теперь нашелъ нѣсколько соотвѣтственныя моему желанію. Сія книга, заключающая таковыя правила, была издана на Италіянскомъ языкѣ Италіянцомъ Г-мъ Манфредини въ четырехъ частяхъ, и поднесена отъ него была въ 1797 году Императору Павлу I. Я, нашедъ оную весьма достойною вниманія любителей музыки, пріятною обязанностію почелъ издать на Россійскомъ языкѣ, какъ для удовольствія любителей музыки, такъ и для улучшенія успѣховъ учащагося ей юношества: ибо хотя и прежде сего были издаваемы правила, но только объ генераль-басѣ, а объ другихъ родахъ и о сочиненіи самой музыки никогда еще не были издаваемы на нашемъ діалектѣ подобныя симъ правила“.

Сочиненіе Манфредини представляетъ какъ бы музыкальную энциклопедію и включаетъ въ себѣ сжатое изложеніе свѣдѣній изъ теоріи, гармоніи, контрапункта и о правилахъ пѣнія. Само собою разумѣется, что книга въ настоящее время можетъ имѣть только историческое значеніе, такъ какъ въ то время музыкальные законы и правила не были разработаны такъ, какъ они разработаны и формулированы теперь. Интересно, однако, отмѣтить нѣкоторые общіе взгляды, проводимые въ этомъ сочиненіи италіянскимъ авторомъ и, конечно, раздѣляемые русскимъ переводчикомъ. Такъ, напр., во вступленіи, озаглавленномъ „о гармоніи и способѣ познанія музыки“, авторъ не признаетъ правилъ музыки необходимыми законами и ясно высказывается за свободу творчества. „Я въ нѣкоторыхъ вещахъ, говоритъ онъ, отступилъ отъ знаменитыхъ авторовъ и сіе сдѣлалъ я съ намѣреніемъ; впрочемъ, удержалъ все, что только ни нашелъ въ нихъ лучшаго. Никакое искусство, художество и науки не могли бы достигнуть совершенства, когда бы, бояся запрещенія

какого-нибудь великаго въ своей части сочинителя, не отваживались иногда идти вопреки какимъ-нибудь его рассужденіямъ и правиламъ, которыя часто, какъ обыкновенное испытаніе доказываетъ, были бы и мало правильны, и недостаточны къ достиженію лучшаго совершенства“. Для насъ особенно интереснымъ представляется взглядъ на церковную музыку, выраженный въ 5 гл. послѣдней части „о стилѣ церковномъ“. (Рѣчь, конечно, идетъ о западной цер. музыкѣ). Церковный стиль, по мнѣнію автора, наиваживѣйшій, но, къ сожалѣнію, онъ извращается позднѣйшими контрапунктистами, допускающими, „къ великому огорченію всѣхъ здравомыслящихъ людей, въ священнѣхъ сочиненіяхъ непристойное фантазированіе музыкальное и изображающими „стиль церковный въ стилѣ театральномъ, а иногда и неприличномъ“. Авторъ вооружается противъ употребленія въ церквахъ такихъ инструментовъ, какъ трубы, литавры, волторны, „звукъ которыхъ кажется болѣе пристойнымъ для взятія крѣпости, нежели для возбужденія набожности; противъ арій и театральнѣхъ речитативовъ, противъ безпрестаннаго повторенія музыки и словъ. Короче сказать, сколь отдалено должно быть мѣсто, посвященное мірскимъ увеселеніямъ, отъ мѣста святаго, гдѣ присутствующему Невидимому Богу приносится безкровная жертва при славословіи народномъ; и такъ можетъ ли быть терпимъ стиль театральной игры въ церквахъ Божественнѣхъ?“. Признавая важное значеніе въ церк. музыкѣ за текстомъ, Манфредини требуетъ отъ церковнаго композитора, чтобы онъ совершенно зналъ просодію языка.

Какъ видимъ, уже въ концѣ 18 в. и на западѣ раздавались голоса противъ излишней искусственности въ церк. музыкѣ и за возвращеніе ея къ прежней ясности и простотѣ. Дехтяревъ принадлежитъ къ подражательно-итальянскому направленію въ русской церковной музыкѣ и является однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей фіаритурнаго стиля въ церк. пѣніи. Если сопоставить извѣстныя намъ его сочиненія съ приведенными взглядами Манфредини, то можно за-

мѣтитъ, что онъ до нѣкоторой степени осуществлялъ требованія Манфредини, такъ какъ, сохраняя въ своихъ произведеніяхъ общій характеръ итальянской музыки, онъ все же большею частію строго придерживается правильной просодіи текста и самый текстъ не слишкомъ затемняетъ безчисленными повтореніями однихъ и тѣхъ же словъ и фразъ или одновременнымъ ихъ произношеніемъ.

В. П—скій.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе ¹⁾).

Бесѣда шестая.

Жизнь роя весною, лѣтомъ, осенью и зимой.

Жилища пчелъ. Пчелы очень не взыскательны въ выборѣ для себя жилища, и если бы наши климатическія условія были не такъ суровы, пчелы водились бы у насъ, подобно осамъ, гдѣ попало, что мы и видимъ въ теплыхъ краяхъ, какъ, напр., въ Индіи, гдѣ пчелы устраиваютъ себѣ гнѣзда на открытомъ воздухѣ, подѣ толстыми суками деревь. Изъ библейскаго повѣствованія о Самсонѣ мы знаемъ также, что въ черепѣ убитаго имъ льва нашелъ для себя удобное помѣщеніе небольшой роекъ пчелъ и даже меду туда наносилъ, что и послужило сюжетомъ еврейскому Геркулесу для остроумной загадки: „изъ ядушаго вышло ядомое, а изъ сильнаго вышло сладкое“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ газетныхъ извѣстіяхъ проскользнуло интересное сообщеніе, что въ головѣ статуи памятника Пушкину пріютился роекъ пчелъ, причемъ ноздри поэта послужили имъ леткомъ. Очевидно фортуна не пожелала, чтобы голова великаго нашего

¹⁾ См. № 26 за 1913 г.

поэта была пустой даже въ его бронзовой фигурѣ, и вселила туда жизнь [умнѣйшаго изъ животныхъ и наградила ее чудной постройкой сотовъ. Пчелиный сотъ съ цвѣточнымъ, сладкимъ нектаромъ въ головѣ Пушкина—какая чудная эмблема для гениальнаго поэта! Даже изобрѣтательный на всѣ штуки человекъ не придумалъ бы ничего лучшаго! Но бѣдныя изобрѣтательницы пчелки!... что случилось съ ними зимой? неминуемая гибель была ихъ удѣломъ... Бронза, вѣдь, какъ и всякій иной металлъ, прекрасный проводникъ холода и въ защитѣ отъ грознаго вліянія сѣверныхъ холодовъ сослужила имъ плохую службу.

Пчелы одичалыя, или тѣ, коимъ удалось уйти отъ зазѣвавшагося пчеловода, съ большимъ комфортомъ устраиваются въ дуплахъ старыхъ деревьевъ, если есть поблизости насѣки лѣтъ, въ противномъ же случаѣ, онѣ селятся, гдѣ попало, занимая всякую пустоту...,—подъ поломъ, напр., либо подъ крышей, а то просто и въ дымовой трубѣ нежилого дома. Въ мѣстностяхъ каменистыхъ пчелы могутъ селиться въ глубокихъ трещинахъ скалъ, лишь бы таковыя мало-мальски были защищены отъ вѣтровъ и дождя, а также рѣзкихъ колебаній температуры воздуха. Самымъ же удобнымъ помѣщеніемъ для нашихъ маленькихъ друзей, несомнѣнно, является дупло живого дерева, соки и толстыя стѣны котораго служатъ имъ наиболѣе удобной защитой зимой отъ стужи, а лѣтомъ отъ палящихъ лучей солнца. Въ тѣ отдаленныя времена, когда люди еще не пользовались услугами пчелъ, какъ домашнихъ животныхъ, а лакомились только *дивимъ* медомъ, несомнѣнно, пчелы жили въ древесныхъ дуплахъ по преимуществу, каковыя и послужили прототипомъ искусственно изготовляемаго теперь улья. Наши первобытные бортни и болѣе усовершенствованныя *дуплянки* вѣдь въ сущности есть тѣ же древесныя дупла, но только искусственно приспособленныя для прирученныхъ пчелъ, на что и указываетъ самое ихъ названіе (дуплянка). Самымъ же распростираненнымъ жилищемъ культивированныхъ пчелъ, удобнымъ какъ для

пчель, такъ и для пчеловода, въ настоящее время является рамочный улей различныхъ системъ, критическимъ осмотромъ каковыхъ мы займемся во второй, практической части нашихъ бесѣдъ.

Розыскъ жилища и водвореніе въ немъ бѣглаго роя.

За нѣсколько дней передъ выходомъ роя, въ лѣсу можно видѣть пчель—развѣдчиць, внимательно заглядывающихъ въ дупла старыхъ деревьевъ. Выбравъ подходящее для себя помѣщеніе, развѣдчицы входятъ въ него на правахъ хозяекъ, какъ въ свой собственный домъ и начинаютъ готовить его понемногу для совмѣстнаго жилья своихъ товарокъ, занятыхъ въ родномъ ульѣ своей обычной работой. На ночь развѣдчицы улетають къ себѣ домой, а утромъ онѣ опять тутъ какъ тутъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, изучивъ хорошо дорогу къ облюбованному ими помѣщенію, не покидаютъ материнскаго улья съ тѣмъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ взять на себя роль проводниковъ у вышедшаго роя къ мѣсту новаго, недавно разысканнаго ими жилья.

Но вотъ послѣ долгихъ, томительныхъ тревоженій, наконецъ, вышелъ рой и привился на вѣткѣ; случилось на этотъ разъ, предположимъ, такъ, что старикъ пасѣчникъ зазѣвался..; рой посидѣлъ, посидѣлъ.., никто его не собираетъ..,—и началъ выражать нетерпѣніе. Первыми срываются развѣдчицы проводники, а за ними и весь рой; теперь ужъ некогда имъ танцевать и веселиться на одномъ мѣстѣ: нельзя терять драгоценнаго времени; пора заняться болѣе серьезнымъ дѣломъ; пора летѣть туда, гдѣ, по сообщенію развѣдчиць, такъ хорошо и просторно. Озабоченно загудѣлъ снявшійся рой, да такъ строго и громко, что даже зѣвака—пасѣчникъ проснулся и глазамъ своимъ не вѣрить: „вотъ бѣда какая стряслась надъ моей старой головой.., первакъ удираетъ“! —бѣжить бѣдняга, кричитъ, зоветъ на помощь..., стучить въ сковородку..., звякаетъ косою..., выбѣжали и домо-

чадцы..., бьютъ въ тазъ..., гремятъ листовымъ желѣзомъ..., брызгаютъ водой..., кидаютъ грудемъ..., такой подняли содомъ, что даже сосѣди всполошились, прибѣжали къ плетню и тоже кричатъ..., но все напрасно: рой ушелъ у всѣхъ на виду..! Стоять всѣ, разинувъ рты, и долго еще смотрятъ въ ту злосчастную сторону, куда скрылся бѣглый рой...; его уже и слѣдъ простылъ, а они еще все стоятъ...; но вотъ сразу заговорили и съ упреками набросились на старика-пасѣчника... Выслушалъ старина вполне заслуженные упреки, почесалъ затылокъ, вернулся на пчельникъ, сѣлъ въ отчаяніи на подвернувшійся пенъ и въ горестномъ раздумьи поникъ головой. Все кругомъ уже смолкло; всѣ разошлись..., а гулъ уходящаго роя ему еще долго слышится...; такъ-бы и побѣжалъ за нимъ, такъ-бы и полетѣлъ, если бы Богъ крылья далъ на ту пору, думается ему; да что подѣлаешь? Махнулъ бѣдняга рукой и пошелъ въ свою *катрагу*.

А бѣглый рой, между тѣмъ, летитъ, гудитъ, едва поспѣвая за проворными проводниками; но вотъ и дупло уже видать! такъ всѣ туда и устремились лентой, да прямо въ дыру и попали; велика, правда, малость дыра-то, да что подѣлаешь? если понадобится, то и заклеить можно будетъ. Самыя молодыя ичелы, немедленно по прилетѣ въ новое помѣщеніе, подвѣсились ужъ къ потолку цѣпями и тянуть начатки сотовъ,—благо есть воскъ подъ кольцами брюшка, да и запасовъ медку съ собой набрали вдоволь. Кипитъ работа!.. болѣе старшія работницы сгрызаютъ своими крѣпкими челюстями неровности дупла, уносятъ вонъ отсюда мелкій соръ и труху, чтобы не завелась въ ней метелица; а старухи, летныя пчелы, передавъ унесенные ими изъ материнскаго улья запасы другимъ пчелкамъ, улетають въ поле за свѣжимъ, душистымъ нектаромъ, пергой и клеємъ. Клей здѣсь идетъ въ большомъ количествѣ на покрытіе пористыхъ, гниловатыхъ стѣнокъ, выглаживаніе досадныхъ неровностей и замазываніе трещинъ.

Переселяясь въ новое жилище, пчелы работают съ лихорадочной поспѣшностью; при благопріятныхъ условіяхъ онѣ за сутки уже могутъ оттянуть до тридцати и болѣе квадратныхъ вершковъ вошины, а въ недѣлю—до одного квадратнаго аршина, распределеннаго, конечно, въ нѣсколькихъ, одновременно оттягивающихся, сотахъ. Изъ одного квадратнаго аршина выйдетъ до шести хорошихъ пластовъ средней величины, что уже вполне достаточно для порядочнаго гнѣзда. Пчелы, предоставленныя самимъ себѣ, какъ мы уже говорили объ этомъ раньше, тянутъ соты ребрами къ летку, т. е., дѣлаютъ холодный или косой заносъ, причемъ стараются такъ устроиться, чтобы будущее гнѣздо пришлось поближе къ летку; если же, паче чаянія, случилось бы такъ, что потолокъ дупла очень далеко отъ летка, пчелы начинаютъ тянуть соты отъ передней стѣнки, направляя ихъ къ противоположной сторонѣ; но эта постройка будетъ не такъ ужь прочна и правильна, какъ первая.

Не успѣли еще пчелки оттянуть соты и на полтора вершка, какъ матка начинаетъ засѣвать ихъ яичками, да такъ усердно, что бѣдныя труженицы едва поспѣваютъ приготовить для нихъ ячейки; но маткѣ некогда ждать, пока ячейки достигнутъ полныхъ размѣровъ, сѣетъ она яички и въ только что намѣченныя. Къ концу недѣли вы уже найдете въ сотахъ личинокъ старшаго возраста, а еще черезъ день—два появится въ нихъ и запечатанная черва. Трудятся молодые пчелки, но и старухи не отстаютъ отъ нихъ, таскаютъ медъ со всѣхъ сторонъ.., далъ бы только Богъ, чтобы взятокъ не прекратился, или продолжительное ненастье не задержало работы.

При благопріятныхъ условіяхъ медосбора и погоды рой устранивается вполне хорошо за двѣ—три недѣли и уже готовъ спокойно встрѣтить суровую зиму. Правда, ряды труженицъ порѣдѣли, много ихъ погибло подъ бременемъ непосильной ноши, за то ужь молодая, свѣжая рать ше-

велится подь крышечками печати и сжеминутно готова выдти на смѣну своихъ воспитательницъ; вотъ прорѣзались первыя крошки, а вслѣдъ за ними выползли другія, третьи и серебристо-сѣренькими рядами покрыли соты. Рой опять силенъ и смѣло смотритъ въ глаза невѣдомаго будущаго.

Такъ рой устраивается въ естественномъ помѣщеніи. Почти также устраивается онъ и въ искусственномъ, съ той лишь разницей, что въ послѣднемъ случаѣ онъ подчиняется волѣ пчеловода и все дѣлаетъ такъ, какъ желаетъ его хозяинъ. Въ томъ же случаѣ, когда бѣглый рой не найдетъ себѣ подходящаго помѣщенія, онъ долго будетъ теньтаться безпріютный..., будетъ садиться на деревьяхъ и ждать, пока чья-нибудь сердобольная рука не позаботится о его будущности. Бѣглый, безпріютный первакъ съ плодной маткой не охотникъ долго рыскать по бѣлу свѣту, обыкновенно онъ не снимается уже съ перваго своего этапа. Иногда случается также, что безпріютный рой, уставъ въ безплодныхъ поискахъ жилья, возвращается на пасѣку и налетаетъ на чужой улей, стараясь силой проникнуть во внутрь его черезъ летокъ. Въ томъ случаѣ, если осаждаемый улей вполне благополученъ, между имъ и несчастнымъ, бѣглымъ роємъ завязывается отчаянная борьба, называемая пчеловодами *рѣзней*; если же осаждаемый улей оказался бы случайно безматкомъ, то драки не бываетъ. Сиротствующій улей охотно принимаетъ въ свое лоно бѣглеца съ хорошей маткой, и, наоборотъ, та же матка бываетъ причиной рѣзни въ томъ случаѣ, когда у осаждаемаго улья есть своя госпожа, ибо благополучный улей, да и всякій другой, всегда приметъ чужихъ пчелъ (безъ матки, конечно), лишь бы онѣ не шли къ нему съ пустыми руками; роевыя же пчелы всегда идутъ съ запасами.

Познакомивъ читателя съ жизнью роя-бѣглеца, въ далекія доисторическія времена имѣвшей права гражданства и считавшейся вполне нормальной, въ настоящее же время бы-

ваемой лишь въ видѣ исключенія и признаваемой уклоненіемъ отъ нормы, перейдемъ къ описанію жизни пчель въ помѣщеніяхъ искусственныхъ, т. е., въ ульяхъ, предоставляемыхъ пчеламъ услужливымъ человѣкомъ. Описаніе жизни пчель начнемъ съ того счастливаго для пчеловода момента, когда весело играющее на небесномъ сводѣ солнышко своими живительными лучами вызоветъ къ жизни нашихъ маленькихъ узницъ, томящихся въ темныхъ подвалахъ, погребахъ и омшанникахъ и поставитъ ихъ на точекъ.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Успѣшная дѣятельность братства.

„Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости“ сообщаютъ о дѣятельности Уразовскаго братства во имя Пресв. Богородицы. Братство это, не смотря на свою молодость, успѣшно развило свою дѣятельность. Оно устраиваетъ постоянныя чтенія съ свѣтовыми картинами, издаетъ религіозно-просвѣтительныя листки, принимаетъ въ свое вѣдѣніе Уразовскую богадѣльню, постановило открыть при Знаменской церкви иконно-книжную лавку и т. д. На ряду съ мѣстными семью священниками, въ братствѣ усердно работаютъ и мѣстные прихожане во главѣ съ земскимъ начальникомъ; кто не принимаетъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ братства, тѣ приходятъ ему на помощь своими пожертвованіями. Въ дальнѣйшемъ братство имѣетъ въ виду шире организовать приходскую благотворительность и т. д. (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 26-го іюня 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла П. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. № 6.

ГОДЪ

IV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 28

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 7-го іюля.

Содержаніе: I. О встрѣчахъ духовныхъ лицъ другъ съ другомъ. Свщ. В. Пестряковъ. — II. Къ батюшкѣ Серафиму. Свщ. Мих. Елабужскій. — III. Изъ періодической печати. II. Г. — IV. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б. — V. Бесѣды по ичеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій. — VI. Отвѣты подписчикамъ С. В.

О встрѣчахъ духовныхъ лицъ другъ съ другомъ.

Говорять, что русскій человѣкъ угрюмъ и замкнутъ, что прошлая исторія нашего народа, природныя условія страны наложили на насъ вѣковой отпечатокъ грусти, необщительности. Если сравнивать насъ съ южанами, то приведенное мнѣніе, пожалуй, и справедливо. Особенно чувствуется это тамъ, гдѣ собираются люди, незнакомые другъ съ другомъ, напримѣръ, на желѣзной дорогѣ, на пароходѣ. Сидятъ люди вмѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, порою — сутокъ и рѣдко когда между ними завяжется общая бесѣда, оживленный дружественный разговоръ. Чѣмъ интеллигентнѣе люди,

тѣмъ меньше у нихъ общительности; ироніей порою кажутся слова о томъ, что люди—братья, когда видишь, какъ братъ еле процѣдитъ слово,—вяло и неохотно,—на обращенный къ нему ближнимъ вопросъ. Бываетъ у русскаго человѣка моменты, когда у него душа на распашку, когда онъ готовъ обнять весь міръ, съ каждымъ не только говорить, но и цѣловаться, но такіе моменты причиной своей имѣютъ всего чаще историческій нашъ грѣхъ — „Руси есть веселіе пити“, и потому едва ли можно имъ особенно радоваться.

Указанная нами необщительность, къ сожалѣнію, наблюдается и въ отношеніяхъ лицъ духовныхъ между собою (разумѣемъ незнакомыхъ другъ съ другомъ).

Говорятъ, во всякомъ дѣлѣ важно начало; и для общительности важно первое слово, первый шагъ. Объ этомъ первомъ шагѣ намъ и хотѣлось бы сказать пару словъ. Существуетъ у военныхъ прекрасный обычай взаимнаго привѣтствія отданіемъ честі, хотя бы встрѣтившіеся были изъ разныхъ частей, раньше никогда не видѣли и не знали другъ друга. Хорошо было бы, если бы обычай взаимнаго привѣтствія привился и распространился и въ средѣ духовенства въ томъ смыслѣ, что гдѣ бы ни встрѣтились два духовныхъ лица (не знакомыхъ), они должны поздороваться. Говоримъ не о субординаціи и чинопочитаніи, а о простой вѣжливости среди людей, несущихъ одно служеніе; относительно же чинопочитанія въ нашемъ сословіи меньше всего должно быть недоразумѣній и вопросовъ, ибо намъ понятнѣе и ближе, чѣмъ другимъ должно быть апостольское: „другъ друга честію больше творяще“.

Священникъ *В. Пестряковъ*.

Къ батюшкѣ Серафиму.

(Ко дню 10-лѣтія открытія мощей его).

Благоволима раби Твои каменеі
его и переть его ущедрятъ (Псал.
101, 15).

Съ дѣтства питая глубокое благоговѣніе къ о. Серафиму, я поспѣшилъ, какъ только объявлено было о времени открытія мощей его, исходатайствовать себѣ отпускъ на это торжество и 8 іюля (1903 г.) отправился вмѣстѣ съ однимъ своимъ прихожаниномъ въ Саровъ, напутствуемый благожеланіями родныхъ и прихожанъ. Многіе изъ нихъ послали со мною свои трудовыя ленты, дабы во св. мѣстѣ помолились и о нихъ, и о почившихъ ихъ близкихъ. Относительно самаго факта открытія мощей вообще у многихъ крестьянъ нашей мѣстности (малмыжскій уѣздъ вятской губ.) создались очень своеобразныя представленія. Они, напр., увѣрены, что мощи сами „выходятъ изъ земли“¹⁾ на поверхность ея, чѣмъ и вызывается прославленіе почившихъ святыхъ. Одинъ крестьянинъ даже съ такимъ наивнымъ вопросомъ обратился ко мнѣ: „правда ли, говорятъ, о. Серафимъ объявился—на камнѣ молится“? Но вѣра малыхъ сихъ настолько крѣпка, что исправленіе такихъ дѣтскихъ вѣрованій, и въ частности сообщеніе о подлинномъ видѣ мощей Пр. Серафима, нисколько не колеблетъ ея и не подрываетъ благоговѣйнаго почитанія памяти Св. Угодника. Нѣкоторые же лица, стремящіяся быть руководителями духовной жизни народа, не мало заботились объ ознакомленіи крестьянъ съ содержаніемъ „Необходимаго объясненія“ митр. Антонія, надѣясь, что послѣ этого „объясненія“ число богомольцевъ саровскихъ значительно поубавится. Матросы парохода, на которомъ мы плыли, рассказывали, напр., что имъ какой то „молодой господинъ“ настой-

¹⁾ Съ нѣкоторыми изъ святыхъ это бывало.

чиво разяснялъ, что отъ о. Серафима остались однѣ лишь кости. Но злорадные расчеты враговъ православія не оправдались. „Если ты отца своего любишь горячо, неужели колеблешь твою преданность ему какіе-нибудь недостаточно почтительные отзывы о немъ чужихъ людей?“ говорилъ одинокой спутникъ, выражая этимъ общее настроеніе саровскихъ паломниковъ. Были еще препоны отъинудѣ и частію съ той стороны, откуда ихъ менѣе всего можно было ожидать. Въ Ижевскомъ заводѣ я встрѣтился съ одною обывательницею, которая возвратилась уже изъ Сарова. Она рассказывала, что въ передній путь она была въ одномъ изъ попутныхъ монастырей у „прозорливаго старца“. Онъ одобрилъ ея намѣреніе побывать въ Саровѣ заблаговременно и добавилъ: „къ открытію же мощей идти опасно: тогда много будетъ убитыхъ“. Къ счастью пророчество „прозорливаго старца“ не сбылось. За все время торжествъ въ Саровѣ не было ни одного человѣка не только задавленнаго, но даже серьезно помятаго, несмотря на небывало громадное стеченіе народа. Надѣясь на заступничество прославляемаго угодника Божія, мы небоязненно отправились дальше. Къ тому же изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что „прозорливецъ“ самъ роняетъ свой авторитетъ откровеннымъ равнодушіемъ къ презрѣнному металлу.

Уже въ предѣлахъ своей губерніи мы встрѣчались съ богомольцами, направляющимися также въ Саровъ. На парходѣ ихъ было очень много; а въ Нижнемъ, на арзамасскомъ вокзалѣ, по случаю саровскихъ праздниковъ приближенномъ къ городу и обставленномъ обширными крытыми помѣщеніями для богомольцевъ, послѣднихъ была такая масса, что сразу почувствовалась грандіозность предстоящаго торжества. Помолившись въ нижегородской часовнѣ Серафимо-Понетаевского монастыря, снаружи украшенной большимъ изображеніемъ старца Серафима, мы позднимъ вечеромъ 12 іюля отправились по желѣзной дорогѣ въ Арзамасъ. Вмѣстѣ съ нами ѣхали два священника, съ которыми мы

познакомились еще на пароходѣ и которые были нашими неизмѣнными товарищами въ Саровѣ. Въ одномъ изъ вагоновъ путники пѣли какіе-то псалмы, и было что то трогательное и таинственное въ этомъ всеобщемъ бдѣніи хора простецовъ на пустынныхъ, слабо освѣщенныхъ послѣдними отблесками зари поляхъ. Раннимъ утромъ мы прибыли въ Арзамасъ. Къ нашимъ услугамъ были рессорные крытые экипажи на двухъ человекъ, съ уплатою по 30 р. за каждый экипажъ, и тяжелыя возовыя телѣги на деревянномъ ходу, съ уплатою по 5 р. 50 к. за телѣгу на трехъ человекъ. Мы „предпочли“ телѣги и должны были всю дорогу на своихъ бокахъ и нервахъ испытывать все „удобство“ нашихъ неуклюжихъ экипажей. Представьте себѣ удовольствіе сидѣть цѣлые часы въ неудобной позѣ на трясучей телѣгѣ и тащиться почти всю дорогу за другими подводами, подъ жгучими лучами солнца, въ облакахъ назойливо увязывавшейся за нами пыли. Гдѣ былъ уклонъ подъ гору, тамъ по нашимъ энергичнымъ настояніямъ нашъ „Тимофеичъ“ рѣшался пустить своихъ лошадокъ легкой трусой и даже опередить нѣсколько подводъ. Благодаря этому, мы катили по 5 верстъ въ часъ, что дало основаніе Тимофеичу жаловаться на небывалый перегонъ лошадей и усиленно просить на чайкъ. Вся дорога отъ Арзамаса до Сарова была покрыта богомольцами, съ традиціонными котомочками и жестяными чайниками за плечами. Въ московской Третьяковской галереѣ есть картина В. Маковского, на которой изображены странницы, степенно идущія размѣреннымъ шагомъ на богомолье, съ задумчиво устремленными вдаль взорами. Такихъ типовъ много встрѣчалось на дорогѣ. Много передумаютъ они за свою долгую путину, разберутся на досугѣ въ своихъ мысляхъ, въ молчаливыхъ думахъ о жизни своей; вдали отъ суеты обыденныхъ занятій поспокойнѣе посмотрятъ на свои дѣла и отношенія. И кто знаетъ, какъ много добра волеется въ жизнь, благодаря этимъ долгимъ, сосредоточеннымъ думамъ,

при свѣтѣ того религіознаго одушевленія, которое сопутствуетъ паломникамъ!

Отдохнувши немного въ попутномъ селѣ Глуховѣ, мы подъ вечерокъ стали подъѣзжать къ Сарову. Версть 10 предъ монастыремъ дорога идетъ сплошнымъ боромъ. Утомленныя лошади тихо плелись по сыпучимъ пескамъ. Версты за двѣ до монастыря я вылѣзъ изъ телѣги и пошелъ впередъ. Партии богомольцевъ остались позади, и меня охватила тишина вѣкового бора, слегка нарушаемая слабымъ шелестомъ верхнихъ деревь и спокойными разговорами сновавшей по дорогѣ стаи зябликовъ и синицъ. По этой самой землѣ, думалось, ходили стопы св. старца; эти молчаливыя сосны видѣли его сокровенныя отъ людскаго взора восторженно—созерпательныя млитвы, возносившія горѣ не только великій духъ подвижника, но и его немощное старческое тѣло. Подобныя стаи птицъ указывали въ глухомъ лѣсу путь сестрѣ Ксеніи Путковой, посланной о. Серафимомъ за жерновами для мельницы дивѣевскихъ сиротъ. Все обращало мысль къ великому старцу и наполняло сердце трепетнымъ благоговѣніемъ. Послѣ одного поворота дороги, вдругъ предсталъ предъ глазами весь монастырь, расположенный на небольшой возвышенности между рѣчками Саровкой и Сатисомъ. Горячо возблагодарилъ я Господа, сподобившаго меня невозбранно достигнуть святаго мѣста.

На низкомъ берегу Сатиса, близъ бараконъ у Маслихи (монастырскаго скотнаго двора), достраивался рядъ отдѣльныхъ помѣщеній изъ наскоро сколоченныхъ досокъ. Одно изъ этихъ помѣщеній мы и поспѣшили занять вчетверомъ (впоследствии еще прибыло къ намъ двое товарищей). Владѣлецъ этихъ, съ позволенія сказать, номеровъ, владимірскій крестьянинъ, „по пути въ Сибирь“ захватившій въ Саровѣ и рѣшившійся нажить здѣсь деньгу, назначилъ съ насъ по 4 р. въ сутки за помѣщеніе въ двѣ сажени длины и одну—ширины, съ неширокими нарами по бокамъ и узенькимъ проходомъ посрединѣ. Первую ночь мы ночевали даже безъ

оконной рамы и безъ двери. Но мы и тому были рады. Опоздай мы однѣ сутки, мы должны бы были искать пріюта въ биткомъ набитыхъ общихъ баракахъ, если не подъ открытымъ небомъ. Все же мы имѣли укромное мѣстечко, гдѣ могли оставлять свой багажъ и ночевать.

Первое время мы употребили на хлопоты по полученію билетовъ. При канцеляріи тамбовскаго губернатора выдавались билеты—красные, „на входъ въ монастырь“, и бѣлые—на всѣ Саровскія торжества. Мы претендовали на послѣдніе, но предварительно нужно было прописать паспорта въ полицію. Послѣ многихъ проволочекъ, мы, священники, раздобылись бѣлыми билетами и успокоились. Каково же было наше разочарованіе, когда наканунѣ открытія мощей св. Серафима выяснилось, что бѣлые билеты не даютъ права на входъ въ соборъ ко всенощной 18 іюля и литургіи 19 іюля, для чего нужны особые билеты, на этотъ разъ синіе, которые съ большимъ разборомъ и въ ограниченномъ числѣ выдаютъ распорядители торжествъ князь Ширинскій-Шихматовъ и архимандритъ Серафимъ. Съ большимъ трудомъ, поплатившись даже немного своими карманами въ поощреніе жуляковъ, мы получили, наконецъ, и эти вождедѣнные синіе билеты.

Саровскій монастырь окруженъ широкимъ кольцомъ силошного лѣса. Эта удаленность его отъ населенныхъ мѣстъ весьма удобна въ томъ отношеніи, что религіозное настроеніе паломниковъ не нарушается шумливой торгашеской суетой, охватывающей богомольца тотчасъ за воротами многихъ монастырей, расположенныхъ среди бойкихъ поселковъ. Здѣсь, напротивъ, ничто не отвлекаетъ сосредоточенно молитвеннаго настроенія паломниковъ, и настроеніе это достигаетъ высшей степени напряженія. Атмосфера святыхъ чувствъ и благоговѣйныхъ мыслей сразу охватываетъ васъ по пріѣздѣ въ Саровъ, отрываетъ васъ отъ земной суеты и ея интересовъ, и вы съ радостнымъ изумленіемъ замѣчаете, что и вы со своими обломленными крыльями можете подниматься вверхъ, къ тому великому Старцу, который, чувствуете вы,

привѣтливо смотритъ на васъ и съ любовію благословляетъ ваши порывы горѣ. Не удивительно поэтому, что въ Саровѣ не услышишь ни рѣзкаго крика, ни обычной русской брани, не увидишь ни одного субъекта, не твердо держащагося на ногахъ. Даже табачный дымъ—рѣдкость въ Саровѣ, населенномъ тогда полумилліонной толпой. Зато вездѣ слышишь восторженные разговоры о „батюнкѣ Серафимѣ“, постоянно видишь густыя толпы молящихся. Вотъ въ сосѣднемъ помещеніи какой то обитатель вполголоса напѣваетъ себѣ псаломъ; въ ближайшихъ баракахъ крестьянинъ-старикъ начинаетъ молитву, дружно подхватываютъ ее обитатели бараконъ, и мощный хоръ богомольцевъ долго раздастся на берегахъ тихо струящагося Сатиса. Вонъ идетъ въ парадныхъ кафтанахъ группа хоругвеносцевъ, стройно распѣвая тропари водоосвященія. Изъ Дивѣва шествуетъ какой-то странникъ съ обнаженной головой и речитативомъ съ трудомъ разбираетъ акафистъ; благополучно добравшись до конца икоса, онъ гнусливо и фигурно выводитъ заключительныя слова. За нимъ съ открытыми же головами слѣдуетъ толпа крестьянъ, благоговѣнно прислушивающаяся къ непонятнымъ славянскимъ словамъ малограмотнаго вождя. Вѣроятно, каждый изъ нихъ, какъ въ музыкѣ, влагаетъ, при общемъ молитвенномъ настроеніи, свое содержаніе въ тѣ обрывки молитвъ, что до него доносятся. Но на лицахъ путешественниковъ написано такое сосредоточенное молитвенное настроеніе, что никто изъ встрѣчающихся съ этой оригинальной группой не соблазняется проводить ее улыбкой.

Нечего и говорить, что храмы монастыря и всѣ многочисленные часовни, прежде существовавшія и вновь воздвигнутыя специально для настоящаго торжества, всегда были полны молящимися.

Но было бы ошибочно думать, что повышенное религиозное чувство паломниковъ выразилось лишь въ набожности, молитвенномъ настроеніи ихъ. Святое мѣсто, съ его умильными свѣжими преданіями, пробудило и заставило болѣе

сильно звучать и другія лучшія струны въ сердцѣ паломника, въ особенности братскую любовь къ ближнему, теплую отзывчивость на его горе. Альтруистическое настроеніе богомольцевъ бросилось намъ въ глаза съ первыхъ же часовъ пребыванія нашего въ Саровѣ. Занявши свое помѣщеніе, мы отправились въ самый монастырь. Богомольцы кишѣли въ окрестностяхъ его. Впереди насъ шла женщина съ сыномъ, который, оглянувшись назадъ, воскликнулъ:

— „Мама, посмотри ка, мальчикъ опять упалъ!“

Мы оглянулись и увидѣли сзади двухъ женщинъ, между которыми сидѣлъ на землѣ, съ страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ, мальчикъ лѣтъ 12 и судорожно-ритмически билъ себя рукою по груди.

— „Да, упалъ, бѣдняжка,—молиться нужно о немъ, сыночекъ!“ отвѣчала мать и потомъ, обращаясь къ намъ, продолжала: „Вотъ столько времени они такъ идутъ; пройдетъ шаговъ 20 и опять упадетъ и бьетъ себя въ грудь. Батюшка отецъ Серафимъ! Смиловившись надъ страдальцемъ“, и она благоговѣнно осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ.

Или вотъ у бараконъ на землѣ бьется женщина, крича глухимъ голосомъ: „ой, томко!.. ой, томко!“ Ее обрнула толпа. Но не жадное любопытство глазѣющихъ обывателей наблюдаемъ мы, а глубокое сочувствіе къ положенію страдальцы. Всякій готовъ помочь, кто чѣмъ можетъ. Одинъ держитъ за руку и читаетъ псаломъ: „Живыи въ помощи Вышняго“, другой спѣшитъ за святой водою отъ источника Серафимова, многіе вслухъ молятся о ней и крестятъ ее руками.

Правда, подъ благодный покровъ смиреннаго и привѣтливаго „батюшки Серафима“ собралось такъ много горя, что вчужѣ наплачешься. При мнѣ одна дама приводила къ могилѣ о. Серафима своего нервно разслабленнаго сына—гимназистика. Горе матери, долго сдерживаемое внутри, прорва-

лось у могилы св. отца такими порывистыми глухими рыданиями, что растрогало даже грубое солдатское сердце постового полицейскаго. „Не отчаивайтесь, сударыня: нынче таеъ много исцѣляются“, утѣшалъ онъ, украдкой смаргивая навернувшуюся на глаза слезу.

Въ особенности много больныхъ собиралось къ источнику Серафимову. И какихъ только болѣзней тутъ не насмотришься! тутъ слѣпые, хромые, разслабленные, глухонѣмые, полуумирающіе хроникн, одержимые припадками буйства, страдающіе виттовою пляскою, упорные меланхолики и т. д. Много было бѣсноватыхъ.

Много горя видѣлось, но много и радости по случаю исцѣленій, такой радости, какую Господь, можетъ быть, не приведетъ наблюдать во всю жизнь. Вотъ идетъ съ счастливою улыбкою на лицѣ, какъ бы еще не вѣря себѣ, мальчикъ лѣтъ 10, котораго принесли къ источнику Серафима безногимъ, но который послѣ купанія почувствовалъ крѣпость въ ногахъ. Вънѣ толпа обступила ребенка, глухонѣмого отъ рожденія, который получилъ даръ слова и, улыбаясь, повторяетъ за другими непонятныя еще ему слова: „мама... Вася... Господи“. Возлѣ него стоитъ мать, съ обильными слезами радости въ десятый разъ передающая постоянно смѣняющимся слушателямъ отраднѣйшую для материнскаго сердца повѣсть о его исцѣленіи. Слушатели благоговѣнно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, славословя Господа и Его Угодника. Многіе плакали слезами радости и умиленія. Исцѣленія текли такой обильной струей, что достаточно было простоять часъ—другой у источника, чтобы самому быть свидѣтелемъ ихъ. Кстати сказать, оставленные исцѣленными костыли не развѣшивались по стѣнамъ часовни, какъ, рекламируя святыню, дѣлають католики въ Лурдѣ, а сжигались на берегахъ Саровки, знаменуя тѣмъ желаніе исцѣленныхъ уничтожить всякое воспоминапіе о прежней жизни, съ ея скорбями и муками, а начать новую—чистую, свѣтлую и радостную.

О, сколь многіе, немощные плотію и духомъ, дали подѣсьнію Саровскихъ святынъ обѣты очистить себя отъ всякой скверны, начать борьбу съ застарѣлыми грѣховными своими привычками. Иной далъ обѣтъ трезвости, другой—зарокъ не курить, третій—сдерживать порывы гнѣвливости своей, четвертый—оставить скверное слово и т. п. И кто можетъ учесть силу того могучаго прилива нравственной энергіи, которая возбуждена была Саровскими торжествами! Да даруетъ Господь, по молитвамъ пр. Серафима, всѣмъ участникамъ этихъ торжествъ силу неослабно пребывать въ благодатныхъ чувствахъ и намѣреніяхъ, освѣтившихъ душу въ Саровѣ!

15 іюля, чуть забрезжилось утро, мы отправились пѣшкомъ въ Дивѣво, за 12 версть, намѣреваясь послѣтъ къ поздней литургіи. Предполагая чрезъ „Маслиху“ прямымъ путемъ выйти на Дивѣвскій проселокъ, мы заблудились на лѣсныхъ дорожкахъ и зашли далеко въ сторону. Къ счастью, намъ встрѣтился монастырскій лѣсникъ, который и вывелъ насъ на дорогу. Имѣя въ виду саровскія преданія, мы разговорились съ нимъ о медвѣдяхъ. „Медвѣдя въ нашемъ лѣсу много“, рассказывалъ лѣсникъ, „есть громадныя, пудовъ на 15 будутъ. Но однако не слыхать, чтобы кому-нибудь они какой вредъ сдѣлали, потому—смирныя. Самъ я видалъ ихъ не разъ, и всегда обходилось дѣло благополучно. Однажды такое дѣло случилось у насъ. Есть у насъ въ лѣсу сторожка, живетъ лѣсникъ, мой товарищъ, съ женой. Однажды рано утромъ, еще темновато было, отправился онъ по обходу; а жена выгнала корову свою на выпасъ и затапливаетъ печь. Только смотреть: идетъ кто то къ ихней избушкѣ. „Что это буренка моя домой воротилась?“ думаетъ, „пойти—прогнать ее подальше“. Только отворила дверь, а медвѣдь (это онъ пожаловалъ) уже въ сѣнцы зашелъ, да какъ рывкнетъ! Стражничиха захлопнула дверь да на печь. Сидитъ ни жива, ни мертва. Такъ и думала: съѣстъ ее медвѣдь. А тотъ заворотился и ушелъ; и коровы не тронулъ, хотя она

близко паслась... Однако, баба до самого вечера, пока мужъ не воротился, не смѣла съ печи слѣзти“.

Ошибшись въ своихъ планахъ, мы въ первой же деревнѣ Балаковѣ наняли мужичка довести насъ до Дивѣва. Въ Балаковѣ, оказывается, есть еще двое, старикъ и старушка, которые знали о. Серафима при его жизни. Старушка рассказываетъ, что у нея въ молодыхъ годахъ появились нарывы на тѣлѣ. Она сходила къ о. Серафиму, къ которому множество народа шло, и тотъ молитвами своими исцѣлилъ ее. Но она не исполнила даннаго ей наставленія св. старца, и болѣзнь къ ней снова воротилась. О. Серафимъ, ласково попенявши ей за непослушаніе, вторично исцѣлилъ ее,—и вотъ она по его молитвамъ дожила до такой глубокой старости.

Свящ. *Мих. Елабужскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ періодической печати.

(С. Петербургскія Вѣдомости, Миссіонерское Обозрѣніе, Приходскій Священникъ).

Въ газетѣ „С. Петербургскія Вѣдомости“ приведена интересная справка о современномъ положеніи христіанства въ Китаѣ. Статья эта вызвана обращеніемъ республиканскаго китайскаго правительства отъ 5 апрѣля т. г. къ представителямъ христіанскихъ церквей въ Китаѣ съ просьбой помолиться „о собравшемся національномъ собраніи, о вновь учрежденномъ правительствѣ, объ избраніи президента, о конституціи республики, о томъ, чтобы правительство было признано державами, чтобы миръ царилъ въ нашихъ предѣлахъ, чтобы сильные и достойные люди были избраны на государственное дѣло, и чтобы управленіе страной оказалось установленнымъ на прочныхъ основахъ“. Такимъ обращеніемъ правительство признало важное значеніе того самаго христіанства, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ признавалось въ

Китаѣ пагубной отравой, заслуживающей истребленія огнемъ и мечемъ.

Дружелюбное отношеніе къ христіанству китайскаго правительства, и въ частности Юань-Шикая, укрывшаго нѣкоторыхъ христіанскихъ миссіонеровъ во время боксерскаго возстанія, подтверждается не однимъ только указаннымъ обращеніемъ. Насколько прежде исповѣдники христіанства были устранимы отъ всякихъ государственныхъ и общественныхъ должностей, настолько теперь принадлежность къ христіанству скорѣе облегчаетъ поступленіе на службу. Значительное число членовъ перваго національнаго собранія въ Китаѣ, въ томъ числѣ предсѣдатель палаты и его товарищи, были христіане. Въ значительной мѣрѣ это объясняется тѣмъ, что многіе изъ вождей революціи — христіане, и нѣкоторые изъ нихъ даже пользовались, несмотря на протесты миссіонеровъ, христіанскими церквями для проповѣди революціонныхъ идей, такъ что движеніе въ сторону христіанства до нѣкоторой степени соединилось съ борьбой противъ манчжурской династіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что въ послѣднее время, особенно послѣ боксерскаго возстанія, въ китайскомъ народѣ вообще постепенно измѣняются къ лучшему возрѣнія на европейцевъ и на христіанство.

Не то, къ сожалѣнію, мы видимъ въ нашей „китайшинѣ“ — въ средѣ законрѣблыхъ раскольниковъ. Въ своей безумной ненависти къ Православной Церкви они стремятся какъ можно болѣе расширять пропасть, отдѣляющую ихъ отъ нея. Такое стремленіе, между прочимъ, можно усматривать въ желаніи раскольниковъ объявить святыми первыхъ расколуучителей — Аввакума, Лазаря, Θεодора и др. Кошунственность этой затѣи обстоятельно выясняетъ прот. Θ. Воловей въ статьѣ „*Расколъ малолемаго старообрядчества и его святые*“ („Миссіонерское Обозрѣніе“, май). Названные расколуучители уже потому не могутъ быть признаны святыми, что они проповѣдовали ереси. Аввакумъ, напр., училъ, что Пре-

святая Троица имѣеть три разныхъ существа, а Христось на четвертомъ престолѣ соцарствуетъ Троицѣ (эту ересь содержалъ и Лазарь), что Христось сошелъ въ утробу Пресвятой Дѣвы не существомъ, а благодатью; знаменательно, что это несторіанское ученіе Аввакумъ связывалъ съ двуперстнымъ сложеніемъ. Діаконъ Θεодоръ, обличая заблужденіе Аввакума, самъ высказалъ нелѣпость: по свидѣтельству Аввакума, онъ училъ, что „ухомъ Христось вниде въ Дѣву и неизреченно бокомъ изыде“. По ученію Аввакума, Христось сходилъ во адъ послѣ Своего воскресенія, слѣдовательно, съ плотію. Аввакумъ и Лазарь утверждали, что св. дары пресуществляются во время проскомидіи, а Θεодоръ, согласно съ католиками, моментомъ пресуществленія признавалъ произпесеніе словъ: „примите, ядите“... Всѣ расколоучители содержали нелѣпое ученіе о воцареніи послѣдняго антихриста, о паденіи всѣхъ епископовъ во всей вселенской Церкви въ ересь и т. д. Еретичность первыхъ расколоучителей неоспоримо подтверждается и собственными ихъ сочиненіями и спорами ихъ учениковъ, особенно на Керженцѣ.

Не подтверждается святость первыхъ расколоучителей и чудотвореніями, которыя они себѣ приписываютъ. Проф. Каптеревъ эту увѣренность въ видѣніяхъ и чудесахъ объясняетъ тѣмъ, что расколоучители были воспитаны на житіяхъ святыхъ, борьба за мнимо правую вѣру побуждала ихъ ставить себя въ положеніе святыхъ, и потому они склонны были вездѣ усматривать таинственное и чудесное. Тотъ же профессоръ, на котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ любятъ ссылаться сами раскольники, даетъ яркую нравственную характеристику Аввакума, наиболѣе типичнаго изъ расколоучителей. Аввакумъ самоотверженно, не жалѣя жизни, боролся за свои идеалы; но „тѣ идеалы, во имя которыхъ подвигъ совершался, были удивительно мизерны, ничтожны, даже фальшивы и вредны...; у Аввакума слишкомъ много узко-ограниченнаго самомнѣнія, преклоненія

предъ своими подвигами и святостію...; нравственныя воззрѣнія Аввакума грубы, эгоистичны, проникнуты крайней нетерпимостью, злобой и ненавистничествомъ ко всѣмъ, кто не съ нимъ, кто не подчиняется ему во всемъ и безусловно“.

Если расколоучители держались еретическихъ воззрѣній, если настроеніе ихъ далеко не соответствовало христіанскому идеалу, то и самую смерть ихъ за свои убѣжденія нельзя считать истиннымъ мученичествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, были казнены, но — за оскорбленіе царской власти. Изъ 9-го правила Лаодикійскаго собора и изъ толкованій на него Зонары и Вальсамона видно, что во время гоненій были замучиваемы и еретики, но соборъ, подъ угрозой отлученія, запрещаетъ собираться для молитвы къ гробамъ такихъ еретиковъ.

Наконецъ, для причисленія усопшаго къ лику святыхъ необходимо, чтобы Самъ Господь прославилъ его чудотвореніями и нетлѣніемъ мощей, что подтвердилъ и самъ Аввакумъ, когда его спрашивали, слѣдуетъ ли почитать сожженныхъ за старую вѣру. Но такого прославленія раскольническихъ страдальцевъ не было и нѣтъ.

Въ журналѣ „Приходскій Священникъ“ (мартъ), въ статьѣ „*Пастырь Церкви въ домъ скорби*“, И. Тріодинъ раскрываетъ мысль о томъ, что священникъ, помимо другихъ своихъ обязанностей, долженъ быть утѣшителемъ своихъ духовныхъ чадъ въ постигающихъ ихъ бѣдствіяхъ. Уныніе, тоска, подавляющая всѣ стороны душевной дѣятельности, располагающая къ исключительному и, въ сущности, эгоистическому сосредоточенію на своемъ горѣ, является однимъ изъ важныхъ препятствій къ религіозно-нравственному развитію. Еще болѣе пагубно отчаяніе, приводящее однихъ къ пьянству „съ горя“, другихъ къ сумасшествію, многихъ къ самоубійству. Между тѣмъ, по идеѣ своей, страданія должны быть средствомъ религіозно-нравственнаго очищенія и возвышенія. Для этого нужно во время оказать помощь

страдальцу (что прежде всего лежит на обязанности пастырей Церкви), так какъ мало теперь сильныхъ духомъ людей, которые безъ посторонней поддержки могутъ твердо перенести скорби и извлечь изъ нихъ нравственную пользу.

Но утѣшеніе страждущихъ требуетъ особеннаго умѣнья. Прежде всего необходимо уваженіе къ горю страждущихъ, безъ котораго утѣшеніе оказывается тягостнымъ для послѣднихъ. Это уваженіе выражается въ сочувственной внимательности къ горю, въ признаніи его тяжести, а не въ стараніи отвлечь вниманіе горюющаго на посторонніе предметы, какое стараніе, не достигая цѣли, скорѣе можетъ раздражить страдальца противъ утѣшителя. Не нужно препятствовать слезамъ, такъ какъ слезы вызываютъ нѣкоторое умиленіе, въ которомъ „уже замѣтенъ и слабый зачатокъ радости, и извѣстная степень глубины настроенія и силы воли, т. е. замѣчается уменьшеніе гнета и возстановленіе душевной жизни“. Когда слезы окажутъ такое дѣйствіе, можно уже перейти и къ ободренію, къ отвлеченію вниманія отъ скорбныхъ обстоятельствъ къ ободряющимъ, при чемъ нужно искать поддержки въ присущей каждой душѣ, несмотря на силу гнетущаго горя, надеждѣ на лучшее будущее. Эту надежду нужно усилить и укрѣпить соответствующими идеями, прежде всего мыслью о Богѣ, какъ любвеобильномъ Отцѣ; мысль эта приводитъ къ молитвѣ, которая также служитъ важнымъ средствомъ для облегченія скорби, и вообще къ благочестивому настроенію, выражающемуся въ хожденіи въ храмъ, въ благотворительности и т. п. „Когда утвердится въ душѣ скорбящаго дѣятельно-благочестивое настроеніе, священникъ можетъ считать дѣло утѣшенія оконченнымъ,—душа и сама справится потомъ съ налетающимъ на нее по временамъ вихремъ печали“.

Н. Г.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Земство и народныя нужды.

Земство строить школы, исправляетъ дороги, проводитъ телефоны, строить мосты, учреждаетъ показательныя молочныя, заводитъ образцовыя хозяйства и т. д. и т. д. Словомъ, не перескажешь всего, что дѣлаетъ земство для народа, для сѣраго русскаго мужичка. Да! Дѣла у земцевъ много и исполняется оно скоро, но далеко „не споро“, по русской половицѣ. По дорогамъ, починеннымъ земцами, ѣздить осенью и весною, въ распутицу, совершенно не представляется часто никакой возможности, потому что свѣжая земляная насыпь до того раскисаетъ, что превращается въ какое то всасывающее болото, гдѣ гибнуть люди и лошади. Мосты черезъ два—три мѣсяца оказываются чуть ли не на сажень выше прилегающей земной поверхности, и каждый мужикъ объѣзжаетъ ихъ десятой дорогой, черезъ ручьи и овраги, рискуя здѣсь меньше, чѣмъ при ѣздѣ по мосту. Телефоны для мужичка являются предметомъ насмѣшекъ, такъ какъ мужичку они пока не нужны: ему не съ кѣмъ и не о чемъ еще говорить по телефону. Крестьянинъ справедливо разсуждаетъ, что, прежде чѣмъ проводить телефоны, надо позаботиться о болѣе существенномъ и нужномъ для него: о приведеніи въ надлежащій видъ дорогъ, о снабженіи крестьянъ лучшими земледѣльческими орудіями, сѣменами, недорогимъ кровельнымъ желѣзомъ и т. п. Неразумно, по мнѣнію мужика, строить хоромы, не имѣя куска насущнаго хлѣба; нелогично обзаводиться роскошными экипажами, не имѣя даже влячи. И рѣшаетъ мужикъ, что телефоны проведены земцами спеціально для себя, да для мѣстечковыхъ евреевъ, которые пользуются телефономъ для обдѣлыванія своихъ гешефтовъ. И на всѣ эти земскія затѣи затрачивается огромная сумма денегъ, собираемыхъ съ крестьянъ и прочихъ обывателей, которые престо- гнуты подъ тяжестью непомѣрныхъ платежей, получая за то

ненужные для себя телефоны и негодные мосты съ непроѣзжими дорогами. Вѣдь уплатить 10% съ дохода отъ недвижной собственности—дѣло не легкое, если взять во вниманіе, что эта собственность требуетъ и другихъ расходовъ по своему содержанію. Обыватель за покрытіемъ расходовъ по ремонту какого-нибудь домика и по уплатѣ 10% съ дохода земству получаетъ въ свою пользу буквально гроши, а то и несетъ совершенный убытокъ. Но если земство не вознаграждаетъ обывателя за его платежи своими дорогами, мостами и телефонами, то, быть можетъ, оправдываетъ себя школьной дѣятельностью? Какъ бы не такъ. Что-то мало слышно про земскихъ учителей, воспитывающихъ учениковъ въ духѣ Православной Церкви, посѣщающихъ исправно богослуженіе, устраивающихъ церковные хоры и чрезъ то все содѣйствующихъ просвѣщенію крестьянъ въ строго церковномъ направленіи, что такъ важно, такъ необходимо для счастья самого народа, для его истиннаго блага. Но еще полбѣды, если земская школа во главѣ со своимъ учителемъ индифферентно относится къ религіозно-нравственному воспитанію народа. Настоящая бѣда въ томъ, что иногда черезъ земскую школу проводятся въ народъ отрицательное отношеніе къ православію, совершенное невѣріе и враждебность къ пастырямъ церкви. Средствомъ для подобнаго развращенія простаго сельскаго люда, для вытравленія въ немъ вѣры и любви къ Матери—Церкви является школьная библіотека, наполняющаяся подчасъ книгами растлѣвающаго содержанія. Вотъ что, напр., рассказываетъ въ „Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (№ 5) одинъ миссіонеръ-священникъ объ извѣстномъ ему случаѣ наполненія школьной библіотеки книгами подобнаго рода. Въ школу прислали новыя книги изъ К--го земства, которыми, естественно, заинтересовался мѣстный священникъ, взявшій ихъ для ознакомленія домой. Оказалось, что всѣ книги изданія „Посредника“, „Народное Право“ и „Прометей“, что одно ужъ говорило за ихъ направленіе и содержаніе. Ближайшее ознакомленіе съ „духовной пищей“,

присланной для сѣрыхъ мужичковъ и ихъ дѣтей, показало то же самое. Такъ называемый „религіозный“ отдѣлъ представлялъ изъ себя слѣдующій букетъ: „Исповѣдь сектанта“, „Что такое сектанты и чего они хотятъ?“, „Малеванцы“, „Сютаевцы“ и тому подобныя „произведенія“, гдѣ все дѣло сводится къ яркой защитѣ русскаго сектантства, идеализаціи его ученія, задачъ и стремленій и къ безсовѣстному опороченью Православной Церкви и ея служителей. Порочатся здѣсь уставы и вѣрованія нашей Святой Церкви, именуются лжецами представители высшей церковной власти, высмѣиваются, какъ грубые суевѣры, всѣ вообще, исповѣдующіе православіе. Но болѣе всего достается рядовымъ пастырямъ. Цѣлые ушаты грязи выливаются на нихъ. Ложь, клевета, тенденціозное освѣщеніе фактовъ, грязныя анекдоты—вотъ чѣмъ заполнены эти книжки по адресу духовенства. Зато какъ чисты, праведны и симпатичны сектанты, по изображенію этой „литературы“! Сектантство—это стремленіе къ свободѣ человѣческаго духа; борьба свѣта и правды съ тьмою и ложью; прямой результатъ духовнаго развитія русскаго народа; самое сильное свѣтлое и прогрессивное явленіе народной жизни. Неудивительно, что оно и преслѣдуется людьми, какъ преслѣдуется часто все доброе и святое. Всѣ сектанты въ настоящее время являются жертвами несправедливаго отношенія къ нимъ церковно-государственнаго порядка, а нѣкоторые представители сектантскаго міра суть прямые мученики, каковымъ напр., является Кодратъ Малеванный. Идеализируя такимъ образомъ сектантовъ, эта книжная макулатура, не обходитъ молчаніемъ и ихъ ученія. Эти—то вотъ праведники, обреченные въ жертву и предаваемые мученіямъ, отрицаютъ подати, военную службу, присягу, паспорта, суды, клятву и повиновеніе властямъ, допускающимъ неправду; они учатъ о необходимости имѣть все общее—землю, лѣса, домъ и отрицаютъ право собственности. Судите сами, какое впечатлѣніе можетъ произвести на простолюдина—читателя изложенная доктрина сектантовъ, только

что такъ расхваленныхъ и превознесенныхъ, какъ людей святыхъ и праведныхъ. Не зародится ли въ его головѣ послѣ этого мысль: если такъ учать люди святые, то, стало быть, и надо поступать по ихъ ученію; къ тому же воспользоваться землей помѣщиковъ, богатыхъ казаковъ и крестьянъ и раздѣлить ее на правахъ общенія въ имуществѣ—дѣло завидное и заманчивое... Такой вотъ „религіозный“ отдѣлъ школьной библіотеки. Но земство щедрой рукой пополнило и другіе отдѣлы. Тутъ картина того-же самаго характера. Книжки какъ на подборъ, представляютъ изъ себя „последнее слово социалистической науки относительно желательнаго авторамъ государственнаго строя“.

Но все это вмѣстѣ взятое ничтожно по сравненію съ однимъ изъ перловъ этого книжнаго сокровища, съ „произведеніемъ“ Рубакина: „Какъ, когда и почему появились люди на землѣ?“ Здѣсь Рубакинъ преподноситъ русскому мужичку, невзыскательному читателю, вѣрящему пока еще печатному слову, потерявшую кредитъ среди научно-образованныхъ людей теорію Дарвина о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Для вящаго убѣжденія простолюдина въ этой „истинѣ“ авторъ помѣстилъ въ своей книжкѣ много рисунковъ, изображающихъ разныхъ обезьянъ, а съ ними рядомъ волосатыхъ людей, якобы обезьяноподобныхъ. Характерно, что среди этихъ людей помѣщенъ и русскій косматый мужикъ съ той цѣлью, конечно, чтобы онъ могъ убѣдиться въ полномъ сходствѣ и родствѣ своемъ съ обезьяной.

Священникъ, сообщившій въ „Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ о такихъ просвѣтительныхъ заботахъ земства, справедливо высказываетъ свое недоумѣніе, какъ могла школьная инспекція пропустить въ библіотеку такія книги, и заканчиваетъ свое сообщеніе слѣдующими словами: „неужели не обратятъ вниманія на гнусную проповѣдь чрезъ школу тѣ, коимъ это должно вѣдать? Прекратить зло необходимо возможно скорѣе, ибо результатомъ усвоенія звѣриной проповѣди явится звѣриная и жизнь“.

Новооткрытый Евангельскій текстъ.

Только теперь въ печать начинаютъ проникать сообщенія о содержаніи открытаго шесть лѣтъ тому назадъ въ Египтѣ новаго Евангельскаго текста. Какъ рассказываетъ газета „Times“, рукопись эта приобрѣтена богатымъ американцемъ Фриромъ, который привезъ ее въ Вашингтонъ и вручилъ профессору Мичиганскаго университета Зандерсу. Этотъ послѣдній нашель, что новый текстъ относится къ пятому вѣку и является какъ бы комбинаціей доселѣ извѣстныхъ евангельскихъ текстовъ, причемъ евангелисты расположены тамъ въ такомъ порядкѣ: Матѳей, Іоаннъ, Лука и Маркъ. Между найденной рукописью и принятымъ у насъ текстомъ встрѣчаются нѣкоторыя различія. Въ Евангеліи, напр., Луки нѣтъ словъ: „И былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю“ (22, 44), равно какъ и нѣтъ молитвы Спасителя на крестѣ: „Отче, прости имъ“ (23, 34). Въ повѣствованіи о явленіи ученикамъ воскресшаго Христа передъ словами „миръ вамъ“ (24, 36), вставлены слова: „это — Я, не бойтесь!“ Но особенно много отступленій отъ извѣстнаго намъ евангельскаго текста наблюдается въ новонайденной рукописи въ Евангеліи Марка. Болѣе всего бросается въ глаза большая вставка между 14 и 15 стихами 16-ой главы. Непосредственно послѣ словъ Евангелиста, что воскресшій Христосъ, явившись одиннадцати ученикамъ, „упрекалъ ихъ за невѣріе и жестокосердіе, что видѣвшимъ Его воскресшаго не повѣрили“ (16, 14), слѣдуетъ такое, буквально, повѣствованіе: „и они стали оправдываться и говорили, это этотъ вѣкъ беззаконія и невѣрія стоитъ подъ властью сатаны, который съ помощью нечистыхъ духовъ не терпитъ, чтобы было познано истинное могущество Божіе. Посему говорили они Христу: яви намъ теперь тогчасъ же Свое правосудіе. И Христосъ сказалъ имъ: теченіе лѣтъ власти сатаны еще не исполнилось, но конецъ приближается. Ради тѣхъ, которые согрѣшили, предалъ Я Себя смерти, дабы они верну-

лись къ истинѣ и уже не грѣшили, но могли наследовать духовную и вѣчную славу правды на небѣ! Далѣе слѣдуетъ, какъ въ канонѣ: „Идите по всему міру“ и т. д. Вашингтону, такимъ образомъ, суждено было сдѣлаться мѣстомъ храненія древнѣйшаго манускрипта, открытіе котораго отмѣчено и въ нашей русской, какъ свѣтской, такъ и духовной печати (напр., Смол. Епарх. Вѣдом.).

Б.

Бесѣды по ичеловодству.

(Продолженіе) ¹⁾.

В е с н а.

Пришелъ день сорока мучениковъ (9 марта); теплое солнышко растопило снѣгъ на поляхъ; потекли ручьи, забурлили рѣки и сбросили свою ледяную кору; воздухъ насытился теплой влагой водяныхъ испареній и радостное пѣніе жаворонковъ возвѣстило человѣку, что пришла весна красна. Первыми выползли дѣти изъ душныхъ, зимнихъ хать..., — *затягиваютъ ставочки* на дорогахъ, считаютъ *москалькивѣзъ*, выползшихъ погрѣться на солнышкѣ изъ щелей потрескавшася забора, и звонко и весело дѣлятся своими впечатлѣніями. Но вотъ и старикъ пасѣчникъ, кряхтя и охая ползетъ съ печки, надѣваетъ дырявый кожухъ и шапку и украдкой бредетъ посмотрѣть, много-ли еще осталось снѣга на точкѣ.

Нашъ пріятель Грыцько Бунъ тоже не дремлетъ, и онъ бредетъ по вязскому полю въ свой хуторокъ, прикрывъ лысину *порховой скуфейкой*, а билу сорочку *старенькымъ кожушкомъ*, и ему не менѣе другихъ интересно знать, много-ли еще снѣгу между деревьями осталось, и успѣетъ ли онъ *до тепла Олексы* очистить мѣсто для пасѣки. Посмотрѣлъ кругомъ *дидусь*, посмотрѣлъ, чмокнулъ ветхими губами и неодобрительно произнесъ:

¹⁾ См. № 27 за 1913 г.

— А Богъ его знаетъ...,—можетъ же и Паску на снѣгу будемо исты! Сказаль да и самъ ухмыльнулся своему скептицизму, показавъ при этомъ свѣту свои, порѣдѣвшіе въ десахъ, *пылькы*.

Первый весенній облетъ. Пришелъ, наконецъ, и желанный день: доьше ждать нельзя; того и гляди пропустишь теплый день, а тамъ, пожалуй, и дождикъ помѣшаетъ. Безшумно открылись двери омшанника, и черезъ полчаса услужливые сосѣди спокойно унесли на плечахъ пасѣку. Неспokoенъ одинъ лишь пасѣчникъ; все ему кажется, что невѣжды въ его профессіи—сосѣди что-нибудь сдѣлають не такъ, какъ нужно. Но все славу Богу, благополучно: ульи вышли изъ *темныка* всѣ, какъ есть.

Поставили добрые люди на мѣста ульи и отошли въ сторону, а пасѣчникъ, осынивъ себя крестнымъ знаменіемъ, не торопясь, сталъ открывать летки. Зашумѣли потревоженные пчелки и толпами устремились къ летку, высыпали наружу, покрыли черными рядами улей и, ободряемые теплыми лучами солнца, взлетѣли на воздухъ. Какая радость! какъ привольно летать въ волнахъ весенняго воздуха и какъ трудно выбрасывать накопившійся за зиму калъ. А пчеловодъ съ сосѣдями стоитъ въ старонѣ и замѣчаетъ, какъ идутъ пчелы изъ ульевъ.

Въ тѣхъ ульяхъ, гдѣ пчелы дружно вышли, дружно полетали и также дружно скрылись въ леткахъ, все должно быть благополучно; въ тѣхъ же, гдѣ пчелы, хотя и полетали, неохотно прячутся въ свое зимнее ложе, что-нибудь да неладно; у нихъ, вѣроятно, поносъ былъ и загажено черезчуръ гнѣздо; а въ тѣхъ ульяхъ, гдѣ пчелы суетливо бѣгаютъ около летка, какъ-бы что-то разыскивая, и долго не могутъ успокоиться, вѣроятно, нѣтъ матки.

Будуть, несомнѣнно, и такіе ульи, гдѣ пчелы совсѣмъ не покажутся, но пчеловодъ долженъ ихъ вызвать стукомъ въ стѣнки или поддуваніемъ въ летокъ. Пасѣка выставляется при температурѣ 10° Ц. въ тѣни и тихой, сравнительно, погодѣ.

Чистка гнѣзда. Въ первый день весенняго облета пчелки далеко не отлетаютъ отъ улья; онѣ еще такъ слабы, что дальняя рекогносцировка для нихъ не безопасна; на первый разъ для нихъ вполне достаточно будетъ: выбросить накопившійся въ заднепроходной кишкѣ калъ, каковую операцію онѣ производятъ налету, — хорошо замѣтить свой улей и познакомиться съ расположеніемъ ближайшихъ къ пасѣкѣ предметовъ: Калъ, выбрасываемый пчелками въ первый день весенняго облета, состоитъ изъ непереваренныхъ оболочекъ пыльцы и кислой жидкости, глубоко проникающей въ поры тѣхъ предметовъ, на поверхность которыхъ ему (калу) случится упасть съ высоты пчелинаго полета.

Возвратившись, послѣ облета, въ своей улей, пчелы почти тотчасъ-же принимаются за чистку гнѣзда и всего помещенія. Прежде всего онѣ начинаютъ исправлять пустяки, освободившіяся отъ меда, ячейки, — разгрызать ихъ и полировать; работу эту пчелы производятъ пока не по всему улью, а лишь въ предѣлахъ зимняго ложа. Хорошо выполнивъ эту первую свою обязанность, работницы переходятъ на ближайшіе соты и тамъ дѣлаютъ то же, т. е., исправляютъ испортившуюся или засохшую пергу, плесень и цвѣль, при чемъ разгрызенную трубку бросаютъ прямо на полъ улья.

При благопріятной погодѣ, пчелы повторяютъ облетъ на второй и на третій день, причемъ можно замѣтить, что онѣ отлетаютъ уже подальше отъ улья, а по возвращеніи домой принимаются за выноску труповъ своихъ мертвыхъ товарокъ и накопившагося въ изобиліи на днѣ улья домашняго сора. Если время перваго облета и ближайшихъ къ нему дней совпадетъ съ временемъ расцвѣта первыхъ весеннихъ цвѣтовъ и рано цвѣтущихъ деревьевъ, то уже можно разглядѣть въ корзинкахъ работницъ небольшіе комки пыльцы.

Червленіе. Еще въ февралѣ мѣсяцѣ, какъ мы знаемъ, матка начинаетъ класть яички, но съ выставкой пасѣки на точки, кладка ихъ усиливается съ каждымъ днемъ; когда же появится въ полѣ свѣжая перга, а въ чашечкахъ цвѣтовъ

сладкій нектаръ, или догадливый пасѣчникъ начнетъ подкармливать семью жидкой сытой, матка будетъ усиленно червить, заносъ яичками сотъ за сотомъ почти одновременно съ обѣихъ ихъ сторонъ. Развернувши гнѣздо черезъ 21 день послѣ весенняго облета, мы увидимъ первыхъ сѣренскихъ малютокъ, будущихъ домашнихъ хозяекъ, скромно сидящихъ на зачервленныхъ сотахъ и своими теплыми тѣльдами согрѣвающихъ черву слѣдующихъ за ними поколѣній. Черезъ недѣлю—двѣ рать молодежи прогрессивно увеличивается, занявъ мѣста своихъ старшихъ сестрицъ, достаточно потрудившихся надъ воспитаніемъ дѣтки и уже жаждущихъ иной, болѣе продуктивной работы; да и пора уже, ибо ряды старшихъ, летныхъ пчелъ, перенесшихъ всѣ невзгоды зимы и капризной, ранней весны, значительно порѣдѣли. Но теперь намъ не страшны случайности, сила семьи на глазахъ растетъ; вотъ уже облетѣлись молодая пчелки, а вотъ уже и вторая партія ихъ собирается сдѣлать то же.

Развернувши улей черезъ 42 дня по выставкѣ пасѣки на точекъ, мы и глазамъ своимъ не повѣримъ—такъ все здѣсь измѣнилось къ лучшему, но удивляться не чему: вѣдь вышло уже два поколѣнія работницъ. А матка, между тѣмъ, продолжаетъ сѣять яички съ удвоенной интенсивностью; она не только расширила районъ прежней кладки, но уже засѣяла всѣ, освободившіяся съ выходомъ молодежи, ячейки. Посчитаемъ зачервленные пласты! ого! цѣлыхъ семь штукъ, такъ и запишемъ, да и еще подставимъ имъ съ парочку новенькихъ...,—пусть засѣваетъ!—запасъ суши ¹⁾, вѣдь, у насъ не малый!

Признаки роенія. Разворачивая улей, чтобы посмотреть, какъ вырѣзываются пчелки второго поколѣнія, мы замѣтили, что на сотахъ есть уже и горбатая черва, т. е., трутневая, а черезъ дней пятнадцать послѣ этого мы увидимъ, что и господа кавалеры желаютъ поглядѣть на весеннее солнышко; еще издали слышится ихъ беззаботное пѣніе,

¹⁾ Сушь—свободная отъ меда, запасная вошица.

Появленіе на пасѣжкѣ трутней и есть первый признакъ роевой поры.

Въ полѣ, между тѣмъ, появились медоносные цвѣты въ изобиліи. Пчела: въ улей идетъ тяжелая; надъ гнѣздомъ, выше червы, есть уже запечатанный медъ; появился онъ и на крайнихъ рамкахъ и даже запечатанъ почти до половины. Матка давно уже зачервила подставленные соты, но вы подставили въ улей еще парочку и тѣмъ расширили гнѣздо до послѣднихъ предѣловъ, больше двухъ—трехъ рамокъ въ немъ, пожалуй, и не помѣстится. Пчель-работницъ въ семьѣ ужъ такъ много, что, во время дневной жары, является даже опасеніе,—не оборвались бы соты, и вотъ, догадливая молодежь переходитъ изъ серединныхъ сотовъ на крайніе и даже выкоплется за заставныя доски. Если вынуть въ это время рамку съ сотомъ, то и подъ ней есть кучка висящихъ пчель. Поновку въ эту пору пчелы тянуть исключительно трутневую. *Перекопленіе улья пчелой* есть второй признакъ приближенія роевой поры.

Хотя и много въ это время теряется въ полѣ летныхъ пчель, но убыль пополяется съ лихвою; вѣдь теперь вырѣзывается ихъ ежедневно болѣе тысячи! Много уже появилось на пасѣжкѣ и трутней. По матка въ эту пору находится въ апогеѣ производительности; съветъ яички съ утроенной энергіей; она не только успѣваетъ закладывать всѣ, вновь отстраивающіяся, ячейки, но не пропускаетъ ни одной освободившейся,—развѣ пчелка—медоноса предупредить ее, сложивъ туда свою сладкую ношу. Въ это время матка развиваетъ кладку до невѣроятныхъ размѣровъ; она можетъ засвѣять въ день болѣе 3000 яичекъ. Наконецъ, всѣ ячейки уже заняты; матка стѣснена въ кладкѣ и вотъ тутъ-то она, по врожденному инстинкту, кладетъ яички въ маточниковыя мисочки. Мисочки матка засвѣваетъ не сразу, а съ интервалами; сегодня заложила она три—четыре маточника, а черезъ день—два—еще столько же, а еще черезъ день опять столько и т. д.,—отъ одного до трехъ—четырехъ де-

сятковъ и даже больше. *Закладка маточниковъ* есть третій и самый вѣрный признакъ приближенія роевой поры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ *Г. Лисянскій.*

ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Священнику Г. Б—чу.

1. *Слѣдуетъ ли разрѣшать на исповѣди нарушившаго присягу по объту трезвости?*

Священникъ можетъ, конечно, отпустить этотъ грѣхъ, если кающійся дастъ твердое обѣщаніе дальнѣйшей вѣрности объту. Но если покаявшійся будетъ нарушать свой обѣтъ и послѣ даннаго обѣщанія на исповѣди, то самымъ лучшимъ будетъ со стороны священника—снять съ согрѣшающаго его обѣтъ, не преминувъ исключить его и изъ списка трезвенниковъ въ ихъ присутствіи, чтобы, въ противномъ случаѣ, къ одному грѣху (невоздержанія) не присоединился другой (невѣрности объту).

2. *Слѣдуетъ ли разрѣшать на исповѣди завѣдомо живущаго гражданскимъ бракомъ?*

Съ церковной точки зрѣнія, такъ называемый, *гражданскій бракъ* приравнивается къ *блудодѣянью* или *прелюбодѣянью* (Св. Василія Вел. пр. 21; Григорія Нис. пр. 4). Древнія церковныя правила блудника отлучаютъ отъ причащенія на 7 лѣтъ, прелюбодѣя—на 15 лѣтъ (св. Василія Вел. пр. 58, 59). Священникъ—духовникъ, слыша признаніе исповѣдующагося въ такого рода грѣхахъ, первымъ дѣломъ долженъ *убѣждать* исповѣдника покрыть беззаконіе законнымъ бракомъ съ сожительницей (если это возможно), или престать отъ грѣха. Въ случаѣ неуспѣха пастырскихъ убѣжденій, священникъ долженъ обратиться къ церковнымъ мѣрамъ воздѣйствія—вплоть до отлученія отъ Причащенія, ру-

ководствуясь, при назначеніи эпитиміи, тѣмъ общимъ правиломъ, что въ дѣлѣ исправленія грѣшника имѣетъ значеніе не время или продолжительность эпитиміи, а *произволеніе*, т. е. характеръ нравственнаго настроенія лица, состоящаго подъ эпитиміею (Григорія Нисскаго пр. 8-е). Замѣтимъ при этомъ, что не слѣдуетъ безъ указанія мѣстнаго епископа отлучать отъ причастія тѣхъ, которые хотя и состоятъ въ преступной связи, но у священника нѣтъ, для подтвержденія этого факта, другихъ (юридическихъ) данныхъ, кромѣ собственного признанія грѣшника на исповѣди.

3. *Обязанъ ли причтъ писать приговоръ по найму церковнаго сторожа, или это всецѣло дѣло сельскаго общества?*

По смыслу ст. 178 и 113 Общаго Полож. о крестьянахъ, наемъ церковныхъ сторожей предоставленъ сельскимъ обществамъ; всякое юридическое участіе причта въ этомъ дѣлѣ само собою исключается.

4. *Имѣетъ ли право Инспекторъ народныхъ училищъ требовать въ неучебное время въ мѣстное училище священника-законоучителя?*

Какъ лицо начальственное, Инспекторъ народныхъ училищъ имѣетъ право и въ неучебное время требовать въ училище священника-законоучителя для обсужденія дѣлъ и вопросовъ, касающихся нуждъ и потребностей даннаго училища.

5. Въ кандидатахъ священства нуждаются, кажется, епархіи Екатеринославская, Ставропольская (на Кавказѣ).

С. В.

Редакторъ. Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 2-го іюля 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Аки. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингов. ул. № 6.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 29—30.

1913-го года 14—21-го іюля.

Содержаніе: I. Вниманію духовенства. Свящ. В. Песгряковъ.—II. Простое слово по мудрому вопросу. Свящ. А. I. Введенскій.—III. Къ батюшкѣ Серафиму. (Окончаніе) Свящ. М. Етабужскій.—IV. Изъ Периодической печати.—V. Изъ Епархіальныхъ Ведомостей. Б.—VI. Ванюшка помогъ. И. Поповъ-Пурмскій.—VII. Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.

Вниманію духовенства.

Церковная старина, предметы церковнаго обихода, вышедшіе, по ветхости, изъ упогребленія, все больше и больше привлекають вниманіе всевозможныхъ антикваріевъ. Создался цѣлый промыселъ скупки старинныхъ церковныхъ вещей, на которомъ скупщики зарабатываютъ большія деньги. Дѣло это организовано скупщиками довольно стройно и ловко; въ поискахъ старинныхъ вещей скупщики не лѣнятся заглядывать въ самые глухіе отдаленные приходы, справедливо считывая, что тамъ и народъ проще, и конкуренція меньше,

и старина въ глухихъ мѣстахъ сохраняется дольше. Обычно такой благодѣтель является въ храмъ во время богослуженія, ставитъ свѣчи и дѣлаетъ общій обзоръ храма, а послѣ службы заводитъ со старостой или съ членами причта отдаленный разговоръ о томъ, что онъ скупаетъ ненужныя вещи, металлическій ломъ и тѣмъ даетъ возможность обратить все это въ наличныя деньги, въ которыхъ такъ нуждается 90% приходскихъ церквей.

Иногда благодѣтель не прочь даже поблаготворить храму—вмѣсто стараго истрепаннаго ковра (но зато персидскаго) купить совершенно новый и даже бѣльшій: вмѣсто полотна съ рѣдкой старинной вышивкой пожертвовать штуку полотна и т. д. Дѣло часто устраивается къ обоюдному удовольствію: церковь за ненужный хламъ получаетъ 5—10 рублей, а скупщикъ пріобрѣтаетъ иногда очень рѣдкую вещь, которую онъ перепродаетъ въ музей или коллекціонерамъ во много разъ дороже, чѣмъ купилъ. Въ дѣлѣ охраны церковныхъ памятниковъ старины и древности у насъ нѣтъ ни единства, ни системы. Архитектурныя сооруженія кое-какъ охраняются, поддерживаются; въ болѣе печальномъ положеніи оказываются болѣе мелкіе предметы: церковная утварь, одежды, иконы. Охранительныя правила и распоряженія высшей церковной и мѣстной епархіальной власти о тщательномъ сохраненіи предметовъ древности мало дѣйствительны, такъ какъ многіе предметы, не имѣя хронологическихъ датъ, сходятъ именно за хламъ, не представляющій цѣнности и особаго значенія.

Въ настоящее время скупщики старыхъ вещей шныряютъ всюду, и мы хотѣли бы дать одинъ практическій совѣтъ: съ продажей отобранныхъ скупщиками вещей не спѣшить, а предварительно справиться о нихъ у компетентныхъ людей: любителей-антикваріевъ, знатоковъ церковной археологіи, хранителей музеевъ. Мы уже высказывали печатно пожеланіе и о томъ, чтобы старинныя церковныя вещи при-

нимали на храненіе и на комиссію епархіальные свѣчные заводы и особенно епархіальные склады церковныхъ вещей, гдѣ таковыя существуютъ.

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Простое слово по мудрому вопросу.

(Къ полемикѣ со старообрядцами).

Одно время въ печати поднялся оживленный обмѣнъ мыслей по вопросу о клятвахъ, наложенныхъ на старообрядцевъ соборомъ 1667 года.

Рѣшали этотъ вопросъ, конечно, различно. Одни съ одной точки зрѣнія, другіе—съ другой. Одни—въ положительномъ смыслѣ, другіе—въ отрицательномъ. Одни спокойно, хладнокровно, другіе—съ жаромъ, съ враждою въ душѣ и съ бранными словами на языкѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, полемика по данному вопросу кончилась ничѣмъ. Вѣчно „тревожный и страшный“ для старообрядцевъ вопросъ не получилъ ожидаемаго разрѣшенія и остался въ прежней плоскости. Кто правъ, кто виноватъ въ замедленіи развязки—судить не намъ.

Цѣль настоящаго очерка—ознакомить читающую публику со взглядами на запутанный вопросъ одного виднаго любителя-богослова, графа Д. Н. Толстого, который сказалъ простое слово по мудрому вопросу и мысли котораго служатъ своего рода итогомъ шумной и оживленной полемики, возгорѣвшейся вокругъ вопроса о клятвахъ Московскаго собора.

Его мысли мы заимствуемъ изъ автобіографіи графа, помѣщенной въ мартовской книжкѣ журнала „Русскій Архивъ“ за прошлый, 1912-й годъ.

Вотъ они:

„Перехожу къ мысли о томъ, пишетъ графъ Д. Н. Толстой графу М. Д. Бутурлину, что клятвы, наложенныя соборомъ 1667 г., не могутъ быть будто бы сняты „не только Платонами и Филаретами, но и Св. Синодомъ“. А по моему

ихъ имѣть право разрѣшить первый приходскій священникъ, къ которому обратится раскольникъ, желающій возвратиться въ церковь, точно также, какъ разрѣшаютъ клятвы, наложенныя вселенскими соборами на всѣ инославныя исповѣданія при присоединеніи къ православію. Всѣ эти клятвы, и въ томъ числѣ тѣ, о которыхъ Вы пишете, наложены „дондеже не раскаются“. Отступленія отъ ереси или отъ раскола, какъ актъ раскаянія, влечетъ за собою и снятіе клятвы *latae sententiae*. Объ этомъ никогда не спорили и сами раскольники; но они умышленно увѣряютъ, будто клятвы положены на самые ихъ обряды и книги, а не на мятежъ церковный, назвавшій исправленныя книги, чины и обряды „еретическими и растлѣнными“. Они говорятъ, что отдѣлились отъ церкви вслѣдствіе клятвъ, а изъ книжки Субботина (проф. Москов. Дух. Академіи) мы ясно видимъ, что вожаки ихъ выразились гораздо прежде этихъ клятвъ, называя церковь безблагодатною и даже антихристовою, явившую новую „непоклонническую“ ересь, и что расколъ исполнѣ организованъ до 1667 года. На этотъ организованный расколъ и произнесъ соборъ этого года отлученіе, освобожденіе отъ котораго легко канонически получить посредствомъ раскаянія и признанія церковной истинны. На некорныхъ же и хулителяхъ Церкви клятва должна пребывать во всей силѣ, и я, вопреки приводимыхъ вами авторитетовъ (магистры Духовныхъ Академій), не вижу и надобности снимать ихъ“ (стр. 363 — 364).

Отъ души желаемъ, чтобы эти простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ мудрыя мысли докатились до слуха упорствующихъ въ своемъ заблужденіи старообрядцевъ и заставили бы ихъ отказать отъ своихъ несправедливыхъ притязаній, а мыслящихъ подобно графу М. Д. Бутурлину убѣдили бы въ не точности своихъ собственныхъ сужденій и въ справедливости ортодоксальной точки зрѣнія.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи,
Священникъ *Александръ Введенскій*.

Къ батюшкѣ Серафиму.

(Окончаніе) ¹⁾.

Въ Дивѣево мы пріѣхали къ концу литургіи. Ни одинъ видѣнный мною ранѣе храмъ не оставилъ во мнѣ такого пріятнаго воспоминанія, какъ Дивѣевскій соборъ. Обширный, свѣтлый, съ прекрасною живописью, содержащейся въ образцовой чистотѣ, онъ производитъ чарующее впечатлѣніе. Припоминаются пророческія слова О. Серафима, сказанныя имъ одной дивѣевской старицѣ: „Ты гляди, какой у насъ соборъ-то будетъ! Вельми, матушка, чудный.“ Въ особенности поражаетъ живопись, напр., громадныя иконы на хорахъ — явленіе прародителямъ Господа Саваоѳа въ раю, при чемъ Господь изображенъ какъ бы весь состоящей изъ свѣта, и другая икона — низверженіе дракона Богомладенцемъ. Вообще весь соборъ производитъ впечатлѣніе чего-то свѣтлаго, жизнерадостнаго, бодрящаго, безъ словъ продолжая таковую же проповѣдь О. Серафима.

За лѣвымъ клиросомъ средняго алтаря помѣщается главная святыня храма — образъ Божіей матери „Умиленіе“, бывшій келейною иконою Св. Старца, предъ которою онъ и скончался. Въ кельѣ же о. Серафима и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Саровскаго монастыря помѣщены копіи этой иконы, но онѣ не такъ удачны и не производятъ того впечатлѣнія, какъ подлинная икона. На смиренномъ лицѣ Богоматери отпечатлѣна тихая скорбь. Стоя предъ ликомъ Ея, невольно воспоминаешь и яснѣе сознаешь, насколько далеки мы отъ этой „чистшей свѣтлостей солнечныхъ“, и какъ своими грѣхамъ мы отягощаемъ бремя скорби, лежащее на сердцѣ Заступницы міра. Соборнѣ съ другими священниками мы имѣли утѣшеніе отслужить предъ этимъ образомъ молебенъ съ акаѳистомъ. Потомъ отслужили литію заунокійную въ кельѣ

¹ См. № 28 за 1913 г.

О. Серафима, сохраняющейся въ Дивѣевскомъ монастырѣ подь особымъ кровомъ, какъ бы въ футлярѣ. Затѣмъ были въ кладбищенской церкви, гдѣ обрашена въ алтарь другая пустынная келья о. Серафима. Вдоль стѣн выставлены были для благоговѣйнаго обозрѣнія богомольцами витрины съ реликвіями о. Серафима. Я досталъ записную книжку и внесъ въ нее нѣкоторыя замѣтки. Одна изъ богомолковъ подошла ко мнѣ и со вздохомъ сказала: „вотъ вамъ все извѣстно, а мы грѣшныя ходимъ—мало чего понимаемъ“. Я, насколько могъ, утѣшилъ ее поясненіемъ, что „мудрыя и разумныя“ иногда бываютъ дальше отъ Господа и Его угодника, чѣмъ простыя, но великія вѣрою и любовію къ Нему „младенцы“; что св. Серафимъ самъ былъ „Лапотникъ“ и съ сугубою любовію взираетъ на бѣдныхъ поселянъ, изливающихъ предъ нимъ свои тяжелыя, вѣковыя скорби. Но, понятно, не могъ я не сознавать, что въ словахъ крестьянки содержится правда, не дѣлающая чести намъ „книжникамъ“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ Саровскомъ, такъ и въ Дивѣевскомъ монастыряхъ не приняты были мѣры къ живому ознакомленію помонниковъ съ мѣстными святынями, отчего многіе, такъ сказать, видя не видѣли. А между тѣмъ нужда въ этомъ была настолько велика, что достаточно было остановиться гдѣ-нибудь съ цѣлю дать кому-либо вопрошающему какія-нибудь разъясненія, какъ уже собиралась толпа слушателей, и вопросы сыпались за вопросами.

Посѣтили мы иконописную мастерскую и школу—пріютъ монастыря. Въ послѣдней намъ посчастливилось присутствовать при спѣвкѣ воспитанницъ къ пріѣзду Государя. Хоромъ руководила послушница, но для „отдѣлки“ пѣнія былъ приглашенъ регентъ—офицеръ. Пѣли между прочимъ „Былъ у Христа Младенца садъ“. Много разъ я слыхалъ эту трогательную легенду, но въ томъ исполненіи, которое мнѣ въ данномъ случаѣ привелось услышать, я не узналъ ея. Получалась полная иллюзія. Точно видишь предъ собою этихъ подрастающихъ враговъ Младенца, въ дѣтскія души которыхъ

уже закрадывается коварность. Съ ужасомъ замѣчаешь, какъ на фонѣ чарующей идилліи со Христомъ-Младенцемъ и розами въ Его миломъ саду вырисовывается уже печальными тонами скорбный, окровавленный ликъ Христа Распятаго.

Дивѣво произвело на насъ самое отрадное впечатлѣніе. Особенно трогательна сказывающаяся какъ въ общемъ, такъ и во всѣхъ мелочахъ та благоговѣйная любовь, которую питають дивѣвскія сестры къ имени Св. Серафима въ благодарную память о горячихъ заботахъ Старца о своихъ „сиротахъ“, о его обѣщаніяхъ и по смерти не забывать ихъ, о его пророчествѣ относительно будущей славы Дивѣва. Монахини намъ передавали даже слѣдующія слова, сказанныя Св. Серафимомъ: „засну я въ Саровѣ, а проснусь въ Дивѣвѣ“. И сестры, съ обычною крѣпкою вѣрою въ слово своего Батюшки, ждутъ исполненія этого загадочнаго пророчества.

Вечеромъ мы возвратились въ Саровъ.

Слѣдующіе дни были посвящены подробному обозрѣнію саровскихъ святынь и участію въ церковныхъ торжествахъ. То и другое подробно и талантливо описано во многихъ духовныхъ журналахъ, почему я нахожу излишнимъ повторять уже знакомое моимъ читателямъ. Но нѣкоторыми своими впечатлѣніями и наблюденіями рѣшаюсь подѣлиться.

Въ храмахъ саровскихъ обращено большое вниманіе на назиданіе богомольцевъ священными изображеніями, которыми покрыты всѣ стѣны храмовъ. Главный Успенскій соборъ расписанъ въ нѣсколько ярусовъ, по образцу Успенскаго собора Троицкой лавры. Очень жаль, что не издаются недорогіе снимки съ священныхъ изображеній въ нашихъ древнихъ храмахъ. Систематическіе и полные альбомы ихъ могли бы служить прекраснымъ пособіемъ для интересующихся религіознымъ развитіемъ и запросами нашихъ предковъ, такъ похожихъ въ данномъ отношеніи на современныхъ намъ крестьянъ.

Въ Саровскомъ Успенскомъ соборѣ на южной стѣнѣ бросается въ глаза громадное изображеніе исцѣленія Иисусомъ Христомъ разслабленнаго. Въ настоящее время икона эта можетъ быть символомъ того значенія, которое имѣло и имѣетъ Св. Серафимъ для насъ, слабыхъ духомъ и тѣломъ. Такъ же расписаны и другіе саровскіе храмы.

Въ Саровѣ можно наблюдать еще и другой способъ назиданія богомольцевъ, который, къ сожалѣнію, нерѣдко забывается украсителями св. храмовъ,—надписями въ разныхъ мѣстахъ храма. Въ Успенскомъ соборѣ на южной стѣнѣ надпись: „Въ храмѣ стояще славы Твоея, на небеси стояти мнимъ“; на западной—„Вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему“; на сѣверной—„Господи возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего“ и „прими въ немъ молитвы наша“. Подобно сему и на четырехъ сторонахъ сѣни надъ ракою св. мощей Пр. Серафима сдѣланы надписи: на сѣверной сторонѣ изображено моленіе Св. Серафима на камнѣ и написана молитва мыгяря; на западной—нерукотворенный образъ и надпись: „Иисусъ Христосъ вчера, и днесь, той же и во вѣки“; на южной—явленіе Богородицы Св. Серафиму и подпись „Господи Исусе Христе, Сыне Божій, молитвами Богородицы помилуй мя грѣшнаго“; на восточной—кончина о. Серафима и надпись: „Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его“. Въ храмѣ Живоноснаго Источника въ куполѣ изображена Пресв. Троица, окруженная Ангелами и многочисленнымъ сонмомъ святыхъ. Кругомъ купола внизу надпись: „Благословенъ еси Боже отецъ нашихъ, препѣтый и превозносимый во вѣки. Благословите ангели Господни, небеса Господня, Господа. Благословите священники Господни, раби Господни, Господа. Благословите апостоли, пророцы и мученицы Господни. Господа пойте и превозносите Его во вѣки“.

Одно изъ самыхъ яркихъ и пріятныхъ воспоминаній Саровскаго паломничества оставило послѣ себя пѣніе Александро-Невскаго митрополичьяго хора. Поистинѣ, не пом-

нишь, слушая его, на небѣ или на землѣ стоишь! Особенно мнѣ понравилось исполненіе заупокойнаго тропаря „Покой, Спасе нашъ“. Чувствуешь, какъ плачетъ тихими слезами скорбь по усопшемъ. Мелодичные минорные переливы одно время покрываются мощными, ропщущими голосами басовъ; но ропоть, какъ громкій протестъ не могущей примириться съ фактомъ смерти земной человѣческой природы, скоро стихаетъ, и опять льются плачущіе аккорды покорной грусти.

По обычаю богомольцевъ, мы рѣшили приготовить къ великимъ Саровскимъ днямъ очищеніемъ и освященіемъ въ таинствахъ покаянія и Св. Причащенія. 17 іюля одинъ изъ іеромонаховъ исповѣдывалъ желающихъ у ближней пустыньки пр. Серафима подъ сѣнію деревъ, стоящихъ на опушкѣ лѣса. И въ этой обстановкѣ, на мѣстѣ особыхъ молитвенныхъ подвиговъ св. Старца, мы и удостоились приступить къ таинству исповѣди. Вечеромъ, такъ какъ нашъ „номеръ“ совсѣмъ не подходилъ для чтенія обычнаго правила, мы отправились въ близъ стоящую часовню читать правило. Часовня, несмотря на поздній часъ (было около 10 часовъ) и окончаніе обычныхъ въ ней службъ, была полна народа. Какая-то женщина вслухъ дочитывала акаѣистъ. Мы попросили позволенія у молящихся прочесть вечернее правило, на что тѣ отвѣчали благодарностію. Чтеніе правила сопровождалось пѣніемъ тропарей и запѣвотъ. Молящіеся оказались большими любителями пѣнія, и изъ часовни послышалось такое дружное восторженное пѣніе, что собрало громадную толпу народа, въ свою очередь, еще усилившую хоръ. И было очень трогательно это общее могучее пѣніе въ ночной темнотѣ, подъ покровомъ звѣзднаго неба. Какой-то бѣсноватый бродилъ кругомъ часовни и, квакая по лягушечьи, старался передразнивать молитву. Но это обстоятельство нисколько не умаляло молитвеннаго настроенія, а, напротивъ, усилило еще молитву и за этого несчастнаго. Когда къ концу вечернихъ молитвъ чтець началъ читать „Да воскреснетъ Богъ“, то многіе въ полголоса повторяли за нимъ слова мо-

литвы на прогнаніе бѣсовъ. Я поблагодарилъ богомольцевъ за участіе въ молитвѣ и выразилъ, какое громадное удовольствіе доставило намъ это общее пѣніе лицъ, собравшихся съ разныхъ концовъ св. Руси, но объединенныхъ общою любовью къ „батушкѣ Серафиму“, наглядно подтверждающее нашу вѣру во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь. Расходиться не хотѣлось, и я предложилъ спѣть еще нѣсколько общеизвѣстныхъ молитвъ, что и было охотно исполнено всѣми собравшимися. Между прочимъ, спѣли, по случаю пріѣзда Государя, молитву за Царя и отечество и многая лѣта. Наконецъ, мы закончили молитвы и направились домой, но не скоро еще пришлось намъ выйти изъ часовни. Богомольцы наперерывъ просили благословить ихъ, благодаря за молитву съ ними; мы же имѣли не меньше основаній самихъ ихъ благодарить за то высокое духовное наслажденіе, которое они доставили намъ своею сердечною съ нами молитвою и мощнымъ вдохновеннымъ пѣніемъ.

На другой день мы причащались за литургіей въ храмъ Живоноснаго источника Символь вѣры и молитву Господню пѣли всѣ молящіеся въ храмѣ.

При посѣщеніи св. мѣстъ обители, мы сами служили молебны и панихиды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ монастырской кельѣ пр. Серафима, въ часовнѣ на источникѣ его, въ дальней пустыни и въ соборѣ при мощахъ его послѣ литургіи 19 іюля. У источника въ послѣдніе дни собиралось столь много желающихъ искупаться, что у каждой купальни, мужской и женской, ожидали очереди вереницы желающихъ, причемъ эти вереницы, каждая парами, тянулись сажень на 25—30. Впрочемъ, въ „дворянскую“ купальню доступъ былъ свободнѣе. и я, напр., трижды обливался въ ней. Такія же длинныя вереницы ожидали у дальней пустыни при входѣ въ тѣсную пещерку св. Старца, выкопанную подъ горою близъ кельи его. Входящіе прикладываются въ ней къ иконамъ и берутъ на молитвенную память горсточку песку. То же дѣлаютъ они и у камня, гдѣ молился 1000 ночей пр. Се-

рафимъ. Исполняются слова псалма: „Благоволиша раби Твои каменіе его и персть его ущедрять“ (Пс. 101, 15).

Народа въ монастырь все прибывало и прибывало. Въ послѣдніе дни торжествъ масса народа ночевала подъ открытымъ небомъ въ окрестностяхъ монастыря, расположившись группами, иногда разводя небольшіе костры. Къ счастью, во все время праздника одинъ только дождь пронесся надъ обителью, днемъ 14 іюля, а все остальное время стояла ненарушимая ясная погода, смягчая запоздалымъ богомольцамъ неудобство ихъ ночлега. И въ этомъ видѣли попеченіе св. Старца о милыхъ его сердцу „лапотникахъ“.

Наконецъ, наступило 18 іюля, вождельный день открытія св. мощей пр. Серафима. Начало всенощной я стоялъ въ монастырскомъ дворѣ, чтобы имѣть возможность видѣть торжественный выносъ св. мощей изъ храма свв. Зосимы и Савватія въ Успенскій соборъ. Площадь была усыяна народомъ, благоговѣнно молившимся съ вожженными свѣчами въ рукахъ. Было тихо, и ровное пламя свѣчей едва трепетало. Вотъ видимъ, отворяются западныя врата собора и, при пѣніи хора невскихъ пѣвчихъ, выходятъ по направленію къ храму Соловецкихъ чудотворцевъ торжественная процессія. Вскорѣ показались несомыя на высокихъ носилкахъ подъ покровомъ мощи пр. Серафима. Религіозное настроеніе молящихся достигло высшей степени. „Господи помилуй!“ „Батюшка Серафимъ!“—слышатся горячіе возгласы со всѣхъ сторонъ, и народъ, въ особенности больные, съ благоговѣннымъ напряженіемъ ожидаютъ, когда мимо нихъ пронесутъ дорогую святыню. Стоящая рядомъ со мною крестьянка подняла своего слѣпого сына на руки и дрожащимъ отъ слезъ голосомъ учила малютку молиться: „Батюшка Серафимъ, открой мнѣ глазки!“ Стремясь ближе подойти къ святынѣ, она ринулась впередъ, и я потерялъ ее изъ вида. Вскорѣ я пробрался въ соборъ, благодаря отъ всего сердца Господа и Его новопрославляемаго Угодника за то, что они допустили меня помолиться при мощахъ св. Серафима въ эти святые дни.

На сердцѣ чувствовалась необыкновенная радость, хотѣлось безконечное число разъ слышать торжественное величаніе „Ублажаемъ тя, преподобне отче Серафиме!“ Послѣ ряда зауспокойныхъ печальныхъ богослуженій въ предшествовавшіе дни, съ молитвою — „о приснопамятномъ іеромонахѣ Серафимѣ“, было особенно отрадно и радостно слышать моленія самому пр. Серафиму, подобно тому, какъ радостно бываетъ встрѣчать свѣтлую, красную Пасху послѣ печальныхъ воспоминаній страстной седмицы. Недаромъ народъ, въ ночь на 19 іюля ожидавшій очереди приложиться ко св. мощамъ, пѣлъ пасхальныя стихиры, оправдывая пророчество прозорливаго старца о томъ, что нѣкогда въ Саровѣ „среди лѣта Пасху запоютъ“.

Къ мощамъ Св. Угодника Божія я сподобился приложиться во время великаго славословія. Позднею ночью кончилось всенощное бдѣніе, и мы, удовлетворенные и радостные, пошли на свой ночлегъ. У западныхъ же вратъ собора уже выстроилась длинная вереница богомольцевъ, ожидающихъ очереди войти въ храмъ и приложиться къ мощамъ. Еще болѣе громадная масса богомольцевъ ожидала за „святыми воротами“ обители. И велико терпѣніе малыхъ сихъ! Спутникъ мой, крестьянинъ одиннадцатъ часовъ на ногахъ простоялъ, ожидая очереди, съ пяти часовъ вечера до четырехъ часовъ утра, когда, наконецъ, допущенъ былъ въ соборъ.

Благодареніе Господу, допущенъ былъ я въ соборъ и къ литургіи 19 іюля. Самымъ умиленнымъ моментомъ богослуженія было обнесеніе св. мощей кругомъ престола послѣ малаго входа. Всѣ стоящіе въ алтарѣ и въ проходахъ близъ него священники благоговѣнно опустили на колѣна, присоединяя свои голоса къ захватывающему пѣнію славословія Сыну Божію, дивному во святыхъ Своихъ.

Приложившись вторично ко св. мощамъ по окончаніи литургіи и отслуживши Св. Серафиму молебенъ, благодарственный и напутственный, мы начали собираться въ обрат-

ный путь, унося съ собой въ сердцѣ и памяти неизгладимыя впечатлѣнія отъ святыхъ саровскихъ дней.

На обратномъ пути изъ Сарова, ямщикъ нашъ, крестьянинъ одной изъ близкихъ къ монастырю деревень, рассказывалъ намъ: „Дѣдъ мой, когда былъ еще подросткомъ, везъ однажды въ монастырь возъ дровъ по монастырскому лѣсу. И вотъ возъ его опрокинулся. Паренекъ направить его былъ не въ силахъ и не зналъ, какъ быть. Вдругъ откуда-то выходитъ о. Серафимъ, навалился на возъ своимъ крѣпкимъ плечомъ и направилъ его на дорогу“. Этотъ безхитростный рассказъ былъ заключительнымъ аккордомъ нашихъ саровскихъ впечатлѣній. При всей своей кажущейся незначительности, онъ представляется мнѣ важнымъ, имѣющимъ символическое значеніе. Не является ли вообще о. Серафимъ надежной опорой всѣхъ насъ, слабыхъ и малосильныхъ, дерзновеннымъ за насъ предстателемъ и благодатнымъ помощникомъ.

Кстати, совершенно случайно привелось намъ выслушать помянутое преданіе, любовно и бережно хранимое въ безвѣстной крестьянской средѣ и передаваемое изъ рода въ родъ. Сколько такихъ штриховъ изъ жизни о. Серафима, мелкихъ, но характерныхъ, хранится, вѣроятно, въ благоговѣйной памяти обитателей сосѣднихъ съ монастыремъ селеній. Хорошо бы духовенству окрестныхъ приходоѡ и всѣмъ, чтущимъ память Пр. Серафима, взять на себя святой и благодарный трудъ, по свѣжей еще памяти, собрать и точно записать всѣ хранящіяся въ устной передачѣ преданія о Св. Угодникѣ.

Бдучи впередъ въ Саровъ, мы думали, что наиболѣе интереснымъ будетъ для насъ то, что мы увидимъ и услышимъ. Теперь же мы должны были признать, что самымъ важнымъ и существеннымъ оказалось для насъ то, что мы пережили въ глубинѣ своей души. Вѣра народная, глубокая, сильная и горячая, оказала могущественное благотворное вліяніе на наши хладныя души; какъ сильный вѣтеръ, она

раздула тотъ огонекъ, который чуть теплился въ душахъ нашихъ подъ пепломъ разсѣянности и суетности. Она заставила задрожать такія струны въ тайникахъ нашихъ сердець, которыхъ раньше мы почти не слышали. И хотя, можетъ быть, приближеніе къ Источнику свѣта и любви было очень недолговременно, но все же оно озарило насъ высокими, незамѣнимыми духовными радостями, благодарное воспоминаніе о которыхъ, думается, всегда останется въ душахъ нашихъ, какъ свѣтлый путеводный маякъ на запутанной и грязной житейской дорогѣ.

Священникъ *Михаилъ Елабужскій*

Изъ періодической печати.

(„Русская Мысль“ — „Земщина.“).

Въ іюньскомъ номерѣ „Русской Мысли“, помѣщена посвященная привлекающему къ себѣ въ настоящее время вниманіе трезвенническому движенію статья Н. М. Жданова „Трезвенническое доуженіе въ Москвѣ“. Авторъ находитъ, что въ основѣ этого движенія лежитъ не только стремленіе къ освобожденію отъ пьянства, но и „потребность нравственнаго обновленія въ широкомъ смыслѣ этого слова“. Вліяніе «братцевъ-трезвенниковъ», по мнѣнію автора, имѣетъ своимъ источникомъ искони присущее русскому народу стремленіе найти себѣ духовнаго руководителя. Это стремленіе, вытекающее изъ сознанія слабости своей воли (а слабость воли въ значительной степеніи присуща русскому народу), привело, между прочимъ, къ созданію института старчества. Авторъ усматриваетъ близкое сходство между «старцами» и «братцами»; между прочимъ, онъ говоритъ, что наставленія извѣстнаго московскаго «братца» Ивана Колоскова во многомъ напоминаютъ поученія старца Зосимы, выведеннаго Ѳ. М. Достоевскимъ въ романѣ „Братья Карамазовы“.

Нельзя не согласиться, что привязанность трезвенниковъ къ «братцамъ» въ значительной мѣрѣ объясняется стремленіемъ русскаго народа къ исканію духовныхъ руководителей и объ этомъ не слѣдуетъ забывать тѣмъ людямъ, которые призваны быть законными руководителями. Но сравненіе «братцевъ» съ „старцами“ страдаетъ значительнымъ преувеличеніемъ. У „старцевъ“ совершенно не замѣчается присущаго «братцамъ» поставленія себя выше другихъ людей, чуть-ли не наравнѣ съ Самимъ Христомъ. Въ противоположность горделивому самопревозношенію «братцевъ», истинные старцы отличались глубокимъ смиреніемъ, покорностью пастырямъ Церкви и сами не искали учительства. Не было у истинныхъ старцевъ и пренебрежительнаго отношенія къ браку и другихъ лжемудрствованій, отъ которыхъ не свободны „братцы“, мало свѣдущіе въ православномъ богословіи.

Болѣе правильный взглядъ на трезвенническое движеніе высказывается въ газетѣ «Земщина» (№ 1352, статья А.— «Трезвенники или хлысты?») Не отрицая нѣкоторой полезности дѣятельности «братцевъ» въ смыслѣ отрезвленія рабочихъ, авторъ названной статьи справедливо отмѣчаетъ, что эта дѣятельность сводится не къ одной только борьбѣ съ пьянствомъ. Трезвенническое движеніе вполне сходно съ такъ называемымъ «бесѣдничествомъ», распространеннымъ въ Поволжьи, особенно въ Самарской губерніи, откуда происходитъ большинство „братцевъ“. „Бесѣдники“ являются усердными посѣтителями храмовъ, часто говѣютъ и т. д., но ихъ воздержаніе отъ мясной пищи, неупотребленіе при печеніи хлѣба и дѣланіи кваса дрожжей, воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, ихъ обособленность отъ всего православнаго населенія, ихъ собранія, окруженныя всегда нѣкоторой тайной, особенности въ ихъ семейныхъ отношеніяхъ между мужемъ и женой—подають народу подозрѣвать ихъ въ сектанствѣ и отчасти—въ хлыстовствѣ. И дѣйствительно, въ своихъ разсужденіяхъ на религіозныя темы «бесѣдники» часто становятся на хлыстовскую точку зрѣнія.

У «братцевъ», дѣятельность которыхъ представляетъ дальнѣйшее развитіе «бесѣдничества», хлыстовская точка зрѣнія особенно замѣтна во взглядахъ ихъ на бракъ и дѣторожденіе и въ отношеніяхъ, между „братцами“ и „сестрицами“. А народъ, стремящійся найти духовно-опытныхъ руководителей, часто не можетъ отличить истинныхъ пастырей отъ «волковъ въ овечьей одеждѣ».

Въ той же газетѣ помѣщена небезынтересная статья С. Игнатьева „*Аѳонская флора и русскіе келліоты*“. Въ этой статьѣ изображается ненормальное положеніе русскихъ монаховъ на Аѳонѣ. Греческіе монахи всѣми мѣрами стремятся ограничить количество русскихъ на Святой горѣ, что особенно выразилось въ распоряженіи, чтобы въ аѳонскихъ келліяхъ, стоящихъ отдѣльно отъ монастырей (а таковы въ большинствѣ случаевъ поселенія русскихъ монаховъ) жило не больше шести иноковъ, какового количества совершенно недостаточно даже для ежедневнаго совершенія богослуженія. Особенно греческое духовенство притѣсняетъ русскихъ монаховъ при покупкѣ послѣдними келлій. Вслѣдствіе невнесенія въ купчую крѣпость упоминанія о томъ, что келлія отъ старца переходитъ къ ученику, келліи по смерти старцевъ обыкновенно попадаютъ въ собственность монастырей, и такимъ образомъ „греки оттягали у русскихъ уже 42 келліи и 20 каліевъ, стоимостью, по меньшей мѣрѣ, въ полтора милліона рублей“. Высшее греческое духовенство, по утвержденію автора рассматриваемой статьи, охотно допускаетъ правонарушенія, которыя „творятся не противъ монаховъ грековъ, а противъ румынъ, болгаръ, сербовъ и въ особенности насъ, довѣрчивыхъ русскихъ“. Поэтому авторъ говоритъ, что дипломатическое вѣдомство должно озаботиться о лучшемъ обезпеченіи правъ русскихъ обитателей Аѳона.

Н. Г.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Народныя суевѣрія.

Много еще безпросвѣтной темноты и самыхъ странныхъ и наивныхъ суевѣрій существуетъ среди русскаго народа. И не то что гдѣ-нибудь въ медвѣжьихъ углахъ, въ глухихъ деревняхъ, отстоящихъ отъ ближайшаго города за тридевять земель, но и въ самыхъ городахъ, въ центрахъ образованности и просвѣщенія, остается еще немало суевѣрій среди русскихъ людей. Но, конечно, деревня въ этомъ отношеніи особенно отличается: она слѣпо вѣритъ въ силу заговоровъ и заклинаній, она глубоко чтитъ своихъ знахарей и ворожей. Заболѣла у крестьянина лошадь или корова, захворалъ онъ самъ или кто-нибудь изъ его семьи, онъ немедленно отправляется къ знахарю за помощью; украдено что-нибудь у него изъ хозяйства, случилась другая какая-либо бѣда, онъ опять таки идетъ къ знахарю съ просьбой указать вора и помочь въ несчастьи. Словомъ, знахарь и лѣчитъ, и воровъ ищетъ, и помогаетъ во всякой бѣдѣ. Что же за люди—эти знахари, и въ чемъ состоитъ ихъ искусство, при помощи котораго они подѣлываютъ себѣ темный народъ и извлекаютъ изъ этого для себя немалую пользу? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить „статья о народныхъ суевѣріяхъ“, напечатанная въ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и принадлежащая перу одного интеллигента, жившаго долгое время въ глухой деревнѣ и хорошо изучившаго жизнь и вѣрованія простаго сельскаго люда. Всѣ эти знахари и ворожеи, по словамъ автора указанной статьи, дѣлятся на двѣ категоріи: на плутовъ, нисколько не вѣрящихъ въ силу своихъ заговоровъ, но практикующихъ ихъ ради собственной матеріальной выгоды, и на людей, искренно убѣжденных въ истинности своего знахарства и даже почитающихъ своей священной обязанностью служить при помощи послѣдняго всѣмъ нуждающимся. Тѣ и другіе въ глухихъ деревняхъ

пользуются большимъ довѣріемъ среди крестьянъ, часто гораздо большимъ, чѣмъ священники, а тѣмъ болѣе, чѣмъ врачи и фельдшера. Пусть въ родномъ селѣ какого-нибудь заболѣвшаго крестьянина будетъ больница; онъ минуешь ее, а побѣдетъ за десятки верстъ къ прославившемуся „колдуну“ въ увѣренности, что тотъ поможетъ скорѣе, чѣмъ врачъ. Первой причиной такого предпочтительнаго довѣрія къ знахарямъ та, что они для сѣраго мужичка вѣдь „свои люди“, такіе же сѣрые, такіе же забытые, темные; а доктора—чужіе, и наука ихъ—не то, что наука знахарская—своя, крестьянская. Да, кромѣ того, „доктора вѣдь и холеру подсылаютъ, чтобы потомъ лѣчить и брать за это деньги“. Но нельзя выпускать изъ виду, что такая вѣра въ могущество колдуновъ покоится еще и на дѣйствительной пользѣ, оказываемой ими иногда своимъ паціентамъ. Дѣло въ томъ, что знахари и ворожеи на ряду съ заговорами употребляютъ иногда противъ болѣзней и дѣйствительныя, такъ называемыя „народныя“ средства. Извѣстно, что народная медицина въ иныхъ случаяхъ оказывается сильнѣе медицинской науки, и даже доктора иной разъ обращаются къ народнымъ средствамъ для лѣченія больныхъ. А знахари, большей частью, являются опытными людьми по части народной медицины, и ихъ хаты завалены всякаго рода корешками, листьями, засушенными цвѣтами, травою и тому подобными снадобьями. И вотъ знахарь, явившись къ больному, начинаетъ, конечно, прежде всего „колдовать“ что-то шепчетъ, плюетъ въ разныя стороны и совершаетъ разныя другія манипуляціи. Крестьянинъ думаетъ, что въ этихъ дѣйствіяхъ вся сила, а между тѣмъ ловкій „колдунъ“: не приминетъ поднести больному „наговоренную“ микстуру или порошокъ, да еще прикажетъ принимать это снадобье нѣсколько дней, пока не пройдетъ хворь. Естественно, что при такомъ „колдовствѣ“ больной нерѣдко выздоравливаетъ, что и нужно знахарю, стремящемуся упрочить свою славу среди темнаго люда. На вопросъ, въ чемъ причина болѣзни, какой-нибудь случившейся бѣды, или пропажи, знахарь всегда даетъ одно и то же объясненіе: во всемъ виноватъ тотъ или дру-

гой злой человѣкъ, который изъ зависти или по неприязни можетъ наслать какую угодно бѣду всякому, кому захочетъ. Отсюда, по словамъ знахара, все его искусство должно быть направлено на искорененіе вреднаго дѣйствія со стороны злыхъ людей, что онъ и можетъ сдѣлать при помощи разныхъ средствъ и, прежде всего, заговоровъ. Извѣстно, съ какой неохотой знахари сообщаютъ простымъ смертнымъ эти заговоры. Рѣдко кто изъ нихъ рѣшится открыть кому изъ постороннихъ таинственныя магическія всеильныя слова, такъ какъ иначе, по существующему повѣрью, самъ знахарь можетъ потерять способность производить этими словами желательное дѣйствіе на людей. Тѣмъ не менѣе автору указанной статьи удалось записать заклинаніе противъ болѣзни, сообщенное ему по дружбѣ однимъ знахаремъ. Текстъ этого заговора, поражающаго своей бессмысленностью и странными религіозными понятіями, читается такъ: „Вставала раба—благословлясь. Вышла въ чисто поле—перекрестясь. Въ чистомъ полѣ, въ „зеленомъ“ дубровѣ, стоитъ дубъ короколистый. Подъ этимъ дубомъ стоятъ три святителя—Елисей да Алексѣй, Сама Мать Пресвятая Богородица (?) держитъ въ рукахъ ключи золотые, отпираетъ всѣ воды рѣчныя, озерныя, „колодицкія“; сомываетъ, соокачиваетъ тридцать урекъ съ уречищемъ, тридцать угодъ съ угодищемъ. Какъ съ гоголя вода, такъ съ раба Божія (имя рекъ) хворости бѣда. Аминь—Святому Духу! Не я заминоваль, заминоваль Самъ Богъ „Саваохъ“, Сама Мать Пресвятая Богородица (3 раза). Вреки—прореки, „лите въ глухіе мхи болоты, въ гнилыя колоды, гдѣ собаки не лають, пѣтухи не поють; тамъ ваше житенье, тамъ ваше ѣденье, тамъ ваше питенье, тамъ ваше утѣшенье“. И вотъ за такой безтолковой тарабарщиной, гдѣ самое упоминаніе о Богѣ и Его святыхъ не можетъ быть инымъ, какъ кощунственнымъ, признается громадная сила, исцѣляющая болѣзни. И темный сельскій людъ настолько вѣритъ въ эту силу, что остается непоколебимымъ, несмотря на всѣ разувѣренія. Попробуйте

сказать какому-нибудь сѣрому мужичку, что всѣ эти заклинанія—чепуха; онъ, не задумаясь, броситъ вамъ упрекъ въ невѣріи въ Самого Бога. Да вы ужь, извѣстно, не вѣрите; по вашему, пожалуй, и Бога то нѣтъ.“ А станешь убѣждать его, что употребленіе заклинаній—даже грѣхъ, онъ васъ положительно не пойметъ: „какой же грѣхъ въ словахъ, гдѣ упоминается Самъ Богъ? По вашему, пожалуй, и молитва—грѣхъ“.

Много, много еще пастырямъ Церкви надо трудиться надъ разсѣяніемъ темноты народной и искорененіемъ всякихъ суевѣрій. Борьба эта необходима, такъ какъ суевѣрія отвлекаютъ людей отъ Церкви Христовой, побуждая ихъ искать помощи гдѣ-то на сторонѣ, а не въ богатой церковной сокровищницѣ.

Обезпеченіе духовенства.

Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства въ сильной степени занимаетъ и тревожитъ въ настоящее время очень многихъ служителей Церкви. И это, конечно, не потому, что духовенство стремится къ обогащенію, къ привольной и сытой барской жизни,—у нашего почти нищенствующаго духовенства даже не могутъ возникнуть подобныя стремленія,—а потому, что духовное сословіе силится вырваться изъ того унижительнаго положенія, въ которомъ сейчасъ находится, стремится выбиться изъ тяжелой гнетущей нужды на путь сколько-нибудь приличнаго независимаго существованія. Это теперь самый наболѣвшій и жгучій вопросъ, приобрѣвшій тѣмъ большую остроту, что прихожане день ото дня дѣлаются все скупѣе и скупѣе на добродетельныя даянія въ пользу клириковъ и даже часто грубо обвиняютъ ихъ въ вымогательствѣ и поборгахъ. Десятки проектовъ предлагались въ духовной печати для рѣшенія данной проблемы, десятки плановъ строились для обезпеченія участи служителей Церкви. Говорилось и о сокращеніи приходовъ, или точнѣе—о соединеніи нѣсколькихъ теперь существующихъ приходовъ въ одинъ при одномъ священникѣ; тракто-

валось и объ обложеніи прихожанъ и даже церквей въ пользу духовенства. Но болѣе всего говорилось и говорится объ обезпеченіи духовенства со стороны казны. Однако, въ виду того, что подобный расходъ можетъ оказаться для государства тяжелымъ и непосильнымъ бременемъ, нѣкоторые предлагаютъ не возлагать на казну всецѣло расходы по содержанію духовенства, а только отчасти, недостающую же сумму изыскать изъ мѣстныхъ средствъ. Такихъ проектовъ тоже немало и къ нимъ принадлежитъ, нельзя сказать, чтобы удачный, проектъ „сельскаго священника“ на страницахъ „Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Авторъ, ссылаясь на то, что нормой церковнаго землевладѣнія принято считать 33 десятины, предлагаетъ „излишекъ“ противъ этой нормы въ каждомъ приходѣ продать крестьянамъ и деньги положить въ казну. Взавѣтъ того казна должна взять на себя обязанность повысить жалованье каждому причту хотя бы до 1000 рублей. Такимъ путемъ, по разсужденію автора, не только разрѣшится вопросъ о жалованьѣ, но будутъ достигнуты еще и слѣдующія выгоды для духовенства: приходы болѣе или менѣе будутъ уравниены въ земельномъ отношеніи, а крестьяне потеряютъ лишній предлогъ къ враждѣ противъ духовенства, вызываемой большимъ количествомъ церковнаго землевладѣнія. Авторъ такъ убѣжденъ въ цѣлесообразности своего плана, что указываетъ на необходимость провести его немедленно въ жизнь. „Отчужденіе части церковной земли, пишетъ онъ, въ видахъ самосохраненія, должно быть произведено по инициативѣ Св. Синода какъ можно скорѣе, потому что рано или поздно, этотъ вопросъ будетъ поднятъ въ Государственной Думѣ, и если это дѣло будетъ оттянуто на дальнѣйшее время, то оно приведетъ къ очень печальнымъ для насъ результатамъ“.

Мы не будемъ касаться вопроса, сколько получить казна отъ продажи „излишка“ церковной земли и покроетъ ли она этой суммой свои расходы по содержанію духовенства. Чтобы говорить опредѣленно объ этомъ, надо располагать точными цифровыми данными количества церковной земли въ Россіи,

которыхъ у насъ подь руками нѣтъ. Но намъ хотѣлось бы кратко коснуться тѣхъ „выгодъ“, которыхъ ожидаетъ авторъ указаннаго проекта отъ продажи части церковныхъ земель. Можетъ ли служить, вообще, такая продажа уравненію приходовъ въ земельномъ отношеніи? Едва ли. Вѣдь цѣнность землевладѣнія измѣряется не столько количествомъ десятинъ, сколько количествомъ земли, и въ силу этого 100 и болѣе десятинъ песчаной почвы не могутъ итти въ сравненіе съ 33-ми десятинами хорошаго чернозема. Кромѣ того, цѣнность земли и ея доходность зависятъ много отъ разныхъ мѣстныхъ условій: отъ близости ея къ городу, къ промышленному центру, къ желѣзной дорогѣ, къ судоходной рѣкѣ и т. д. Земельныя угодья, вблизи которыхъ расположены сахарные, винокуренные и другіе заводы, несравненно доходнѣе угодій, находящихся далеко отъ такихъ заводовъ, хотя бы качество той и другой земли было одинаково. Одна и та же по качеству земля можетъ сдаваться по 5 и по 50 р. за десятину, въ зависимости отъ степени ея близости къ промышленнымъ пунктамъ. И такую разницу въ цѣнности земли можно наблюдать не только въ предѣлахъ двухъ—трехъ смежныхъ губерній, но даже часто на прострѣствѣ одного и того же уѣзда. Ну какое тутъ можетъ быть уравненіе при посредствѣ мертвыхъ цифръ? Тридцать три десятины песку и столько же тучнаго чернозема; 33 десятины въ бойкомъ промышленномъ краѣ и такое же количество гдѣ-то въ глуши,—это величныя совершенно различныя и сравнивать ихъ нельзя. Столь же призрачна, думается намъ, и вторая „выгода“ отъ продажи „излишка“. Крестьяне всегда и вездѣ завидуютъ духовенству, завистливо посматриваютъ на церковную землю и не стѣсняются высказывать пожеланія, чтобы эта земля перешла въ ихъ руки. По мнѣнію крестьянъ, духовенство обеспечено отлично, живетъ богато и оно ничего особеннаго не потеряетъ, если будетъ лишено церковныхъ земель. Крестьянинъ завидуетъ духовенству потому, что, во-первыхъ, онъ самъ бѣденъ, бѣднѣе во всякомъ случаѣ священника и псаломщика; а во

вторыхъ—потому, что онъ темень и въ силу этой темноты не можетъ сознать, что у священника—образованнаго чело-вѣка—есть высшіе, чѣмъ у него интересы, есть высшія культурныя нужды, требующія и большихъ расходовъ, чѣмъ какіе несетъ крестьянинъ. Продайте же при такихъ усло-віяхъ „излишекъ“ причтовой земли, и что получится? 33 церковныхъ десятины, все равно, будутъ казаться бѣдняку-крестьянину цѣлымъ богатствомъ, а причтъ, пользующійся ими да еще получающій тысячу рублей и плату за необяза-тельное требоисправленіе, представится ему еще побогаче, чѣмъ прежде. Въ результатѣ останется та же зависть и вражда, какая проявлялась и раньше по отношенію къ духо-венству со стороны темнаго сельскаго люда. Особенно, конечно, не можетъ быть и рѣчи о такомъ измѣненіи чувствъ крестьянина въ той подавляющей массѣ приходовъ, гдѣ зе-млевладѣніе сводится къ 35—40 десятинамъ. Большая ли разница между 33 и 35-ю десятинами, и можетъ ли отчужденіе 2-хъ десятинъ внести какую-нибудь перемѣну въ отношенія крестьянъ къ своему причту? Что касается, наконецъ, немед-ленной продажи „излишка“ земли сразу во всѣхъ приходяхъ, да еще по инициативѣ Св. Синода, то можно смѣло сказать, что это было бы актомъ не „самосохраненія“, а саморазо-ренія. Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить. Ужъ если бояться того, что Дума когда-то отберетъ землю у причтовъ, то не лучше-ли на основаніи подобныхъ предположеній отка-заться духовенству заблаговременно и отъ церковныхъ школъ, которымъ не разъ грозила опасность отъ Государственной Думы, и отъ нравъ священника въ приходѣ, на которыя покушается лѣвое крыло Думы, и отъ нравъ духовенства на участіе въ выборахъ и т. д. Если когда-либо и суждено духовенству лишиться части или всей церковной земли, то пусть отберетъ ее лучше Дума: по крайней мѣрѣ, это будетъ разореніе, а не саморазореніе причта. Но будемъ надѣяться, что пока жива *православная* Россія, пока стоитъ во главѣ ея православный Царь-Защитникъ Св. Церкви, духовенство

не будетъ обижено, и причтовья земли не будутъ отняты или урѣзаны. Церковной землею необходимо дорожить и надо стремиться не къ отчужденію „излишнихъ“ десятинь, а къ сбереженію каждой сажени, чтобы ни одна пядь церковной земли не отошла въ чужое пользованіе. Въдь ничто такъ не растетъ быстро въ цѣнѣ, какъ земля. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ небольшіе церковные участки по стоимости своей будутъ представлять солидное владѣніе, что понимаетъ прекрасно и авторъ проекта. Къ чему же, поэтому, отказываться отъ „излишка“ земли, который и въ настоящее время имѣетъ для причта немалое значеніе, а въ будущемъ тѣмъ болѣе? Вопросъ же объ уравненіи матеріальнаго обезпеченія духовенства не лучше ли разрѣшить путемъ усиленнаго жалованья тѣмъ причтамъ, приходы которыхъ бѣдны и земельные участки недостаточны или со стороны качества почвы или же со стороны количества десятинь. Расходовъ тутъ нечего страшиться: духовенство своей служебной дѣятельностью приноситъ несомнѣнно, громадную пользу государству, а потому долгъ послѣдняго обезпечить сколько-нибудь прилично бѣдствующихъ въ матеріальномъ отношеніи служителей Церкви.

Б.

„Ваничка помогъ“.

Разсказъ.

I.

Пробилъ звонокъ послѣ второго урока. Классы растворились и коридоры наполнились семинаристами. Настало обычное оживленіе.

— Петя, тебѣ письмо,—закричалъ одинъ юноша, вбѣгая въ шестой классъ и протягивая стройному, красивому другу Петру Дубровину синій конвертъ.

— Отлично. Это вѣрно изъ дома.

Любопытно, что тамъ пишутъ.

Дубровинъ съ живостью схватился за письмо, распечаталъ его и углубился въ чтеніе. Но по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, лицо его дѣлалось все тревожнѣе и тревожнѣе. Въ глазахъ промелькнулъ испугъ. Легкая блѣдность покрыла щеки.

— Можетъ-ли это быть? Нѣтъ, я не вѣрю,—почти съ отчаяніемъ прошепталъ онъ. Онъ перечиталъ еще разъ, взвѣшивая каждое слово. Письмо было длинное и довольно туманное. Его отецъ какъ-то не умѣлъ выражаться ясно и просто, а на этотъ разъ туманность переступила даже свои обычныя границы. Отецъ писалъ, что онъ озабоченъ пріисканіемъ сыну невесты, что въ наше время такъ трудно найти хорошую дѣвицу, особенно для будущаго пастыря. И за при-мѣромъ ходить не далеко. Дочь мѣстнаго дьякона Антонина, которую онъ считалъ дѣвицей образцовой, однако обнаруживаетъ нѣкоторые недостатки въ характерѣ, съ которыми трудно мириться. Впрочемъ, добавлялось въ письмѣ, къ ней сватался учитель изъ сосѣдняго села и, какъ слышно, дѣло можетъ и наладиться.

— Нѣтъ, это нелѣпо! Это дико!... Она такъ меня любить. И—вдругъ „дѣло наладится“?.. О, Боже мой, я долженъ все узнать!... И что случилось съ отцомъ? Какіе онъ нашелъ въ Тонѣ недостатки?...

Юноша сунулъ письмо въ карманъ и крайне озабоченный, взволнованный вышелъ пройтись по семинарскому саду.

— Надо непременно узнать все... Или Тоня, или никто,—рѣшилъ онъ.

Товарищи замѣтили блѣдность и растерянность Дубровина.

-- Что съ тобой?

— Неможко нездоровится.

— Иди въ больницу. Отдохни денька два—три.

Юноша только махнулъ рукой.

— Пройдетъ.

Вечеромъ онъ настрочилъ отцу еще болѣе длинное письмо.

„Твои разсужденія объ Антонинѣ Васильевнѣ меня очень удивляютъ“ писалъ, между прочимъ, онъ; „раньше ты о ней всегда отзывался съ большой похвалой, а теперь заговорилъ почему-то о недостаткахъ. Это меня и смущаетъ и удивляетъ. Но знай, папа, что я ее очень люблю. Мы вѣдь друзья дѣтства. Я горячо вѣрю въ ея взаимныя чувства. И если-бы она мнѣ измѣнила,—это было бы для меня страшнымъ ударомъ. Но я думаю, что этого не случится. Иначе не ругаюсь за себя. Понимаешь? Пожалуйста, напиши мнѣ еще поскорѣе и подробнѣе о сватовствѣ. Увѣренъ, что Антонина Васильевна не дастъ своего согласія. Скоро экзамены, а тамъ и свобода“.

Юноша немедленно сдалъ письмо на почту.

II

Исаломщикъ Дубровинъ коренастый, невысокаго роста мужчина сидѣлъ на узкомъ, обитомъ ситцемъ, диванѣ и сосредоточенно курилъ папиросу. Нахмуренныя брови, угрюмое лицо явно выдавали скверное настроеніе духа. Его жена, Августа Родіоновна, худощавая, высокая женщина, раздраженно возилась у чайнаго шкафа.

— Будетъ ворчать: надоѣла,—проговорилъ исаломщикъ, вынимая папиросу изъ рта.

— И не замолчу!—огрызнулась та, ожесточенно стуча ложечками.—Было-бы передъ кѣмъ молчать-то!

— Я мужъ... Ты должна слушать...

— Въ чемъ другомъ послушаю, а въ этомъ никогда. Счастье моего Петеньки дороже твоей ссоры и ворчли.

— А я ему развѣ не желаю счастья? Дура...

— Конечно, не желаешь. И какъ у тебя у безсовѣстнаго рука-то поднялась написать сыну такую чепуху? Плачетъ, навѣрное, бѣдный, тоскуетъ. А того и не знаетъ, что папеньки тутъ поцапались, а дѣти и виноваты стали. Ахъ, жизнь, жизнь... Вотъ гдѣ правда!.. И чѣмъ Петенька-то виновать? За что ты убилъ его своимъ дурацкимъ письмомъ?

— Ну, ужъ: и убиль? Скажешь тоже...

— Тебѣ легко рассуждать! А что ему, думаешь, пріятно было читать твою чепуху?

— Авка, молчи!...

— Не замолчу. Бей меня, а не замолчу. Врагъ ты своему сыну, вотъ что.

— Тѣфу...

Псаломщикъ плюнулъ.

— Чего плюешься? Развѣ я неправду говорю? Ну-да, да, конечно врагъ. Петенька любитъ Тоню, а ты написалъ о какихъ-то ея недостаткахъ, да о сватовствѣ. Каково-то ему бѣдному было все это читать! О, Господи! И вотъ видишь, что онъ пишетъ. Не ручаюсь, говорить, за себя. Да какъ тебя будетъ носить земля, если Петенька и вдругъ?... Жена не договорила и заплакала.

— Никакого „вдругъ“ не будетъ, — увѣренно заявилъ псаломщикъ: — нашъ Петръ кончаетъ студентомъ, ему дадутъ лучший приходъ. А за такого-то любая дѣвушка съ удовольствіемъ пойдетъ. И городская поповна не побрезгуетъ. Вотъ что... А вы все носитесь со своей Антониной. Что она ему? Дочь дьякона и все...

Да вѣдь онъ ее любить! — вскричала псаломщица, вся вспыхнувъ.

Псаломщикъ презрительно свистнулъ.

— Велика важность. И другую полюбить. А противъ отцовской воли идти неслѣдъ. Я сказалъ, что этой свадьбѣ не бывать — и не бывать.

— Эхъ, Семень, Семень: и много же гордости въ тебѣ сидить!... Пустяшная ссора-то вѣдь была. Другой бы давно помирился, а ты все бѣса тѣшишь.

— Пустяшная? — даже вскочилъ на ноги псаломщикъ: — и ты называешь ее пустяшной?! По бабьему уму это, пожалуй, и такъ, ну, а по моему иначе. Я, голубушка, двадцать пять лѣтъ пою на клиросѣ, уставъ знаю, какъ пять своихъ пальцевъ. И во всякомъ случаѣ не дьякону меня учить.

Отъ настоятеля я еще стерплю, а не отъ дьякона. Я въ тысячу разъ лучше его все понимаю. Онъ только знаетъ „паки“ да „паки“, а вѣдь я долженъ вести все чтеніе и пѣніе. Это что-нибудь да значить. Или по-твоему—пустяки?

— И все таки, если бы ты былъ умнѣе, то отошелъ-бы отъ ссоры.

— Не могъ я. Пойми ты, Авка, не могъ.

Эхъ, длиненъ у васъ волосъ, да умишко-то коротокъ. Если-бы дѣло было одинъ на одинъ,—пожалуй, стерпѣлъ-бы. И промолчалъ-бы. Слова-бы не сказалъ. А тутъ цѣлое собраніе. Были и Толоконниковы, и Гвоздевы, и Бѣлоусовы. Могъ-ли я промолчать? Вся душа у меня загорѣлась, когда онъ упрекнулъ меня въ ошибкѣ и незнаніи.

— Налилъ глаза-то виномъ, вотъ я загорѣлась, — желчно замѣтила жена.

— На именинахъ не прикажешь-ли ничего не пить? На то и именины...

— А мѣра? Нализались до зеленого змѣя и давай лаяться. А то и забыли, что у одного сынъ женихъ, а у другого дочь невѣста. Охъ это проклятущее вино! И все зло изъ-за него. И зачѣмъ только люди пьютъ его. Не напились бы—ничего бы и не вышло. А теперь заварили кашу. Расхлебывай-ка ее.

— Не безпокойся. Не твое дѣло,—буркнулъ мужъ.

— Вотъ оно какъ! Да не замѣшайся бы тутъ Петенька—слова бы я не сказала. А коли идетъ дѣло о счастья Пети—ну, пзвини, не уступлю. И на ссору вашу наплевать. А если они такъ любятъ другъ друга, то быть свадьбѣ.

— Это мы еще посмотримъ: кто кого?

— Быть свадьбѣ, быть!...

— Только попробуй, — погрозили псаломщикъ:—да и смѣшно же ты разсуждаешь. Нашъ дьяконъ не такъ глупъ, чтобы отдать теперь за нашего Петра дочь. Вотъ нашла дурака. И онъ тоже имѣетъ свое самолюбіе.

Жена фыркнула и, и не считая нужнымъ продолжать неприятный разговоръ, скрылась въ кухню. Псаломщикъ продолжалъ дымить папирсой.

III.

Въ существѣ дѣла вышла очень преглуная и заурядная исторія. И Августа Родіоновна была права. Этого въ глубинѣ души не могъ не сознавать и ея мужъ.

Ну, выжили, поспорили... Съ кѣмъ не бываетъ грѣха? Одинъ Богъ безъ него. А случилось, однако, такъ, что съ того злополучнаго дня ни дьяконъ, ни псаломщикъ другъ къ другу ни ногой. Словно и не знакомы. Въ церкви встрѣчаются—не смотрятъ другъ на друга, не здороваются, не кланяются. Пробоваль было мѣстный священникъ о. Палладій ихъ помирить, но куда: и слушать не хотятъ о мирѣ.

— Вотъ вы возглашаете въ церкви о мирѣ всего міра, а сами и со своимъ псаломщикомъ примириться не хотите,—стыдилъ дьякона священникъ.

— Да, о мирѣ всего міра я молюсь. Это вѣрно. Но псаломщикъ другая статья. Онъ подъ прошеніе тутъ не подходитъ. Пусть смирится первый. Онъ задралъ носъ со своимъ уставомъ. Онъ первый и пусть принесетъ повинную.

— Ахъ, гордость, гордость,—качалъ головой о. Палладій.

Не внималъ увѣщаніямъ священника и псаломщикъ.

— Мнѣ подъ пятьдесятъ лѣтъ,—говорилъ онъ:—я четверть столѣтія пою на клиросѣ, и не дьякону давать мнѣ указанія. Онъ на десять лѣтъ моложе меня. Это что-нибудь да значить. А вѣдь правда-то, батюшка, моя вышла. Я побѣдилъ. Я потомъ справлялся въ Тишконѣ. Съ чего же мнѣ первому къ дьякону идти съ повинной? Пусть онъ идетъ. Онъ ошибся—онъ и винись. Псаломщикъ рѣшительно не хотѣлъ идти на мировую. О. Палладій скорбѣлъ за разладъ своихъ сослуживцевъ. Вражда, не уничтоженная вначалѣ, разгоралась и крѣпла. Ни одинъ изъ противниковъ не хотѣлъ первымъ протянуть руку для примиренья.

— И съ чего же я извиняться-то буду?—разсуждалъ самъ съ собой псаломщикъ послѣ ухода жены въ кухню:— вотъ новости. Онъ первый долженъ извиниться. Дѣйствительно, все это вышло глупо, неожиданно... Но что же дѣлать? Поживемъ—увидимъ. Эхъ, и дурацкія же штуки выкидываетъ жизнь... Тьфу...

Псаломщикъ былъ не въ духѣ. Размолвка съ женой горечью наполнила его душу. И угораздило же ее первой получить письмо отъ сына. Прочитай бы онъ самъ,—онъ непременно скрылъ бы его, и ничего бы не вышло. А теперь содомъ до потолка. Да и въ будущемъ предстоитъ пиленье. Но въ самомъ дѣлѣ: развѣ возможна свадьба при теперешнихъ обстоятельствахъ? А Петру этимъ лѣтомъ надо жениться, стало-быть, невѣсту придется искать гдѣ-нибудь на сторонѣ. Конечно, хлопотливо... Ну, да невѣстами-то теперь хоть огородъ городи. Есть этого товара вдоволь. Только купцовъ мало.

— Обойдется. Все устроимъ, -- пробормоталъ псаломщикъ.

Въ комнату заглянула жена.

— Я ухожу.

— Куда?

— Къ Зоѣ Павловнѣ.

Псаломщикъ сдвинулъ брови.

— Къ дьяковицѣ? Зачѣмъ?

— А что: развѣ мнѣ и въ гости нельзя идти? Дудки, Семень. Вы тамъ ссорьтесь сколько вашей душѣ угодно, хоть глаза себѣ выцарапайте, а мы съ Зоей Павловной остались и останемся въ прежнихъ отношеніяхъ. Не ссориться же прикажешь и намъ. Мы, слава Богу, до такого озорства не дошли. Ну, я иду.

— Не ходи, Августа.

— Это почему?

— Ну, а не думаешь, что передъ тобой дьяконъ захлопнетъ дверь?

— Что-о? Захлопнетъ дверь? Передо мной? Нѣтъ, этого слѣдуетъ и Зоя Павловна не дозволить.

— Увидимъ.

— Ничего не увидишь. Чаю захочешь — попроси Пелагею поставить самоваръ.

Эхъ, лучше бы ты не ходила, — пробурчалъ псаломщикъ.

Но жена уже не слыхала. Захвативъ письмо сына, она направилась къ дьяконскому дому.

И. Поповъ-Пермскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе) ¹⁾.

Приготовленіе пчелъ къ роенію. Закладка маточниковъ, а въ особенности появленіе въ нихъ личинокъ, есть уже безошибочный показатель скорого роенія. Пчелы это лучше насъ чувствуютъ и постепенно начинаютъ готовиться къ этому пріятному для нихъ акту выселенія въ новое, свободное, въ мѣру прохладное помѣщеніе. Вотъ въ эту именно пору отдѣляется отъ нихъ группа пчелъ развѣдчиць, съ большимъ прилежаніемъ разыскивающихъ подходящее помѣщеніе для новой совмѣстной, но уже не такъ стѣсненной жизни. Приготавливаютъ пчелы къ роенію и свою, отяжелѣвшую отъ увеличенія яичниковъ, госпожу; онѣ дають ей гораздо меньше пищи, и она, уменьшаясь въ объемѣ, съ каждымъ днемъ дѣлается все легче и легче и наконецъ, получаетъ возможность подняться на воздухъ. Но вотъ приходитъ и восьмой день съ момента снесенія яичка въ первую маточниковую мисочку; маточникъ удлиненъ до послѣдней стѣпени, а къ концу восьмого дня уже и запечатанъ.

¹⁾ См. № 28 за 1913 г.

Запечатанный маточникъ является какъ бы сигналомъ къ послѣднимъ приготовленіямъ.

Роеніе. Обыкновенно на другой день послѣ запечатыванія перваго маточника выходитъ рой—*первакъ*. Внимательный пчеловодъ по нѣкоторымъ, даже виѣшнимъ перемѣнамъ въ состояніи пчелиной семьи, можетъ уже замѣтить, что сегодня выйдетъ рой. Работницы неохотно летять въ поле за взяткомъ, а улетѣвшія, по возвращеніи съ поля, неохотно идутъ въ улей, предпочитая оставаться на леткѣ и сохранять свѣже собранные запасы для новой семьи и для новаго хозяйства. На ножкахъ, сидящихъ въ это время у летка, пчелъ очень часто можно замѣтить шарики пылицы. Если погода вполне благопріятна для роенія, то между девятью и двѣнадцатью часами утра, а то и позже, можно ожидать роя.

Первакъ. Наступилъ, наконецъ, и желанный моментъ. Пчелы, сидящія на леткѣ, сразу притихли и какъ будто прислушиваются къ какому-то шуму, въ какой-то необыкновенной перемѣнѣ настроенія, внезапно происшедшей внутри улья; еще два—три мгновенія, и все сразу перемѣнилось. Мирно сидящія снаружи улья пчелы, вдругъ зашумѣли и съ большой поспѣшностью устремились во внутрь его. Это онѣ убѣжали съ тѣмъ, чтобы возможно больше набрать меда. Наступила тишина, но не надолго,—ровно на столько времени, сколько его понадобится для того, чтобы набрать полный зобикъ сладкой влаги. Наконецъ, и это послѣднее дѣло сдѣлано,—пчелы съ запасами, и, какъ вода прорвавшейся плотины, каскадомъ устремились вонъ изъ улья. Брызжетъ улей, сыпетъ пчелами безъ разбора и, какъ сказочное чудовище страшень и кажется живымъ; а радостно настроенныя пчелы неугомонны въ общемъ весельи; вылетѣвъ изъ улья, онѣ бороздятъ воздухъ въ различныхъ направленіяхъ, занимая кругъ не болѣе трехъ—четырехъ сажень въ діаметрѣ и представляя сѣтку, неправильно сотканную изъ воздушныхъ нитей; но вотъ половина пчелъ уже вышла; на леткѣ появляется крупная, плодная матка и, ослѣпленная яркими лучами солнца,

пятится назадъ, стараясь проникнуть опять въ улей, но не тутъ то было,—живой водоворотъ увлекаетъ ее помимо ея желанія и сообщаетъ ей рѣшимость совершить воздушную прогулку. Взлетѣвъ на воздухъ, тяжелая матка не можетъ подняться такъ высоко, какъ поднялись ея рѣзвые дѣти; она не можетъ достигнуть того круга, какой заняли весело порхающія пчелки, и вотъ мы замѣчаемъ, что и волшебная, воздушная сѣтка понижаетъ свой уровень и все болѣе и болѣе сокращаетъ свой діаметръ и уплотняетъ ткань... А улей, отпустившій рой—первакъ?.. стоитъ онъ, какъ ни въ чемъ нѣ бывало,—совершенно покоенъ; гдѣ дѣвалась его недавняя, бьющая ключемъ, жизнь?!

Вышелъ рой окончательно и уплотнился въ воздухѣ; но вотъ мы замѣчаемъ, что онъ медленно подвигается въ сторону, устанавливая курсъ по направленію пути къ избранному пчелами жилищу. Устали обремененныя ношей пчелки, а еще болѣе устала непривычная къ полету матка; надо отдохнуть, какъ по русскому, доброму обычаю—присѣсть на минутку передъ дальней дорогой,—и собираются присѣсть наши, озабоченныя мыслью о предстоящемъ пути, пчелки. Первой садится на подвернувшуюся вѣтку ближайшаго дерева матка; къ ней присоединяется и ея вѣрная дружина, и черный, быстро растущій, клубъ пчелъ скоро укажетъ вамъ мѣсто прививки роя; но бываетъ и такъ, что пчелы, не дождавшись пока сядетъ матка, начинаютъ прививаться къ вѣткѣ прежде нея и своимъ энергичнымъ жужжаніемъ побуждаютъ сдѣлать то же и свою госпожу. Къ первой, появившейся на вѣткѣ, цѣпи пчелъ присоединяются очень скоро и всѣ пчелы, и черезъ двѣ—три минуты весь рой соберется въ кучу и совершенно успокоится, какъ бы замретъ на нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное время. Если пчеловодъ не соберетъ роя въ роевню и не дастъ ему хорошаго помѣщенія у себя на пасѣкѣ, онъ, приблизительно черезъ часъ, съ энергичнымъ, озабоченнымъ шумомъ улетитъ въ заранѣе выбранное развѣдчицами помѣщеніе.

Въ виду того обстоятельства, что первакъ почти всегда выходитъ съ плодной маткой, которой авіація не особенно пріятна, рой этотъ не долго играетъ въ воздухѣ; онъ скоро прививается, причемъ мѣсто прививки выбираетъ на низкихъ вѣтвяхъ. Уйдя бѣглецомъ съ пасѣки, первакъ летитъ довольно продолжительное время, но сѣвши по нуждѣ на отдыхъ, не охотно снимается и можетъ просидѣть на одномъ мѣстѣ болѣе сутокъ и даже совершенно погибнуть и растеряться, не сходя съ мѣста; это зависитъ, конечно, отъ того, что тяжелая матка, выбившись изъ силъ, теряетъ возможность летѣть дальше; если же она остается на мѣстѣ, остаются съ ней и ея вѣрные приверженцы.

По величинѣ перваки бываютъ разны, что вполне зависитъ отъ силы семьи, отпущившей рой. Сильный первакъ можетъ вѣсить восемь фунтовъ и даже больше, но бываютъ, хотя и рѣдко, перваки совсѣмъ слабые—не больше чetyрахъ--пяти фунтовъ. Какъ-бы тамъ ни было, но перваки очень цѣнны, и самый слабый изъ нихъ можетъ очень скоро обстроиться и придти въ силу. Съ первакомъ выходятъ и трутни, но въ самомъ незначительномъ количествѣ; они болѣе охотно идутъ съ тѣми роями, гдѣ матки еще не оплодотворены.

Вторажъ. Приблизительно дней черезъ шесть по выходѣ первака, выходитъ изъ маточника первая матка; окрѣпнувъ немного, она какъ мы знаемъ, ходитъ по пластамъ сотовъ съ цѣлью разыскать и уничтожить созрѣвающихъ въ маточникахъ своихъ соперницъ. Въ томъ случаѣ, если пчелы не допустятъ старшую матку къ сестроубійству, что почти всегда случается при наличности въ полѣ взятка, она суетится и въ безпокойствѣ бѣгаетъ туда и сюда по пластамъ сотовъ, причемъ издаетъ тревожные сигналы, очень схожіе съ междометіями звукоподражательной человѣческой рѣчи: тю-тю-тю или пію-пію-пію; первое *тю* всегда протяжнѣе послѣдующихъ. Такіе сигналы у пчеловодовъ называются *тюканіемъ* или *тѣніемъ матки*. Во время тюканія, матка всегда останавливается, прижимается къ сотамъ и трепещетъ крылышками.

Такъ какъ закладка первыхъ маточниковъ не имѣетъ большихъ промежутковъ во времени, то и созрѣваніе ихъ происходитъ почти одновременно; и въ то время, когда матка, вышедшая первой, суетится и тревожно сигнализируетъ, вырѣзываются изъ маточниковъ и слѣдующія матки, но, слыша грозные сигналы старшей своей сестрицы, онѣ не смѣютъ выдти изъ своихъ убѣжищъ, а лишь просовываютъ черезъ щелочки подрѣзанныхъ крышечекъ хоботки, прося у проходящихъ мимо пчель корма, каковой и подаютъ имъ сердобольныя работницы. Заслышавъ тюканіе старшей матки, сидящія въ маточникахъ узницы отвѣчаютъ ей тѣмъ же. Отвѣтное тюканіе молодыхъ матокъ, стѣсненное тѣснотою помѣщенія, болѣе похоже на кваканіе лягушекъ или отдаленное клохтаніе насѣдки. Пчеловоды такъ и говорятъ: „слышно кваканіе или клохтаніе молодыхъ матокъ“.

Пѣніе и клохтаніе матокъ есть вѣрный признакъ приближенія выхода роя—вторака. Окрѣпнувъ за три дня и, говоря по человѣчески, много испортивъ себѣ отъ злости крови, вышедшая первой, старшая матка, раздосадованная невозможностью убить соперницъ, окончательно теряетъ терпѣніе и съ толпой своихъ приверженцевъ, изъ числа старыхъ, летныхъ пчель и только что облетѣвшихся—молодыхъ, бросаетъ материнскій улей и уходитъ съ роємъ. Рой этотъ будетъ вторымъ по счету и потому называется *вторакомъ*. Такъ какъ къ этому времени успѣваютъ совершенно окрѣпнуть и квакающія, молодыя узницы, то и онѣ, пользуясь суматохой, оставляютъ свои узилища и вылетаютъ съ вторакомъ. Вотъ почему во вторакѣ зачастую можно насчитать нѣсколько матокъ.

Процессъ роенія вторака точно такой же, какъ и первака, съ той лишь разницей, что вторакъ кружится въ воздухѣ дольше и прививается на вѣтвяхъ выше первака, что объясняется легкостью неоплодотворенныхъ еще матокъ. Трутней во вторакѣ бываетъ уже больше; ихъ можно счи-

тать здѣсь десятками и даже сотнями. Случается иногда, что рой—вторакъ прививается въ двухъ—трехъ мѣстахъ, что объясняется присутствіемъ въ немъ нѣсколькихъ молодыхъ матокъ; гдѣ сѣла одна изъ молодыхъ матокъ, тамъ садятся и ея приверженцы. Но пчеловоду не слѣдуетъ обращать вниманія на капризы вторака; всѣ его разрозненные части нужно собрать воедино, ибо въ противномъ случаѣ получатся не рои, а никуда негодные малыши.

Посаженный въ улей вторакъ прежде всего принимается за устройство своихъ домашнихъ дѣлъ. Въ томъ случаѣ, когда у вторака одна матка, дѣло обходится безъ хлопотъ; онъ немедленно принимается за чистку помѣщенія и устройство гнѣзда, т. е. за оттяжку сотовъ; въ томъ же случаѣ, когда у него нѣсколько матокъ, дѣло осложняется выборомъ достойной госпожи. При общей солидарности семьи относительно выбора матки борьбы между пчелами не бываетъ; онѣ сами и при томъ сообща распоряжаются съ матками по своему усмотрѣнію; обыкновенно онѣ выбираютъ старшую, къ которой успѣли уже достаточно привыкнуть за время ея хожденія по улью, остальныхъ же уничтожаютъ, обхватывая ихъ тѣсными небольшими клубочками и задавливая или зажаливая до смерти. Если посмотрѣть на другой день, по сборѣ вторака, въ его улей, то на днѣ всегда можно увидѣть два—три трупа мертвыхъ, молодыхъ матокъ. Иначе бываетъ въ томъ случаѣ, когда вторакъ разобьется въ кучки и сядетъ въ разныхъ мѣстахъ. За время короткаго пребыванія вмѣстѣ, каждая партія привыкнетъ къ своей избранницѣ, и хотя пчеловодъ соберетъ ихъ въ одно мѣсто и дастъ одно общее помѣщеніе, онѣ неохотно расстаются съ своими кандидатками и защищаютъ ихъ до послѣдней возможности. Въ такихъ случаяхъ завязывается между пчелами гибельная, партійная борьба, оканчивающаяся очень плачевно. Въ такихъ междоусобицахъ много погибаетъ пчелъ, этихъ драгоценныхъ работницъ для новой семьи, но можетъ случиться и еще худшее—погибаютъ иногда всѣ матки безъ исключенія.

Для предупрежденія гибельной рѣзни въ подобныхъ случаяхъ, т. е., если пчеловодъ замѣтитъ, что въ роѣ есть много молодыхъ матокъ, и у каждой изъ нихъ есть своя рать, совѣтуемъ пчеловоду поставить роевню съ собраннымъ роемъ въ холодное помѣщеніе, напр., въ погребъ; подъ вліяніемъ холода, пчелы соберутся въ тѣсную кучу и скорѣе придутъ къ соглашенію относительно достойной кандидатки.

На второй или на третій день, по водвореніи роя на мѣсто, избранная матка вторака совершить свой брачный вылетъ, и черезъ три дня появятся въ свѣже отстроенныхъ ячейкахъ яички. и все пойдетъ такъ, какъ и быть тому должно.

Третьякъ. Если пчеловодъ и по выходѣ вторака не приметъ надлежащихъ мѣръ къ прекращенію бесплоднаго роенія, то, обыкновенно, черезъ три дня послѣ вторака, выйдетъ третьякъ, а черезъ день, еще выйдетъ рой и т. д. до полного истощенія семьи. Въ материнскомъ ульѣ можетъ въ концѣ концовъ остаться лишь горсточка пчелъ, но зато множество трутней. Хотя въ такомъ, совершенно изроившемся, ульѣ и будетъ черезъ нѣкоторое время плодная матка, но она, безъ помощи пчелъ работницъ, не можетъ поправить плохихъ дѣлъ своей родной семьи; она, правда, нанесетъ яичекъ; оставшіяся пчелки воспитаютъ вышедшихъ изъ нихъ личинокъ, но такъ какъ всѣ, приносимые ими, запасы пойдутъ на выкормку дѣтки,—рой останется безъ запасовъ на зиму.

Процессъ роенія третьяка точно такой же, какъ и вторака; здѣсь также, какъ и тамъ, будетъ слышно пѣніе и клохтаніе матокъ, и точно такъ же окажется нѣсколько молодыхъ матокъ въ собранномъ роѣ. Рой третьякъ, а равно и всѣ послѣдующіе рои, не имѣютъ права на самостоятельное существованіе; по удаленіи матокъ, они должны быть возвращены или материнскому улью или присоединены къ какому-нибудь слабому рою. Какъ тотъ, такъ и другой рой приметъ покинутого пришельца, ибо онъ придетъ къ нимъ

не съ пустыми руками, а съ полными зобиками сладкаго нектара. Лучше всего, конечно, возвращать всѣ послѣдовательно выходящіе рои на изроившагося старика, а еще лучше предупреждать бесплодное роеніе, о чемъ мы будемъ говорить въ практической части нашихъ бесѣдъ.

Порои. Какъ мы уже сказали, всѣ рои очень энергичны въ работѣ; дѣло у нихъ спорится и такъ успѣшно подвигается впередъ, что къ концу медосбора рой имѣетъ и хорошую силу и достаточно запасовъ на зиму. Бываютъ иногда случаи, когда ранніе перваки отпускаютъ рой еще и отъ себя. Такіе рои называются *пороями*. Порои чрезвычайно энергичны въ работѣ и въ этомъ отношеніи они могутъ заткнуть за поясъ и своего родного отца. Если еще остается хоть одна недѣля медосбора, порои успѣютъ обстроиться и собрать достаточное количество запасовъ на зиму, но бываютъ съ ними и плачевныя послѣдствія.

Процессъ роенія пороевъ точно такой же, какъ и процессъ роенія вообще, а именно: первый рой будетъ съ плодной маткой, а второй,—и такой бываетъ,—съ неплодной. Разумѣется, что порои не желательны въ хорошей пасѣкѣ, но если бы кто пожелалъ допустить у себя такихъ оригинальныхъ выходцевъ,—онъ долженъ ограничиться пороємъ—первакомъ.

Уклоненіе отъ правильнаго роенія. Мы знаемъ, что рой—первакъ выходитъ съ плодной маткой и это обстоятельство нужно считать нормой или правиломъ; но бываютъ случаи уклоненія отъ этой нормы, ибо нѣтъ правила безъ исключенія. Если бы, напр., случилось, что матка, заложивъ нѣскольکو маточниковъ, исчезла по какой-нибудь причинѣ,—пчеловодъ-ли ее задавилъ по своей неосторожности, или она погибла естественной смертью—безразлично,—тогда вышедшая первой матка, имѣя соперницъ въ младшихъ маточникахъ, оберегаемыхъ пчелами, будетъ пѣть, а ея соперницы клохтать; словомъ воспроизведется картина выходящаго по правиламъ вторака, хотя въ данномъ случаѣ рой этотъ бу-

деть первакомъ. Въ отличіе отъ законнаго первака такой рой именуется *пѣвчимъ первакомъ*, Пѣвчій первакъ можетъ быть и со старой маткой, если бы, напр., выходъ первака задержался ненастной погодой на дней 8—9, т. е., до полной зрѣлости первой, молодой матки. Въ этомъ случаѣ старая, плодная матка будетъ пѣть, а сидящая въ маточникѣ молодая—клохтать.

Случается еще и такъ, что рой—первакъ, выйдя изъ улья, затеряетъ свою старую, плодную матку; она, напр., можетъ быть раздавлена пчеловодомъ на землѣ, гдѣ могла-бы очутиться отъ невозможности подняться на воздухъ; можетъ быть также убита чужими пчелами, ошибкой попавши не въ свой улей, при желаніи возвратиться обратно домой. Въ такомъ несчастномъ случаѣ рой, покружившись въ воздухѣ и даже привившись гдѣ-нибудь на вѣткѣ, возвращается обратно въ *материнскій улей*.

Въ томъ же случаѣ, когда, упавшая на землю и ползущая впередъ, матка будетъ замѣчена пчелами, онѣ всѣ соберутся около нея на землѣ и станутъ двигаться вмѣстѣ съ нею большой ратью до тѣхъ поръ, пока ихъ госпожа не остановится или не всползетъ на ближайшее дерево. Такой, марширующій по травѣ, рой называется *пѣшимъ*. Пѣшій рой можетъ быть еще и тогда, когда пчеловодъ, опасаясь проворонить первакъ, подрѣжетъ маткѣ одно крылышко. Матка съ подрѣзаннымъ крылышкомъ взлетѣтъ на воздухъ ни въ какомъ случаѣ не сможетъ; при попыткѣ взлетѣтъ, она лишь перекувыркнется въ воздухѣ и тутъ же около улья упадетъ на землю; если пчелы замѣтятъ ее,—онѣ сейчасъ же около нея и соберутся, въ противномъ случаѣ, полетавъ немного въ воздухѣ и даже привившись на вѣткѣ, возвратятся на старика. Пчеловодъ же пусть хорошо помнить про свою операцію съ обрѣзаніемъ у матки крылышка и если желаетъ воспользоваться своимъ, искусственно устроеннымъ, пѣшимъ роємъ, долженъ немедленно разыскать ползущую на землѣ матку, запереть ее въ клѣточку, положить на край

роевни и подвѣсить тамъ, гдѣ больше всего вьются роевья пчелы. Рой по запаху сейчасъ же найдетъ свою царственную узницу и соберется около нея—въ роевнѣ.

Измѣненіе выше указанныхъ сроковъ роенія можетъ быть по нуждѣ и, выражаясь вульгарно, по глупости. Въ первомъ случаѣ рой запаздываетъ съ выходомъ на нѣсколько дней, будучи задержанъ продолжительнымъ ненастьемъ, во второмъ—выходитъ раньше срока, будучи еще совершенно неготовымъ къ роенію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рой выходитъ раньше срока, плѣненный веселымъ жужжаніемъ, вышедшаго раньше какого-нибудь другого роя при весьма благоприятной для роенія погодѣ. Случается еще и такъ, что рой, будучи задержанъ продолжительнымъ ненастьемъ, выходитъ послѣ четырехъ—пяти часовъ вечера, если вдругъ прояснится погода и на дворѣ станетъ хорошо и тепло. Можетъ еще и такъ случиться, что рой выйдетъ очень рано, далеко раньше обычнаго срока утренняго роенія; это можетъ произойти въ томъ случаѣ, когда, вполне готовый къ выходу, рой будетъ наканунѣ задержанъ ненастьемъ.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го іюля 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингов. ул. № 6.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 31

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 28-го іюля.

Содержаніе: I. Къ свѣдѣнію пастырей. Свящ. Ал. Введенскій.—II. Запѣтки
о церковно-общественной жизни. Б.—III. Толковый Тишиковъ (Про-
долженіе). М. Скабаллановичъ.—VI. Ваничка помогы. (Продолженіе).
И. Поповъ-Пермскій.—V. Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе).
Діаконъ Г. Лислянскій.

Къ свѣдѣнію пастырей.

(Къ полемикѣ со старообрядцами).

По свидѣтельству епархіальныхъ миссіонеровъ, въ ру-
кахъ старообрядческихъ начетчиковъ появилась въ послѣднее
время довольно соблазнительная для православныхъ христіанъ
книга подъ такимъ заглавіемъ: „Откровенія Мееодія патар-
скаго и апокрифическія видѣнія Даниїла въ византійской и
славяно-русской литературахъ. Изслѣдованіе и тексты.
В. Истрина. Москва. 1897 года.

Въ этой книгѣ многіе пункты старообрядческаго кати-
хизиса находятъ для себя полное оправданіе и подтвержденіе,

а истины христіанскаго православнаго вѣроученія подвергну-ты сомнѣнію и опроверженію со стороны святаго священно-мученика Меѳодія, еп. патарскаго.

Вотъ примѣры.

На 247 страницѣ мы читаемъ: „Въ книгѣ святаго священномученика Меѳодія, епископа патарскаго, въ словѣ 63 между прочимъ написано: въ послѣднее время людіе будутъ молиться Троицею, сирѣчь тремя перстами безъ воплощенія Сына Божія и за то осуждены будутъ въ муку вѣчную, ибо де насъ спасе Христось божествомъ и чловѣчествомъ“.

Явное оправданіе двушерстія!

Далѣе, на 111 страницѣ названной нами книги читаемъ еще болѣе поразительныя слова. Именно: „И отыметса почестъ іереомъ и престанеть литургія Божія, и не будетъ жертвы во всѣхъ церквахъ. И будутъ понове яко простіи людіе“¹⁾.

Торжествующій расколоучитель спѣшитъ дать соотвѣтствующее толкованіе и поясненіе только что выписанныхъ словъ, приблизительно въ такомъ родѣ:

„Ну, что, щепотники, какова теперъ ваша церковь? Каковы ваши попы? Св. отецъ говоритъ, что въ послѣднія времена литургію служить будетъ некому—попы будутъ простецы-мужики. Такъ оно и есть у насъ, древле-православныхъ. А у еретиковъ, конечно, будетъ и церковь и попы, но не истинные, а ложные.. Вотъ и выходитъ, что всѣ теперешніе попы—еретики и что всѣ вы съ этими попами погибнете“²⁾.

Толкованіе правильное. Выводъ вполне естественный. И потому какой огромный соблазнъ создается для православныхъ христіанъ!

А вотъ что св. Меѳодій говоритъ о послѣднемъ антихристѣ:

¹⁾ См. Симбир. Епарх. Вѣдомости, № 6, 1913 г. стр. 283.

²⁾ Тамъ-же, стр. 285.

„Разумѣй, возлюбленній, единогласно вси святїи отцы глаголють, яко антихристъ чернецъ будетъ, въ новомъ Іерусалимѣ, въ послѣднемъ третіемъ Римѣ имать царствовать“. На поляхъ замѣчено: „въ Москвѣ“ 1).

Тутъ уже очевидно, что рѣчь идетъ о патріархѣ Нико-нѣ и потому приободренные старообрядческіе начетчики такъ начинаютъ ораторствовать предъ своими слушателями:

„Развѣ не исполнилось все это? Развѣ не былъ въ 1666 году въ Москвѣ антихристъ-чернецъ, патріархъ Нико-нѣ? Развѣ не гналъ онъ тогда за старую вѣру нашихъ благочестивыхъ предковъ—Аввакума, Лазаря, Никиту и др.? Все это было и исполнилось, какъ и написано объ этомъ у того же св. отца Меѳодія патарскаго“ 2).

На 217 страницѣ книги Истрина мы находимъ какъ бы пророчество о старообрядческой общинѣ, которое съ буквальной точностью исполнилось въ 19 вѣкѣ.

Вотъ оно:

„Изъ книги Меѳодія, патарскаго патріарха, отъ слова 60 о послѣднихъ временахъ и дняхъ. Въ послѣднее время вопроситъ царь и отъ мертвыхъ дани. Въ то убо время людіе отречутся святыя истинныя православныя христіанскія вѣры и истиннаго крещенія и честнаго животворящаго креста Господня безъ мукъ, и безъ ранъ, и безъ біенія. А не хотящїе же тогда отрещися святыя истинныя православныя христіанскія вѣры и святаго крещенія и истиннаго и животворящаго креста Господня, ови сами себе въ домѣхъ своихъ сожигаютъ, и инїи же въ рѣкахъ и въ озерахъ утопающе, иные же съ храмины рынещеся и убиваютъ. И сихъ убо вмѣнитъ Богъ въ мученики. А пастыріе же въ то время будутъ блудницы и чародѣи. И нища и сиры и никтоже не помилуетъ“.

1) Искрицъ. стр. 246,

2) Сим. Еп. Вѣд. стр. 286.

Поразительныя, прямо таки пророческія слова! Въдъ св. Меѳодій жилъ въ 3 вѣкѣ, но говоритъ и пишетъ онъ такъ, какъ будто жилъ въ послѣднія столѣтія, видѣлъ всѣ ужасы старообрядческой жизни, зналъ всѣ особенности „древляго благочестія“.

Неудивительно посему, что старообрядцы особенно чтутъ эту книгу, дорожатъ ею, часто ссылаются на нее и смотрятъ на нее, какъ на тяжелую артиллерію въ борьбѣ съ православными.

Попробуйте теперь гдѣ-нибудь достать эту книгу. Ни за что не достанете. Ея нѣтъ уже въ продажѣ¹⁾. Старообрядцы все изданіе ея раскупили. И какъ только вступаютъ въ прію съ православными, сейчасъ же вооружаются ею.

Что же это за поразительная книга? Неужели она и впрямь пророческая? А если нѣтъ, то чѣмъ объяснить вышеприведенныя нами слова и изреченія?

Вотъ на эти то вопросы мы и постараемся дать посильный отвѣтъ.

Начнемъ съ того, что книга откровеній принадлежитъ вовсе не Меѳодію, а какому то другому лицу, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ самъ Истринъ на 9 страницѣ, говоря:

„Разсматриваемый памятникъ въ рукописяхъ приписывается обыкновенно Меѳодію, епископу патарскому. Извѣстны два Меѳодія—одинъ епископъ патарскій III—IV в.в. а другой, бывшій послѣ патріархомъ константинопольскимъ IX вѣка. Но давно уже указано, что ни тому, ни другому памятникъ принадлежать не можетъ: съ одной стороны, одинъ тотъ фактъ, что сохранились списки латинскаго перевода VIII вѣка, говоритъ противъ признанія авторомъ Меѳодія, жившаго въ IX вѣкѣ, съ другой,—тѣ историческія данныя, которыя встрѣчаются въ откровеніи, указываютъ на болѣе позднее время, чѣмъ III—IV в.“

¹⁾ Даже у Тузова ее нельзя достать.

Немного ниже авторъ дѣлаетъ такой выводъ по затронутому вопросу:

„Въ виду того, что наше откровеніе не принадлежитъ ни одному Меѳодію, правильнѣе было бы назвать его откровеніемъ псевдо-Меѳодія; но имя „Меѳодія“ настолько уже обыкновенно въ данномъ случаѣ, что для обихода можно его оставить“¹⁾.

Если же такъ, если книга принадлежитъ не священномученику Меѳодію, а какому то другому, и притомъ неизвѣстному автору, то она теряетъ все свое обаяніе и достоинство.

Самъ Истринь на 244 страницѣ свидѣтельствуетъ, что „Откровеніе Меѳодія патарскаго“ въ XVII и XVIII вѣкахъ побывало въ рукахъ у раскольниковъ и они его интерполировали въ своемъ вкусѣ“.

„Хотя откровеніе, пишетъ Истринь, ходило не только въ раскольнической средѣ, однако наибольшее распространеніе его, какъ сказано, было именно среди раскольниковъ. Кромѣ того, что большинство списковъ интерполированной редакціи попадаетъ въ раскольническихъ сборникахъ, за это говоритъ тотъ фактъ, что имя Меѳодія пріобрѣло у раскольниковъ такой авторитетъ, что имъ они стали пользоваться въ полемикѣ съ Православіемъ. Этого не было бы, если бы само откровеніе не было популярно у нихъ. Такія ссылки мы находимъ, напримѣръ, въ рукописи Публ. Библ. О. І. 489, гдѣ на листѣ 55 читается: „въ книгѣ святаго священномученика Меѳодія и т. д.“—та самая цитата, которую мы привели выше (Истринь, стр. 247).

Немного выше Истринь пишетъ:

„XVII вѣкъ былъ въ другомъ еще отношеніи наиболѣе благопріятенъ для распространенія откровенія. Раскольническое движеніе было самой обширной средой, гдѣ откровеніе

¹⁾ Стр. 14.

пользовалось особенною популярностью. Въ этомъ отношеніи съ XVII в. связывается и XVIII. Большинство списковъ откровенія относится къ этому времени и большинство встрѣчается именно въ раскольническихъ сборникахъ. Выдержками или цѣликомъ оно помѣщается на ряду съ такими произведеніями, какъ посланіе Аввакума. Таковъ, на примѣръ, раскольнической сборникъ Публ. Библ. О. I. № 1081. Читателямъ-раскольникамъ пришлась по вкусу новая интерполированная редакція, чѣмъ и объясняется ея большое распространеніе“ (Истринъ стр. 244).

Послѣ всего этого Откровеніе Мееодія теряетъ всякую цѣнность въ глазахъ какъ православныхъ, такъ и старообрядцевъ.

Но нужно знать всѣ сообщенныя здѣсь критическія замѣченія г. Истрина, потому что старообрядцы, не смотря ни на какую критику, пользуются этою книгою, прочитаютъ нѣкоторыя выдержки изъ нея нашимъ православнымъ и тѣмъ смущаютъ и колеблютъ ихъ душу и вѣру.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи,
Священникъ *Александръ Введенскій*.

Замѣтки о церковно-общественной жизни.

Законопроектъ объ обеспеченіи духовенства, преподавателей духовно-учебныхъ заведеній и учителей церковныхъ школъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдніе дни центромъ интереса и вниманія всѣхъ искренно преданныхъ сыновъ Церкви являлся вопросъ о томъ, какъ отнесется Государственная Дума къ законопроектамъ объ увеличеніи содержанія епархіальному духовенству, преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній и учителямъ церковно-приходскихъ школъ. Не думать объ этомъ нельзя было, ибо то или другое разрѣшеніе

даннаго вопроса не могло не отразиться на жизни Церкви. И это понятно: приличное обезпеченіе педагоговъ духовно-учебныхъ заведеній привлекло бы въ среду ихъ лучшія силы и удержало бы ихъ отъ бѣгства изъ этихъ учебныхъ заведеній въ свѣтскія; щедрая ассигновка на церковныя школы должна дать возможность духовенству развить еще болѣе церковно-школьную дѣятельность и тѣмъ усилить просвѣтительное и воспитательное вліяніе Церкви на массы народа; наконецъ, сколько-нибудь сносное обезпеченіе православныхъ пастырей значительно отвлекло-бы ихъ отъ заботъ о своемъ пропитаніи, столь препятствующихъ прямому ихъ дѣлу пасти стадо Христово и быть всегда на стражѣ его. Но все болѣе, конечно, интересовались судьбой данныхъ законодательныхъ предложеній тѣ, кого они непосредственно касались. Съ тревогой въ сердцахъ члены клира и труженики духовной и церковной школъ брали въ руки газетные листы и, нервно переверачивая ихъ, искали отвѣта на мучившій вопросъ: прошли или не прошли кредиты въ Думѣ на удовлетвореніе ихъ насущныхъ нуждъ? И нельзя было не беспокоиться этой мыслью, такъ какъ еще задолго до разсмотрѣнія Думой этихъ кредитовъ въ обществѣ распространились достовѣрные слухи, что лѣвое крыло думскихъ членовъ мобилизуетъ всѣ силы для провала синодальныхъ ассигновокъ. Неутвержденіе Думой полуторамилліоннаго расхода на церковныя школы, произведеннаго въ прошломъ году, еще болѣе колебало надежду на благополучный исходъ думскихъ преній по данному предмету. А тутъ еще крайняя медлительность Думы въ разсмотрѣніи кредитовъ, постоянное откладываніе изо дня на день рѣшенія столь остраго для Церкви вопроса. Можно было ожидать, что повторится прошлогодняя исторія, когда 3-я Дума „не успѣла“ разсмотрѣть кредиты на церковную школу. Наконецъ, незадолго до конца сессіи стало извѣстно, что законопроектъ объ обезпеченіи духовенства не будетъ теперь разсмотрѣнъ, а откладывается на осень и что премьеръ-министръ не находитъ возможнымъ отпустить полностью требуемыя суммы на со-

держаніе духовенства, а только часть ихъ, чтобы не обременять казны тяжелыми расходами. Можно себѣ представить, съ какимъ горькимъ чувствомъ встрѣтило духовенство это извѣстіе. Казалось, такъ близко было улучшеніе матеріальной стороны жизни обездоленныхъ и забытыхъ членовъ клира, и вдругъ опять откладывается обсужденіе столь важнаго для нихъ вопроса до осени, когда, быть можетъ, самыя условія не будутъ благоприятствовать справедливому удовлетворенію острой нужды почти нищенствующаго класса служащихъ людей.

Надо ли говорить о томъ, что такая неудача (будемъ надѣяться, временная) съ законопроектомъ объ обезпеченіи духовенства не могла не доставить лѣвой прессѣ своего рода удовольствія. И вотъ, желая подлить масла въ огонь и еще болѣе смутить и безъ того смущенныхъ указанной неудачей представителей клира, эта пресса постаралась раструбить *ugbi et ogbi*, что молъ, само духовное начальство, будучи настроено противъ приличнаго обезпеченія духовенства, затормозило въ Думѣ соответствующій законопроектъ. Нѣкоторыя газеты даже указывали опредѣленно на В. К. Саблера, какъ на виновника всего этого, и приписывали ему, между прочимъ, такія слова: „платять же извозчикамъ, почему и священникамъ не брать“ (плату за требы). Оберъ-прокурору, видите ли, очень выгодно, въ цѣляхъ самовластиа, держать духовенство въ черномъ тѣлѣ и не выводить его изъ состоянія гнета и острой нужды; вотъ почему онъ въ совѣтѣ министровъ и воспротивился проведенію въ жизнь законопроектовъ октябристовъ и прогрессистовъ, объ улучшеніи матеріальнаго положенія клира. Такъ аргументируютъ лѣвыя газеты вполне достовѣрный фактъ отклоненія названныхъ законопроектовъ въ совѣтѣ министровъ, по настоянію В. К. Саблера. Но кому же неизвѣстно, что самому благородному и похвальному дѣлу можно придать ложное толкованіе, измысливъ для него низменные и порочные мотивы? Вотъ и въ настоящемъ случаѣ разумному и цѣлесообразному отклоненію

указанныхъ проектовъ придано значеніе недоброжелательства и злого умысла по отношенію къ духовенству со стороны оберъ-прокурора. Не отклоненіе этихъ законопроектовъ, а наоборотъ, признаніе ихъ высшей церковной властью было бы знакомъ недоброжелательнаго отношенія ея къ подчиненнымъ. Вѣдь что такое эти законодательныя предположенія? Оба они направлены были не къ поднятію благосостоянія клира, а къ его закрѣпощенію и къ лишенію всякой власти въ приходѣ. Это легко видѣть изъ того, что октябристскій законопроектъ предлагалъ дать жалованье священнику въ размѣрѣ 300 р. и псаломщику—100 р. въ тѣхъ приходахъ, гдѣ не менѣе 3000 прихожанъ. А такъ какъ въ настоящее время такое жалованье получаетъ духовенство бѣднѣйшихъ приходоу, гдѣ, конечно, нѣтъ этой цифры прихожанъ, то, стало быть, проектъ октябристовъ отнималъ отъ бѣдныхъ причтовъ жалованье, увеличивая ихъ нужду еще болѣе. Хорошее обезпеченіе, нечего сказать! Еще хуже является законодательное предположеніе прогрессистовъ, отнимавшее у духовенства всѣ источники его содержанія, какъ то: землю, причтовые капиталы, доходы и проч., и отдававшее все это въ распоряженіе приходскихъ совѣтовъ, которые уже отъ себя имѣли выплачивать жалованье духовенству. Вообразите, какая это была бы кабала для послѣдняго, и въ какой произволь превратился бы этотъ порядокъ! Причтъ получалъ бы содержаніе не тогда, когда слѣдуетъ, и не въ такой суммѣ, сколько положено, а когда и въ какомъ количествѣ соблаговолптъ ему выдать совѣтъ. Скажутъ, пожалуй, что подобныя дѣйствія совѣта можно было бы обжаловать по начальству, но, какъ справедливо замѣчаетъ „Колоколь“, „гражданская отвѣтственность не страшна, разъ она не обращается на имущество отвѣтчика. Слѣдовательно, совѣтъ ровно ничѣмъ не рискуетъ, а священникъ или другой членъ причта рискуетъ уморить семью голодомъ, пока идетъ судъ да дѣло“ (1913 г., № 2141). Кажется, самый коварный врагъ не могъ бы придумать для духовенства ничего опаснѣе того, что изобрѣли для

него прогрессисты, прикрывшись лицемѣрной маской доброжелательства, и теперь понятно, почему высшая духовная власть такъ была „недоброжелательна“ къ своимъ подчиненнымъ, признавъ это законодательное предположеніе неприемлемымъ.

Такова участь проектируемаго обезпеченія духовенства. Но зато судьба другихъ двухъ извѣстныхъ намъ законопроектовъ оказалась счастливѣе. 21-го іюня 1913 г. останется навсегда памятнымъ въ лѣтописяхъ русской церковной жизни, такъ какъ въ этотъ именно день, несмотря на все противодействие лѣвыхъ фракцій, труженики духовной и церковной школы дружными усиліями всѣхъ благомыслящихъ членовъ Думы получили, наконецъ, то, чего давно заслуживали за свой нелегкій трудъ. Начиная съ 1913 года на церковныя школы, вошедшія въ школьную сѣть, Дума постановила отпускать по 1,425,000 р. ежегодно на *увеличеніе* содержанія учителей, съ цѣлью довести его до нормальныхъ окладовъ въ 390 р. Какъ извѣстно, бюджетная комиссія приняла въ свое время эту и прочія церковно-школьныя ассигновки подъ условіемъ подчиненія церковной школы компетенціи и наблюденію инспекторовъ народныхъ училищъ и введенія программы, однообразной со школой министерской. Однако, эти ограниченія, обидныя и отражающія въ себѣ недовѣріе къ церковной школѣ, не прошли въ общемъ засѣданіи Думы. Нашлись и среди октябристовъ защитники этой школы, которые и дали перевѣсъ правому крылу Думы при проведеніи кредита безъ всякихъ ограниченій. Въ томъ же засѣданіи Думы разсмотрѣнъ и законопроектъ объ ассигнованіи ежегоднаго пособія на одинаковое и одновременное съ министерскими гимназіями повышеніе окладовъ содержанія и пенсій служащихъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, оппозиція и тутъ выступила со своими возраженіями, игнорируя всю бессмысленность вымещать ненависть къ духовной центральной власти на ни въ чемъ неповинныхъ труженикахъ духовной школы. Впрочемъ,

даже г.г. лѣвые сочли нужнымъ прикрыть свое неприличное поведеніе казуистическими разсужденіями. По мнѣнію кадета Воронкова, выступавшаго отъ имени оппозиціи, увеличивать содержаніе преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній нельзя потому, что учителя другихъ учебныхъ заведеній остаются при прежнемъ недостаточномъ жалованьѣ. Нельзя позавидовать государственному уму Воронкова и его присныхъ, забывающихъ, очевидно, что лучше сдѣлать что-нибудь, чѣмъ ничего, и лучше накормить хотя одного голоднаго, чѣмъ отказать ему на томъ основаніи, что нищихъ и голодныхъ, все равно, много и ихъ всѣхъ не накормишь. Странная логика у г.г. лѣвыхъ депутатовъ Думы, а, впрочемъ, чего же и ждать отъ людей, не считающихся съ совѣстью и желающихъ хотя чѣмъ-нибудь замаскировать свое нравственное убожество. Само собой понятно, что „выступленіе“ Воронкова не достигло своей цѣли, и законопроектъ принять на три года и при условіи, чтобы во главѣ духовно-учебныхъ заведеній стояли лица, пробывшія на педагогической службѣ не менѣе десяти лѣтъ. Очевидно, что трехлѣтній срокъ этотъ есть не болѣе, какъ предосторожность, принятая Государственной Думой на случай проведенія реформы духовно-учебныхъ заведеній безъ вѣдома Думы или же въ нежелательномъ для нея направленіи. Дума желаетъ оставить за собой право высказаться въ свое время по поводу той или иной реформы, которой ожидаютъ духовно-учебныя заведенія. 4-го іюля оба эти законопроекта были предметомъ обсуждения и въ Государственномъ Совѣтѣ, принявшемъ ихъ безъ преній въ редакціи Думы. Такимъ образомъ, труженики церковной и духовной школь дождались улучшенія своего матеріальнаго положенія и теперь могутъ вздохнуть свободно. Б.

Толковый Типиконъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Измѣняемыя части литургіи.

(воскресной).

Въ мысли, что на входѣ священнослужителей въ алтарь происходитъ входъ туда и святыхъ, церковь естественно въ этотъ моментъ воспѣваетъ святыхъ, назначая послѣ входа тропари и кондаки имъ. На литургіи иногда (въ будни) это единственное мѣсто, посвящаемое памяти дня. Потому изъ пѣсней дня сюда выбраны самыя общія, наиболѣе выражающія суть празднуемаго событія. Такимъ, именно, характеромъ отличаются какъ тропари, такъ и кондаки, нерѣдко, восполняющіе другъ друга по содержанію (Толк. Тип. II, 283), почему тѣ и другіе здѣсь (и только здѣсь) даются въ соединеніи другъ съ другомъ. Эта группа пѣсней старается объять всѣ памяти, соединенныя съ днемъ совершенія литургіи, въ показаніе того, что безкровная жертва приносится о всѣхъ и за вся; на этомъ основаніи въ будни на литургіи поются тропарь и кондакъ и седмичнаго дня (въ понедѣльникъ—безплотныхъ и т. д., болѣе нигдѣ—ни на вечерни, ни на утрени, ни на часахъ—не поемый. Наконецъ, только здѣсь въ теченіе суточныхъ службъ поются тропарь и кондакъ храма, въ которомъ одномъ только и возможно совершеніе литургіи. Получается разнообразный и въ музыкальномъ отношеніи рядъ, гдѣ напѣвъ поминутно перебѣгаетъ отъ одного гласа къ другому. Такъ какъ рядъ пѣсней благодаря всему этому здѣсь получается длинный, то тропари на литургіи (въ противоположность) вечерни и утрени, не поются болѣе одного раза. Располагаются пѣсни по степени важности памятей, но такъ, что тропари предшествуютъ кондакамъ. Заключеніемъ къ

¹⁾ См. № 25 за 1913 г.

этому ряду пѣсней, по принятому и для другихъ случаевъ правилу, служить (въ большинствѣ случаевъ) кондакъ Богородицы, одинаковый для праздничной и будничной литургіи, „Предстательство христіанъ“, взятый изъ молебна и заключающій усиленное прошеніе, соединенное съ прославленіемъ, къ Богородицѣ о помощи и предстательствѣ (въ соотвѣтствіе съ ходатайственнымъ характеромъ литургіи), почему и поется кондакъ на скорбный 6 гласъ (ср. „Со святыи упокой“, „Душе моя“).

Въ виду того, что порядокъ тропарей и кондаковъ на литургіи опредѣляется важностью памятей, онъ не можетъ быть одинаковъ для разныхъ храмовъ, почему требуетъ особенно сложной регламентаціи, какая и дается въ 32 гл. Типикона. Здѣсь она дается только для обычнаго, не осложненнаго какими-либо особыми памятями, воскресенья. Общее правило чередованія такое: сначала идутъ воскресныя пѣсни, потомъ храмовыя и, наконецъ, святыхъ дня. Но выдерживается оно вполнѣ только для тропарей. Но и для нихъ изъ этого порядка иногда дѣлается изъятіе: такъ какъ воскресеніе Христа было вѣнцомъ Его жизни, то послѣ воскреснаго тропаря и кондака излишне было бы пѣть тропарь и кондакъ храму Христову (въ честь ¹⁾), другого какого-либо событія изъ жизни Спасителя); посему за воскреснымъ тропаремъ поется только тропарь храма Богородицы или святого, а затѣмъ святого или святыхъ дня. Кондаки слѣдуютъ этому порядку съ тѣмъ отличіемъ, что, такъ какъ „И нынѣ“ принято отдать Богородничному кондаку, то здѣсь поется, опуская свою прежнюю очередь, кондакъ храма, если храмъ Богородицы; „аще же ни“ „Предстательство христіанъ“; на Славу же поется послѣдній кондакъ — дневного святого. Настоящее мѣсто Типикона не даетъ опредѣленно указанія, что пѣть на „И нынѣ“, если храмъ Христовъ. 52 гл. Типикона указываетъ тогда

¹⁾ „Занеже начало пріяти воскресному тропарю“, какъ обосновывалось это въ старыхъ уставахъ (Старообр уст., л. 18).

на „И нынѣ“ пѣть кондакъ воскресный, перенося его сюда съ 1-го мѣста. Этотъ обычный порядокъ пѣнія тропарей и кондаковъ на литургіи терпитъ измѣненія, указываемыя другими мѣстами Типикона. Такъ при великомъ святомъ, въ предпразднествѣ не поются тропарь и кондакъ храмоваго святого (гл. 3 и 52), при поіелейномъ они слѣдуютъ за святымъ дня (гл. 4); при отмѣнѣ или перенесеніи службы дневному святому, не поются его тропарь и кондакъ (недѣли подготовительныя къ 40—цы, 40—цы и 50—цы).

О пѣніи тропарей и кондаковъ на воскр. литургіи по Студійскому уставу неизвѣстно ничего. По Еввергетид.: „воскресный тропарь и богородичень“. По слав. (греч. молчать) ркп. Іерус. уст.: „тропарь воскресень настоящаго гласа, Слава и нынѣ Заступнице (=Предстательство) хрестьянь“. По нынѣшнему греч. Типикону: „воскресный тропарь, празднуемаго святаго, святаго обители и кондакъ“; по Іератикону кондакъ Предстательство христіанъ, исключая пред.—празднства и періода Тріоди, когда тамошній кондакъ ¹⁾. По старообрядческому уставу поются тропари и кондаки „храмомъ“ (т. е. и придѣламъ); Христову храму не поется только тропарь; на И нынѣ кондакъ храму Богородицы или Христову; при Христовомъ храмѣ дозволяется и „Предстательство“ (=Заступнице); о воскресномъ кондакѣ уставъ не упоминаетъ, но на практикѣ поется ²⁾.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ваничка помогъ.

(Продолженіе ³⁾).

IV.

Псаломщица не разъ уже бывала у дьяконицы послѣ злополучной ссоры. Женщины не только не послѣдовали

¹⁾ Дмитріевскій, Тин. 608. рки. Моск. Снн. б. № 328393, л. 10. Тин. Вен. 1884, 4. Іер. 60.

²⁾ Старообр. уст., л. 18. *Арсеній еп.*, Уст. практич. л. 113 об.

³⁾ См. № 26 за 1913 г.

примѣру мужей, но, казалось, ссора послѣднихъ сплотила, сблизила ихъ еще болѣе. И на это была основательная причина. Причина заключалась въ ихъ дѣтяхъ. Онѣ видѣли любовь своихъ дѣтей и въ глубинѣ души давно считали ихъ женихомъ и невѣстой. Правда, официального на эту тему разговора еще не было, но иногда вѣдь и безъ него дѣло кажется яснымъ и нагляднымъ. Молодые люди были дружны, весело проводили время, и родителямъ ничего болѣе не оставалось, какъ радоваться ихъ счастью. Вопросъ о свадьбѣ былъ вопросомъ недалекаго будущаго. Дочь дьякона годъ тому назадъ кончила епархіальное училище; сынъ псаломщика кончаетъ въ этомъ году. Оба красивые, здоровые, полные бодрости и свѣжести; парочка во всѣхъ отношеніяхъ подходящая. И вдругъ — эта нелѣпная ссора!... Она налетѣла неожиданно — негаданно, какъ вихрь. Все спуталось, перемѣшалось. Всѣ почувствовали себя выбитыми изъ колеи. Счастье молодыхъ людей заколебалось, заслонилось этой ссорой. На первомъ планѣ стала она, грозная, неразрѣшенная. Матери растерялись, но каждая, въ глубинѣ своей души, рѣшила отстаивать счастье дѣтей. Особенно рьяно встала на защиту своего сына псаломщица, послѣ прочтенія сыновняго письма. Она увидала, какъ сильно и глубоко любить Петръ Антонину. Материнское сердце громко закричало протестъ упрямству мужа. Она рѣшила бороться и не разбивать счастье сына изъ-за отцовской прихоти, къ тому же Тоня ей очень нравилась, и она привыкла считать ее своей будущей невѣсткой. Теперь, когда на ея рукахъ было такое категорическое письмо сына, псаломщица рѣшила высказаться дьяконицѣ откровенно, безъ намековъ и двусмысленностей.

Она осторожно вошла черезъ черный ходъ въ кухню, во избѣжаніе встрѣчи съ дьякономъ. Въ кухнѣ около печи суегилаась сама хозяйка.

— Ахъ, это вы Августа Родіоновна! Здравствуйте, голубушка, — кинулась она къ гостьѣ.

— Здравствуйте, милая.

Онъ расцѣловались.

А что вашъ супругъ дома?—тихо спросила псаломщица, озираясь на дверь.

Хозяйка звонко разсмѣялась.

— Не безпокойтесь. Ушелъ въ село по дѣламъ. Не скоро вернется.

— И отлично,—повеселѣла псаломщица:—стало быть, никто намъ не помѣшаетъ потолковать по душѣ.

— Никто. Будьте покойны.

— А гдѣ же Антонина Васильевна?

— Она дома... Да вотъ легка напоминъ.

Дверь въ кухню растворилась и въ нее впорхнула молодая, стройная дѣвушка съ черной темно-русой косою. Особенно хороши были глаза. Какъ много свѣтилось въ нихъ задушевности и нѣжной, трогательной ласки! Щеки дѣвушки оживлялись веселой улыбкой.

— Здравствуйте голубушка.

Тоня провела гостью въ комнату.

— Извините меня, Августа Родіоновна;—Я сейчасъ только вымою руки. Дарья! ставь скорѣе самоваръ. Да смотри, чтобы не погасъ.

— Не хлопчите, Зоя Павловна. Какъ къ вамъ придешь—вы сейчасъ за хлопоты. Мнѣ даже совѣстно.

— Ахъ, что вы говорите! Какія тутъ хлопоты. Я все равно велѣла бы ставить самоваръ. Вотъ вмѣстѣ и выпьемъ чайку. Я даже очень рада вамъ. Однимъ-то скучно сидѣть.

Дьяконица живо вымыла руки.

— Тоня! накрой на столъ. Хозяйничай, милая.

— Вотъ, вотъ, это очень кстати,—подхватила псаломщица:— вы, Антонина Васильевна, тутъ командуйте, а мы немного посекретничаемъ. Зоя Павловна! мнѣ бы вамъ надо кое-что шепнуть. Молодая дѣвушка¹ съ любопытствомъ взглянула на гостью. Та, уловивъ этотъ взглядъ, привѣтливо улыбнулась.

— Не все же вамъ знать, голубушка. Помните пословицу: много будете знать—скорѣ состаритесь.

— А вотъ и не состарюсь. Эту пословицу пора похоронить.

— Шалунья, — погрозила ей мать пальцемъ.

— Счастлирое времячко, — вздохнула псаломщица: — и мы когда-то были такія-же беззаботныя. Не вернется оно.

Предоставивъ дочери хлопоты о чаѣ, дьяконица увела свою гостью за деревянную перегородку, гдѣ стояли кровать и комодъ.

— Садитесь, Августа Родионовна. Здѣсь насъ никто не услышитъ и не увидитъ.

— Тѣмъ лучше. А вы скоро ожидаете вашего супруга?

— Не думаю, чтобы скоро вернулся.

— Прекрасно. Ахъ, я пришла къ вамъ по очень важному дѣлу.

Дьяконица насторожилась.

— А что такое?

— И не угадать вамъ.

— Ну-те?

— Въ двухъ словахъ, Зоя Павловна, не выскажешься. Дѣло касается нашихъ дѣтей.

Въ глазахъ дьяконицы сверкнулъ нетерпѣливый огонекъ. Она порывисто обернулась къ гостьѣ.

— нашихъ дѣтей? — переспросила она.

— Именно дѣтей. Я съ вами сегодня, Зоя Павловна, буду откровенна. Что тамъ таится, да прятаться. Будемъ говорить прямо. Хорошо?

— Съ удовольствіемъ.

— Вотъ, вотъ. Пусть наши мужья ссорятся, намъ до этого дѣла нѣтъ, дѣтямъ и подавно. Дѣти тутъ ни при чемъ. Наконецъ, мужья и помирятся. Не вѣкъ же будутъ коситься.

— Ахъ, какъ я желала бы поскорѣ мира, — вздохнула дьяконица: — пріятно-ли въ ссорѣ жить? Жили до сей поры

хорошо, дружественно и вдругъ эта глупая ссора?.. Прямо обидно. И съ чего бы?

— Съ пьяной дури, — отвѣчала псаломщица: — кабы знали мѣру — и ссоры не вышло бы... Ну, да стараго не вернешь. Надо вотъ о будущемъ подумать. А главное о дѣтяхъ. Письмо сегодня я получила отъ Петеньки и очень важное. Поговорить съ вами надо посерьезнѣе.

Дьяконица скромно молчала, предоставляя гостѣмъ высказаться.

— Голубушка, Зоя Павловна! При другихъ обстоятельствахъ я и иначе бы заговорила, а теперь приходится прятаться и отъ мужа, и отъ вашего супруга. Ахъ, знаешь ли, что случится въ будущемъ? Не такъ я хотѣла сдѣлать.

Она помолчала немного, вздохнула и продолжала:

— Все о Петенькѣ забочусь я. А сегодняшнее его письмо прямо меня взбудоражило. Успокоиться не могу.

— А что онъ пишетъ? Можно полюбопытствовать, если не секретъ, — не утерпѣла хозяйка.

— Никакого секрету отъ васъ нѣтъ. Петенька скоро кончаетъ семинарію, идетъ въ священники. Ну, стало быть, нужна ему и невѣста. Да что отъ васъ таить! Вы, навѣрное, и сами замѣчали, какими онъ глазами смотрѣлъ на вашу дочь. Оба они провели вмѣстѣ много лѣтъ, жили хорошо, дружно... Мы такъ и мѣтили на вашу дочку. Простите за откровенность.

— Благодарю, — радостная прошептала дьяконица.

Она вся расплылась отъ удовольствія. На щекахъ заиграла сдержанная улыбка. Материнское сердце затрепетало.

— Да, мѣтили. Мнѣ Антонина Васильевна очень нравится. Я ее люблю и уважаю. Не знаю, какъ она относится къ сыну, но онъ ее любитъ очень. Ахъ, онъ ее горячо любитъ.....

— Да неужели?

— Повѣрьте. Вотъ прочту его письмо. Но дѣло-то вотъ въ чемъ: ссора тутъ замѣшалась. Мой-то муженекъ и на-

ниши Петенькѣ, что къ вашей дочери сватается Туголуцковскій учитель, и дѣло налаживается.

— Налаживается? — даже ужаснулась дьяконица: — да откуда онъ узналъ, что налаживается? Да Тоня и слышать о немъ не хочетъ. А развѣ мы будемъ приневоливать ее? Ей жить-то, а не намъ.

— Это вѣрно, Зоя Павловна. Я всегда говорю, что свадьба должна быть по согласію.

— Но скажите ради Бога, Августа Родіоновна: зачѣмъ было вашему мужу писать о Тоничѣ такую небылицу?

— Ахъ, голубушка, а ссора-то на что? Все она, прожлятая, виновата. Все изъ-за нее.

— Ну, не ожидала я этого отъ Семена Семеновича, — сокрушенно и обидчиво промолвила дьяконица.

— А вы, Зоя Павловна, голубушка ты моя, на это вниманья не обращайтесь. Пусть наши мужья пѣтушатся, а мы поведемъ свое дѣло. Скажите мнѣ откровенно: нравится вамъ мой Петенька? Дьяконица даже покраснѣла отъ удовольствія.

— Петръ Семеновичъ? Да это чудный молодой человекъ, — пролепетала она.

— Стало бытъ, „Исаіе ликуй“? — улынулась псаломщица.

— Это зависитъ отъ васъ, Августа Родіоновна. Я всегда любила вашего сына и очень благодарю васъ за честь.

— Ахъ, Зоя Павловна: такъ-ли я хотѣла сдѣлать предложеніе? А приходится пока прятаться. Даже обидно. Теперь дальше. Надѣюсь, что Антонина Васильевна не побрезгуетъ нашимъ Петенькой? Дьяконица даже вскочила на кровати.

— Побрезгуетъ?! Помилуйте, что вы говорите! Да развѣ можно не любить такого прекраснаго человекъ, какъ Петръ Семеновичъ?

Псаломщица немного задумалась.

— Все разрушила эта ссора: все пошло вверхъ дномъ. Придется намъ теперь воевать съ муженьками. Вотъ придетъ Петенька, и будемъ тогда вести кампанію. А любить

онъ вашу Антонину Васильевну. Охъ, какъ любить. Вотъ послушайте-ка.

Псаломщица достала письмо. Хозяйка замерла и вся превратилась въ слухъ и вниманіе. Она трепетала отъ радости. Ея завѣтною мечтою было видѣть свою дочь за Дубровинымъ, котораго она очень любила за его прекрасныя душевныя качества. Все шло хорошо до настоящаго времени. Она отлично знала, что молодые люди не равнодушны другъ къ другу, и дѣло, несомнѣнно, кончится свадьбой. И вдругъ—эта ссора!.. Дьяконица скорбѣла, но надѣялась, что мужья примирятся, и шансы на свадьбу останутся прежніе. И теперь, когда псаломщица такъ открыто заговорила о свадьбѣ,—она ожила и довольная улыбка не сходила съ ея добродушнаго лица.

Псаломщица прочтала то, что можно было прочитать.

— Вотъ видите, какъ онъ любить вашу дочь. А тутъ ссора...

— Ахъ, скажите... Это пріятная новость... Да, да... Какъ я рада, что моя Тоничка такъ нравится Петру Семеновичу. Даже и не ожидала. И онъ очень, очень хорошій человѣкъ,—съ чувствомъ закончила она.

— Вотъ я и пришла къ вамъ, Зоя Павловна, посоветоваться: какъ быть дѣлу? Вы видите, что Петенька ни о какой другой невѣстѣ и думать не хочетъ, кромѣ Антонины Васильевны, да и ваша дочь тоже, видимо, расположена къ Петенькѣ.

— Голубушка, Августа Родіоновна, не буду скрываться и я. Недавно Тоничка мнѣ созналась, что она также любитъ вашего сына. Она просила этого вамъ не говорить, но что же мнѣ секретничать, если и вы прочитали мнѣ письмо Петра Семеновича?

— Вотъ и отлично!—обрадовалась псаломщица:—значить: миръ да любовь. Теперь все дѣло за нашими муженьками. Тормозить они будутъ—вотъ бѣда.

— Это правда,—тяжело вздохнула дьяконица:—и какъ тутъ быть, ничего не придумаешь.

— Но и сидѣть сложа руки, Зоя Павловна, тоже не годится. Мы должны постоять за счастье своихъ дѣтей. Мы свое дѣло будемъ дѣлать. Не бывать тому, чтобы наши мужья насъ побѣдили.

— Помириться бы имъ!—вырвалось у дьяконицы.

— Конечно, это самое лучшее и надежное. Но помирятся-ли скоро-то? А вѣдь Петенькѣ нынѣшнимъ же лѣтомъ надо непременно сыграть свадьбу. Вогъ подожду его: авось тогда скорѣе столкнемся. Значить, мы теперь союзницы?

— Союзницы.

— И отлично. За этимъ-то я и пришла и выболтала о письмѣ сына. А сказать вамъ, сами знаете, нужно было. А то не дай Богъ—посватайся кто-нибудь, вы и дали бы слово. Что было бы съ Петенькой?..

— Боже насъ отъ этого сохрани! Не знаю, какъ мужъ, а я лучшаго зятя, какъ Петра Семеновича, и желать не хочу.

— Спасибо вамъ, Зоя Павловна. Не будемъ же мы разбивать счастье своихъ дѣтей изъ-за какой-то пустячной ссоры. Она ихъ не касается. Значить, по рукамъ?

— Съ великимъ удовольствіемъ.

Онѣ крѣпко пожали руки и искренно расцѣловались.

— Ну, теперь я за Петеньку спокойна. А вы, Зоя Павловна, пока ничего не говорите дочери, чтобы ее не смущать. Впрочемъ, сами знаете. Не мнѣ васъ учить.

Въ комнатку быстро вбѣжалъ сынъ дьякона, прелестный мальчуганъ лѣтъ четырехъ съ русыми кудрями и кругленькимъ личикомъ.

— Мама, Тоня зоветъ... Говолить—чай...

— Сейчасъ придемъ, Ваничка. А что же ты не здороваешься? Ну?

Мальчикъ подошелъ и протянулъ рученку.

— Милое дитя, дай я тебя поцѣлую.

Псаломщица подняла мальчика и звонко расцѣловала его въ пухленькія щечки.

— Любишь меня?

Мальчикъ подумалъ немного, точно соображая отвѣтъ. Ему вспомнились тѣ конфеты, которыми угощала его гостья, и онъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Люб-лю...

— Голубчикъ ты мой, вотъ я тебѣ въ слѣдующій разъ принесу конфетъ, а сегодня совсѣмъ забыла. Прости.

— А холосо бы...

Женщины весело разсмѣялись.

— Ишь ты, безсовѣстная лакомка,—покачала мать головой.—Развѣ можно такъ говорить? Ну, Августа Родіоновна, пожалуйста. Онѣ вышли въ комнату, гдѣ около шумѣвшаго самовара оживленно возилась молодая дѣвушка.

— Насекретничались?

— А вамъ завидно?

— Очень завидно,—комически вздохнула та.

— Не завидуйте: есть секреты, которые потомъ и узнаются.

И псаломщица загадочно посмотрѣла на молодую дѣвушку.

— Садитесь, Августа Родіоновна. Вотъ Тоня вамъ и чашку уже налила. Это, знаете, ее самая, такъ сказать, почетная чашечка. Она наливаетъ ее своимъ лучшимъ гостямъ.

— Вотъ какъ. Ну, спасибо.

— Ахъ, мама, мама,—покраснѣла молодая дѣвушка.

Всѣ усѣлись и оживленно принялись за чаепитіе. Ванюшка шумѣлъ, болталъ ногами и поминутно заявлялъ свои претензіи за невниманіе къ его персонѣ.

— Если будешь шалить,—въ уголь поставлю, заявляла мать.

— Ну, холосо, только валеньица бы...

Дьяконица сдавалась и клала своему послѣднему, любимому чаду требуемое варенье.

— Шалунъ онъ большой. Просто не знаю, что мнѣ съ нимъ и дѣлать.

— Выростеть — поумнѣеть, — утѣшала гостя.

И. Поповъ-Пермскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе) ¹⁾.

Слетъ нѣсколькихъ роевъ въ одинъ роевой клубъ очень часто случается тамъ, гдѣ искусственнаго роенія не примѣняютъ. На большихъ пасѣкахъ нерѣдко бываетъ, что нѣсколько роевъ выйдутъ одновременно; это можетъ произойти послѣ продолжительнаго ненастья, когда днемъ вдругъ прояснится погода. Обрадованные давно желаннымъ днемъ и ярко сверкающими лучами теплаго солнышка, рои, какъ по сигналу, посыпятся съ расныхъ ульевъ; перемѣшаются въ воздухѣ и затѣмъ начнутъ прививаться или всѣ въ одномъ мѣстѣ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но далеко въ меньшемъ количествѣ мѣстъ, чѣмъ вышло роевъ. Явленіе это желательнымъ назваться не можетъ какъ потому, во первыхъ, что пчеловодъ будетъ имѣть много хлопотъ со сбившимися въ кучу роями, такъ и потому, во вторыхъ, что каждый рой, отстаивая права своей матки, вступитъ въ смертельную борьбу со своимъ сосѣдомъ по несчастью. Такая рѣзня губитъ пчелъ массами; въ такой междуособной борьбѣ погибаютъ зачастую и матки. Какъ долженъ поступать пчеловодъ въ такихъ случаяхъ, скажемъ въ практической части нашихъ бесѣдъ.

¹⁾ См. №№ 29—30 за 1913 г.

Бываютъ еще рои такъ называемые *бѣдняки* или *рои по нуждѣ*. Эти неудачники оставляютъ родное жилие, будучи вынуждены къ тому крайней нуждой, напр., голодомъ или какими-нибудь другими, неблагоприятными и даже совершенно нетерпимыми условіями жилия. Рой голоднякъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, обреченъ на вѣрную гибель, потому что выходить безъ всякихъ запасовъ; привившись гдѣ-нибудь на вѣткѣ, онъ начнетъ умирать медленную смертью, постепенно осыпаясь тутъ же на мѣстѣ прививки. Рой-же, вышедшій съ цѣлью перемѣны неудобнаго помѣщенія (протекающая крыша и т. п.) на лучшее или стѣсненный въ родномъ гнѣздѣ страшнымъ врагомъ пчелъ мотылицей (клочнемъ), можетъ жигъ еще, такъ какъ выходитъ съ кой-какими запасами

Д ѣ т о .

Начавшись во второй половинѣ весны, роеніе продолжается и лѣтомъ и даже можетъ затянуться, при наличности въ полѣ обильнаго взятка, почти до самаго конца его; рои, напр., могутъ выходить въ іюль мѣсяцѣ и даже въ августѣ; но дѣло въ томъ, что въ нашей мѣстности главный взятокъ окончательно прекращается уже въ половинѣ іюля, а съ нимъ окончательно прекращается и роеніе и даже немного раньше прекращенія взятка. При условіяхъ медосбора нашей мѣстности, право на существованіе имѣетъ только тотъ рой, который вышелъ не позже іюня мѣсяца.

Какъ съ наступленіемъ весны пасѣчникъ всѣ свои помыслы и старанія направляетъ къ тому, чтобы увеличить силы своихъ пчелиныхъ семей, такъ съ наступленіемъ лѣта онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы пришедшія въ силу семьи собрали наибольшее количество меду.

Медосборъ Пчелы прекрасно понимаютъ интересы своего хозяина, а еще лучше свои собственные — и потому пришедши въ силу, не пропускаютъ случая воспользоваться всякимъ, мало-мальски порядочнымъ взяткомъ. Пчеловодъ весной подкармливаетъ пчелъ, но лишь только откроется въ

полѣ взятокъ, и онѣ начнутъ нести нектаръ, онѣ прекращаетъ подкармливаніе, хотя и возобновляетъ его съ внезапнымъ, временнымъ прекращеніемъ взятка, если ощущается недостатокъ въ запасахъ, необходимыхъ для полного развитія пчелиныхъ семей. Рачительный пасѣчникъ долженъ знать, что каждый фунтъ меда, истраченный имъ на укрѣпленіе семей, возвратится ему съ лихвою немедленно, по наступленіи обильнаго, лѣтнаго медосбора. И дѣйствительно, пчела не истратитъ лишняго, она не имѣетъ дурной человѣческой сноровки — кутить въ достаткѣ, она болѣе любитъ другое наше похвальное обыкновеніе — собирать про черный день.

Какъ только привошь въ улей свѣжаго, цвѣточнаго нектара превыситъ его расходъ, такъ немедленно на среднихъ сотахъ, выше гнѣзда, появятся первые запасы. Съ увеличеніемъ медосбора, увеличиваются въ ульяхъ и запасы. Заполнивъ медомъ до крайнихъ предѣловъ верхушки среднихъ рамокъ, и запечатавъ ихъ ячейки восковыми крышечками, пчелы начинаютъ заполнять и запечатывать свободныя отъ червы верхушки сосѣднихъ рамокъ, причемъ, линія запасовъ, по мѣрѣ удаленія отъ центра гнѣзда, спускается все ниже и ниже; крайнія рамки, при наличности просторнаго гнѣзда, заполняются медомъ вплосную. Болѣе подробно обо всѣхъ этихъ работахъ мы уже говорили въ четвертой бесѣдѣ; теперь лишь, такъ сказать, мимоходомъ напомнимъ пчеловоду, чтобы онъ своевременно позаботился объ опростаніи (на медогонкѣ) заполненныхъ медомъ рамокъ или добавилъ еще съ парочку свѣжихъ, если не желаетъ стѣснить выводное гнѣздо и тѣмъ уменьшить расплодъ усердныхъ труженицъ.

Въ собираніи запасовъ пчелка проводитъ почти все лѣто; было бы только что собирать, а ужъ она постоитъ за себя, не щадя живота своего. На смѣну одной погибшей труженицы, встаютъ десятки новыхъ. Въ работѣ пчелка озабочена, смирна, какъ агнецъ, но съ прекращеніемъ взятка, она люта, какъ хищный звѣрь, хитра и воровата, какъ оса.

Условія обильнаго медосбора. Для того, чтобы пчелки собрали меду возможно больше, нужно поставить ихъ въ такія условія, при которыхъ можно было бы имъ не вотще трудиться. Такой или иной медосборъ прежде всего стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ мѣстныхъ условій, а затѣмъ — отъ такого или иного состоянія погоды. Если вблизи данной мѣстности есть лѣса, богатые рано цвѣтущими деревьями (орѣшникъ, клень и пр.); если есть здѣсь небольшая рѣчка съ берегами, обрамленными рядами старыхъ и молодыхъ вербъ; если есть здѣсь луга, покрытые милліонами цвѣтовъ; если жители ближайшихъ селъ позаботились насажденіемъ фруктовыхъ садовъ, каштановъ и бѣлой акаціи; если помѣщики и крестьяне, по взаимному между собой соглашенію, уничтожили пресловутое наше трехполье, — вывели древнѣйшій обычай оставлять третью часть своихъ надѣловъ подъ, такъ называемую, толоку, или, вѣрнѣе, подъ расплодь сорныхъ травъ, и перешли на травосѣяніе, дающее ихъ рабочей скотинѣ три богатѣйшихъ укуса превосходнѣйшей травы, а пчелкамъ — богатѣйшіе сборы цѣннаго нектара; если попадаются здѣсь бѣлыя полосы ранней и поздней гречихи; если на огородныхъ плантаціяхъ произрастаютъ бобы, огурцы, дыни и арбузы; если съ произрастающихъ вблизи лѣсовъ потянетъ ароматомъ цвѣтущей липы... — пчеловодъ, восхваляя Творца, одарившаго данную мѣстность такими обильными щедротами, можетъ смѣло глядѣть въ глаза будущаго, — послѣ же окончанія медосбора, онъ навѣрное вздохнетъ полной грудью, съ озабоченно самодовольнымъ видомъ подсчитаетъ барыши отъ выгодной продажи меда, а передъ потемнѣвшимъ образомъ Спасителя и святыхъ угодниковъ Божьихъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ, затеплитъ свѣчку воска яраго изъ перетопленной въ этомъ году на воскъ старой вошины. Тогда и нашъ пріятель Бунъ Грыцько, сниметъ *пархову скуфейку*, на *схидъ сонця* перекрестится и вмѣсто обычнаго своего „а Богъ его знае“ произнесетъ: „*хвалить Бога за все...*“!

Кромѣ, такъ сказать, природныхъ или, вѣрнѣе, мѣстныхъ условій медосбора, на такой или иной успѣхъ его имѣетъ большое вліяніе и состояніе погоды. Продолжительное ненастье, пожаловавшее къ намъ въ то время, когда цвѣтеть, напр., лица, лишитъ пчеловода самаго цѣннаго продукта его специальности. Жаркая, сухая пора губитъ хорошій медосборъ болѣе чѣмъ на половину. Сухой восточный вѣтеръ уноситъ влагу нектара почти немедленно съ раскрытіемъ нектарника, и бѣдная пчелка только даромъ тратитъ время, заглядывая въ чашечки цвѣтовъ, гдѣ еще такъ недавно была драгоцѣнная влага. Въ такіе неблагоприятные для медосбора дни, пчелка можетъ захватить немного нектара только самымъ раннимъ утромъ, пока еще палящіе лучи благотворнаго въ другое время свѣтила, да хищникъ-вѣтеръ не осушили и не унесли съ собой то, что съ такимъ прилежаніемъ разыскивается усердными работницами-пчелками.

Обильнѣе всего пчела собираетъ медъ въ теплые, лѣтніе дни, когда воздухъ насыщенъ влагой чистыхъ испареній нагрѣтой солнцемъ земли. Въ такіе дни влага чувствуется въ воздухѣ всѣмъ нашимъ существомъ; организмъ нашъ ослабленъ до истомы, и мы говоримъ: „какъ сегодня паритъ, вѣроятно, будетъ дождь“! Благодаря тому, что воздухъ переполненъ водяными испареніями, вся сладкая влага, выдѣляемая нектарниками, не испаряется такъ быстро, какъ въ сухіе дни, и пчелка, въ какой бы цвѣтокъ ни заглянула, вездѣ найдетъ пріятный для себя сюрпризъ. Въ такіе дни, какъ выразился, въ разговорѣ со мной, одинъ старый пчеловодъ, *пчелка дуріе одъ роботы..*; и дѣйствительно, есть отъ чего завертѣться и одурѣть..; не успѣетъ пчелка снести въ улей собранный ею медъ, какъ опять летитъ туда, гдѣ такъ много нектара, гдѣ онъ чуть что не каплетъ съ переполненныхъ цвѣточныхъ чашечекъ и гдѣ онъ почти непрерывно выдѣляется цвѣточными нектарниками. Въ продолженіе такого дня хорошала, сильная семья соберетъ болѣе полу-пуда драгоцѣнной влаги, и если пройдетъ въ такихъ благоприятныхъ для

медосбора условіяхъ хоть одна недѣля, пчелы соберутъ не менѣе трехъ пудовъ меда и тѣмъ обезпечать себя на зиму, а своего хозяина возблагодарятъ за понесенныя имъ заботы объ ихъ благосостояніи въ то время, когда онѣ такъ нуждались въ заботливомъ о нихъ попеченіи. Въ такіе дни вблизи пасѣвки распространяется пріятный аромат выпотѣваемой медомъ излишней влаги, и съ утра до вечера слышится въ пчеловодной комнаткѣ пасѣчника пріятное для слуха урчаніе медогонки.

Количество медоносныхъ цвѣтовъ, необходимое для полного медосбора. Иногда приходится слышать отъ начинающаго пчеловода-любителя такое замѣчаніе: „а я для своихъ пчелокъ засѣялъ грядочку фацеліей“! Пріятно, конечно, слышать и видѣть, что начинающій пчеловодъ-любитель заботится о своей работницѣ и для нея не пожалѣлъ даже грядочки въ своемъ палисадникѣ, но не пріятно видѣть, какъ онѣ обиженно разочаруется, когда узнаетъ, какое количество медоносныхъ цвѣтовъ требуется для полного медосбора. Любитель засѣялъ грядочку фацеліей и успокоился, а того и не знаетъ, что для хорошаго медосбора пужны миллионы цвѣтовъ.

Профессоръ Цесельскій произвелъ приблизительный, но все же довольно точный, подсчетъ цвѣтовъ, необходимыхъ пчелѣ для полного сбора меда. Расположившись рано утромъ у засѣяннаго гречихой поля, Цесельскій сталъ наблюдать за первой, прилетѣвшей съ пасѣвки, пчелкой и считать, сколько она посѣтитъ цвѣтовъ прежде, чѣмъ наполнить свой медоносный желудочекъ и воротится обратно въ улей. Первая пчелка посѣтила 60 цвѣтовъ и улетѣла; вторая же посѣтила 75 цвѣтовъ, а третья—болѣе ста. Чѣмъ сильнѣе припекало солнце и чѣмъ больше пчелокъ появлялось на гречихѣ одновременно, тѣмъ больше цвѣтовъ онѣ должны были посѣтить, чтобы наполнить свои желудочки. Принявъ 90 цвѣтковъ за среднюю норму въ этомъ случаѣ и зная сколько завѣситъ медъ, вмѣщающійся въ желудочекъ одной пчелы (0,063 грам-

ма), легко вычислить, сколько нужно пчелъ посѣтить цвѣтовъ, чтобы принести въ улей килограммъ (приблизительно 4 фунта) меда. Раздѣливъ килограммъ на вышеуказанную дробь и умноживъ это число на 90, получимъ огромнѣйшую цифру 1,441,443. Чтобы набрать, значить, килограммъ меда, пчелъ нужно посѣтить около полутора милліона цвѣтовъ; во время же хорошаго взятка, сильная семья приноситъ ежедневно 5—6 килогр нектара, слѣдовательно, пчелы такого улья посѣтятъ около 8—9 милліоновъ цвѣтовъ въ одинъ день. Какую же громадную территорію, засѣянную медоносными цвѣтами нужно имѣть передъ пасѣкой, чтобы удовлетворить стремленіе пчелъ къ безлѣнностному труду? Профессоръ Цесельскій и тутъ сдѣлалъ приблизительный подсчетъ. Подсчитавъ сколько стеблей гречихи растетъ на квадратномъ полуаршинѣ и принявъ за норму, что на каждомъ стеблѣ одновременно цвѣтеть пять цвѣтковъ, онъ высчиталъ, что на десятии гречихи одновременно цвѣтеть около 20 милліоновъ цвѣтовъ. Отсюда явствуетъ, что двѣ пчелиныя семьи могутъ вполне использовать десятину гречихи; если же здѣсь будетъ стоять 4 семьи, общее количество меда съ десятины, возможное при самомъ обильномъ цвѣтеніи гречихи (10—12 килогр.), распределится поровну между всѣми ими, и тогда получится не 5—6 килогр. на семью, а только 2—3. Что же будетъ значить при такихъ громадныхъ цифрахъ гряда фацили?! Бѣдный любитель только головой поникнетъ, узнавъ истину о количествѣ цвѣтовъ, необходимыхъ пчеламъ для полныхъ сборовъ меда. Если въ данной мѣстности будетъ приходится меньше чѣмъ по два улья на десятину медоносныхъ растеній, она будетъ считаться слишкомъ обильной по медосбору; въ противномъ же случаѣ мѣстность будетъ считаться нормальной или даже скудной по медосбору.

Какъ далеко могутъ летать за медомъ пчелы. Пчелы данной пасѣки прекрасно используютъ мѣстность, имѣющую три—четыре версты въ діаметрѣ, принявъ въ расчетъ, что пасѣка стоитъ въ центрѣ круга съ радіусомъ въ пол-

торы—двѣ версты. Замѣчено даже, что пчела не охотно садится на цвѣты, растущіе вблизи пасѣки; она какъ будто соображаетъ, что съ ближайшихъ цвѣтовъ еще успѣетъ взять, а вотъ тамъ, подальше какъ бы кто не взялъ прежде нея.; такъ ли думаетъ пчела или иначе, но, вылетѣвъ изъ улья, она охотно пролетаетъ версту—полторы и только тогда садится на цвѣты. Если на такомъ разстояніи нѣтъ взятка, она полетитъ еще дальше въ ту сторону, откуда тянетъ запахомъ нектара, можетъ и еще продвинуться впередъ, лишь бы найти то, что ее такъ соблазняетъ.

Запахъ нектара приносить пчелѣ, конечно, вѣтеръ, и потому она летитъ первоначально за взяткомъ противъ вѣтра; съ взяткомъ же пчела возвращается уже за вѣтромъ, что значительно облегчаетъ ей нелегкій трудъ. Найдя здѣсь достаточное количество медоносныхъ цвѣтовъ, пчела привыкаетъ къ этой мѣстности и продолжаетъ летать сюда даже въ томъ случаѣ, если бы вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, и ей пришлось летѣть туда за вѣтромъ, а назадъ противъ него. Только тогда пчела перемѣняетъ мѣсто полета, когда въ прежнемъ районѣ ничего уже не будетъ, или если заставитъ ее измѣнить прежнему направленію и мѣсту болѣе соблазнительный запахъ съ другой стороны. Другая пчела, вылетѣвшая за взяткомъ позднѣе первой, и при другомъ направленіи вѣтра, летитъ въ другую сторону; привыкнувъ же къ цвѣтамъ и мѣстности, она продолжаетъ летать сюда и при другомъ направленіи вѣтра. Третья пчела летитъ въ третью сторону, четвертая—въ четвертую и т. д.; словомъ, мы видимъ, что при наличности равномернаго взятка, правильно распределеннаго вокругъ пасѣки, пчелы используютъ весь сладкій матеріалъ площади круга съ радіусомъ полторы—двѣ и даже три версты, центромъ котораго является мѣсто расположенія пасѣки. Конечно, если пасѣка стоитъ около плантацій медоносныхъ растений, расположенныхъ въ одной сторонѣ, въ другой же для пчелъ нѣтъ ничего интереснаго, онѣ, игнори-

руя неинтересную для них мѣстность, будутъ летать только въ сторону медоносныхъ плантацій.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что нормой средняго лета пчель будетъ полторы—двѣ версты въ одинъ конецъ. Однако могутъ быть значительныя и даже весьма значительныя отклоненія отъ этой нормы. Случается иногда, что пасѣка стоитъ въ такой неудачной мѣстности, что даже въ началѣ лѣта, въ самую медоносную пору, когда пчела жаждетъ дѣятельности и неудержимо стремится въ поле за взяткомъ, ничего нѣтъ для нея интереснаго. Въ такихъ случаяхъ пчела расширяетъ районъ лета, и если тихій, влажный вѣтерокъ принесетъ ей вѣсть, что взятокъ есть за четыре—пять—шесть и даже больше верстъ отъ стоянки пасѣки, она можетъ полетѣть и туда. Вѣдь, собственно говоря, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что пчела способна пролетать большія разстоянія. По быстротѣ полета, думаемъ, пчела не уступитъ курьерскому поѣзду; если же, быстро идущій поѣздъ проходитъ версту въ минуту, то, полагаемъ, что и пчела пройдетъ то же разстояніе въ минуту; допустимъ, что она отстанетъ немного отъ поѣзда, но, во всякомъ случаѣ, пятиверстное разстояніе навѣрное покроетъ въ десять минутъ. Съ ношей, правда, пчелѣ будетъ ужъ не такъ легко возвращаться, но все же она и съ ней можетъ такъ же быстро воротиться, особенно если сослужить ей службу попутный вѣтеръ. При вѣтрѣ порывистомъ, а еще хуже того — противномъ, много гибнетъ пчель отъ необходимости пролетать большія разстоянія; замѣчено, что ихъ не возвращается больше половины въ такихъ случаяхъ.

Моя бабушка—женщина правдивая—разсказывала намъ—внукамъ, что пчелы ея *дидуса* летали за 12 верстъ въ *лыпняы*¹⁾. По близости пасѣки, разсказывала она, не было ни одного липоваго дерева, и только лишь на двѣнадцативерст-

¹⁾ Лыпняы—липовые лѣса.

номъ разстояніи начинался большой, липовый лѣсъ. Липы поблизу не было, а между прочимъ пчелы таскали исключительно липецъ. Рассказывая про этотъ случай, бабушка еще добавляла, что запоздалая съ ношей пчелы, боясь растеряться въ полѣ и погибнуть, *противъ ночи* назадъ не возвращались, а тамъ въ *лытняхъ* и заночевывали съ тѣмъ, чтобы раннимъ утромъ возвратиться домой съ драгоценной ношей. Когда я объ этомъ необыкновенномъ случаѣ рассказалъ нашему пчеловодному дѣдушкѣ В. Ѳ. Ващенко, онъ нашелъ мое сообщеніе вполне правдоподобнымъ, ибо и въ его практикѣ былъ случай, когда пчелы летали за 12 верстъ на гречиху.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 25-го іюля 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингов. ул. № 6.

ГОДЪ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсто
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 4-го августа.

Содержаніе: I. Сектантская праведность. Свящ. Ал. Введенскій.—II. О переходѣ младшихъ членовъ причта на новыя мѣста. Свящ. В. Пестряковъ.—III. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—IV. Толковый Типиконъ. (Продолженіе). М. Скабаллановичъ.—V. Ванюшка помогъ. (Продолженіе). II. Поповъ-Пермскій.—VI. Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе), Діаконъ Г. Лисинскій.—VII. Замятка. О церковникахъ.—

Сектантская праведность.

(По поводу „Матеріаловъ“ Бончъ-Бруевича).

Въ нагорной проповѣди Христа Спасителя есть прекрасныя слова. Вотъ они:

„И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревно въ твоемъ глазѣ не чувствуешь? Или, какъ скажешь брату твоему: дай я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемеръ! Вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего“ (Матѣ. 7 гл. 3—5 ст.).

Вотъ эти-то слова какъ нельзя лучше примѣнимы къ современнымъ русскимъ сектантамъ.

Дѣло въ томъ, что сектанты весьма часто и пишутъ и говорятъ о своей праведности, гордятся чистотою своей жизни, рисуются своимъ нравственнымъ превосходствомъ предъ православными христіанами. А между тѣмъ ничего подобнаго на дѣлѣ нѣтъ. На дѣлѣ оказывается, что и сектанты такіе же грѣшники, какъ и мы, православные.

Правда, они отрицаютъ свою грѣховность. Но вотъ доказательства, обличающія ихъ мнимую праведность. Мы ихъ заимствуемъ изъ статьи извѣстнаго сектантскаго вожака, Михаила Андросова, помѣщенной въ „Матеріалахъ“ Бончъ-Бруевича подъ заглавіемъ „Мое путешествіе“. Эта статья тѣмъ собственно характерна, что она отъ начала до конца повѣствуетъ о случаяхъ возмутительнаго обмана и воровства со стороны уважаемаго и прославленнаго сектантами Андросова.

Назовемъ нѣкоторые изъ нихъ.

„Въ Москву, пишетъ Андросовъ, пріѣхали рано утромъ. Я пошелъ на Ярославскій вокзалъ. Спросилъ швейцара: когда будетъ отходить поѣздъ на Ярославль? Онъ отвѣтилъ: „въ одиннадцатомъ часу ночи“.—Я сдалъ ему свои вещи, взялъ у него номеръ и пошелъ въ харчевню, пообѣдалъ. Потомъ мнѣ пожелалось погулять по Москвѣ. Я пошелъ по улицѣ, отошелъ отъ вокзала далеко. Думаю только къ ночи вернуться. Иду, присматриваюсь на разныя постройки, на магазины, прочитываю вывѣски. Въ нѣкоторые магазины заходилъ, но больше все шелъ и смотрѣлъ. Вдругъ меня замѣтилъ московскій сыщикъ. Началъ за мной смотрѣть: то пройдетъ впередъ, то зайдетъ въ магазинъ. Я пройду. Онъ выскочитъ, догоняетъ меня, обойдетъ, опять остановится. Потомъ рѣшился, подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить, я замѣчаю, что вы не здѣшній? Что вамъ нужно? Я васъ доведу.

Я отвѣтилъ: ошибаетесь. Я здѣшній. Мнѣ проводника не нужно ¹⁾).

Ну, какъ это „праведникъ“ могъ сказать, что онъ здѣшній, когда онъ доселѣ въ Москвѣ не бывалъ и теперь только проѣздомъ заглянулъ въ нее? Или это для нихъ не ложь?

Другой примѣръ.

„На одной изъ станцій, повѣствуетъ Андросовъ, мы съ Павломъ Планидинымъ ²⁾ слѣзли съ машины. Тутъ былъ молоканскій вольный омнибусъ. Мы сѣли въ этотъ отходящій омнибусъ. Доѣхали до Делижана, оттуда сѣли на почтовые. Везли насъ вездѣ хорошо. Приѣхали мы на станцію Джанджуръ, гдѣ стали закусывать. Тамъ была жена почтоваго старосты, дочь Василя Подовскаго, Аксинія. Она была знакомая Павлу Васильевичу. Отозвала его и спрашиваетъ:— „Это что за человекъ ѣдетъ съ тобою“! А онъ спросилъ ее:— „ты знаешь холоденскаго родіоновскаго Ивана Веригина“?— она отвѣтила: „Нѣтъ“.— „Вотъ это онъ самый изъ Тифлиса ѣдетъ со мною до Александрополя. Тоже ложь. Но онъ ей для того такъ сказалъ, продолжаетъ Андросовъ, потому что боялся, что и она приговорена меня ловить. Окончили мы закуску, дали намъ лошадей. Оттуда мы поѣхали прямо въ г. Александрополь, гдѣ, какъ говорили наши, былъ поставленъ для меня караулъ, но мы оба были переодѣты въ штатскую одежду ³⁾. Когда приѣхали на станцію, я попросилъ лошадей и говорю почтовому старостѣ, что *инженеръ желѣзной дороги* и мнѣ необходимо нужно спѣшить. Онъ мнѣ повѣрилъ“ ⁴⁾).

Еще примѣръ.

¹⁾ Стр. 100—101.

²⁾ Сектантъ. См. 108 стр.; Тамъ: „Духоборы въ Канадѣ“. М. 1906. Стр. 35.

³⁾ Духоборы имѣютъ свой особый костюмъ, нѣсколько похожій на донской казачій, рѣзко отдѣляющій ихъ отъ другого русскаго населенія Кавказа.

⁴⁾ „Матеріалы“... стр. 109, т. I.

„Пріѣхали мы послѣ обѣда, вошли въ участковое управленіе, доложили участковому. Онъ выпелъ. Поздоровался со мною, потомъ сѣлъ за столъ, началъ меня спрашивать: какъ ѣздилъ? Видѣлъ-ли Петра Веригина? Я рассказалъ, что видѣлъ.—Еще гдѣ ѣздилъ? Но я того не показалъ. Говорю: болѣе нигдѣ не былъ“. А между тѣмъ, замѣтимъ отъ себя, былъ и былъ во многихъ мѣстахъ и у многихъ лицъ.

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ исправникъ воспретилъ Андросову проѣздъ въ Обдорскъ къ Веригину, было поступлено такъ:

„Дѣло было вечеромъ. Мои друзья не унывали и сказали мнѣ, пишетъ Андросовъ, что все устроятъ. Гаевскій ушелъ и чрезъ нѣкоторое время привелъ съ собою человѣка. Это былъ березовскій житель М. Ф. Стали совѣтоваться. Рѣшили, что я ночью выѣду съ проводникомъ на лошади къ Обдорску и проѣду сорокъ верстъ до стоянки оленьщиковъ, тамъ найму оленей и поѣду дальше. За проводника согласился быть самъ М. Ф. Я пошелъ на земскую квартиру, хотѣлъ переночевать тамъ, но моя комната оказалась занятой. Я забралъ свои вещи и ушелъ ночевать къ друзьямъ. Мы еще спали, когда къ намъ постучался десятскій. Вошелъ, посмотрѣлъ, что я здѣсь, немножко побылъ и ушелъ. Также приходилъ и днемъ два раза. Я догадался, что меня караулятъ. Я сказалъ объ этомъ друзьямъ. Вечеромъ опять приходитъ десятскій, сѣлъ и разговаривать. Мы немного поговорили, а потомъ стали раздѣваться и ложиться спать. Десятскому некуда было дѣваться и онъ долженъ былъ уйти. Только что онъ ушелъ, мы сейчасъ забрали свои вещи и пошли кругомъ города по рѣкѣ“¹⁾.

Немного дальше мы наталкиваемся на новый случай обмана.

„Пріѣхали мы на другую ночь до свѣта въ Обдорскъ и заѣхали на постоянный дворъ. Мы условились, если будутъ

¹⁾ „Матеріалы“... стр. 87.

спрашивать, говорить, что приѣхали откупить берегъ для рыбныхъ промысловъ“¹⁾. А между тѣмъ ѣхали въ Обдорскъ на свиданіе съ Петромъ Веригинымъ.

Теперь приведемъ примѣръ того, какъ сектанты относятся къ чужой собственности. Примѣръ беремъ опять таки изъ сочиненія того же Андросова: „Мое путешествіе“.

„Уже стало темнѣть, когда выѣхали изъ селенія. Отъѣхали версты три или четыре, сбились съ дороги. Выѣхали на Кубово озеро, долго ѣздили по озеру, такъ что лошадь стала становиться. Подъѣхали къ стогу сѣна. Тогда я сказалъ извозчику, чтобы не смѣлъ отъ стога отъѣзжать, а то лошадь заѣдетъ, станетъ въ снѣгъ и замерзнетъ. Я говорю ему:—заѣзжай съ той стороны, гдѣ вѣтеръ не дуетъ, пусти лошадь къ сѣну; такъ мы и сдѣлали. Остановились ночевать. Всю ночь дулъ вѣтеръ. Лошадь стояла, ѣла сѣно. Я укрылся, лежалъ въ саняхъ, но спать не спалъ. Было холодно. Нѣсколько разъ поднимался глядѣть, что дѣлаетъ извозчикъ. Онъ все ходилъ около стога.

Я спросилъ его:

— Что, не замерзъ?

Онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— А лошадь?

— Лошадь уже половину стога съѣла.

Такъ мы простояли до свѣта. Тогда мы сѣли въ сани. Лошадь наша хорошо отдохнула. Поскакали прямо въ селеніе. Перебѣнивъ подводу, такъ и доѣхалъ до желѣзной дороги“²⁾.

Сдѣлай такъ православный миссіонеръ, то сектанты пронесли бы имя его яко зло по всей земли. А когда сами поступаютъ нечестно въ отношеніи чужой собственности, такъ даже хвалятся этимъ. Или грѣшникамъ нельзя, а пра-

¹⁾ „Матеріалы“... стр. 88.

²⁾ „Матеріалы“... стр. 105.

ведникамъ можно? Видимо, для нихъ и мораль совсѣмъ другая.

Еще одно слово. Сектанты весьма часто говорятъ о своемъ самопожертвованіи въ отношеніи къ своимъ ближнимъ. Не это ли образчикъ ея?

— Подъѣхали къ стогу сѣна. Тогда я сказалъ извозчику, чтобы онъ не смѣлъ отъ стога отъѣзжать... Я горю ему:

— Заѣзжай съ той стороны, гдѣ вѣтеръ не дуетъ... Она не замерзнетъ. У меня одежда хорошая, я тоже не замерзну. Одинъ только ты не очень тепло одѣтъ, — соболѣзную я,—какъ бы ты только не замерзъ?

Онъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 20.—Отвѣтилъ мнѣ:

— Нѣтъ, не замерзну я.

Тогда я сказалъ:

— А если ты не замерзнешь, то и хорошо будетъ¹⁾.

Если такова сектантская самоотверженность, то она— не высокой пробы.

Такъ вотъ какова сектантская праведность! Вотъ какова ихъ честная, непорочная и неповинная жизнь предъ Господомъ Богомъ!

Простой народъ этого не знаетъ. Такъ нужно ему это показать, чтобы онъ не обольщался вѣтромъ новыхъ ученій.

Сами сектанты, гордые своею святостью, не замѣчаютъ своихъ грѣховъ и беззаконій. Имъ тоже надо открыть глаза на это, чтобы они не гордились предъ Богомъ и людьми тѣмъ, чѣмъ не должно.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи.

Священникъ *Александръ Введенскій*.

¹⁾ „Матеріалы“... стр. 105.

О переходѣ младшихъ членовъ причта на новыя мѣста.

По существующимъ законоположеніямъ священникъ, оставляющій мѣсто, обязанъ предварительно сдать церковное имущество, документы и печать и только тогда выравѣ переселиться на новое мѣсто. Совсѣмъ по иному выходитъ дѣло съ младшими членами причта. Обыкновенно, неувѣренные въ полученіи того или другого просимаго мѣста, дьяконы и псаломщики скрываютъ о своихъ ходатайствахъ и прошеніяхъ, и остальные члены причта узнаютъ о нихъ только тогда, когда состоится рѣшеніе епархіальнаго начальства. Изъ-за этого выходятъ самыя разнообразныя недоразумѣнія, въ которыхъ съ большими затрудненіями приходится распутываться настоятелямъ церквей. Вотъ нѣкоторые тому примѣры. Въ четырехчленномъ причтѣ псаломщикъ беретъ мѣсячный отпускъ поручивъ исполненіе своихъ обязанностей другому псаломщику; аккуратно получаетъ во время отпуска слѣдующую ему долю братскаго дохода, а по истеченіи отпуска, преспокойно заявляетъ, что онъ переходитъ на новое мѣсто. Какое удовольствіе получаетъ отъ этого псаломщикъ, остающійся на приходѣ и не пользующійся отпускомъ—ясно само собою. Товарищеская поддержка, разумѣется, должна быть въ духовномъ мірѣ среди представителей клира, но не такая, гдѣ одна сторона совершенно незаслуженно является козломъ отпущенія.

Существуетъ правило (на бумагѣ и въ практическихъ руководствахъ для священно-церковно-служителей) о томъ, чтобы акты въ метрическія книги записывались немедленно по ихъ совершеніи. Обычно дѣло ведется по иному, и по нашей русской лѣни откладывается до послѣдняго времени: до той поры, когда церковные документы необходимо бываетъ представлять черезъ благочиннаго въ консисторію. Переведенный безъ вѣдома и безъ всякаго со стороны священника согласія псаломщикъ спѣшитъ на новые хлѣба, а его замѣ-

ститель тѣмъ меньше имѣеть основаній брать на себя нужную работу по веденію книгъ. Наконецъ, добросовѣстныя матеріальныя отношенія, основанныя на взаимномъ довѣрїи и поддержкѣ и нигдѣ, конечно, не оформленныя при неожиданныхъ перемѣнахъ членовъ причта, также нарушаются, причемъ терпитъ часто ущербъ болѣе добрая и довѣрчивая сторона причта. Взаимныя одолженія деньгами и продуктами хозяйства, всевозможныя полюбовныя сдѣлки по церковной землѣ и это все часто при перемѣщеніяхъ—разрушается самымъ грубымъ образомъ, порождая споры, жалобы, сутяжничество.

Въ значительной степени указанные печальныя явленія были-бы парализованы и совершенно уничтожены, если-бы при переходѣ младшихъ членовъ причта отъ священниковъ требовался краткій отзывъ о немѣнїи къ тому препятствїй.

Свящ. В. Пестряковъ.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

О мѣрахъ воздѣйствія духовенства на слабыхъ къ винопитію членовъ причта.

Теперь, когда всѣ лучшіе представители русскаго общества, желающіе добра родному народу, выступили на безпощадную борьбу съ зеленымъ змиемъ, чрезвычайно своевременно самому духовенству обратить вниманіе на нѣкоторыхъ своихъ членовъ, подверженныхъ слабости къ винопитію и тѣмъ подающихъ немалый соблазнъ мірянамъ. Призванное по самому своему положенію быть проводникомъ въ народъ всего добраго, нравственнаго и свѣтлаго, духовенство, естественно, заняло въ этой борьбѣ едва ли не первое мѣсто. Но ставъ въ ряды воиновъ противъ страшнаго врага, оно какъ бы забыло о склонности къ алкоголю многихъ собственныхъ представителей и тѣмъ въ сильной степени обезцѣнило свою дѣятельность по искорененію пьянства и осла-

било ея успѣхъ. Вѣдь кому же не извѣстно, что учить надо не столько словами, сколько личнымъ примѣромъ, и потому священникъ, проповѣдующій паствѣ трезвость, а самъ нарушающій ее, не только не достигаетъ успѣха своей проповѣдью, но даже вызываетъ въ слушателяхъ насмѣшки и ироническія замѣчанія. Духовенству, пока въ его средѣ есть алкоголики или даже умѣренные потребители вина, народъ въ отвѣтъ на призывъ къ трезвости въ полномъ правѣ сказать: *врачу, исцѣлься самъ*. Но помимо вреда для дѣла отрезвленія русскаго народа, винопитіе среди духовенства—пагуба для православной миссіи. Припомните, что отвѣчаютъ сектанты разныхъ толковъ на приглашеніе миссіонера оставить заблужденіе и возвратиться въ Православную Церковь. „Куда вы насъ зовете?—спрашиваютъ они. Развѣ вы не знаете, что Церковь Христова есть *родъ избранный, цирквенное священство, народъ святой* (1 Петр. 2, 9), а не сборище пьяницъ, каковыми является большинство православныхъ и даже многіе ихъ священники“. И начинаются обычныя сектантскія рѣчи: „когда мы были православными, то и сами были пьяницами, разбойниками, прелюбодѣями, а оставивъ вашу вѣру, сдѣлались чистыми и нравственными“. Вотъ и говорите послѣ этого съ сектантами и убѣждайте ихъ вступить въ Церковь Христову. Конечно, всѣ эти рѣчи—вздоръ. Однако же въ виду очевиднаго вреда, для дѣла миссіи и трезвости, который наносится ему слабостью нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ къ винопитію, въ настоящее время принимаются по мѣстамъ самыя рѣшительныя мѣры къ искорененію этой слабости въ средѣ духовенства. Какъ сообщаютъ „Вятскія Епарх. Вѣдомости“, Пензенское епархіальное начальство предложило мѣстному обще-епархіальному съѣзду обсудить средства, какія слѣдуетъ употребить въ цѣляхъ уничтоженія алкоголизма среди самихъ духовныхъ лицъ. Съѣздъ прежде, чѣмъ вынести то или иное постановленіе, остановился на причинахъ столь нежелательнаго и печальнаго явленія и нашель, что къ числу ихъ должны

быть отнесены: частью наследственная склонность некоторых лиц къ употребленію алкоголя, а частью умственная неразвитость, излишній досугъ, вліяніе дурной среды и неправильный взглядъ на употребленіе спиртныхъ напитковъ, какъ на дѣло невинное, достойное даже иногда призванія на него благословенія Божія. Въ противовѣсъ такимъ причинамъ сѣздъ въ 25 день октября 1912 года сдѣлалъ слѣдующія постановленія:

1) „Пастыри церкви должны прежде всего давать въ собственной жизни примѣръ безусловной трезвости.

2) Для заполненія имѣющагося у членовъ причта досуга, привлекать ихъ къ участию во внѣбогослужебныхъ бесѣдахъ, въ обученіи народа пѣнію, организациі хорowego пѣнія.

3) Замѣчая слабыхъ къ винопитію членовъ причта, поддающихся вліянію нравственно испорченныхъ людей, пастыри церкви должны таковыхъ увѣщевать оставить сообщество съ дурными людьми.

4) Въ случаѣ невниманія къ пастырскимъ увѣщаніямъ, священники должны просить благочиннаго, чтобы онъ съ своей стороны принялъ мѣры увѣщанія и внушенія съ участіемъ членовъ благочинническаго совѣта.

5) О результатахъ безуспѣшности принятыхъ къ исправленію мѣръ благочинные должны сообщать на окружныхъ благочинническихъ сѣздахъ и на нихъ составлять постановленія съ ходатайствомъ предъ Его Преосвященствомъ о перемѣщеніи неисправимыхъ въ другой округъ“.

Намъ представляется, что подобныя мѣры слѣдовало бы неотложно принять не только въ одной Пензенской епархіи, а повсемѣстно, чтобы чрезъ то хотя сколько-нибудь ослабить пьянство, которому безъ удержу предается русскій народъ. Личной трезвостью своею духовенство, конечно, не уничтожить въ корнѣ народнаго пьянства. Пока существуетъ открытая продажа водки и поощряются сидѣльцы винныхъ лавокъ, продавшіе наибольшее количество алкогольнаго яда;

пока царить взглядъ на водочную торговлю, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ; пока, вообще, добывается алкоголь не исключительно для техническихъ и врачебныхъ цѣлей, а и, главнымъ образомъ, для „смазки глотки“, до той поры вы не остановите никакимъ способомъ спиртовой рѣвки, льющейся въ эту глотку. Но духовенство своимъ личнымъ вліяніемъ и примѣромъ можетъ значительно парализовать то увлеченіе спиртомъ, какое сейчасъ наблюдается у насъ. А это уже одно составить неоцѣнимую заслугу духовенства, за которую скажетъ ему впоследствии великое спасибо родная страна.

Мѣры въ искорененію сутяжничества и поддержанію миролюбія среди духовенства.

Вотъ и еще одно пріятное и утѣшительное сообщеніе можемъ предложить нашимъ читателямъ о дѣятельности того же самого сѣзда, по свѣдѣніямъ „Владим. Епарх. Вѣдомостей“. Стремясь устранить изъ среды духовенства такое отвратительное явленіе, какъ ябедничество, анонимы и сутяжничество, сѣздъ постановилъ:

1) „Просить Его Преосвященство сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, чтобы не разсматривались жалобы по анонимнымъ письмамъ.

2) Желательно, чтобы члены причта подавали жалобы черезъ благочиннаго, который, провѣривъ ее на мѣстѣ, направлялъ бы епархіальному начальству съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и съ своимъ заключеніемъ.

3) Если на кого-либо изъ духовенства подана жалоба, что до окончанія производства дѣла по ней, не принимать жалобъ отъ лица, находящагося подъ судомъ или слѣдствіемъ.

4) Желательно, чтобы поступающія жалобы разсматривались по существу дѣла безъ внесенія въ него другихъ поступковъ.

5) Если по производствѣ слѣдствія по жалобѣ на кого-либо изъ духовенства окажется, что она содержитъ клевету, то виновный долженъ подлежать отвѣтственности“.

Нельзя не признать всей важности и цѣлесообразности этихъ постановленій Пензенскаго Епархіального съѣзда. Мѣры противъ названнаго зла принимаются и въ другихъ епархіяхъ, такъ какъ оно, сказать по правдѣ, довольно широко развилось въ духовномъ сословіи. Случалось намъ встрѣчать отцовъ, для которыхъ не было болѣе пріятнаго занятія, какъ строчить доносы на своихъ собратьевъ. Особенно достается отъ такихъ лицъ благочиннымъ, на которыхъ иногда, какъ изъ рога изобилія, сыплются самые подлые анонимы въ консисторію со стороны ихъ недоброжелателей. И сколько грязи и безсовѣстной лжи можно найти въ такихъ анонимахъ и доносахъ; и сколько, съ другой стороны, нравственныхъ мученій и тревогъ приходится переживать тѣмъ, на кого составляются всѣ эти именныя и безымянныя ябеды. Всего прискорбнѣе то, что самые поводы къ ябедничеству часто не находятъ для себя никакого извиненія. Иногда довольно священнику обладать хорошимъ приходомъ, чтобы завистливые его собратья начали подкапываться подъ него посредствомъ „доносиковъ“. Благочинный пусть сдѣлаетъ отеческое внушеніе какому-нибудь зарвавшемуся отцу, какъ онъ уже готовъ писать на него кляузы. Бороться съ этимъ зломъ нужно, и чѣмъ рѣшительнѣе будетъ эта борьба, тѣмъ лучше.

Праздникъ Пасхи въ Японіи.

Пасхальное торжество совпадаетъ въ столицѣ Японіи съ храмовымъ праздникомъ городского собора, почему здѣсь особенно торжественно празднуется великій день возстанія Христа отъ мертвыхъ. Можно сказать, что торжество это въ далекой Японіи носитъ въ общемъ хорошо знакомый намъ русскій характеръ, такъ что вы, зайдя въ этотъ день въ Токійскій соборъ, почувствуете себя здѣсь почти какъ на ро-

динѣ. Уже къ 10 часамъ вечера великой субботы въ храмѣ начинаютъ собираться православные японцы, изъ которыхъ выискиваются охотники читать „Дѣянiя Апостоловъ“. Какъ и у насъ, между этими чтецами попадаются такiе, которые еле бредутъ по складамъ, что, впрочемъ, тамъ болѣе извинительно въ виду необычайной трудности чтенiя японскаго текста. Сосѣдняя съ соборомъ небольшая церковь, между тѣмъ, наполняется куличами, пасхами и красными яйцами, принесенными сюда для освященiя. Кстати сказать, изготовлять всякiя пасхальныя снѣди и варить кутью научила православныхъ японскихъ хозяекъ супруга мѣстнаго діакона о. Львовскаго, что является съ ея стороны, конечно, не малой заслугой. Но вотъ начинается въ соборѣ пасхальная заутреня, совершаемая самимъ предстоятелемъ церкви японской съ сонмомъ священнослужителей. Обширный и высокiй храмъ наполняется чудными радостными мелодiями, знакомыми всѣмъ намъ съ ранняго дѣтства. Подходитъ моментъ, когда по уставу полагается христосованiе, и тутъ вы замѣчаете уже разницу съ обычаями нашей родной страны. Лобзанiй нѣтъ: они не приняты обычаями Японiи, и особенно, не допускается христосованiе мужчины съ женщиной. Только побывавшіе въ Россiи православные японцы цѣлуются въ день Пасхи, а остальные берутъ лишь благословенiе у епископа. Покойный архіепископъ Николай послѣ пасхальнаго богослуженiя бесѣдовалъ, обыкновенно, со своей паствой, а затѣмъ всѣмъ дѣтямъ раздавалъ мандарины, красныя яйца и по нѣскольку мелкихъ монетъ. Ему съ своей стороны пасомые дарили дорогую рыбу, фрукты и проч., и трогательно было видѣть, съ какой любовью приносились эти дары православными японцами своему дорогому архипастырю. Торжество заканчивалось общимъ собранiемъ, душой котораго былъ всегда архіепископъ, объединявшій всѣхъ своей свѣтлой личностью. Всѣ эти обычаи насаждены въ Японiи трудами и старанiями великаго апостола ея почившаго архіепископа Николая, благодаря которому вы и въ далекой „странѣ вос-

ходящаго солнца“ можете видѣть въ дни св. Пасхи ту же въ общемъ картину, что и у себя на родинѣ, а, самое главное, можете присутствовать на православномъ богослуженіи и слышать умиленные пасхальные напѣвы. Нельзя при этомъ не упомянуть, какого колоссальнаго труда стоило перевести на японскій языкъ священныя и богослужебныя книги, а переведенныя пѣснопѣнія приспособить къ русской церковной гармоніи. Переводилъ, какъ извѣстно, самъ архіепископъ Николай, а пѣснопѣнія перелагаль на музыку дѣятельный помощникъ его о. діаконъ Львовскій, поборовшій всѣ трудности этого дѣла, вытекавшія хотя бы изъ того, что японскій языкъ многосложнѣе и многословнѣе славянскаго, въ силу чего необходимо было такты въ мелодіи разбивать на полутакты, послѣдніе на четверти и т. д. Но всѣ эти препятствія преодолены энергіей просвѣтителей Японіи, и 30-тысячная мѣстная православная паства можетъ теперь прославлять Христа на родномъ языкѣ и въ чудныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ.

Б.

Толковый Типиконъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Измѣняемыя части литургіи

(воскресной).

Важнѣйшею измѣняемою частію литургіи является апостоль и евангеліе. Тотъ и другое въ виду этого имѣють предъ собою весьма сложное подготовленіе, измѣняемыми элементами котораго предъ первымъ служатъ *прокимень*, а предъ вторымъ *алмлуіарій*.

¹⁾ См. № 31 за 1913 г.

Поется прокимень на литургіи по тому же чину, какъ на вечернѣ, но не воскресной, а всякой другой, т. е. 2^{1/2} раза, и съ тѣмъ же предварительнымъ возгласомъ, за исключеніемъ послѣдняго „вонмемъ“, д. б. п. ч. оно имѣется предъ чтеніемъ и повтореніе его предъ прокимномъ поставило бы послѣдній выше чтенія. Въ противоположность вечернѣ прокимень измѣняется на литургіи по гласамъ, но напѣвъ гласа тотъ же, что на вечернѣ. Отличаясь вообще особымъ богатствомъ мелодіи при ея краткости, напѣвъ этотъ нынѣ разнообразенъ для разныхъ гласовъ, для однихъ принимая самый радостный колоритъ, какъ для 8 гл. (8 гл. прокимны Пасхи и Р. Х.), для другихъ самый печальный, какъ 6 гл. (заупокойный прокимень) и 7 гл. („Князи людстїа“).

На римской литургіи нашему прокимну соотвѣтствуетъ *graduale*, но оно поется не предъ апостоломъ (*epistola*), а послѣ него. Имя свое *graduale* получило отъ того, что пѣлось съ той ступени (*gradus*) амвона, съ коей читался апостоль. Оно, какъ и нашъ прокимень (Толк. Тип. II, 137), замѣнило собою пѣніе на этомъ мѣстѣ литургіи— между чтеніями ся—цѣлаго псалма; замѣна произошла въ V—VI вв.—при Левѣ В. повидимому пѣли еще цѣлый псаломъ ¹⁾—и вызвана была усложненіемъ музыки. Чинъ пѣнія *graduale* очень напоминаетъ пѣніе нашего прокимна, особенно въ древнѣйшемъ своемъ видѣ; по *Ordo romanus* II (VII в.) „пѣвецъ одинъ начинаетъ *responsum* (1-й стихъ *graduale*, потомъ повторяемый) и всѣ въ хорѣ отвѣчаютъ и тоже одинъ поетъ стихъ *responsoria* ²⁾; послѣ этого хоръ—опять 1-й стихъ и пѣвецъ его еще разъ, но высшимъ тономъ, наконецъ, хоръ поетъ его третій разъ ³⁾. Нынѣшній уставъ (*Graduale romanum* 1886 г.) сократилъ этотъ чинъ: начинаютъ *responsum* два пѣвца, поя изъ него только одно или два первыхъ слова, а хоръ оканчиваетъ, потомъ два пѣвца—стихъ. Замѣчательно, что *graduale* не полагается въ періодъ 50-цы отъ Новой недѣли до троицкой; это средневѣко-

¹⁾ Левъ В., сл. 3 (*de natali ipsius*), гл. 1.

²⁾ *Ordo rom.* II, п. 7.

³⁾ *Durandus, Rationale* IV, 19,63.

вые литургисты объясняли тѣмъ, что по тону своему это слишкомъ печальная пѣснь по сравненію съ дальнѣйшимъ аллилуіа, подготовительною пѣснью къ евангелію; она знаменуетъ собою покаянную проповѣдь Іоанна Предтечи, а аллилуіа—радостное благовѣстіе Христа; что оно поется все же въ пасхальную седмицу объясняли тѣмъ, что новокрещенные, носившіе свои бѣлыя крещальныя одежды до свѣтлой субботы, должны были находиться въ теченіе этой седмицы еще въ покаянномъ настроеніи. Д. 6 именно взгляды на *graduale*, какъ печальную пѣснь, вытѣснилъ его съ указанного періода, не посмѣвъ коснуться Пасхи.

Изъ 8 воскресно-литургійныхъ прокимновъ только два молитвеннаго содержанія: 1 гл.: „Буди Господи милость твоя“ (Пс. 32, 22) и 6 гл. „Спаси, Господи, люди твоя“ (Пс. 27, 9), одинъ—уповательнаго характера—5 гл. (параллельный и въ музыкальномъ отношеніи и по содержанію къ 1 гл.: „яко же уповахомъ“): „Ты Господи сохраниши...“ (Пс. 11, 8), а остальные хвалебнаго характера, болѣе идущаго къ тону воскресной службы; наиболѣе хвалебный 4 гл.: „Яко (=о, какъ, ѱ;) возвеличишася дѣла твоя...“ (Пс. 103, 24); затѣмъ параллельные по содержанію 3 гл. „Пойте Богу нашему...“ (Пс. 46, 7) и 8 гл. „Помолитесь (въ евр.: „дѣлайте обѣты“) и воздадите...“ (Пс. 75, 12); наконецъ тоже параллельные—2 гл. „Крѣпость моя и пѣніе...“ (Пс. 117, 14) и 7 гл. „Господь крѣпость людемъ своимъ дастъ...“ (Пс. 28, 11). Стихами къ прокимнамъ по обычаю служатъ начальныя стихи псалмовъ, изъ коихъ взяты прокимны, исключая 2 гл., гдѣ стихъ Пс. 117, 18.

Изъ воскресныхъ литургійныхъ прокимновъ дается „Іерусалимскимъ послѣдованіемъ“ страстной и пасхальной седмицы IX прокимень 7 гл. на вечерни свѣтлаго четверга; уставомъ Великой Константинопольской Церкви IX в.—прок. 6 гл. во вторникъ 50—цы. Всѣ прокимны въ нынѣшнемъ употребленіи дается Еввергетидскимъ уставомъ (XI—XII в.), съ тою только особенностью, что прокимень 6 гл. служить и для гл. 4 ⁴⁾.

⁴⁾ П.—Керамеевъ, *Авал.* Іер. ст. 237; *Дмитріевскій*, Топ. 150. 610.

Считаясь священнѣ апостола, евангеліе должно имѣть предъ собою и превосходнѣйшее подготовленіе. Если на утрени такимъ подготовленіемъ къ нему служить прокимень, то на литургіи, гдѣ послѣдній предшествуетъ апостола, евангеліе должно имѣть предъ собою что-нибудь болѣе исключительное. Такимъ и является положенная предъ литургійнымъ евангеліемъ пѣснь *аллилуія*. По Апокалипсису это будетъ небесная пѣснь вѣчности¹⁾. Кромѣ „аминь“, это единственное еврейское выраженіе, котораго не дерзнула коснуться рука переводчика, оставивъ его и въ тѣхъ звукахъ, въ которыхъ оно вдохновено Богомъ; отъ него вѣтъ поэтому духомъ глоссолалической (Толк. Тип. I, 38; ср. 30 и д.) таинственности, вызывающей примѣненіе его напр. при таинствѣ крещенія (подобно Киріе елейсонъ при священствѣ). Служа припѣвомъ самыхъ радостныхъ (у свреевъ—пасхальныхъ) псалмовъ въ Библии, аллилуія выступаетъ въ качествѣ почти неизмѣннаго припѣва псалмовъ въ нашемъ богослуженіи, но это почти единственное мѣсто (другое—на великопостной и заупокойной утрени) гдѣ оно выступаетъ въ качествѣ самостоятельной пѣсни, имѣющей, наоборотъ, при себѣ припѣвы, называемые аллилуіаріями (*ἀλληλουϊαρίων*); это псалмические стихи, имѣющіе отношеніе къ воспоминанію дня, которыхъ обычно положено два для троекратнаго пѣнія аллилуія (каждый разъ по трижды) (три стиха только въ страстную субботу). Стихи, какъ и въ прокимнѣ берутся изъ одного псалма, часто сосѣдніе.

Пѣніе аллилуія предваряется возгласомъ „Премудрость“, своею краткостью болѣе говорящимъ, чѣмъ сложный возгласъ предъ прокимномъ (ср. въ началѣ литургіи вѣрныхъ, предъ „Святая святымъ“ и на крещеніи „Вонмемъ“).

Поется аллилуія со своими стихами по гласамъ, напѣвомъ прокимна (на практикѣ обычно напѣвомъ I гл.) по тому же чину, какъ прокимень, Богъ Господь и аллилуія на

¹⁾ Апок. 19, 1. 3. 4.

утренѣ, почему чинъ этотъ нигдѣ не указанъ, т. е. чтець (отвѣтивъ на „миръ ти“ священника „И духови твоему“) возглашаетъ гласъ аллилуіа („аллилуіа гласъ N“), послѣ чего аллилуіа поетъ хоръ трижды; чтець поетъ (обычно возглашаетъ) первый аллилуіарій и хоръ опять аллилуіа трижды; чтець—второй аллилуіарій, хоръ—аллилуіа трижды (такъ дѣлается въ Кіево-Печерской Лаврѣ, но стихи читаются). Торжественность момента усиливается происходящимъ тогда кажденіемъ, подготовительнымъ къ евангелію ¹⁾).

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Неправильно это кажденіе производится на апостолѣ; Службеникъ: „аллилуіа же пѣваему, и пріемъ діаконъ кадильницу и ошніамъ, приходитъ ко священнику и пріемъ благословеніе отъ него, кадитъ св. трапезу окрестъ, и олтарь весь, и священника“; это отступленіе отъ устава стоитъ въ связи съ неправильнымъ, до извращенности, взглядомъ на аллилуіа, какъ на заключеніе къ апостолу, а не какъ на подготовленіе къ евангелію, взглядомъ, унижающимъ и аллилуіа и евангеліе.

²⁾ См. № 31 за 1913 г.

„Ваничка помогь“.

(Продолженіе ²).

V.

— Зоя, я просто не понимаю, для чего къ тебѣ пляется эта псаломщица? При нашихъ отношеніяхъ съ Дубровинымъ ея визиты совершенно неумѣстны. Ты согласна съ этимъ?

И дьяконъ раздраженно взглянулъ на жену.

— Нѣтъ,—отрѣзала та.

— Какъ? Почему?

— Да очень просто. Намъ съ Августой Родіоновной нѣтъ никакого основанія ссориться. Вы ругайтесь, сколько

СЕРІИ

¹) Неправильно это кажденіе производится на апостола; Службеникъ: „аллилуіа же пѣваему, и пріемъ діаконъ кадильницу и ошміамъ, приходитъ ко священнику и пріемъ благословеніе отъ него, кадитъ св. трапезу окрестъ, и олтарь весь, и священника“; это отступленіе отъ устава стоитъ въ связи съ неправильнымъ, до извращенности, взглядомъ на аллилуіа, какъ на заключеніе къ апостолу, а не какъ на подготовленіе къ евангелію, взглядомъ, унижающимъ и аллилуіа и евангеліе.

²) См. № 31 за 1913 г.

вамъ угодно, а насъ увольте. Мы были и останемся хорошими друзьями.

— Но...

— Безъ всякихъ „но“.

— Что же скажутъ люди?

— Скажутъ, что Августа Родіоновна и Зоя Павловна умницы, а мужья—глупцы. И съ чего намъ-то дуться? Изъ за чего? Изъ-за вашей глупости? Вотъ мило... Покорно благодарю. Эхъ, на твоёмъ мѣстѣ я давно бы примирилась.. Пусть бы ужъ причина ссоры была значительна, а то... и сказать-то совѣстно.

— Для тебя, Зоя, незначительна, а для меня очень большая.

— Скажите, пожалуйста. Сцѣпились тамъ изъ-за какого-то устава. Велика важность, подумаешь. Ахъ, Василій, я на твоёмъ мѣстѣ давно бы кончила съ этой глупой исторіей. Хотя-бы ты объ Тоничкѣ подумаль.

— Ну, чего тамъ?

— Ничего? Такъ-таки ровнехонько и ничего? И куда, право, дѣвались всѣ твои разсужденія о Петрѣ Семеновичѣ.

— Вотъ ты куда кинула удочку. Судьбой дочери озабочена?...

— Безсовѣстный ты; вотъ что. А тебѣ то она развѣ не дочь? Развѣ не волнуешь тебя ея судьба?

— Не глупи, Зоя. Говори безъ желчи. Я тебѣ вотъ что скажу: Петра Семеновича надо оставить въ покоѣ. Ни о какомъ сватовствѣ теперь, сама знаешь, не можетъ быть и рѣчи. Дубровинъ не таковъ человѣкъ, чтобы идти первому на мировую. А мнѣ, какъ дьякону, и неприлично даже.

— Это помириться-то неприлично? всплеснула жена руками;—да съ какихъ поръ ты пересталь быть христіаниномъ? Христось велѣлъ прощать враговъ, а ты говоришь — неприлично! А еще служишь Христу, стоишь у престола.

— Зоя, не учи. Не Ваничка я.

— А хуже. Ванюшка все простить. Это дитя, а ты большой, все знаешь, и вдруг такое сужденіе! Вотъ не ожидала отъ тебя подобной выходки. Но скажи, пожалуйста: не до смерти же вы будете ссориться?

— Авось когда-нибудь и помиримся. Надо выждать.

— Чего? Того, чтобы Петръ Семеновичъ на другой женился?

— Все ты со своимъ Петромъ Семеновичемъ лѣзешь ко мнѣ. И дался же тебѣ онъ!

— А не ты ли считалъ его завиднымъ женихомъ?

— Пусть и такъ. Но жениховъ много на свѣтѣ. И кромѣ него найдется. Тоня кончила епархіальное; значитъ, дѣвица съ образованіемъ, ну, не дурна собой, хорошая хозяйка. Она завидная невѣста. Не безпокойся, въ дѣвкахъ не засидится.

Дьяконица окончательно вскипѣла.

— И что только ты болтаешь; прямо непостижимо. Люди за хорошаго жениха и руками и ногами держатся, а ты и знать ничего не хочешь. Ищи-ка другого-то... Врагъ ты своей дочери—вотъ что. Если бы любилъ ее,—не говорилъ такого вздора. Фу, и слушать то тебя противно.

— Не слушай.

— А всё-таки о судьбѣ дочери я должна позаботиться, да, должна. Если ты глупишь, такъ не плясать же мнѣ въ этомъ дѣлѣ подъ твою дудку.

— Зоя,—угрожающе протянулъ дьяконъ.

— Не пугай. Не боюсь я. А однако Петра Семеновича считаю завиднымъ, превосходнымъ женихомъ. И тебѣ я тутъ ни на іоту не уступлю.

— То есть, какъ тебя понимать?

— Понимай, какъ знаешь.

— Да онъ сватался что-ли? Можно подумать, что онъ сдѣлалъ предложеніе, а мы отказали.

— А ты не съ луны-ли свалился, милый дружокъ? Точно ты не знаешь отношеній молодыхъ?

— Ну, это еще не сватовство. А вдруг да онъ посва-
тается къ другой? И всё твои разсужденія лопнуть, какъ
мыльный пузырь.

У дьяконицы такъ и чесался языкъ высказаться болѣе
откровенно, но она сдержалась и рѣшила, что пока рано.

— Можетъ быть, и посвадается къ другой, если вы
не примиритесь,—сухо проговорила она:—и Петръ Семено-
вичъ противъ отца не пойдетъ. Хочется-ли дѣлать скандалъ,
да еще будущему священнику?

Супруги замолчали, а такъ какъ этотъ разговоръ про-
исходилъ незадолго до вечерняго чая, то и во время по-
слѣдняго они сидѣли молчаливые, нахмуренные. Молодая
дѣвушка не могла не замѣтить происшедшей размолвки.

— Мамочка, о чемъ вы? Что произошло?—спросила она
мать наединѣ.

— Ахъ, Тоничка, все изъ-за тебя.

— Изъ-за меня?—изумилась та.

Дьяконица почувствовала потребность высказаться пе-
редъ дочерью. Разговоръ съ мужемъ подѣйствовалъ на нее
удручающе, точно ей подъ самое сердце кто-то положилъ
тяжелый камень.

Да и что таится отъ дочери? Она не маленькая, все
сама понимаетъ. Вѣдь призналась же она въ своей любви
къ Петру Семеновичу.

И дьяконица рѣшилась повѣдать дочери свой разговоръ.

— Милая Тоничка. Выслушай меня. Рѣшается твоя
судьба. Я буду съ тобой откровенна.

— И она передала ей всё: и разговоръ съ Августой
Родионовной, и содержаніе письма юноши, и свою размолвку
съ мужемъ. Молодая дѣвушка была поражена.

— Ахъ, мамочка, зачѣмъ же ты такъ долго молчала?—
всплеснула она въ ужасѣ руками:—развѣ я такая маленькая,
чтобы отъ меня скрывать мою судьбу. О, Боже мой, а я и
не подозрѣвала, какія тутъ совершаются интриги. Но какой

злой Семень Семеновичъ? Изъ-за такой ничтожной ссоры разбить счастье своего сына.

Она заплакала.

— Не плачь, Тоничка. Будемъ надѣяться на Бога, что обойдется хорошо. И мнѣ, вѣдь, не легко... Сама видишь... За меня не бойся. Я твоя вѣрная помощница. Быть тебѣ за Петромъ Семеновичемъ.

Молодая дѣвушка вытерла слезы.

— Спасибо тебѣ, мамочка, за откровенность. Сегодня же напишу Петру Семеновичу.

— Хорошо-ли?

— Не безпокойся. Сумѣю написать. Я должна его успокоить. Ахъ, что онъ пережилъ послѣ отцовскаго письма? Бѣдный мой. Нѣтъ, ты не препятствуй. Я напишу... Я должна ему написать. Вѣдь мы такъ любимъ другъ друга. Что же мнѣ скрываться?

— Ну, дѣлай какъ знаешь. Я привыкла смотрѣть на него, какъ на твоего жениха.

Она крѣпко прижала къ себѣ дочь.

— Милая моя, одного я желаю тебѣ: полного счастья и любви.

VI.

Въ срединѣ іюня пріѣхалъ и Петръ Семеновичъ. Никогда онъ не рвался такъ домой, какъ теперь. Не свобода и не окончаніе семинаріи радовало его, нѣтъ—онъ рвался скорѣе разузнать и разрѣшить свой наболѣвшій вопросъ. Передъ его глазами стояла Тоня. Ёхалъ онъ въ самомъ неопредѣленномъ настроеніи. Съ одной стороны отецъ писалъ о другихъ невѣстахъ, игнорируя Тоню, или отзываясь о ней пренебрежительно; съ другой стороны сама Тоня написала ему письмо очень успокоительное, которое восторгомъ наполнило душу и сердце молодого человѣка.

— Милая, дорогая,—шептала онъ перечитывая письмо:— какъ я радъ твоей вѣсточкѣ! Если бы ты знала...

Изъ письма матери и невѣсты онъ зналъ о ссорѣ отца съ дьякономъ и понялъ, почему отецъ старался дискредитировать молодую дѣвушку въ его глазахъ.

Насталъ, наконецъ, день свободы. Выпускные прощались другъ съ другомъ, плакали, поднимали за здравіе бокалы и разъѣхались.

Черезъ два дня Дубровинъ былъ уже дома. Родители не могли и наглядѣться на единственного сына, опору ихъ старости.

— Студентомъ кончилъ?

— Да, въ числѣ первыхъ.

— Молодчина. Хвалю.

— Мнѣ даже въ академію предлагали.

— Да ну?

Псаломщикъ благоговѣлъ передъ самымъ словомъ „академія“.

— Но я отказался. Хочу поработать на пастырской нивѣ.

— Конечно. Куда еще тамъ въ академію: довольно поучился. Десять лѣтъ трубилъ. Хорошо теперь же и за священство взяться.

— Я такъ и рѣшилъ.

— Добре, добре. Теперь дѣло осталось за свадебкой. Вотъ найдемъ невѣсту и подь вѣнцъ. Чего же медлить?

— Папа, невѣста у меня уже есть,—открыто заявилъ сынъ.

— Кто такая?—притворился отецъ непонимающимъ.

— Неужели не догадываешься?

— Мудрено.

— Она живетъ отсюда въ десяти сажняхъ. Конечно, Антоѳина Васильевна.

Псаломщикъ поморщился. Въ глазахъ его мелькнулъ недовольный огонекъ.

— Это намъ, Петя, не пара. Для тебя и получше найдутся. Вотъ въ Преображенскомъ у о. Григорія красавица

дочь и умная. Съ удовольствіемъ пойдетъ за тебя. Я уже закинулъ удочку. Клянетъ... Не безпокойся?

— Напрасно ты, папа, закидывалъ эту удочку. Вѣдь тутъ главное дѣйствующее лицо я, а не ты. Жена-то нужна мнѣ, а не тебѣ.

— А развѣ я не о твоемъ счастьѣ хлопочу?—обидѣлся отецъ.

— Вѣрю, что о моемъ, но... заявляю тебѣ, что я очень люблю Антонину Васильевну и кромѣ ея никого не возьму. Я люблю ее давно, много лѣтъ.

— Вотъ оно что...—протянулъ съ гримасой неудовольствія псаломщикъ:—а я этого и не зналъ. Мы, отцы, какъ то все въ сторонѣ стоимъ.

Онъ надулся и замолчалъ.

— Ахъ, Боже мой, —всплеснула руками псаломщица:— не успѣлъ Петенька пріѣхать, какъ уже начинается неприятность. Семень, побойся Бога... Дай Петенькѣ оглядѣться, а потомъ принимайся за свою ворчню, если она тебѣ такъ нравится. Успѣемъ еще поговорить объ этомъ. Цѣлое лѣто впереди.

Она дала знакъ сыну, чтобы онъ пока не возражалъ. Но, однако, вѣяніе разлада чувствовалось всѣми. Всѣ признавали, что радость свиданія чѣмъ то отравлена.

— Мама, расскажи ты мнѣ подробнѣе и откровеннѣе: что вышло у папы съ дьякономъ?—обратился молодой человекъ къ матери, когда они остались съ глазу на глазъ.

— Ахъ, Петенька, не брани отца и не вооружаю'я тебя противъ него, но должна сказать, что не хвалю его въ этомъ дѣлѣ. Вскорѣ послѣ Пасхи разсорился онъ съ дьякономъ, да такъ все еще не могутъ примириться. И разсорились-то они изъ-за пустяковъ. А вотъ поди же ты: дуются до сихъ поръ.

И она подробно рассказала сыну тотъ прискорбный инцидентъ, произошедшій на именинахъ у мѣстнаго торговца, который положилъ начало ссорѣ.

Сынъ только развелъ руками.

— И изъ-за такой чепухи разсорились? Вотъ удивительно! Никакъ я не ожидалъ этого отъ отца. Но что теперъ дѣлать? Не могу же я молчать. Я долженъ все выяснить.

— Петенька, быть можетъ, отецъ тебя скорѣе послушаетъ, чѣмъ меня. Я уже не разъ тутъ ссорилась изъ-за Тони. Куда тебѣ: онъ и слушать меня не хочетъ. Не образумишь-ли ты его? Ты лучше можешь все высказать. Ты умный, образованный.

— Ахъ, несчастье,— зашагалъ юноша по комнатѣ, ероша волосы:—пожалуй, эта ссора много доставитъ мнѣ непріятностей. Конечно, я могу обвиняться съ Тоней и тайно. Она, надѣюсь, не отступитъ передъ этимъ шагомъ. Но, вѣдь, это пахнетъ скандаломъ. А мнѣ, будущему пастырю, неудобно такъ начинать свою дѣятельность. Вотъ задача. И кромѣ Тони я никого не возьму. Вотъ и извертывайся тутъ.

Мать не удержалась и заплакала.

— Такъ-ли я думала встрѣтить тебя, голубчикъ ты мой? Цѣлые годы ждала твоего окончанія и женитьбы, и вдругъ такая напасть. Ахъ, Боже мой! Прогнѣвали мы Создателя.

— Буду дѣйствовать, мама. Не горюю.

А какъ относится ко мнѣ самъ дьяконъ и Зоя Павловна?

— Дьяконъ, конечно, противъ, но Зоя Павловна тебя любить. Она за насъ.

— Это хорошо. Я радъ, что она наша союзница. Начнемъ общую атаку. Вотъ только увидѣться бы мнѣ гдѣ-нибудь съ Тоней.

— Это мы устроимъ. Будь покоенъ. А все же не поддадимся мы!—горячо закончила мать.

И. Поповъ-Пермскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе)¹⁾.

О с е н ь.

Съ окончательнымъ прекращеніемъ взятка оканчивается пчелиное лѣто и наступаетъ осень. Разумѣется, что пчелкинъ календарь не совпадаетъ ни съ нашимъ русскимъ календаремъ стараго стила, ни съ календаремъ стила новаго; не имѣетъ онъ также опредѣленныхъ числовыхъ границъ. Пчелиная осень наступаетъ тогда, когда, какъ мы только что сказали, прекращается взяткъ и пчела начнетъ помышлять о зимѣ и готовить для себя зимнее ложе. Прежде всего, съ прекращеніемъ взятка, пчелы начинаютъ замазывать клеемъ всѣ щели вверху и по бокамъ гнѣзда; въ дуплянкахъ онѣ сокращаютъ даже летокъ до прохода одной—двухъ пчелъ; въ рамочныхъ ульяхъ пчелы продѣлываютъ то же самое,— онѣ склеиваютъ между собою рамки, приклеиваютъ къ стѣнкамъ улья заставныя доски, и если въ это время вамъ придется разбирать гнѣздо, бываетъ очень трудно справиться съ крѣпкимъ пчелинымъ цементомъ. Поздняя осенняя разборка улья, кромѣ того, что довольно затруднительна для пчеловода, еще и пчеламъ не по нраву. Пчелы въ это время сидятъ обыкновенно всѣ дома, и если ихъ побеспокоить неизбежнымъ, при разборѣ хорошо склееннаго гнѣзда, шумомъ, онѣ становятся очень злы и, не обращая вниманія на всѣ усмиряющія ихъ мѣры (подкуриваніе), жалятъ немилосердно. Поэтому совѣтуемъ пчеловоду производить окончательную провѣрку и составъ зимняго гнѣзда немедленно по прекращеніи взятка; это и для пчеловода будетъ удобнѣе, и пчеламъ дастъ возможность заблаговременно заклеить прополисомъ всѣ нежелательныя имъ щели и немедленно приняться за устройство зимняго ложа.

¹⁾ См. № 31 за 1913 г.

Зимнее ложе пчелъ всегда находится вблизи летка, т. е., тамъ, гдѣ лѣтомъ было у нихъ выводное гнѣздо. Такъ какъ, съ прекращеніемъ взятка, матка постепенно сокращаетъ червленіе, а затѣмъ почти совершенно его пріостанавливаетъ,—въ выводномъ, лѣтнемъ гнѣздѣ освобождается много ячеекъ; освободившіяся ячейки пчелы чистятъ и исподоволь, по мѣрѣ выхода молодыхъ пчелъ, готовятъ ихъ для себя—на зиму. Въ центрѣ гнѣзда ячейки остаются пустыми, а въ ячейки, расположенныя по краямъ гнѣзда, ближе къ запасамъ, пчелы переносятъ весь незапечатанный медъ, каковой нашелся-бы у нихъ въ разныхъ мѣстахъ улья. Перенесенный въ гнѣздовля ячейки медъ такъ и остается уже не запечатаннымъ. По мѣрѣ наступленія осеннихъ холодовъ, пчелы все болѣе и болѣе скучиваются къ центру гнѣзда, но все же не сбиваются тѣсно въ кучу, какъ то бываетъ зимой, а сидятъ на сотахъ свободно, вразбросъ, но и вразбросѣ этомъ наблюдается нѣкоторая правильность. Если-бы намъ удалось прозрѣть сквозь стѣнки улья и очертить линіей сидящихъ на сотахъ пчелъ, мы получили бы правильной формы овалъ, то болѣе, то менѣе удлиненный, смотря по системѣ улья и направленію рамокъ.

Въ дурную или холодную осеннюю пору пчелы изъ улья не вылетаютъ; неохотно онѣ вылетаютъ даже и въ то осеннее время, когда вдругъ появится временный взятокъ. Если-бы случилось осеннимъ пчелкамъ пограбить что, то еще, куда ни шло, пограбили бы готовенькое добро съ удовольствіемъ, а вотъ на счетъ сбора свѣженькаго, цвѣточнаго нектара онѣ не большія охотницы въ эту пору. Словомъ, пчелъ, приготовляющихся къ зимовкѣ, и узнать нельзя; гдѣ дѣвалось ихъ жизнерадостное настроеніе? куда ушло необыкновенное усердіе къ труду! Только въ теплые, ясные дни, когда осень справляетъ, такъ называемое, *бабье лѣто*, и кочующіе пауки сѣли на свои аэропланы—летающую паутину; когда косые лучи солнца обогрѣютъ стѣнки улья, пчелы охотно вылетаютъ поиграть въ воздухъ, но не столько для

веселья, сколько для того, чтобы очистить кишечникъ отъ накопившагося кала и тѣмъ лучше себя подготовить къ болѣе продолжительному, зимнему сидѣнію.

Но вотъ подходитъ къ концу пчелиная осень, ранѣе начавшаяся и ранѣе заканчивающаяся. Обыкновенно въ концѣ сентября пчелы окончательно залягутъ въ зимнее ложе, и если температура на дворѣ падетъ до нуля, а то и ниже его и такъ продержится недѣлю—двѣ, пора, значитъ, прятать пасѣку въ омшанникъ, гдѣ температура, хотя и не такъ низка, какъ на открытомъ воздухѣ, но все же выше, а главное равномернѣе, чѣмъ на дворѣ. Девять градусовъ тепла въ омшанникѣ считается наивысшей точкой температуры, хотя съ трудомъ, но все же терпимой пчелами при теплой, закрытой зимовкѣ; гораздо лучше будетъ обождать, пока температура тамъ падетъ ниже девяти и будетъ колебаться между тремя и пятью градусами тепла. Наконецъ, и это все случилось. Пчелы, зимующія въ холодныхъ ульяхъ, попрята ны въ омшанники, а тѣ, у которыхъ домики потеплѣе, остались на мѣстѣ, лишь летки у нихъ прикрыты, наискось прислоненными къ ульямъ, досками.

Не всегда, однако, пчелиная осень заканчивается сентябремъ; бываетъ иногда, что и октябрь пройдетъ, а пчелы все еще стоять на точкѣ. Не помню хорошо, въ которомъ году, но было разъ такъ, что даже въ началѣ ноября облетѣлись въ послѣдній разъ мои пчелки; въ подвалъ же отнесли ихъ около половины этого поздняго для пчелъ мѣсяца.

З и м а.

Самымъ длиннымъ временемъ года по пчелиному календарю считается зима; начавшись въ октябрѣ, она медленно тянется до половины марта. Случается иногда, что и мартъ мѣсяць не всегда готовъ возвѣстить пчелкамъ начало весны. Какъ-бы тамъ ни было, но вотъ, наконецъ, пчелы окончательно засѣли въ зимнее ложе и погрузились въ сладкую нирвану. Полудремотное состояніе зимующихъ пчелъ

намъ больше всего напоминаетъ фантастическій покой душъ правовѣрныхъ послѣдователей Будды, перешедшихъ грань земной жизни и переселившихся въ лучшій, свободный отъ житейскихъ страстей, міръ. Сладкій покой зимующихъ пчель есть достойная награда имъ за всѣ понесенные весной и лѣтомъ труды; досаднѣе всего лишь то, что именно тѣ пчелы, которыя болѣе всего потрудились надъ сборомъ запасовъ, будутъ менѣе всего ими пользоваться; онѣ неизбежно погибнутъ среди зимы, а то еще и до наступленія ея. Вполнѣ здоровыми съ зимы выйдутъ только тѣ пчелки, которыя за медомъ не летали и надъ сборомъ сладкихъ запасовъ не трудились.

Какъ и поздней осенью, клубъ зимующихъ пчель имѣетъ форму овала, съ той лишь разницей, что, залегши окончательно въ зимнее гнѣздо, пчелы сбиваются въ кучу еще тѣснѣе; онѣ совершенно заполняютъ всѣ проходы между гнѣздовыми пластами и даже входятъ во всѣ свободныя отъ меда ячейки. Благополучно зимующія пчелы сидятъ въ гнѣздѣ очень тихо, и только лишь чуткое ухо можетъ слышать едва уловимый шумъ, подобный шелесту листьевъ отдаленно шумящаго лѣса. Неблагополучно же зимующія пчелы, страдающія отъ холода или отъ излишняго тепла или чувствующія приближеніе голодовки, словомъ—испытывающія въ чемъ-нибудь нужду, шумятъ и даже гудятъ то болѣе, то менѣе громко, смотря по остротѣ ихъ нуждъ. Замирающія пчелы почти совершенно умолкаютъ съ тѣмъ, чтобы черезъ день—два умолкнуть окончательно и навсегда, подобно тому, какъ умолкаетъ среди страшнаго ада сраженій подбитая, а вслѣдъ затѣмъ окончательно уничтоженная вражескими гранатами злосчастная батарея.

Зимующія пчелы сидятъ въ своемъ зимнемъ ложѣ, по-видимому, безъ всякихъ признаковъ движеній, и если тихонько подойти къ лежащей на ребрѣ дуплянкѣ, съ подрѣзанными до гнѣзда сотами, и, освѣтивъ ее фонарикомъ, заглянуть вовнутрь, можно увидѣть сидящихъ снаружи пчель,

на видъ совершенно окоченѣлыхъ; но если, закрывъ фонарикъ, тихонько обсыпать наружныхъ пчелъ мукой и минутъ черезъ десять опять заглянуть въ дуплянку, бѣлыя, обсыпанная мукой пчелки будутъ еще снаружи клуба; черезъ полчаса онѣ куда-то скроются, а черезъ два--три часа опять покажутся. Отсюда можно заключить, что видимое, покойное состояніе зимующихъ пчелъ вовсе не такъ покойно, какъ намъ это кажется на первый взглядъ; и, дѣйствительно, это такъ. Въ зимнемъ клубѣ пчелъ совершается непрерывное, хотя и чрезвычайно медленное движеніе. Пчелы, сидящія снаружи клуба, почувствовавъ, что онѣ уже близки къ состоянію окоченѣнія, уходятъ вовнутрь гнѣзда съ тѣмъ, чтобы, обогрѣвшись хорошенько, выйти опять наружу. На мѣсто ушедшихъ грѣтся пчелъ, выходятъ уже обогрѣтыя и т. д. Чѣмъ ниже будетъ температура окружающаго зимующій улей воздуха, тѣмъ перемѣщеніе пчелъ внутри зимняго клуба будетъ быстрѣе, и, наоборотъ, чѣмъ температура воздуха будетъ умѣреннѣе, тѣмъ перемѣщеніе пчелъ будетъ медленнѣе.

Совершая перемѣщеніе отъ центра клуба къ краямъ его и наоборотъ, пчелы, однако, не остаются на одномъ мѣстѣ; по мѣрѣ сѣданія меда, онѣ подвигаются вверхъ къ потолку улья и будутъ двигаться въ этомъ направленіи до тѣхъ поръ, пока не используютъ всѣхъ запасовъ, расположенныхъ надъ гнѣздомъ. Если пчелъ въ ульѣ много, и клубъ занимаетъ всѣ соты, движеніе зимующей семьи вверхъ будетъ систематично и останется таковымъ до конца зимы; пчелы не измѣняютъ движенія вверхъ даже въ томъ случаѣ, когда не хватитъ у нихъ меда, ибо некуда болѣе идти за нимъ. Въ томъ же случаѣ, когда гнѣздо улья очень обширно, и пчелиный клубъ не будетъ въ состояніи его занять, пчелы продвинутся къ потолку помимо боковыхъ запасовъ: если въ этомъ случаѣ у нихъ не хватитъ пищи, бѣдняжки очутятся въ большомъ затрудненіи, ибо зимующему клубу не всегда придется въ голову поискать ее на сторонѣ и тѣмъ спасти себя отъ голодной смерти *на меду*.

Поиски запасовъ на боку представляютъ для пчелъ значительныя затрудненія, такъ какъ переходъ съ обогрѣтыхъ сотовъ на холодныя вообще не заманчивъ для нихъ; а главное то, что переходъ этотъ можетъ совершиться только лишь въ обходъ сплошныхъ пластовъ, лежащихъ имъ на пути, что для пчелъ, дѣйствующихъ по непосредственному инстинкту, а не по систематичному плану разумныхъ существъ, является довольно затруднительнымъ и даже больше того—почти что невозможнымъ. Вотъ почему практичныя пчеловоды, при снаряженіи пчелъ на зиму совѣтуютъ, продолжать въ пластахъ отверстія дабы дать своимъ труженицамъ возможность двигаться въ сторону запасовъ по прямой, центральной дорогѣ, а не окольными путями. Смерть пчелъ на меду, при небрежномъ веденіи пчеловоднаго дѣла, считается зауряднымъ явленіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ *Г. Лисянскій.*

ЗАМѢТКА.

О церковницахъ.

Недавно въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, на примѣръ, въ Полоцкой, открылись приходскія общества „церковницъ“ — ревнительницъ чистоты и благолѣпія Божія.

Явленіе это, само по себѣ очень симпатично, но оно не ново. Такъ, въ селѣ Койловеѣ, Сквирскаго уѣзда, по сообщенію „Кіев. Еп. Вѣд.“, нѣсколько лѣтъ тому назадъ нынѣшній приходскій священникъ, въ противовѣсъ развивающемуся въ приходѣ индиферентизму, принимавшему угрожающій характеръ, между прочими пастырскими мѣрзми, организовалъ общество, приближающееся по роду дѣятельности, къ обществу „церковницъ“. Это общество пока небольшое, — состоитъ изъ десяти благонравнѣйшихъ и религіозныхъ женщинъ, которыя постоянно, неопустительно посѣщаютъ церковь и слѣдятъ за чистотой и благолѣпіемъ

храма Вожія. Онѣ моють полы въ цервви, сметають пыль, украшають иконы, покупають на свои средства для церкви лампадное масло, ладанъ и смирну. Заботливостью этого кружка, отзывчиваго къ нуждамъ церкви, среди сельскихъ домохозяекъ была собрана необходимая сумма денегъ и пріобретены иконы: кіотъ для иконы св. женъ Мироносицъ и цѣнная икона Успенія Богоматери, наподобіе Лаврской, которая виситъ надъ царскими вратами и въ извѣстное время опускается для поклоненія. Съ этими иконами женщины сопровождаютъ крестные ходы въ установленные дни. Въ недѣлю же св. женъ Мироносицъ и въ день Успенія Богоматери этотъ кружокъ проявляетъ особое усердіе къ храму, принимая на себя всѣ обязанности по церкви, какъ то: нѣкоторыя звонять—благовѣстять къ литургіи, другіе стоятъ съ возженными свѣчами во время богослуженія, а старшая изъ нихъ производитъ продажу свѣчей.

По окончаніи богослуженій въ эти дни бываютъ крестные ходы вокругъ церкви, и затѣмъ устроится общая трапеза для бѣдныхъ не только своего села, но и окрестныхъ селъ.

Пламенѣя любовію къ Богу и къ св. храму, онѣ своимъ усердіемъ возбудили соревнованіе у домохозяевъ по благоустройству приходского храма. Такъ, цѣлымъ сельскимъ обществомъ пріобрѣтенъ колоколь въ 80 пудовъ вѣсомъ и рѣшено устроить желѣзную ограду вокругъ храма, по смѣтѣ въ 5000 рублей.

При такой постановкѣ дѣла въ приходѣ самое состояніе онаго можно считать благоустроеннымъ: нѣтъ крайней распущенности молодежи, а также нѣтъ и сектантскихъ броженій.

Можно надѣяться, что съ теченіемъ времени это общество увеличится и образуется приходская община „церковницъ“, которая будетъ имѣть еще болѣе благотворное вліяніе на народъ. (Совр. Лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 30-го іюля 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингов. ул. № 6.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 33—34.

1913-го года 11—18-го августа.

Содержаніе: I. Одинъ изъ способовъ сектантской пропаганды среди дѣтей. Свящ. В. Пестряковъ.—II. Нѣсколько словъ о свободѣ и ея достоинствѣ. Кир. Тихомировъ.—III. Забѣтки о церковно-общественной жизни. Б.—IV. Толковый Типиконъ. (Продолженіе). М. Скабаллановичъ.—V. Ванюшка помогъ. (Окончаніе). И. Поповъ-Черемскій.—IV. Забѣтки: а) О ремонтѣ церквей. б) Духовенство о борьбѣ съ хулиганствомъ. с) Раскаваніе штундиста. е) Чего добились закрытіемъ церковныхъ школъ во Франціи.

Одинъ изъ способовъ сектантской пропаганды среди дѣтей.

Сектантство наше (особенно баптизмъ), производящее значительныя опустошенія въ рядахъ православныхъ людей, давно уже обратило вниманіе на пропаганду своихъ заблужденій среди дѣтей. Это отчасти и понятно. Зло съ особенной настойчивостью и упорствомъ стремится туда, гдѣ видитъ добро, чистоту, довѣріе: для зла здѣсь не только жатва,

но и источникъ особаго самоуслажденія. Затѣмъ, дѣти, основа будущаго, фундаментъ; они — строители народной и государственной жизни въ будущемъ. Если не считать отдѣльныхъ фанатиковъ изъ православныхъ, совращенныхъ въ сектантство, ренегаты православія рѣдко бываютъ ревностными сектантами: медоточивые разговоры о спасеніи, обличенія православія всего чаще прикрываютъ полнѣйшій религіозный индиферентизмъ; дробленіе сектантства на мелкіе толки служить тому косвеннымъ доказательствомъ. Только люди, съ дѣтства совращенные въ сектантство, дадутъ ему ревностныхъ слугъ. Этого не могутъ не понимать сектанты; отсюда и происходитъ то особое вниманіе, какое удѣляютъ сектанты пропагандѣ среди дѣтей. Этой пропагандѣ служатъ сектантскія призывныя собранія, съ раздачей книжекъ, листовъ и брошюръ, съ угощеніями чаемъ, конфетами; отсюда (отчасти) то особое вниманіе, какое удѣляютъ сектанты въ своей пропагандѣ многосемейнымъ православнымъ бѣднякамъ, и заботы о помощи таковымъ. Необходимое условіе отъ такихъ бѣдняковъ для полученія отъ сектантовъ мѣста или денежной помощи—переходъ со всей семьей къ сектантамъ, причеиъ, какъ имѣли мы возможность наблюдать въ своей приходской практикѣ, изъ совращенныхъ дѣтей выходятъ фанатики, болѣе ревностные, чѣмъ изъ ихъ, тоже совращенныхъ, родителей. Тойже пропагаторской цѣли служить и сектантскій журналъ „Другъ Молодежи“, издаваемый въ г. Балашевѣ. Журналъ этотъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться вниманіемъ: при дешевизнѣ онъ можетъ по невѣдѣнію попадать и въ православныя семейства, а черезъ дѣтей и въ православную школу.

Ежемѣсячный журналъ „Другъ Христіанина Молодежи“ выходитъ небольшими тетрадами. Что журналъ рассчитываетъ на широкое распространеніе и стремится къ этому, доказываютъ условія подписки: цѣна за годъ съ пересылкой назначена всего въ 80 коп.; выписывающіе въ годъ по одному адресу отъ 20 до 50 экземпляровъ платятъ за каждый экзем-

ляръ 65 коп.; отъ 50 до 100 экземпляровъ—60 коп. за каждый экземпляръ. Повѣсти и рассказы изъ жизни дѣтей, статьи и сообщенія религіозно-назидательнаго характера, дружескія бесѣды съ дѣтьми о словѣ Божіемъ, переписка съ читателями—таковы главные отдѣлы журнала. Мы не будемъ подробно останавливаться на содержаніи разсматриваемаго журнала: по внутреннему содержанію онъ напоминаетъ вообще сектантскую литературу—нескладную, неособенно грамотную, съ слащавымъ тономъ и съ тенденціознымъ объясненіемъ Св. Писанія—какъ взбрѣдетъ въ голову тому или иному доморощенному толкователю. Мы хотѣли бы обратить вниманіе на другую сторону дѣла. Не разъ уже въ печати мы обращали вниманіе на то, что теперь ведется планомѣрный походъ на дѣтскую душу со стороны враговъ Христовой истины—невѣрующихъ сектантовъ и др., что главнымъ средствомъ развращенія дѣтской души является книга, иногда іудейскіе журналы, что, поэтому, изданіе дѣтскаго православнаго журнала—есть дѣло давно назрѣвшее, необходимое и вполне,—по нашему глубокому убѣжденію,—обеспеченное успѣхомъ. Къ сожалѣнію, горячія пожеланія о такомъ журналѣ пока не осуществляютъ, осуществляется же другое: „пока спали люди, пришелъ врагъ...“

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Нѣсколько словъ о свободѣ и ея достоинствѣ.

Есть слово, котораго достаточно, чтобы ниспровергнуть всѣ основы порядка религіозно-нравственнаго и соціальнаго и которымъ болѣе всего злоупотребляютъ въ наше время. Это слово—*свобода*. Оно въ послѣднее время вошло какъ-бы въ моду и получило столь широкое распространеніе, что почти всякій, кто считаетъ себя человѣкомъ интеллигентнымъ и стоящимъ на одномъ уровнѣ съ своимъ временемъ, вмѣняетъ себѣ въ непремѣнную обязанность быть либераломъ и заявить свою приверженность къ свободѣ. Даже весьма многіе изъ тѣхъ, которые считаютъ себя строгими послѣдо-

вателями православнаго ученія, преклоняются предъ этимъ идоломъ дна. Нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть на то, какъ нѣкоторые изъ нихъ тщетно силятся согласить свои религіозныя воззрѣнія съ теоріями либерализма. Ни за что въ мірѣ не пожелали бы они отречься отъ своей вѣры; но съ другой стороны, они краснѣли-бы отъ стыда при мысли—явиться послѣдователями доктринъ, признаваемыхъ людьми свободномыслящими за устарѣлыя. Они выражаютъ, такимъ образомъ, равную любовь къ религіи и свободѣ. „Они желаютъ умереть кающимися христіанами и нераскаянными либералами“. При всемъ томъ, почти никто изъ приверженцевъ свободы не думаетъ однако вникнуть въ истинный смыслъ этого слова, которому можно усвоить столько разнообразныхъ значеній? О свободѣ разсуждаютъ, за нее борются и даже готовы умереть, не зная съ точностью, что такое свобода. А между тѣмъ отъ смутнаго и превратнаго пониманія свободы въ нашей общественной жизни столько происходитъ теперь ненормальныхъ, тяжелыхъ явленій. Въ виду этого попытаемся—хотя вкратцѣ—выяснить истинный смыслъ и значеніе свободы, что возможно только при помощи христіанской точки зрѣнія на свободу человѣка.

Понятіе свободы большею частью смѣшивается съ понятіемъ независимости. Но такое понятіе свободы неправильно. „Свобода человѣка, говоритъ французскій богословъ Боссюэтъ, не исключаетъ подчиненія, которое необходимо тварному существу“. Одинъ Богъ независимъ и только. Онъ все совершаетъ Самъ чрезъ Себя. Что же касается человѣка, то онъ, хотя занимаетъ и высокое положеніе въ цѣли твореній, все же не можетъ, какъ мы видимъ, по своей лишь собственной волѣ ни явиться на свѣтъ, ни продолжить своего существованія, ни прибавить себѣ роста хотя бы на одинъ локоть, ни избрать себѣ семейства или отечества при своемъ рожденіи. Такимъ образомъ въ отношеніи къ своему физическому бытію человѣкъ находится въ положеніи абсолютной зависимости и подчиненія.

Нельзя также провозглашать себя независимымъ съ точки зрѣнія моральной и подъ предлогомъ свободы требовать права удовлетворять всѣмъ своимъ капризамъ и желаніямъ и считать себя свободнымъ относительно всѣхъ своихъ наклонностей. Богъ есть творецъ душъ, какъ и тѣлъ, и потому, Онъ—Верховный Владыка міра нравственнаго, какъ и міра физическаго; Онъ далъ законы первому, какъ и второму, и нарушеніе нравственныхъ законовъ производитъ среди человѣческаго общества нестроенія столь же серьезныя, какъ и тѣ, которымъ подвергся бы міръ физической, въ случаѣ нарушенія законовъ, управляющихъ матеріею. Итакъ, человекъ добровольно долженъ подчиняться первымъ, какъ онъ въ силу необходимости принужденъ покоряться вторымъ, и это подчиненіе отнюдь не лишаетъ его свободы. „Свобода бытія, говоритъ Боссюэтъ, состоитъ въ способности возвыситься до своего природнаго состоянія, т. е. до своего совершенства“. Другими словами, свобода есть способность индивидуума развиваться соотвѣтственно своему назначенію. Слѣдовательно, человекъ, подобно всѣмъ другимъ существамъ, созданъ для достиженія цѣли своего бытія; но чтобы привести его къ этой послѣдней, Богъ надѣлилъ человека правами и возложилъ на него обязанности. Такимъ образомъ, законы государственные, главная задача которыхъ — споспѣшествовать плану божественнаго міроуправленія, будутъ свободны, если обезпечать человеку пользованіе его правами и побудятъ его къ исполненію лежащихъ на немъ обязанностей. Граждане государства тѣмъ болѣе будутъ свободны, чѣмъ болѣе правящая ими власть облегчитъ для нихъ пути къ достиженію нравственнаго совершенства, служащаго конечною цѣлью человека, равнымъ образомъ управленіе будетъ тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе оно будетъ внушать уваженіе къ законамъ божественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ не свободенъ, когда задерживается въ своемъ стремленіи къ Богу, такъ какъ это стремленіе къ Богу служитъ главною цѣлью человѣческой жизни. Такимъ образомъ безнравственный пи-

сатель или художникъ, которые злоупотребляютъ божественнымъ даромъ, чтобы отвлечь мысль отъ Бога, разжечь въ сердцахъ страсти и, слѣдовательно, омрачить разумъ, — ибо умъ обыкновенно вводится въ заблужденіе сердцемъ, — такого рода писатели и художники посягаютъ на свободу человѣка. Также сильно погрѣшаютъ и тѣ государственные дѣятели, которые стремятся начертать законы безбожныя. Нѣтъ, законы гражданскіе не должны быть таковыми, ибо ихъ главное назначеніе — выражать волю Божию. Въ отношеніяхъ двухъ существъ, для авторитетности одного въ глазахъ другого, необходимо, чтобы первое чѣмъ нибудь преобладало надъ вторымъ, а второе въ чемъ-либо зависѣло отъ перваго. Но человѣкъ не имѣетъ и не можетъ другому дать ничего такого, чего-бы самъ не имѣлъ отъ Бога. Слѣдовательно, человѣкъ никогда не можетъ распоряжаться человѣкомъ въ видахъ своей пользы. Преобладаніе его будетъ закономъ только въ томъ случаѣ, если онъ воспользуется имъ во имя Божіе.

Уже изъ этого краткаго теоретическаго взгляда на свободу человѣка — явствуетъ, что свобода есть великій даръ Божій, поэтому и понимать, и желать надо свободы не въ смыслѣ только отсутствія внѣшнихъ принужденій, *а въ смыслѣ обладанія способностью и средствами для осуществленія главной жизненной цѣли нравственнаго совершенства каждаго личнаго существа въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, достиженіе которой можетъ содѣйствовать наилучшему развитію и просвѣщенію народной жизни.*

Просвѣщенность, культурность человѣка и общества испытывается тѣмъ, какъ они пользуются данною имъ свободой и на что ее употребляютъ. Свойство просвѣщеннаго общества — уваженіе къ достоинству свободы; пониманіе, что только уваженіе къ чужой свободѣ ее укрѣпляетъ и утверждаетъ. Малокультурность многихъ слоевъ русскаго общества сказалась именно тѣмъ, что, получивъ свободу, они не только выказали нежеланіе и неумѣніе уважать чужую сво-

боду, но съ легкомысліемъ отнесли къ высокому достоинству свободы и, наконецъ, часто тратятъ драгоцѣнныя дары свободы на низменныя цѣли. Для обладанія дѣйствительной свободой, человѣкъ долженъ имѣть основу ея въ себѣ самомъ. Это азбучная истина, а между тѣмъ она совершенно забывается, и переустроители нашей жизни не хотятъ считаться съ тѣмъ, что и благополучіе, и правильное устройство жизни общества, главнымъ образомъ, зависятъ отъ личныхъ качествъ членовъ его. Никакія свободы, никакія, соціальныя улучшенія не будутъ цѣлесообразными, если не будетъ соотвѣтствующаго нравственнаго улучшенія членовъ общества. Жестоко заблуждаются тѣ, которые, напяливъ на раба невѣжества и страсти одежду свободнаго гражданина, спѣшатъ видѣть въ немъ дѣйствительно свободнаго. Нѣтъ, какъ все прекрасное, свобода есть нѣчто высокое, святое. Свобода вся въ гармоніи, въ артистической пропорціональности частей, въ художественной соразмѣрности. Справляя дикую вакханалію разнузданныхъ страстей, понимая свободу слова, какъ свободу сквернословія, свободу совѣсти, какъ свободу кощунства, дѣлая всякія насилія, издѣваясь надъ личностью, не ругаетесь ли вы надъ достоинствомъ свободы? Не попираете ли вы ногами великій даръ Божій. И надо—ли удивляться, что чѣмъ больше вы злоупотребляете свободой, тѣмъ дальше она становится отъ васъ? Единственное, весьма слабое, впрочемъ, утѣшеніе въ томъ, что такъ бывало и въ другихъ странахъ. Въ свободѣ надо воспитываться. Общественно-политическая свобода есть весьма сложное и тонкое искусство, которому народамъ приходится очень долго учиться. Вотъ почему между моментомъ провозглашенія свободы и осуществленіемъ ея въ жизни иногда проходятъ годы и десятки лѣтъ.

Если отмѣчать всѣ случаи, когда въ печати совершается попираніе достоинства свободы или надруганіе надъ чужой свободой или использованіе свободы на недостойную

цѣль, такой реестръ былъ бы чрезвычайно длиненъ. Тяжело видѣть какъ свобода слова на страницахъ газетъ, „толстыхъ“ журналовъ, книгъ, превращается въ свободу порнографическаго сквернословія и кощунства. Нельзя приставить къ свободѣ часового съ примкнутымъ штыкомъ для ея охраненія! Наше дѣло—общества, духовенства охранять достоинство свободы слова и совѣсти, драгоценнѣйшаго дара! Ничто не дается сразу, таинство свободы—тѣмъ болѣе. Общество, долго изнывавшее подъ гнетомъ крайней мыслебоязни, естественно оказалось безпомощнымъ, когда шлюзъ былъ поднять, и весеннія воды хлынули неудержимо.

Весеннія воды всегда мутны. Можетъ быть, та тина мысли и чувства, та литературная муть, которая столь отталкиваетъ просвѣщеннаго человѣка въ нашихъ „повременныхъ“ листахъ и листочкахъ, эта муть, иль и тина послужать удобреніемъ „дуга духовнаго“, и мы еще дождемся нынѣшняго урожая злаковъ и цвѣтовъ, подъ лучами радостнаго солнца знанія и истинной свободы.

Кир. Тихомировъ.

Замѣтки о церковно-общественной жизни.

Религіозныя броженія нашихъ дней: Иннокентьевщина, Булатовщина и Охтенское хлыстовство.

Въ послѣднее время русское общество было свидѣтелемъ цѣлаго ряда какихъ-то странныхъ религіозныхъ броженій, охватывающихъ цѣлыя массы людей и носящихъ подчасъ несомнѣнные признаки психоза. На нашихъ глазахъ появились и развились открыто Иліодоровщина, Иннокентьевщина, Булатовщина; а судебныя власти раскрыли тайное массовое увлеченіе наивныхъ и легковѣрныхъ людей въ сѣти ловкой хлыстовской „богородицы“ на Охтѣ. Характернымъ признакомъ всѣхъ этихъ броженій является безусловное подчиненіе жалкихъ ослѣпленныхъ людей своимъ вожакамъ, совершенное

отреченіе первыхъ отъ собственной воли и подчиненіе ея капризамъ и прихотямъ своихъ соблазнительей. Послѣдніе, просто, что называется, магнитизируютъ толпу, заставляя ее дѣйствовать по одному своему слову, или даже движенію и превращая ее поголовно въ безотвѣтныхъ и послупныхъ рабовъ. Вспомнимъ, что творилъ Иліодоръ на Поволжьѣ, повелѣвая тысячами одурманившагося народа, лѣзшаго по одному его слову на солдатскіе штыки и морившаго себя голодомъ по его же приказу. Но Иліодоровщина уже, повидимому, ликвидирована; по крайней мѣрѣ, о ней что-то въ послѣднее время ничего не слышно, да и знакома всѣмъ эта исторія въ достаточной степени. На нашихъ глазахъ послѣ Иліодоровской исторіи произошли новыя религіозныя движенія, и мы о нихъ-то поговоримъ, какъ о событіяхъ церковно общественной жизни текущихъ дней.

Казалось, что преемникомъ Иліодора смѣло можно было бы признать іеромонаха Балтскаго монастыря Иннокентія, если бы только онъ довелъ линію свою до конца и не измѣнилъ своимъ принципамъ. По крайней мѣрѣ, первоначальное упорство, нежеланіе подчиняться власти и умѣнье повелѣвать своими поклонниками какъ-будто ручались за это. Иннокентьцы просто сходили съ ума отъ благоговѣнія предъ своимъ „пророкомъ“, пренебрегая голодомъ, всякими лишениями и даже смертью ради того, чтобы только видѣть этого мага, чтобы добраться къ нему. „Безуміе, которому поддался молдаванскій народъ, говоритъ Бессарабскій Епархіальный миссіонеръ, трудно учитывается. Все видѣнное доселѣ на почвѣ болѣзненнаго религіознаго броженія—ничто въ сравненіи съ сумасшествіемъ молдаванъ-Иннокентьевцевъ. Обаяніе іеромонаха Иннокентія въ средѣ его почитателей огромно. Онъ считается у нихъ то пророкомъ Ильею, то Сыномъ Божиимъ, то воплощающеюся святой Троицей; въ общемъ же Иннокентій считается „чернымъ львомъ“, преемникомъ почившаго Іоанна Кронштадтскаго, который явился-де судить землю и собрать въ одно родныхъ Богу“. А кто же такой самъ Иннокентій, этотъ чародѣй, заколдо-

вавшій тамъ своихъ почитателей, и чѣмъ объясняется его
 столь могущественное вліяніе на нихъ? Онъ—необразованный,
 темный молдаванинъ, но, отличаясь въ своей жизни аскети-
 ческимъ и мистическимъ направленіемъ и обладая къ тому
 же сильнымъ характеромъ, онъ эти черты свои отразилъ въ
 своихъ проповѣдяхъ и ими магнетизировалъ темныхъ мол-
 даванъ, приходившихъ къ нему въ Балтскій монастырь. Толпа
 эта тѣмъ легче могла поддаваться обаянію Иннокентія, что
 въ средѣ ея было немало людей психически больныхъ, такъ
 называемыхъ пеллагриковъ, т. е. занемогшихъ и проявляв-
 шихъ признаки умственнаго расстройства вслѣдствіе питанія
 незрѣлой и гнилой кукурузой. Эти несчастные вѣрили, что
 ихъ можетъ исцѣлить Иннокентій, и въ тѣмъ въ большемъ
 количествѣ собирались къ нему. Самъ Иннокентій, очевидно,
 поддерживалъ такую вѣру своихъ почитателей, равно какъ и
 старался укрѣпить ихъ въ убѣжденіи, что онъ есть пророкъ
 или Сынъ Божій, „Черный левъ“ и судія. Но вотъ новояв-
 леннаго „пророка“ переводятъ въ наказаніе въ далекій сѣ-
 верный Муромскій монастырь, Олонецкой Епархіи съ цѣлью
 охладить его уродливый религіозный пылъ и изолировать его
 отъ взбалмошныхъ молдаванъ. Однако, не тутъ-то было, вѣр-
 ные послѣдователи нашли его и тамъ. Побросавъ дома свое
 имущество или продавъ его за безцѣнокъ, они отправились
 къ своему „батюшкѣ“ въ невѣдомую даль, терпя на пути
 холодъ, голодъ и всякую нужду. Много ихъ гибло на дорогѣ,
 особенно умирали дѣти, но ничто не останавливало этихъ
 сумасбродовъ. „Куда вы ѣдете?“—спрашиваютъ Иннокентьев-
 цевъ встрѣчные, желая остепенить и образумить ихъ. „Мы,
 ѣдемъ, отвѣчаютъ они, къ тому Иннокентію, котораго газеты
 зовутъ обманщикомъ, а фарисеи—воромъ. ѣдемъ въ Муромскій
 монастырь, куда Иннокентій по своей волѣ самъ уѣхалъ. Пока
 ѣдемъ только мы, молдаване, которымъ, Богъ раньше открылъ
 глаза и указалъ, кто такой Иннокентій и для чего онъ при-
 шелъ въ міръ. Но скоро его узнаютъ всѣ“ (Соврем. Лит.).
 И узнали.., но какъ фанатика и безсердечнаго человѣка.

равнодушно относившагося къ тому, что на его глазахъ заболѣвали и умирали отъ холода и истощенія его же собственные послѣдователи. Окруженный своими почитателями, Иннокентій благодушествовалъ и на холодномъ сѣверѣ. Къ Муромской обители съ его прїѣздомъ потянулись съ разныхъ сторонъ цѣлыя обозы съ цѣнными предметами для „батюшки“. Самъ онъ дѣлалъ въ ближайшихъ городахъ большія закупки различныхъ предметовъ роскоши и бездѣлушекъ, оставляя въ магазинахъ по 500 и болѣе рублей. Его келья состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ, обставленныхъ съ полнымъ комфортомъ и украшенныхъ богатыми коврами, и наполнена была запахомъ духовъ. Такой образъ жизни Иннокентія и его холодность къ несчастнымъ вызывали въ олончанахъ сильное сомнѣнiе въ его праведности: „Иванъ Кронштадтскій, вопль, на полнѣ спалъ“, а „Господь исцѣлялъ больныхъ и дѣтей любилъ“, говорили они; но молдаване были непоколебимы даже и тогда, когда въ Муромѣ услышали такую проповѣдь „пророка:“ „Я не боюсь Царя! Я никого не боюсь. Меня сослали сюда толстопузые архіереи, а уже какъ я поѣду въ Питеръ, то тамъ каждому докажу, кто я... Во мнѣ святая благодать“. Напротивъ, они все сильнѣе и сильнѣе укрѣплялись вѣрой въ святость іеромонаха, ожидали скорого взятія его на небо и, въ виду предстоящей разлуки съ нимъ, старались почитать его, какъ можно больше и полнѣе. Его носили часто на коврахъ, причемъ одни говорили: „Сейчасъ Духъ Святой снизойдетъ и возьметъ его“, а другіе умоляли: „ангелочекъ, не улетай, не оставляй насъ“; пили даже воду, которой этотъ магъ умывался, и окроплялись ею, какъ святыней, въ надеждѣ получить такимъ способомъ исцѣленіе отъ болѣзней (Извѣстіе архангельскаго общества изученія сѣвера). Но ничто не вѣчно подъ луной. Кончилось и торжество Иннокентія: послѣдовали бѣгство его изъ монастыря, столкновение съ солдатами и гражданской властью, арестъ и, наконецъ, тюрьма. Последняя, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ („Голосъ Москвы“), послужила Иннокентію на пользу. Находясь здѣсь, онъ, оче-

видно, хорошо обдумалъ свое положеніе, критически отнесся къ своей дѣятельности и въ результатѣ получилось, полное раскаяніе бывшаго „пророка“. Покаяніе Иннокентій принесъ публично въ тюремной Церкви при особенно торжественной обстановкѣ и въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ властей. Наканунѣ сподобленный причащенія святыхъ Таинъ, онъ, раскаялся публично въ своихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ, отрекся отъ еретическихъ мудрствованій, далъ клятву свято и нерушимо блюсти догматы Церкви и быть въ послушаніи ей и, въ заключеніе, прочелъ никео-цареградскій символъ вѣры съ чувствомъ и слезами. Актъ покаянія закончился благодарственнымъ молебномъ, отслуженнымъ соборнѣ духовенствомъ. На дняхъ іеромонахъ Иннокентій обратится къ своимъ послѣдователямъ съ посланіемъ, въ которомъ испроситъ у нихъ прощенія за соблазнъ и призоветъ ихъ всѣхъ оставить ересь и подчиниться во всемъ Православной Церкви.

Все хорошо, что хорошо кончается, и дай Богъ, чтобы на этомъ и закончилась Иннокентьевская исторія, надѣлавшая столько шума и принесящая немало радости врагамъ Православія.

Пока Иннокентій, сидя въ тюремномъ заключеніи, обдумывалъ свои „подвиги“ и готовился ихъ ликвидировать, на смѣну произведенной имъ смуты объявилась новая, получившая начало за предѣлами Россіи, на далекомъ Аѳонѣ, но не прошедшая безслѣдно и для нашей родины. Тихо и спокойно текла жизнь на Аѳонѣ; въ мирѣ и любви жили долго между собою насельники его. Но вотъ на Святой горѣ въ качествѣ іеромонаха появляется бывший гвардейскій офицеръ Булатовичъ и вскорѣ послѣ этого тутъ вмѣсто мира водворяется вражда и волненіе. Причина этой вражды читателямъ извѣстна: Булатовичъ, подражая схимонаху Иліодору, началъ учить, что имя Іисусъ есть Самъ Богъ; къ нему примкнули многіе монахи и въ результатѣ создалась цѣлая ересь, послѣдователи которой получили названіе „имя-славцевъ“. Казалось, трудно было ожидать, чтобы суевѣріе, проповѣдующее, что всякое

имя Божіе, всякое слово Божіе, все откровеніе Божіе, всякая молитва, къ Богу обращенная, всякое исповѣданіе имени Божія — есть Богъ“, нашло себѣ послѣдователей, при всей странности, непонятности и противорѣчиіи ученію Церкви. Однако, оно не только нашло таковыхъ, но и сдѣлало этихъ послѣдователей послушнымъ и сильнымъ орудіемъ въ рукахъ Булатовича. Въ свое время и Патріархъ Константинопольскій и Святѣйшій Синодъ осудили еретическое заблужденіе Булатовича, призывая какъ его самого, такъ и его послѣдователей оставить неправославное мудрствованіе и покориться Матери—Церкви. Тѣмъ не менѣе, еретичествующіе аѳонскіе монахи не только не спѣшили подчиниться голосу іерарховъ, но и занялись пропагандой своего лжеученія даже въ Россіи, рассылая по ея обителямъ воззванія, брошюры и листки съ защитой ереси и съ призывомъ послѣдовать ей.

Въ одной обители нѣкоторые изъ братій получили двѣ брошюры, присланныя съ Аѳона: „О молитвѣ Иисусовой“ (изданіе обители Благовѣщенія Богородицы, настоятеля схимонаха Парѳенія) и „Истина объ истинѣ къ предотвращенію именоборства“ (изданіе иноковъ Святой Аѳонской горы, исповѣдниковъ имени Иисуса). Къ этимъ брошюрамъ присоединено было и воззваніе, гдѣ заблудившіеся отцы позволяютъ себѣ, между прочимъ, съ наглостью говорить слѣдующее: „Подобно тому, какъ въ древности, такъ и нынѣ попустилъ Господь Богъ возникнуть новой небывалой ереси. Зародилась сія ересь на Аѳонѣ изъ устъ нѣкоего инока Хрисанфа, который осмѣлился похулить имя Господа Иисуса, какъ не имѣющее Божественнаго достоинства и Божественной силы, а распространителемъ сей ереси явился Архіепископъ Антоній Волыискій, который одобрилъ всѣ хуленія Хрисанфа, присовокупилъ къ нимъ и свои: что имя Иисусъ не есть Богъ, что имя Иисусъ равно именамъ разныхъ и другихъ Иисусовъ, что вѣрить во имя Иисусово, какъ Самого Бога, есть хлыстовщина“. Далѣе идетъ приглашеніе оставить „ересь“, распространяемую Архіепископомъ Антоніемъ, и быть согласнымъ съ ученіемъ

изложеннымъ въ прилагаемыхъ брошюрахъ и основаннымъ, будто бы, на Словѣ Божіемъ и свидѣтельствахъ Святыхъ Великихъ Отцевъ и учителей Церкви. („Миссіон Сборн.“ 1013, іюнь). Нельзя сказать, чтобы такая проповѣдь еретиковъ осталась совершенно безслѣдной: нашлись и въ Россіи монахи-простецы, которые, не навывнувъ въ богословскомъ мышленіи не смогли разобраться во лжи новаго ученія и увлеклись имъ. Такому увлеченію много способствовало то обстоятельство, что проповѣдь ереси шла вѣдь со Святой горы, внушавшей къ себѣ всегда уваженіе и вѣками стоявшей на стражѣ Православія. Появилась вскорѣ и у насъ брошюрка подъ заглавіемъ: „Какъ научиться молитвѣ Иисусовой“, (изданіе Оптиной Пустыни. 1913. Одесса. Типографія Фесенко, Авторъ ея, скрывшійся подъ инициалами І. М. проводилъ въ ней явно еретическія илларіоновскія идеи, осужденныя уже раньше Церковью. Мало того, исходя изъ положенія, что даже механическое молитвенное призываніе имени Божія освящаетъ молящагося и дѣлаетъ его совершенно чистымъ, авторъ прямо приходитъ къ опасному неправославному выводу: „Молись и дѣлай, что хочешь. Какъ отрадно и утѣшительно это для грѣшника, отягченнаго слабостями, для стремящаго подъ бременемъ страстей“. Вотъ куда гнетъ недостойный братъ славной Оптиной пустыни, вздыхающій, очевидно, по чувственной животной жизни и забывшій слова Христа Спасителя: *что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю* (Лк. 6,46), Но какъ могла выйти въ свѣтъ подобная брошюра, какъ изданіе Оптиной пустыни? Неужели обитель, столь прославившаяся своимъ старчествомъ, строгимъ уставомъ и аскетической жизнью иноковъ, вдругъ могла проповѣдовать идеи нравственнаго безразличія? Эти вопросы не могли не волновать русскихъ вѣрующихъ людей тѣмъ болѣе, что въ печати появились слухи о бесплатной раздачѣ въ Оптиной пустыни этой брошюры богомольцамъ. Скоро, однако, выяснилось, что въ изданіи этихъ брошюръ обитель ровно никакого участія не принимала, что издалъ и распро-

странилъ ихъ безъ вѣдома обители одинъ изъ иноковъ ея, который совершилъ, такимъ образомъ, подлогъ, назвалъ свое сочиненіе издаіемъ монастыря. (Колоколь).

А что же дѣлалось, между тѣмъ, на Аѳонѣ? Тамъ разошедшійся не въ мѣру Булатовичъ подвергъ формальному преслѣдованію и вулачной расправѣ всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ быть въ числѣ его послѣдователей и оставался вѣрнымъ Церкви. Располагая немалымъ числомъ своихъ единомышленниковъ, онъ съ тѣмъ большей легкостью могъ совершать всякія насилія надъ несогласными съ нимъ. Что было дѣлать? Надо было такъ или иначе оградить православныхъ иноковъ отъ преслѣдованій со стороны воинственнаго еретика. И вотъ русское правительство вынуждено было послать на Аѳонъ стационеръ для защиты православныхъ насельниковъ Св. горы, а Св. Синодъ для вразумленія заблудшихъ командировалъ туда же архіеп. Никона. Еретичествующіе монахи, однако, не образумились: они не вняли увѣщаніямъ архіепископа и даже оказали сопротивленіе войскамъ, находясь въ слѣпомъ подчиненіи у своего главара Булатовича, охранившаго и въ монашествѣ свой воинственный цыль. Въ результатъ всѣ непокорные во главѣ со своимъ вожакомъ были удалены изъ монастыря и отправлены въ Россію, такъ какъ, конечно-еретикамъ не должно быть мѣста въ въ православной обители. Арестъ монаховъ-имяславцевъ тѣмъ болѣе былъ нуженъ, что, какъ установило дознаніе, между ними оказалось немало бывшихъ матросовъ-бунтовщиковъ съ „Потемкина“, прославившихся своими подвигами на Черномъ морѣ въ дни революціи. Такъ какъ по нашимъ законамъ русскіе подданные, принявшіе постриженіе на Аѳонѣ, признаются въ Россіи монахами не ранѣе, какъ послѣ трехлѣтняго искуса въ одномъ изъ русскихъ монастырей, то, по опредѣленію Св. Синода, всѣ прибывшіе въ Россію монахи-имяславцы отправляются въ мѣста своей приписки и лишаются права носить монашеское одѣяніе. Тѣ же изъ этихъ монаховъ, которые приняли постриженіе въ Россіи или уже ранѣе были признаны Св. Синодомъ

въ монашескомъ званіи, должны быть отправлены на мѣсто жительства въ г. Одессу, въ одно изъ Аѳонскихъ подворій („Кіевл.“ № 194). Казалось, что въ описанныхъ дѣйствіяхъ русскаго правительства нѣтъ ничего преступнаго и неестественнаго. А между тѣмъ раскольничья, сектантская и еврейская пресса подняли цѣлый гвалтъ по поводу ихъ, обвиняя русское правительство въ насиліи надъ иноками и глумясь надъ Православной Церковью, будто она защищаетъ свое ученіе не словомъ убѣжденія, а солдатскими штыками и нагайками. Но лгать, такъ лгать! И еврейская печать пошла дальше. Въ кадетской „Рѣчи“ (№ 185) разстрига лжеепископъ Михаилъ, какъ и свойственно его іудейскому племени, долгался до полного безстыдства, наивно полагая, что его клевета не будетъ замѣчена. По его словамъ, архіепископъ Никонъ въ своей рѣчи, обращенной къ заблудшимъ, будто бы допустилъ такія слова: „Сынъ (Божій) есть меньше Отца... Самъ Іисусъ сказалъ: что Отецъ есть болѣе Меня. Вы скажете,—что у васъ и Христосъ Богъ“. У русскихъ есть пословица: „ври, да мѣру знай“. Очень жаль, что ея не существуетъ у іерусалимскихъ дворянъ, которые потому и лгутъ безъ всякой мѣры, какъ, напр., іудей-разстрига Михаилъ Семеновъ. Недавно канцелярія оберъ-прокурора Св. Синода даже сочла нужнымъ опровергнуть одинъ изъ вымысловъ еврейской прессы, распространившей слухи, что Вселенскій патріархъ Германъ протестовалъ противъ дѣйствій русскаго Св. Синода — на Аѳонѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, названное сообщеніе оказалось уткой, пущенной еврейскими газетами съ цѣлью болѣе опорочить русскую Церковь и ея высшее управленіе.

Едва-ли не большую шумиху та же пресса подняла по поводу ареста хлыстовкой Охтенской „богородицы“ и ея главнѣйшихъ сподвижниковъ. Это, видите ли, совершенно невинные люди и притомъ такіе нравственные и христіански настроенные, а гражданскія власти ни съ того ни съ сего—вдругъ и арестовали этихъ милѣйшихъ и примѣрныхъ людей. Конечно, евреи готовы всегда распинаться за всякихъ изу-

вѣровъ, разъ только эти послѣдніе могутъ такъ или иначе вредить Православной Церкви, но дознаніе и обыски, произведенные властями, дали совершенно противоположную картину нравовъ, обычаевъ и дѣятельности арестованныхъ хлыстовъ. Охтенская „богородица“ Дарья Смирнова, какъ оказалось, была чрезвычайно свирѣпа: даже своего мужа она выгнала изъ его собственнаго дома, а своихъ поклонниковъ жестоко наказывала за малѣйшіе проступки. Изъ видовъ наказаній она особенно предпочитала постъ, т. е. совершенное лишеніе пищи на нѣсколько дней, и такъ усердно заставляла своихъ послѣдователей поститься, что многіе изъ нихъ умирали голодной смертью, какъ, напр., крестьянки Новгородской губерніи, П. Матюлина и сестры Агафья и Александра Зайцевы. Обыскъ у „богородицы“ показалъ, что она завладѣла имуществомъ слѣдующихъ, напр., лицъ, пропавшихъ безъ вѣсти, иначе сказать, отправленныхъ „богородицей“ на тотъ свѣтъ: крестьянина П. Иванова (Исков. губ.), кр. М. Красиковой (Орл. губ.), кр. Е. Анипкиной (Полт. губ.), кр. К. Рожковой (Сар. губ.) и др. На вопросъ судебного слѣдователя, обращенный къ Смирновой, какимъ образомъ имущество этихъ лицъ оказалось у нея, „богородица“ отвѣтила, что оно перешло къ ней по духовному завѣщанію. Такое объясненіе можетъ быть вполне достовѣрнымъ, потому что, по заявленію нѣкоторыхъ лицъ, вышедшихъ изъ секты, Дарья Смирнова заставляла всѣхъ своихъ поклонниковъ писать завѣщанія въ ея пользу, что тѣ и дѣлали, боясь гнѣва „богородицы“ и находясь въ полной ея власти. Теперь, когда, „богородица“ оказалась подъ арестомъ, посыпались жалобы судебному слѣдователю отъ потерпѣвшихъ на такой именно способъ ограбленія ихъ Дарьей Смирновой. Свою власть Охтенская „богородица“ раздѣляла со своимъ сыномъ Петромъ Смирновымъ, носившимъ почетное званіе „Царя Соломона“, причемъ послѣдній управлялъ женской половиной сектантской общины, а она сама—мужской. Свита царя Соломона состояла изъ молоденькихъ сектантокъ, которыя такъ дорожили благосклонностью своего повелителя,

что не разъ затѣвали драки между собою изъ-за него. Сама же „богородица“ была окружена «апостолами», ближайшими проводниками ея власти и исполнителями ея распоряженій. Чтобы скрыть свое общество отъ глазъ полиціи и духовенства, „богородица“ позволяла своимъ послѣдователямъ помѣщать въ своихъ домахъ иконы и записываться въ великій постъ на исповѣдь въ приходскихъ храмахъ, но безусловно воспрещала молиться предъ иконами и причащаться Св. Таинъ. Вообще, сектанты отличались крайней нетерпимостью къ Православной Церкви, ея обрядамъ и духовенству, кощунствуя надъ православными святынями всякими способами: какіе только могла изобрѣсти ихъ дикая фантазія. Интересенъ рассказъ одного раскаявшагося „апостола“, наглядно изображающій все то странное обаяніе, которое производила Дарья Смирнова на своихъ послѣдователей. „Я былъ какъ во снѣ, говорилъ онъ, и чѣмъ она увлекала меня—не знаю. Ужась охватываетъ теперь, при воспоминаніи, что было въ этой сектѣ. Чѣмъ взяла меня Дарья Смирнова, я сказать не могу. Но я находился въ полномъ у нея подчиненіи. Я исполнялъ безпрекословно то, что теперь кажется мнѣ чудовищнымъ. Ея взглядъ лишалъ меня возможности сопротивляться“. А вотъ еще наивное повѣствованіе одной сектантки о своей первой встрѣчѣ съ „матушкой богородицей“, ясно указывающее на психически-болѣзненное состояніе несчастныхъ людей, уловленныхъ въ сѣти ловкой и плутоватой Дарьи Смирновой. „Помню это какъ сейчасъ, рассказывала сектантка, послѣ весенняго Николы прихожу я къ ней въ Лѣсной съ дочками. Одной тогда былъ восемнадцатый годокъ, а другой шестнадцатый былъ на исходѣ. Ввели насъ въ горницу, а она, матушка, изъ своихъ покоевъ какъ разъ навстрѣчу. Увидала это она меня, да и говоритъ:—«грѣховъ-то, грѣховъ-то сколько на тебѣ, несчастная! А эти кто такія съ тобой? Небось дочкиньки будутъ“? „Я стою ни жива ни мертва. Какъ же, сама матушка „богородица“ бесѣдовать изволить! Видитъ это она, что я ужъ больно оробѣла, такъ ласково и говоритъ: «Тебя

какъ-нибудь спасу, ну а дочекъ твоихъ придется царю Соломону препоручить“. А я съ радости, что матушка въ свое попеченіе меня съ дочками беретъ, не знаю, что ей и отвѣтить. Повела это она глазами на дочекъ, на меня посмотрѣла, да и говоритъ: „Первѣе всего съ золотымъ тельцомъ развяжись! Сколько ни есть денегъ, всѣ отдай. Упаси тебя Богъ что-нибудь оставить. Тогда ни почему не спасти мнѣ тебя. Читала въ писаніи-то, что сказано—гибнуть люди за металлъ!?“ Сказала это она мнѣ, да какъ взглянетъ прямо въ глаза такъ пронзительно. Тутъ я не выдержала. Встала это я на обѣ колѣночки, заливаюсь горячими слезами, да и причитаю: спаси, матушка богородица, дочурокъ! пожалѣй! Ни грошика за душой не оставлю, только спаси! А она такъ милостиво: «Ну такъ и быть, возьму я твоего тельца золотого на рамена своя и тебя, окаянную, спасу, хоть и придется мнѣ пострадать за васъ, что отъ геенны васъ спасаю». Дочкамъ велѣла на другой день въ вечеръ приттить, а мнѣ всѣ денежки «апостолу“ отдать благословила и домой отпустила. Принесла я денежки „апостолу“, а онъ и вышелъ ко мнѣ. Такой здоровенный, волосы долгіе, лицо красное, глаза на выкатѣ, — индо даже жуть взяла. Гляжу это я на него, а руки-то трясутся. Гляжу и думаю: гдѣ то я тебя, роденькій, видывала. А потомъ и вспомнила, страхъ-то и подступи ко мнѣ, да подъ самое нутро. Видно и ему что-то на память пришло, и говоритъ: «всѣ деньги отдала, ничего не оставила? Ну и иди теперь съ миромъ! Только, смотри, никому не сказывай, кѣмъ я былъ и кѣмъ сталь, а то вразъ погибнешь и въ геенну пойдешь“. Сказала бы, кѣмъ онъ былъ, да не смѣю, боюсь вразъ погибну и въ геенну пойду“ (Колоколь).

Благодаря такому вліянію, „охтенская богородица“ ограбила свыше 100 человекъ, что дало ей возможность приобрести въ Петербургѣ два дома стоимостью въ 35 тысячъ рублей, да сверхъ того еще подгороднюю дачу. Оказавшись подъ арестомъ, „богородица“ объявила голодовку, надѣясь такимъ способомъ заставить судебную власть выпустить ее

подъ залогъ на свободу. Но ей это не удалось, какъ не удалось ходатайство цѣлой депутаціи сектантовъ, предлагавшихъ, какую угодно, сумму въ качествѣ таковаго залога. „Богородица» со всей своей теплой компаніей ожидаетъ, такимъ образомъ, суда надъ собою за свои отвратительныя преступленія.

Б.

Толковый Типиконъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Измѣняемыя части литургіи.

(воскресной).

О древности предъевангельскаго аллилуіа можетъ свидѣтельствовать существованіе его и въ западной Церкви въ видѣ, очень близкомъ къ нашему. Аллилуіа предъ литургійнымъ евангеліемъ тамъ состоитъ изъ двукратнаго пѣнія аллилуіа, затѣмъ одного стиха и однократнаго опять аллилуіа; все это поется однимъ напѣвомъ по слѣдующему чину, даваемому въ *Graduale romanum* (гдѣ и ноты для аллилуіа разныхъ праздниковъ): „если аллилуіа, аллилуіа говорится со стихомъ, сначала поется аллилуіа двумя (пѣвцами) до невмы (такъ называется богатая мелодія для послѣдняго слога,—иначе *jubilus*), хоръ же повторяетъ аллилуіа и присоединяетъ невму прстягивая слогъ *a*; два пѣвца начинаютъ стихъ и хоръ отвѣчаетъ (=продолжаетъ стихъ); по окончаніи стиха тѣ же два повторяютъ аллилуіа и хоръ присоединяетъ одну невму“. Напѣвъ для этого аллилуіа, называвшагося „меньшимъ“, въ римской церкви всегда отличался особой живостью, энергіей и красотой. Оно не поется во весь періодъ В. поста и подготовительныхъ къ нему недѣль (отъ недѣли 70-цы), въ будни адвента, въ посты 4 временъ и вигиліи. Введенное при папѣ Дамасѣ (IV в.), аллилуіа первоначально пѣлось лишь въ пасхальное время, и только Григорій В. (VI в.) разрѣшилъ пѣть его и въ другіе празд-

¹⁾ См. № 32 за 1913 г.

ники. Въ замѣнъ невмы въ послѣдствіи стали подставлять особый подходящій текстъ, сначала не ритмическій и потому называвшійся *prosa*, а потомъ цѣлые метрическія пѣсни, названныя *sequentia*, д. б. н. ч. слѣдующее за ними евангеліе имѣетъ возгласъ предъ собою: „*sequentia* (продолженіе) *S. Evangelii secundum N.*“ (едва ли можно вслѣдъ за *Thalhofer*'омъ видѣть здѣсь отзвукъ греч. ἀκολουθία); такихъ пѣсней во Франціи и Германіи къ XII в. появилось до 200, вошедшихъ и въ тамошніе Миссалы, но въ офиціальный римскій Миссаль секвенцій вошло только 5: на Пасху, 50-цу, праздникъ Тѣла, 7 скорбей Богоматери въ пятницу 6 недѣли поста (*Stabat mater*) ¹⁾ и заупокойный (*Dies irae*). Это цѣлые гимны строкъ, въ 8—10. Пѣлись они по мѣстамъ цѣлымъ хоромъ, а по мѣстамъ отдѣльными пѣвцами попережѣнно. Въ дни 40-цы и подготовительные къ ней, въ покаянные и заупокойные дни вмѣсто аллилуіа предъ евангеліемъ поется тк. наз. *tractus*, состоящій изъ стиховъ (2—5, иногда 1/2 псалма и цѣлый псаломъ, напр. въ 1 воскр. поста 90, въ вербное 21), б. ч. псалмическихъ, приноровленныхъ къ воспоминаваніямъ дня, изъ коихъ собственно первый носитъ это имя, а другіе наз. „стихи“; но пѣлись первоначально всѣ они съ амвона однимъ пѣвцомъ безъ перерыва (= *tractim*, другіе отождествляли названіе съ *εἰρημός*) со стороны хора, а позднѣе стали пѣть такъ, что стихъ начинали два пѣвца, а хоръ продолжалъ; такое пѣніе сравнивали съ пѣніемъ горлицы, всегда одинокимъ, въ противоположность перекликающемуся роду обычнаго, антифоннаго или респонсорнаго пѣнія, уподоблявшагося пѣнію голубей (имѣлось въ виду и Лк. 2, 24); уже поэтому пѣніе *tractus* называлось пѣніемъ плача и скорби (*cantus fletus et tristitiae*) и гласы для него давались 2 и 8 ²⁾. По мозарабскому чину аллилуіа (называемое тамъ *Lauda*) поется послѣ евангелія: сначала аллилуіа дважды, затѣмъ стихъ или нѣсколько ихъ и снова аллилуіа; въ в. постъ, начиная со 2 недѣли, *Lauda* состоитъ только изъ стиховъ безъ аллилуіа ³⁾.

¹⁾ Эта секвенція теперь употребляется только въ качествѣ гимна на вечернѣ.

²⁾ *Thalhofer V.*, Handbuch der katholischen Liturgi k², Freib. 1912, 74—91.

³⁾ *Migne*, Patrologia, s. l. 84, 112. 320 и др.

Что касается восточныхъ литургій, то всѣ они, исключая коптскую, имѣющую предъ евангеліемъ не аллилуіа, а 50 псаломъ, предваряють евангеліе аллилуіа: на абиссинской литургіи аллилуіа 3 послѣ 3 стиховъ изъ начала 33 псалма произносить священникъ; на несторіанской литургіи аллилуіа 3 произносить читавшій апостоль діаконъ и поють пѣвцы ¹⁾. Изъ православныхъ литургическихъ памятниковъ древнѣйшее упоминаніе объ аллилуіа предъ евангеліемъ съ указаніемъ гласа и одного стиха изъ псалма въ Іерусалимскомъ канонарѣ VII в. въ грузинской версіи ²⁾. Изъ древнихъ православныхъ литургій объ аллилуіа предъ евангеліемъ говорятъ: александрійская литургія св. Марка по списку XI в.: „прологъ аллилуіи“ (ὁ πρόλογος τοῦ ἀλληλοῦια); литургія ап. Петра: „аллилуіа“; іерусалимская литургія ап. Іакова по списку X в.: „аллилуіа“ (съ членомъ τὸ); XI в.: „и стихологию“; XVI в.: „пѣвецъ (ψάλτης) аллилуіа (съ членомъ)“ или безъ „пѣвецъ“ ³⁾. По одному изъ древнѣйшихъ списковъ литургіи Іоанна Златоуста: „Діаконъ: Премудрость. Іерей: Миръ всѣмъ. Діаконъ: Премудрость вонемъ. Затѣмъ говоритъ аллилуіарій“; по другому списку: „послѣ посланія (=апостола) іерей говоритъ: Миръ всѣмъ. Премудрость, прости. Пѣвецъ: Псаломъ Давидовъ. Аллилуіа“; позднѣйшіе списки: „Діак.: Премудрость; хоръ: Аллилуіа. Псаломъ Давидовъ ⁴⁾. Печатные Служебники слав. Моск. 1602 г. (=старообрядческій); „Діак.: Вонемъ, премудрость, вонемъ. Чтець: И духови твоему. Псаломъ Давидовъ. Аллилуіа. Пѣвцы же поють аллилуіа“. Служ. Петра Могилы 1627 г.: Д.: Прем., вонм. И чтець: Пс. Дав., рекъ гласъ. Аллилуіа. Пѣвцы же поють: Аллилуіа“; Моск. 1647 г. такъ, какъ 1602 г., но „(поють аллилуіа) 5-ю: на правомъ 3-жды, на лѣвомъ 2-жды“. Моск. 1658: „Чтець: Аллилуіа. Псаломъ Давидовъ“. Такъ и греч. печатные. Іератиконъ: „2-й хоръ поеть 3-жды аллилуіа“ ⁵⁾.

¹⁾ *Еп. Порфирій*, Вѣроученіе, богослуженіе.. коптовъ 128. Богослуженіе абиссиновъ 59. *Петровскій*, Апост. лит. вост. ц., 65.

²⁾ *Кекелидзе К. прот.* Іерус. канонарь VII в., Тифл. 1912, 43. 44 и др.

³⁾ *Swainson*, The Greek Liturgies 16. 193. 226. 227.

⁴⁾ *Goar* Ευχολογιον 87. 91. 55. *Swainson*, The 9 ч. Lut. 117.

⁵⁾ Служ. М. 1902 г., л. 98; П. Мог., стр. 17; Моск. 1647, л. 117; 1658 г., стр. 253 Ευχολογιον Вен. 1622, 22; Ав. 1902, 58; Іератикон, К-поль 1895, 63.

Въ противоположность воскреснымъ прокимнамъ такіе же аллилуіаріи взяты изъ псалмовъ въ числовомъ ихъ порядкѣ, а не въ разбивку: 1 гл. пс. 17, 48. 51; 2 гл. пс. 19, 2. 10; 3 гл. пс. 30, 2. 3; 4 гл. пс. 44, 5. 8; 5 гл. пс. 88, 2. 3; 6 гл. пс. 90, 1. 2; 7 гл. пс. 91, 2. 3; 8 гл. 94, 12. Не имѣя, подобно прокимнамъ и евангелію, къ которому они служатъ подготовленіемъ, прямого отношенія къ событію воскресенія, аллилуіаріи содержатъ общее прославленіе Бога. Ни одинъ изъ нихъ, въ противоположность нѣкоторымъ изъ воскресныхъ прокимновъ, не имѣетъ просительного-скорбнаго характера. Они то изображаютъ царственное достоинство Христа (гл. 1, 4), то выражаютъ надежду на Бога (гл. 3, 6), благодаренія за милости (гл. 5, 7), или вообще прославленіе Бога (гл. 8).

Нынѣшніе воскресные аллилуіаріи имѣются уже въ Евергетидскомъ уставѣ XII в. съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь не положено аллилуіаріевъ для 3 и 7 гл. (м. б. для нихъ не было особыхъ напѣвовъ), но за то для 2 гл. 2 пары и вторая—нынѣшніе 3 гл., а для 8 гл.—3 пары, изъ коихъ третья—нынѣшніе 7 гл., а вторая: „Призри на мя и помилуй мя“, „Стопы моя направи“ (Пс. 118, 132. 133) ¹⁾.

Ни Типиконъ, ни другія богослужебныя книги не даютъ прямого указанія, какъ поступать при совпаденіи въ одинъ день прокимновъ и аллилуіаріевъ двумъ памятямъ. Но уже это молчаніе предполагаетъ, что каждый изъ такихъ прокимновъ и аллилуіаріевъ долженъ пѣться полностью; а то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ случаевъ (напр. въ недѣлю отцевъ около 11 окт.) при второмъ прокимнѣ дается и стихъ его рѣшаетъ вопросъ въ направленіи, совершенно противномъ принятой практикѣ,—т. е. при двухъ прокимнахъ нельзя пѣть второй безъ стиха, а нужно 1-й и

¹⁾ *Дмитріевскій*, Топ. 610.

2-й пѣть со стихомъ, слѣд. 1-й два раза, а второй 2^{1/2} раза;
аллилуіа же при 4 стихахъ 5 разъ каждый разъ по 3-жды.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Ваничка помогъ“.

(Окончаніе) ¹⁾.

VII.

Зоя Павловна начала атаковать мужа.

— Ну, вотъ, проворонимъ мы хорошаго жениха ради вашей ссоры. И будешь каяться, да поздно. Эхъ, Василій, помирись! Вѣдь ихъ положеніе куда лучше. Посватается онъ къ другой, а наша Тоничка и оставайся при печальномъ интересѣ.

— Не безпокойся: выдадимъ. Не одинъ Дубровинъ свѣтъ въ окошкѣ.

— А гдѣ другого-то искать? Время на это нужно. Дѣвушкѣ годы вышли, и женихъ рядомъ и завидный. Право, брось свою гордость въ сторону. Я увѣрена, что они на другой же день придутъ съ формальнымъ предложеніемъ.

— Отстань.

— Ради дочери не отстану.

— Самъ не маленькой. А что: развѣ я врагъ своей Тонѣ?

— Да, надо полагать, что врагъ. Если бы желалъ ей добра, то помирился бы.

— Зоя, замолчи. Выведешь ты меня изъ терпѣнія.

— И что же будетъ? Побъешь? Пожалуй, только этого еще и не доставало.

¹⁾ См. № 32 за 1913 г.

Дьяконъ разсерженный уходилъ въ свою комнату, шагаль изъ угла въ уголъ и начиналъ глухимъ голосомъ напѣвать свои любимыя прмосы „Волною морскою“.

— Ну, завылъ опять, —недовольно ворчала жена.

Дьяконъ отлично сознавалъ въ глубинѣ своей души, что псаломщикъ имѣеть большое преимущество. И въ самомъ дѣлѣ: стоитъ имъ засватать другую дѣвушку и тогда прощай завидный женихъ. А дьяконъ всегда былъ о Петрѣ Семеновичѣ самага лестнаго мнѣнія. Поколебать послѣднее не могла и ихъ пресловутая ссора. И вотъ сознаніе своего безсилія еще болѣе подливало масла въ огонь. Но самолюбіе по-прежнему удерживало его отъ рѣшительнаго шага къ миру.

— Моя Тоня не засидится, —утѣшалъ онъ себя: —она завидная невѣста.

И получше Дубровина найдется женихъ.

И онъ упорствовалъ.

Самъ юноша неоднократно заводилъ разговоръ съ отцомъ на эту животрепещую тему, но тотъ или отмалчивался, или дѣлалъ замѣчанія о непочтительности современной молодежи къ отцамъ.

— Имъ добра хотять, а они знай свою линію гнуть, — бурчалъ онъ.

Молодому человѣку надоѣли, наконецъ, всѣ эти разсужденія и разговоры. И онъ рѣшительно заявилъ:

— Папа, ты знаешь, мнѣ необходимо жениться, если только я не измѣню намѣренія надѣть рясу. Кромѣ Антонины Васильевны я никого не возьму. Но ты мнѣ препятствуешь. Въ такомъ случаѣ я поѣду въ академію. Такъ и знай, что въ началѣ августа уѣду.

— А гдѣ деньги возьмешь на дорогу? —насмѣшливо спросилъ отецъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Денегъ достану. Не безпокойся. Меня выручатъ. Но если не Тоня, то академія.

— Ну что же, архіереемъ будешь.

Сынъ даже поблѣднѣлъ. Онъ стиснулъ зубы. Ему стоило большихъ усилій, чтобы не сказать отцу дерзость. Мать часто плакала и совѣтовалась съ дьяконицей. Упорство мужей сбило съ толку женщинъ. Онѣ не знали, на что и рѣшиться. Глубоко задумался и самъ юноша надъ своимъ двусмысленнымъ, неопредѣленнымъ положеніемъ.

— Дѣло дрянъ. Но лишиться Тонички—значить потерять свое личное счастье. Она мнѣ дорога. Въ крайнемъ случаѣ увезу. Э, свѣтъ не клиномъ сошелся. Я студентъ семинаріи, меня примутъ вездѣ съ удовольствіемъ на службу. Подожду до августа, а тамъ буду дѣйствовать. Укатимъ куда нибудь на югъ, и дѣлу конецъ.

Сердобольныя матери устроили своимъ дѣтямъ свиданіе. Выждавъ, когда псаломщикъ уѣхалъ въ деревню съ требой, Зоя Павловна съ дочерью пришла въ его квартиру. Радость молодого человѣка была неопишуема.

— Дорогая моя,—зашепталъ онъ, цѣлуя руку невѣсты, когда они остались одни въ комнатѣ, а матери вышли въ кухню готовить вареники.—Дорогая моя,—отцы наши упорствуютъ, но не бывать ихъ побѣдѣ. Для меня ты все... Ради тебя я пожертвую всѣмъ. Я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы назвать тебя своей женой.

Молодая дѣвушка сидѣла вся пунцовая отъ смущенія, лишь изрѣдка взглядывая на юношу взоромъ, полнымъ любви и нѣжности. Сердце ея радостно трепетало въ присутствіи любимаго человѣка. Сбывались ея сокровенныя дѣвичьи мечты. Вся душа ея пѣла восторженный гимнъ любви и счастью.

— Милый мой,—стояла въ ея головѣ одна фраза.

— Но боюсь я: уломаемъ-ли мы отцовъ,—продолжалъ онъ,—слишкомъ глубоко засѣла эта ссора. Если же не уломаемъ, то...

Онъ крѣпко сжалъ руку дѣвушки и спросилъ:

— Согласна-ли ты слѣдовать за мной? Хватить-ли у тебя рѣшимости обвиняться тайно, хотя бы съ согласія нашихъ матерей?

— Дѣлай, какъ знаешь, я всюду пойду за тобой,—тихо прошептали ея губы.

Радостно встрепенулось сердце юноши.

— Золото моё, ненаглядное...

VIII.

Одиннадцатое іюля о. Палладій всегда проводилъ весело и торжественно. Въ этотъ день была именинница его жена Ольга Михайловна. Гостей съѣзжалось много. Кромѣ мѣстнаго сельскаго общества пріѣзжали и изъ сосѣдняго села. Въ числѣ гостей всегда находился самъ благочинный, строгій по службѣ, требовательный священникъ о. Венедиктъ, старичекъ лѣтъ подь семьдесятъ. Присутствіе его немного охлаждало пылъ гостей, но и безъ него торжество было бы не полно. И на этотъ разъ царило обычное оживленіе. Домъ былъ полонъ гостей. Дьяконъ и псаломщикъ не могли не явиться, хотя оба охотно уклонились бы отъ именинъ, потому что ссора ихъ была общеизвѣстный фактъ. Дамы веселились въ гостиной, мужчины собрались въ кабинетъ. По комнатамъ съ везомъ и смѣхомъ носились Ваничка и Лидочка, дочь о. Палладія.

— Ваня, не шуми. Развѣ можно такъ шалить въ гостяхъ?—останавливала дьяконица сына.

— Оставьте его, Зоя Павловна:—и мы въ свое время шумѣли,—возражала именинница.

Дѣти стихали на минуту, но затѣмъ снова поднимали возню.

Благочинный, несмотря на свою видимую суровость, очень любилъ дѣтей. При видѣ ихъ веселыхъ, смѣющихся личиковъ, глаза стараго священника оживлялись и въ нихъ отражалась какая то нѣжность.

— Ваничка, дружокъ, подойди ко мнѣ,— обратился онъ къ мальчику, когда тотъ прибѣжалъ въ комнату и вцѣпился въ отца.

Мальчикъ нерѣшительно посмотрѣлъ: не кроется-ли, молъ, тутъ какой-нибудь злой умыселъ.

— Ваня, иди, не бойся,—шепнулъ ему отецъ.

— Хочешь конфекту?—продолжалъ благочинный.

— Хасю.

Онъ теперь смѣло шагнулъ и очутился на колѣняхъ у благочиннаго.

— Вотъ тебѣ конфекта. И какая она хорошая, красивая, нарядная?

— Холосая,—согласился тотъ.

Благочинный ласково гладилъ головку мальчика.

— Что за чудные кудри,—любовался онъ.

А ну, скажи мнѣ: кого ты больше любишь: папу или маму?

Мальчикъ задумался немного.

— И папу люблю, только онъ селдитой.

— Что? Сердитый? Можетъ быть, на тебя сердится за то, что шалишь?

Дьяконъ, услышавъ заявленіе сына, смутился и невольно шагнулъ къ сыну.

— Ваничка, не говори глупостей.

Но Ваничка счелъ нужнымъ обидѣться на непониманіе отца.

— Да—а, селдитой,—подтвердилъ онъ настойчиво.

Благочинный сдвинулъ брови.

— На кого же онъ сердится?

— Вотъ тамъ тѣтя есть,—мальчикъ махнулъ рученкой на гостинную:—я все ходилъ ланьше къ нимъ... Она доблая... конфеты давала... Тепель не хозу... папа селдится на нихъ. Вотъ на него...

И онъ указалъ на псаломщика.

Всѣ присутствующіе замерли. Произошло это такъ неожиданно, внезапно, что всѣ какъ-то растерялись, переглянулись между собой и замолчали. Дьяконъ съ псаломщикомъ поблѣднѣли. Благочинный понялъ, что ребенокъ выдалъ какую то тайну. Онъ осторожно спустилъ мальчика съ колѣнъ,

нахмурился и зорко посмотрѣлъ на дьякона, затѣмъ перевелъ глаза и на псаломщика.

Тѣ стояли растерянные, жалкіе.

— Я попрошу васъ, о. дьяконъ, объяснить: за что вы питаете злобу на своего сослуживца?

Дьяконъ совсѣмъ растерялся.

— Я.. я.. это пустяки... о. благочинный... пустяки.. Не стоить обращать вниманія..

— Но если пустяки, то зачѣмъ ссориться и подавать дурной примѣръ другимъ? Я желалъ бы знать...

Дьяконъ до того былъ взволнованъ, что молчалъ и нервно то пощипывалъ бородку, то проводилъ рукой по волосамъ.

— Ну, расскажите вы, Семень Семеновичъ,—обратился благочинный къ псаломщику.

Тотъ закашлялся, затоптался на мѣстѣ и тоже произнесъ:

— Пустяки, о. благочинный.

— Да объясните же мнѣ, въ чемъ заключаются эти пустяки?—нетерпѣливо спросилъ тотъ, вставая со стула.

— Не разрубить ли благочинный теперь этотъ Гордіевъ узелъ?—мелькнуло въ головѣ у священника.

И о. Палладій рѣшился вмѣшаться.

— Позвольте, о. благочинный, мнѣ объяснить причину ихъ ссоры. Я былъ на ней и знаю, отчего сыр-боръ загорѣлся.

— Говорите.

О. Палладій подробно рассказалъ, какъ произошла ссора изъ-за одного вопроса по церковному уставу.

— И все?—изумился тотъ.

— Все...

— И изъ-за этой чепухи надо было два мѣсяца дуться?

Онъ быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Что вы дѣлаете, служители алтаря? Кому вы служите? Вы забыли, Кому служите?

И ссориться изъ-за такой мелочи! Ахъ, Боже мой, и какой-то тамъ сухой, отвлеченный вопросъ по Типикону послужилъ причиной вражды? Да что съ вами случилось? Ну, я понимаю: ссорятся люди по важнымъ мотивамъ, а то стыдно сказать... Ай-ай, какъ не хорошо... Забыли вы Христа...

Дьяконъ и псаломщикъ стояли красные, смущенные, придавленные. Они отлично, въ своей совѣсти, сознавали, что причина ихъ ссоры не заслуживаетъ большого вниманія.

— Самъ Богъ открылъ мнѣ черезъ уста невиннаго ребенка всю правду. Я хочу и желаю, чтобы вы примирились сейчасъ же въ моемъ присутствіи. Будетъ бѣса тѣшить. Духовенство всегда должно жить въ мирѣ. Съ него, вѣдь, и паства беретъ примѣръ.

Въ пріоткрытыя двери прислушивались женщины за разыгрывавшимся инцидентомъ. Жены съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за мужьями.

— Помиритесь теперь, — радовались онѣ.

— Я жду вашего примиренія, — продолжалъ благочинный: — ваша ссора не стоитъ и ломаннаго гроша...

— Что же, я не прочь, — пробормоталъ псаломщикъ.

— И я. Ссора, правда, изъ-за пустяковъ, — подтвердилъ дьяконъ.

Они взглянули другъ на друга и робко, точно стыдясь, протянули другъ другу руки.

— Я жду еще братскаго поцѣлуя, — прозвучалъ голосъ благочиннаго.

Тѣ поцѣловались.

— Вотъ и отлично! — оживился благочинный: — я увѣренъ, что ваше примиреніе будетъ не лицемѣрное. Правда вѣдь?

— Правда, о. благочинный.

Всѣ облегченно вздохнули. У всѣхъ точно свалилась съ плечъ какая-то тяжесть.

— Примирились! — радовались матери.

— Примирились!—ликовали женихъ съ невѣстой, для которыхъ рушилась теперь преграда ихъ свадьбѣ.

— Отцы и братіе, выпьемъ за здоровье Василя Яковлева и Семена Семеновича,—провозгласилъ о. Палладій.

— Благая идея,—согласился благочинный, а я, сверхъ того, выпью за здоровье Ванички. Это онъ устроилъ сейчасъ намъ духовный праздникъ любви и прощенья.

— Да здравствуетъ Ваничка!—раздалось кругомъ.

Ребенокъ, не понимая, въ чемъ дѣло, съ недоумѣніемъ переходилъ изъ объятій въ объятія. Его цѣловали и ласкали безъ конца. Особенно много цоцѣлуевъ ему досталось отъ счастливой четы...

Вопросъ о женитьбѣ былъ теперь безмолвно рѣшенъ. Хотя не произнеслось еще ни одного слова, но всѣ поняли, что узелъ развязанъ и вопросъ о свадьбѣ есть вопросъ ближайшаго будущаго. Только одинъ благочинный пока еще не зналъ, какое великое для всѣхъ благодѣяніе сдѣлалъ дѣтскій, невинный лепетъ...

IX.

Прошло недѣли двѣ. Окна большого школьнаго зданія ярко свѣтились: тамъ шло брачное торжество. Классъ былъ полонъ гостей. На почетномъ мѣстѣ сидѣли молодые. Всѣ были веселы, радостны. Передъ школой толпились любопытные... Матери хлопотали до упаду.

— Вотъ хорошо,—бормоталъ подвыпившій дьяконъ своему сосѣду псаломщику:—а то ссора... фу ты... тьфу...

— Ну ее къ шуту,—отвѣчалъ тотъ,—да-съ... свадебка, да, славно... Миръ и любовь.

И мы тоже... раньше да...

— Было время, не вернешь... Выпьемъ...

Они выпили.

— Мой Петруха прямо ошалѣлъ... Молодецъ, подцѣпилъ. . кралю... молодецъ.

— О, и я Петра Семеновича очень... очень люблю... горячо заговорилъ не совсѣмъ послушнымъ ему языкомъ дьяконъ:—славный, да да... Э, выпьемъ. Всѣ на свадьбѣ пьютъ.

— Вѣрно... Пьютъ.

Рюмки вновь стукнулись.

Къ нимъ быстро подлетѣла Зоя Павловна.

— Что же вы тутъ сидите въ углу? Раньше ни слова, а теперь и водой не разольешь.

Ужинъ поданъ...

— Ты, Зоя, молчи... не раздражай... Мы теперь мирно... мы сейчасъ... придемъ.

— Ну, идите. Не ждате же васъ другимъ гостямъ. Живо поднимайся, Василій!

Она умчалась.

— Идемъ.

— Ну, пойдёмъ...

И во время ужина дьяконъ, насколько возможно толще, октавой, при общемъ смѣхѣ присутствующихъ, басилъ.

— Го-о-рь-ко-о...

И. Поговз-Пермскій.

ЗАМѢТКИ:

а) О ремонтѣ церквей.

Въ „Твер. Еп. В.“ священникъ Шоклонскій дѣлится своей опытностью въ дѣлѣ ремонта внутренности церквей: иконостаса, росписи и т. д. Рѣдко когда кто изъ священниковъ, особенно изъ молодыхъ, имѣетъ достаточную подготовку къ приведенію ввѣреннаго его попеченію храма въ должное благолѣпіе. Нужно, на примѣръ, устроить въ храмѣ новый иконостасъ, написать живопись или хотя реставрировать старую. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ приглашаютъ подрядчи-

ковъ, дѣлаютъ между ними соревнованіе, сдаютъ работу тому изъ нихъ, кто предложилъ наименьшую цѣну.

Поэтому то мы часто и видимъ въ храмахъ преждевремененно лопнувшее столярство, упавшую рѣзбу, облупившуюся позолоту, искаженную живопись; можно наблюдать и полную безвкусицу въ украшеніяхъ, несимметричную разстановку кіотовъ и другихъ священныхъ предметовъ.

Въ виду изложеннаго авторъ статьи рекомендуетъ имѣть въ виду слѣдующее: ни въ какомъ случаѣ не сдавать всей работы одному подрядчику (столярство и рѣзбу слѣдуетъ сдавать одному, позолоту—другому, живопись—третьему); нужно, чтобы каждая вещь попала въ первыя спеціальныя руки. По окончаніи столярства и рѣзбы не слѣдуетъ спѣшить позолотою, чтобы дать дереву высохнуть и совершенно сложиться на мѣстѣ. Хорошо золотить года черезъ два послѣ окончанія рѣзбы и столярства. Предъ позолотою весь иконостасъ должно прошпаклевать и отчистить стеклянною бумагою. Золото рекомендуется покупать у извѣстныхъ фирмъ (бр. Смирновыхъ, Левлевыхъ, Виноградова и др.), но всячески избѣгать ярославскихъ сыровщиковъ-фальсификаторовъ. Золото можно брать съ такимъ расчетомъ: на гладкія видныя мѣста (колонны, царскія двери) слѣдуетъ класть высшаго качества, болѣе же мелкія вещи (капители, загибы, тонкія линіи) можно золотить и тонкимъ золотомъ, при соотвѣтствующей первому пробѣ. Во всякомъ случаѣ золоченіе слѣдуетъ дѣлать въ сухомъ помѣщеніи. Предъ золоченіемъ каждая отдѣльная вещь до трехъ и болѣе разъ проклеивается жидкимъ и горячимъ столярнымъ клеемъ, а затѣмъ уже и грунтуется 6—7 разъ левкасомъ (смѣсь столярнаго клея съ мѣломъ въ подогрѣтомъ состояніи). Послѣ послѣдовательной просушки левкаса послѣдній тщательно шлифуется пемзою, стеклянною мелкою (№ 10) бумагою и хвощемъ, а затѣмъ уже и покрывается полиментомъ до 2-хъ и болѣе разъ. При чемъ рекомендуется первый разъ крыть русскимъ, а послѣдній разъ пополамъ русскій съ французскимъ,—первый изъ нихъ

крѣпче, но грубѣе при полировкѣ золота, а послѣдній хотя и слабѣе, но эластичнѣе.

Любители допускаютъ серебрёніе иконостасовъ. Но серебро въ воздухѣ окисляется и чернѣетъ; никакія искусственныя покрышки (яичный бѣлокъ, лакъ и др.) не спасутъ серебра отъ окисленія и порчи. Послѣднее время къ серебрёнію иконостасовъ, кіотовъ, главъ и шатровъ въ широмъ масштабѣ сталъ примѣняться алюминій, который, помимо своей дешевизны (книжка въ 25 кв. листовъ 10—12 коп.), не подвергается окисленію, хорошо полируется, промывается простою щеткою съ мыломъ и почти не отличается отъ серебра своимъ цвѣтомъ и глянцемъ. Во многихъ храмахъ Ярославской губерніи алюминіемъ стали крыть даже гѣло иконостасовъ вмѣсто красокъ, а все накладное (рѣзбу, колонны) золотить,—получается эффектная комбинація бѣлаго металла съ золотомъ.

За позолотою нужно тщательно слѣдить и не давать мастерамъ дѣлать сильныхъ растворовъ въ грунтовкѣ подъ золото; иначе золото будетъ отставать, а самая грунтовка трескаться. Хорошую позолоту не трудно узнать: приложите не въ далекомъ разстояніи къ вызолоченной вещи бѣлую простую бумагу и вы черезъ отраженіе отъ бумаги въ хорошей позолотѣ увидите одинъ чистый колеръ сплошного, какъ бы слитаго золота, а мать—желтопскристаго пріятнаго тона. Въ плохой позолотѣ повсюду замѣтите пятна, тонкія сѣчины и спай, т. е. соединеніе листовъ золота. (Совр. лѣт.).

в) Духовенство о борьбѣ съ хулиганствомъ.

Въ настоящее время, по предписанію Св. Синода въ разныхъ епархіяхъ происходятъ благочинническіе съѣзды, на которыхъ, между прочимъ, обсуждается вопросъ объ изысканіи мѣръ для борьбы съ хулиганствомъ. Многіе съѣзды уже вынесли свои заключенія по этому вопросу. По ихъ мнѣнію,

главнѣйшей причиною развитія хулиганства является пьянство, поддерживаемое шинками, которыми изобилуютъ деревни. Уничтоженіе шинковъ могло бы поэтому явиться одной изъ самыхъ надежныхъ мѣръ, если не для совершеннаго устраненія, то, во всякомъ случаѣ, для значительнаго ослабленія хулиганства. Въ виду того, что духовенство непосредственно не можетъ бороться съ шинкарствомъ, съѣзды высказались за то, чтобы духовенство оказывало въ этомъ дѣлѣ „моральное“ содѣйствіе гражданскимъ властямъ.

Другой не менѣ важной причиною хулиганства, по мнѣнію съѣздовъ, является уходъ крестьянской молодежи на заработки. Возвращаясь на родину, крестьяне начинаютъ вести хулиганскій образъ жизни, заражая и другихъ своимъ поведеніемъ. Собесѣдованія на религіозныя темы и духовно-нравственныя чтенія могли бы также принести пользу въ дѣлѣ борьбы съ хулиганствомъ.

Далѣе съѣзды высказались за учрежденіе въ приходахъ обществъ трезвости и за устройство библиотекъ изъ книгъ духовно-нравственнаго, противосектантскаго и противоалкогольнаго содержанія. Нѣкоторые брошюры по этимъ вопросамъ должны раздаваться бесплатно. (Совр. лѣт.).

с) Раскаяніе штундиста

Извѣстный вожакъ штундистовъ въ Волинской и Подольской губерніяхъ Миронъ Лученко, послѣ долгодѣтняго заблужденія, раскаялся и вернулся въ лоно православной Церкви. Торжество присоединенія Мирона Лученко къ православію происходило въ с. Молошинцахъ, Летическаго уѣзда, Подол. губ., произвело удручающее впечатлѣніе на штундистовъ и фактически пріостановило переходъ православныхъ въ штундизмъ. (Совр. лѣт.).

е) Чего добились закрытіемъ церковныхъ школъ во Франціи.

Во Франціи послѣ закрытія церковныхъ школъ замѣчается паденіе грамотности. Согласно офіціальнымъ даннымъ въ послѣдній призывъ среди новобранцевъ было 12.118 неграмотныхъ на общее число 270.000, т. е., почти 5 проц. Изъ самага Парижа принято 257 человекъ, не умѣющихъ ни читать ни писать. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что большая часть неграмотныхъ приходится на фабричныхъ рабочихъ. Въ то время, какъ крестьяне-земледѣльцы стараются научить своихъ дѣтей грамотѣ, рабочіе и особенно члены социалистическихъ организацій бросаютъ своихъ дѣтей безъ призора. (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 13-го августа 1913 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингов. ул. № 6.

ГОДЪ

LIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 35

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1913-го года 25-го августа.

Содержаніе: I. О духовныхъ концертахъ. Свящ. В. Пестряковъ.—II. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—III. Толковый Типиконъ. (Продолженіе). М. Скабаллановичъ. IV. За-штатъ. Свящ. В. Пестряковъ.—V. Бесѣды по пчеловодству (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Замѣтка. О продажѣ при сельскихъ церквахъ крестиковъ и иконъ.

О духовныхъ концертахъ.

Въ послѣдніе годы все больше и больше начинаютъ входить въ моду, такъ называемые, духовные концерты. Устраиваютъ ихъ нерѣдко духовно-учебныя заведенія, благотворительныя учрежденія, руководители разныхъ, до монастырскихъ влючительно, хоровъ; взялись за нихъ и свѣтскіе люди: духовными концертами стали оглашаться концертныя залы, оперные театры, всевозможные театральныя подмости. Даже въ провинціальныхъ городишкахъ и селахъ начали устраивать тѣ-же духовные концерты. Ничего нельзя было бы возразить противъ духовныхъ концертовъ, если бы они

имѣли, главнымъ образомъ, религіозно-молитвенное значеніе; къ сожалѣнію эта сторона почти затушевывается стороною эстетической, тѣмъ удовольствіемъ, какое даетъ искусное исполненіе церковныхъ пѣснопѣній. Въ духовные концерты, въ постановку ихъ, вносятся всѣ признаки чисто свѣтскихъ удовольствій. Обратимъ вниманіе, прежде всего, на внѣшнюю сторону въ устройствѣ духовныхъ концертовъ. Афиши и программы, разсылка и навязываніе билетовъ, упрашиваніе пѣвцовъ на „благосклонное“ участіе, роскошные залы, безъ намека на внѣшне-религіозную обстановку, иногда аплодисменты—все это аксессуары вовсе не церковнаго характера, все это признаки чисто свѣтскихъ развлеченій.

Сидѣніе во время исполненія важнѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній, каковы, на примѣръ, „Херувимская“ „Тебѣ поемъ“, „Отче нашъ“,—какъ мы имѣли случаи убѣдиться,—простыхъ людей, не искусившихся въ концертныхъ нравахъ, прямо соблазняютъ. Нелѣпымъ и кощунственнымъ кажется намъ и „благосклонное“ участіе гг. артистокъ и артистовъ въ духовныхъ концертахъ, старательно рекламируемое въ афишахъ и программахъ духовныхъ концертовъ. Дикимъ диссонансомъ должно рѣзать ухо и глазъ объявленіе о „благосклонномъ“, т. е. снисходительномъ участіи того или другого пѣвуна въ исполненіи священнѣйшихъ православныхъ молитвъ и пѣснопѣній, выражающихъ часто глубочайшее чувство смиренія и сознанія грѣховности человѣка предъ Богомъ.

Составленіе программъ духовныхъ концертовъ также заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться со вниманіемъ: весьма часто въ немъ не наблюдается никакого единства, цѣльности или послѣдовательности: литургійныя пѣснопѣнія идутъ въ перемѣшку съ утренними, великопостныя съ праздничными; между тѣми и другими вставляются вирши и стихотворенія на религіозныя темы, переложенныя на ноты. Православный христіанинъ, любящій церковныя службы, исправно ихъ посѣщающій, исполненіе многихъ церковныхъ

пѣснопѣній мыслить только въ тѣ или другіе времена церковнаго года и даже въ опредѣленные дни; во всякое другое время эти пѣснопѣнія будутъ не на мѣстѣ, будутъ ослаблять то впечатлѣніе, то воздѣйствіе на душу, какое они производятъ въ положенное время и въ опредѣленномъ для нихъ мѣстѣ церковной службы. Устроители духовныхъ концертовъ съ указанной стороны дѣла ни мало не стѣсняются и при „благосклонномъ“ участіи артистокъ исполняютъ „Разбойника благоразумнаго“ на крестопоклонной недѣлѣ, „Покаянія отверзи ми двери“ гораздо раньше Великаго поста и т. и.

Къ великому сожалѣнію и время для духовныхъ концертовъ выбирается тоже не всегда съ благоразумнымъ разсмотрѣніемъ и разсужденіемъ. Весьма часто духовные концерты назначаются, на примѣръ, на крестопоклонной недѣлѣ. Какъ—никакъ, въ духовныхъ концертахъ значителенъ элементъ развлечения и удовольствія, пусть и эстетическаго, а крестопоклонная недѣля назначается для усиленнаго поста, молитвы и плача о грѣхахъ. Въ этомъ отношеніи недѣля эта православнымъ народомъ выдѣляется, вмѣстѣ съ первой и страстной недѣлей, а мы ее часто заполняемъ духовными концертами...

Всѣ свѣтскія развлечения, балы, вечера, спектакли на крестопоклонной недѣлѣ прекращаются: ихъ стараются замѣнить духовными концертами, пользуясь отсутствіемъ конкурентовъ, сравнительной доступностью и дешевизной зрительныхъ залъ, относительной свободой пѣвцовъ и пѣвицъ отъ обычной работы на сценѣ.

Въ духовныхъ концертахъ Церковь, несомнѣнно, дѣлаетъ уступку духу времени; желательно, чтобы концертное дѣло не приносило вреда, а, порой, и соблазна...

Свящ. В. Пестряковъ.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Благочинническіе совѣты, какъ судебныя инстанціи въ духовномъ вѣдомствѣ.

Извѣстно, какъ наши духовныя консисторіи всегда завалены всякаго рода дознаніями и слѣдствіями и какъ много труда вынуждены посвящать онѣ разнообразной судебной волокитѣ. Между тѣмъ всегда есть возможность передать часть этого труда въ благочинническіе совѣты. Безъ ущерба для правосудія въ эти инстанціи могли бы быть переданы всѣ маловажныя дѣла и особенно тѣ изъ нихъ, которыя легко на мѣстѣ могутъ быть покончены примиреніемъ сторонъ или же по самому свойству своему требуютъ разбирательства на мѣстахъ лицами, знающими всѣ обстоятельства дѣла, условія мѣстности и времени, гдѣ и когда оно совершилось, а также характеръ и нравственную настроенность самихъ участниковъ этого дѣла. Ясно, что такими лицами могутъ быть скорѣе всего члены благочинническаго совѣта, близко стоящіе къ приходскому духовенству и къ мірянамъ своего округа. Въ видахъ очевидной пользы отъ такой передачи части судебныхъ дѣлъ изъ консисторій въ благочинническіе округа, нѣкоторые епархіальныя начальства и возложили въ видѣ опыта на благочинническіе совѣты кое-какія права и обязанности судопроизводства. По свѣдѣніямъ „Костромскихъ Епарх. Вѣдомостей“ (№ 11), такая проба произведена, напр., въ Московской епархіи, начальство которой предоставило компетенціи благочинническихъ совѣтовъ слѣдующія судебныя дѣла: 1) „проступки священно-церковно-служителей противъ должности и благоповеденія, не сопровождающіеся явнымъ вредомъ и соблазномъ и при томъ совершенныя тѣмъ или другимъ членомъ причта въ первый разъ, при безупречномъ прежнемъ поведеніи; сюда принадлежатъ: неявка или опаздываніе діаконѣвъ и псаломщиковъ къ богослуженію и требоисправленію, самовольныя и продолжительныя отлучки изъ прихода, грубость и непочтительность въ отношеніи къ на-

стоятелямъ, вообще нарушеніе священнослужительскихъ обязанностей; 2) иски о личныхъ обидахъ, оскорбленіяхъ, которыя не соединены съ проступками, противными достоинству духовнаго сана и которыя могутъ быть прекращены взаимнымъ примиреніемъ; 3) жалобы прихожанъ на мѣстное духовенство: за отказъ въ удовлетвореніи ихъ просьбы относительно совершенія богослуженія или требъ или несвоевременное исполненіе таковыхъ просьбъ; за притѣсненія при выдачѣ выписей и свидѣтельствъ изъ церковныхъ документовъ и вообще за недозволенные и излишніе поборы; заявленія о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, если эти заявленія и жалобы приносятся единственно съ тѣмъ, чтобы неправильно поступившаго вразумить посредствомъ братскаго совѣта и увѣщанія и тѣмъ окончить дѣло, безъ формальнаго судопроизводства, и 4) иски о вознагражденіи за убытки и объ уплатѣ безспорныхъ долговъ священно-церковно-служителей“. Однако, при повтореніи однородныхъ жалобъ до трехъ разъ благочиннической совѣтъ обязывается доложить объ этомъ немедленно епархіальному начальству съ указаніемъ, какія мѣры были приняты имъ противъ виновнаго и для возстановленія нарушеннаго порядка. Самыя дѣла въ благочинническихъ совѣтахъ вчиняются или по словеснымъ или по письменнымъ заявленіямъ благочиннаго, а также по устнымъ и письменнымъ жалобамъ духовенства и прихожанъ. Изъ консисторіи выдается благочинническому совѣту особая книга для записи всѣхъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ и ихъ рѣшеній, причемъ то и другое подписывается всѣми членами благочинническаго совѣта и спорящими сторонами, которыя тутъ же въ книгѣ и дѣлаютъ письменное заявленіе въ случаѣ недовольства судомъ. Для обжалованія рѣшенія благочинническаго совѣта въ консисторію полагается мѣсячный срокъ, пропустивъ который, отвѣтчикъ обязанъ всецѣло подчиниться постановленію совѣта. Сверхъ перечисленныхъ выше дѣлъ въ благочинническіе округа передано еще право разсмотрѣнія споровъ по раздѣлу братскихъ доходовъ, по пользованію уса-

дебной и полевой землей, причтовыми постройками и разными угодіями. Но непосредственное разсмотрѣніе такихъ споровъ благочинническіе совѣты поручаютъ отъ себя особой комиссіи изъ трехъ членовъ, выбранныхъ самими сторонами, а сами подвергають разслѣдованію подобныя дѣла лишь въ томъ случаѣ, если предъ ними будетъ обжаловано рѣшеніе комиссіи одной изъ спорящихъ сторонъ.

Чинъ совершенія поклоновъ.

Кажется, ни одна сторона нашего богослуженія не страдаетъ такой неопредѣленностью и беспорядочностью, какъ совершеніе поклоновъ. Не говоря уже о мірянахъ, и сами клирики подчасъ творять крестное знаменіе съ поклонами просто зря, когда вздумается, а не тогда, когда это требуется самымъ смысломъ молитвословіи и моментомъ богослуженія. Къ устраненію подобныхъ аномалій въ нѣкоторыхъ епархіяхъ издавна принимались соотвѣтствующія мѣры, а въ послѣднее время въ „Волинскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ пропечатанъ рядъ правилъ по этому вопросу для руководства духовенству и мірянамъ. Эти правила гласятъ, что *крестится безъ поклоновъ слѣдуетъ*: 1) въ серединѣ шестопсалмія на „аллилуіа“ 3 раза; 2) въ началѣ „Вѣрую“; 3) на отпустѣ: „Христось Истинный Богъ нашъ“; 4) въ началѣ чтеній Св. Писанія: Евангелія, апостоловъ, паремій; 5) разрѣшается на Трисвятомъ, когда оно положено безъ поклоновъ, т. е. на литургіи, въ началѣ утрени и по великомъ словословіи.

Крестится съ пояснымъ поклономъ: 1) при входѣ въ храмъ и при выходѣ изъ него 3 раза; 2) при каждомъ прошеніи ектеніи (желательно); 3) при возгласѣ священнослужителя, воздающаго „Славу Св. Троицѣ“, 4) при возгласахъ: „Пріимите, ядите“, „Пійте отъ нея вси“, „Твоя отъ Твоихъ“ „Святая святымъ“; 5) при возгласѣ „Господу помолимся“, предваряющемъ какое-либо моленіе; 6) „Честнѣйшую... величаемъ“; 7) при каждомъ словѣ: „поклонимся“, „поклоненіе“,

„припадемъ“; 8) во время словъ „аллилуіа“, „Святой Боже“ и „Прійдите поклонимся“ и при возгласѣ „Слава Тебѣ, Христе Боже“... передъ отпустомъ—по 3 раза; 9) на канонѣ на 1-ой и 9-ой пѣснѣ при первомъ зываніи къ Господу, Божіей Матери или святымъ; 10) послѣ каждой стихиры (при чемъ крестится тотъ клиросъ, который оканчиваетъ пѣть); 11) на ектеніи литіи три раза по 3 и 2 по 1, послѣ прошеній.

Крестится съ земнымъ поклономъ: 1) въ постъ при входѣ въ храмъ и при выходѣ изъ него 3 раза; 2) въ постъ послѣ каждого припѣва въ пѣснѣ Богородицы „Тя величаемъ“; 3) послѣ „Тебе поемъ“; 4) послѣ „Достойно“ или „Задостойника“; 5) при возгласѣ „И сподоби насъ, Владыко“; 6) при выносѣ Св. Даровъ въ отвѣтъ на слова: „Со страхомъ Божіимъ“ и 2-ой разъ: „Всегда, нынѣ и присно“; 7) въ постъ при словахъ: „Пресвятая Владычице“, „Вси святіи“ и т. д.; 8) въ постъ при молитвѣ „Господи и Владыко живота моего“; 9) въ постъ: „Помяни насъ, Владыко, егда прійдеши во Царствіи Твоемъ“. Всего 3 земныхъ поклона.

Поясной поклонъ безъ креста: 1) при словахъ: „миръ всѣмъ“; 2) „Благословеніе Господне на васъ“; 3) „Благодать Господа нашего Иисуса Христа“; 4) „И да будутъ милости Великаго Бога“; 5) при словахъ діакона: „И во вѣки вѣковъ“ (послѣ „Яко святъ еси Боже нашъ“).

Крестится не положено: 1) во время псалмовъ; 2) вообще во время пѣнія; 3) во время ектеній тому клиросу, который поетъ ектійные припѣвы.

Крестится и класть поклоны нужно по окончаніи пѣнія и никакъ не при послѣднихъ звукахъ.

Не допускается земныхъ поклоновъ: въ дни воскресные, отъ Рождества Христова до Крещенія, отъ Пасхи до Пятидесятницы, во дни Преображенія и Воздвиженія (въ сей день одинъ земной поклонъ кресту). Поклоны прекращаются отъ вечерняго входа подъ праздникъ до „Сподоби, Господи“ на вечернѣ въ самый день праздника.

Относительно послѣдняго правила надо замѣтить, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Малороссіи, освященъ вѣками обычай преклоненія колѣнъ и въ воскресные дни, особенно въ важнѣйшіе моменты литургіи, при освященіи Св. Даровъ и при пѣніи молитвы „Отче нашъ“. Этотъ обычай по мѣстамъ такъ укоренился, что стремленіе, во что бы то ни стало, упразднить его могло бы вызвать легко соблазнъ среди прихожанъ преданныхъ своимъ старымъ традиціямъ. Хотя съ другой стороны, искусство, благоразуміе и умѣніе священника проводить въ жизнь церковныя правила имѣютъ здѣсь весьма важное значеніе.

Какъ нужно собирать грибы?

Не можемъ оставить безъ вниманія весьма интересное, хотя и многимъ извѣстное, наставленіе по данному вопросу проф. Д. Д. Кайгородова, перепечатанное изъ «Сѣв. Сл.» «Вятскими епарх. Вѣдомостями». Наставленіе это тѣмъ болѣе важно, что грибной промыселъ не только играетъ замѣтную роль въ экономическомъ благосостояніи нашей страны, но и тѣсно связанъ съ религіозной жизнью православнаго русскаго народа, соприкасаясь съ нею въ области поста. Вслѣдствіе хищническаго истребленія рыбы, питаться ею въ постъ теперь могутъ только богатые и зажиточные люди, у которыхъ есть возможность платить за нее крупныя деньги. Но та же русская небрежность по отношенію къ природнымъ богатствамъ скоро преподнесетъ намъ и другой сюрпризъ, а именно, что и грибы будутъ появляться только на столахъ у богачей. Давно ли русскій человѣкъ, поражаясь дешевизной какого-нибудь товара или предмета, могъ съ полнымъ правомъ говорить, что онъ стобитъ «дешевле грибовъ»; а теперь не звучитъ ли эта пословица злой ироніей въ виду полнаго несоотвѣтствія своего съ дѣйствительностью? Уже и въ настоящее время во многихъ даже лѣсистыхъ мѣстностяхъ грибы сдѣлались чуть ли не предметомъ роскоши для крестьянина, а пройдетъ еще немного лѣтъ, и онъ ихъ и видѣть не

будетъ никогда у себя за столомъ. Чѣмъ же тогда прикажете питаться бѣдному человѣку въ длинные православные посты? Этотъ вопросъ не можетъ не тревожить православныхъ христіанъ, дорожащихъ соблюденіемъ завѣтовъ и заповѣдей своей Матери-Церкви, и тѣмъ ббльшей благодарности заслуживаетъ проф. Кайгородовъ за полезное напоминаніе, какъ слѣдуетъ собирать грибы.

Повсемѣстному пониженію урожайности грибовъ способствуетъ, по мнѣнію названнаго профессора, хищнической способъ собиранія ихъ. Войдя въ лѣсъ, собиратель грибовъ думаетъ лишь объ одномъ, какъ бы ихъ побольше набрать, а потому, торопливо срываетъ рукой попавшіеся грибы, почти не останавливаясь и спѣша все дальше и дальше. Онъ не знаетъ, или не хочетъ знать, что грибъ есть только *плодъ* растенія, называемаго *грибницей*, и что, вырывая плодъ прямо рукою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вырываетъ и обнажаетъ и самое растеніе, живущее въ землѣ и стелющееся тамъ въ видѣ тонкихъ бѣлыхъ, на подобіе плѣсени, нитей. Грибница не можетъ жить на поверхности земли, а потому, будучи извлечена оттуда грубой рукою неблагодарнаго собирателя ея плодовъ, она умираетъ и не можетъ, конечно, болѣе плодоносить. Для избѣжанія такого поврежденія грибницы необходимо грибы срѣзывать осторожно ножомъ, и тогда на мѣстѣ срѣзаннаго появится новый плодъ и часто въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

«Вятскія епарх. Вѣдомости» рекомендуютъ въ цѣляхъ устраненія названнаго хищничества штрафовать всѣхъ замѣченныхъ въ немъ собирателей. Но, конечно, это невыполнимо: вѣдь за всякимъ собирателемъ въ лѣсу не угоняешься; да и кто будетъ налагать эти штрафы? Всего лучше популяризовать раціональное собираніе грибовъ черезъ школу путемъ бесѣдъ съ дѣтьми, которыхъ не мѣшало бы иногда и сводить въ лѣсъ на прогулку, чтобы тамъ показать наглядно, какъ слѣдуетъ производить сборъ грибовъ и какой вредъ

человѣкъ приносить самому себѣ, срывая грибы какъ-
нибудь руками, лишь бы скорѣе наполнить свой кузовъ.

Б.

Толковый Типиконъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Измѣняемыя части литургіи

(воскресной).

За прокимномъ на литургіи, слѣдуетъ подготовленное имъ чтеніе изъ апостольскихъ посланій, называемое кратко „апостоль“. Онъ составляетъ почти исключительную принадлежность литургіи, появляясь изъ другихъ службъ только на тѣхъ, которыя соединялись или соединяемы съ литургіей или составлены по образцу ея (на нѣкоторыхъ вечерняхъ, нѣк. послѣдованіяхъ таинствъ, и т. п.). Берется апостоль изъ посланій апостольскихъ, включая сюда и Дѣянія и исключая Апокалипсисъ. Кромѣ настоящаго мѣста посланія апостольскія, но только соборныя, читаются и въ качествѣ паремій—съ меньшею чѣмъ здѣсь торжественностью—по чину ветхозавѣтныхъ чтеній, а затѣмъ на бдѣнии воскресномъ послѣ вечерни съ еще меньшею торжественностью—по чину святоотеческихъ чтеній.

Читается апостоль чтецомъ или діакономъ съ амвона. Заголовокъ чтенія предваряется возгласомъ „Премудрость“. Заголовокъ дѣлается въ болѣе пространной формѣ, чѣмъ для ветхозавѣтныхъ чтеній: именуется не только книга, но и авторъ формулой: „Къ N посланія св. апостола N чтеніе“. Не указана нигдѣ формула для соборныхъ посланій и Дѣяній. Обычно для первыхъ пользуются формулой паремій: „Соборнаго посланія N—ова (Петрова и т. п.) чтеніе“, а

¹⁾ См. № 33—34 за 1913 г.

для вторыхъ: „Отъ Дѣяній (иные: Изъ Дѣяній¹⁾) св. апостоль чтеніе“ (см. Минея, 9 авг. 1-я паремія). При парныхъ посланіяхъ не произносится нумерація (не говорится: „къ Коринѳянамъ перваго посланія чтеніе“) по сравнительному безразличію этого для пониманія чтенія, — на томъ основаніи, что такая нумерація не указывается въ заголовкахъ посланій на пареміяхъ. Послѣ возгласа „Вонмемъ“ начинается самое чтеніе апостола. Если апостоль не изъ начала книги, то въ Дѣяніяхъ онъ начинается словами „Во дни оны“, въ соборныхъ посланіяхъ „Возлюбленіи“, въ Павловыхъ „Братіе“, въ его же: пастырскихъ: „Чало Тимоѳее“ или „Тите“, (исключая случаи, гдѣ подобное начало невозможно, см. напр. апостоль 1 нед. в. поста) причемъ опускаются соединяющіе съ прежнимъ союзы и дѣлаются другія необходимыя измѣненія текста. Заключается апостольское чтеніе преподаваніемъ мира чтецу: „Миръ ти“ и отвѣтомъ его „И духови твоему“. Евангеліе литургійное предваряется и заканчивается такими же возгласами, какъ утреннее, съ тѣмъ отличіемъ, что если служитъ діаконь, которому въ такомъ случаѣ передается чтеніе евангелія (почему, см. Толк. Тип. II. 246), то онъ, какъ нѣкоторымъ образомъ принимающій на себя въ данномъ случаѣ служеніе, превышающее его силы и собственное собственно священнику, проситъ у него на это благословеніе („Благослови, владыко, благовѣстителя“... „Богъ молитвами“...), и по окончаніи чтенія священникъ ему преподаетъ миръ, отмѣчая при этомъ высоту исполненной имъ обязанности: „Миръ ти благовѣствующему“.

Объ образованіи понятій „апостоль“ и „евангеліе“ и о чтецахъ того и другого въ древности—см. Толк. Тип. I, 60—62, 111—112, 184—185.

На литургіяхъ мозарабской всегда, а на несторіанской въ праздники бываетъ впереди апостола и ветхозавѣтное чтеніе (какъ въ древности—см. Толк. Тип. I, 176—179), на копской и абис-

¹⁾ На основаніи выраженій въ уставѣ: „Апостоль изъ Дѣяній“.

синской три апостола: изъ посланій Павловыхъ, соборныхъ и Дѣяній (см. ниже, ср. тамъ же) на нынѣшней римской часто вмѣсто апостола (*epistola*) ветхозавѣтное чтеніе.

На римской литургіи апостоль читаетъ иподіаконъ, а евангеліе діаконъ; на коптской евангеліе діаконъ, „если умѣетъ читать“; на абиссинской и несторіанской—священникъ ¹⁾).

Рукописи литургіи ап. Іакова указываютъ предварительные вопросы только предъ прокимномъ (почти такіе какъ у насъ—см. Толк. Тип. II, 139) и не упоминаютъ о нихъ предъ апостоломъ; литургія ев. Марка по ркп. XI в. не упоминаетъ о прокимнѣ, „Миръ всѣмъ. И духови твоему. Вонмемъ“. Въ греч. ркп. и печатныхъ греч. Евхологіяхъ на литургіи Златоуста—предъ апостоломъ указывается только возгласъ „Вонмемъ“; но во всѣхъ слав. изданіяхъ, Служебника какъ нынѣ; такъ и въ греч. Іератиконѣ ²⁾. На римско-католической литургіи по римскому чину предъ апостоломъ произносится его надписаніе въ формѣ: „чтеніе (*lectio*) посланія блаженнаго Павла апостола къ N“, а послѣ апостола (а *ministris respondetur*): „Богу благодареніе (*Deo gratias*), что при нѣсколькихъ апостолахъ повторяется послѣ каждаго; по Мозарабскому чину предъ апостоломъ говоритъ священникъ: „молчаніе храните (*silentium tacite*). Продолженіе (*Sequentia*) посланія Павла апостола къ N; отвѣчаетъ хоръ: Богу благодареніе“—послѣ апостола: „респонсорій: Аминь“ ³⁾.

¹⁾ *Missale rom. g. Ep. Порфирий*. Вѣроч., богосл... коптовъ, 129; Богосл. абиссиновъ, 60. *Петровский*, Апост. лит. вост. ц., прил. 65.

²⁾ *Swainson The Greek liturgies*, 16. 116. *Goar Евхол.* 55. *Евхол.* Аѳины (902, 53. *Іератиконъ* К—поль 1895, 61.

³⁾ *Missale rom. 4. Migne, Patrologia s. l.* 85, 110—111. На восточныхъ инославныхъ литургіяхъ возгласы подготовительные къ апостолу, какъ и къ евангелію (см. Толк. Тип. II, 246), разрослись до большого объема, особенно въ виду вышеуказанной многочисленности чтеній. На несторіанской литургіи предъ ветхозавѣтнымъ чтеніемъ чтецъ или діаконъ: „Сидите въ безмолвіи. Пророчество пророка N, владыко, благослови“ Священникъ: „Христось да благословить“. Предъ апостоломъ особая молитва отъ священника вслухъ, различная для постовъ и праздниковъ, о помощи и вразумленіи Божиємъ; діаконъ: „Посланіе ап. Павла къ N, владыко, благослови“; священникъ: „Христось да благословить тя въ Его св. учени, да будещи свѣтлымъ зеркаломъ слушающимъ тя“; послѣ

О возгласахъ предъ евангеліемъ см. Толк. Тип. II, 245—6.

Начальныя слова чтеній буквально схожи съ нашими въ римской церкви: для Дѣяній: *In diebus illis*“ для посланій Павловыхъ: *Fratres*“ (соборныя начинаются съ 1 гл.), для евангелія: *in Po tempore*¹⁾.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

апостола діаконъ: „Слава Владыкѣ ап. Павла“ (*Петровский*, Апост. литургии восточной церкви, прил. 64, 95). На коптской литургии предъ чтеніемъ посланій ап. Павла, соборныхъ и Дѣяній—предъ каждымъ отдѣльно чтеніемъ бываетъ кажденіе, но какихъ-либо возгласовъ не указано; послѣ каждаго изъ чтеній бываетъ молитва; молитва послѣ 1-го чтенія проситъ вразумленія для пониманія его и возможности подражать апостолу; послѣ 2-го—удостоенія жребія апостоловъ, подражанія имъ и сохраненія церкви; послѣ 3-го—принятія еѳиміама и очищенія. На абиссинской литургии предъ Павловымъ посланіемъ молитва такая же, какъ въ коптской послѣ него, и возгласъ діакона: „Къ N посланія Павла, раба и апостола Спаса нашего I. Христа, званна, избранныя, отдѣленна на проповѣдь св. евангелія чтеніе; его же молитва и благословеніе да будетъ съ нами, аминь;“ послѣ чтенія діаконъ: „Благодать Отца, любовь Сына и даръ Св. Духа, (перифразъ 2 Кор. 13, 13), спешаго на апостолы благословенны и чисты въ горницѣ св. Сіона, да усугубится на насъ христіанскихъ людехъ, во вѣки вѣковъ, аминь. Св. ап. Павле, служителю благій, врачу немощныхъ, моли и проси за ны Христа Бога, да спасетъ души наша по множеству милости имене Его святаго“. Свящ.: „Миръ всѣмъ“ и молитва о сопребываніи съ нами Бога и очищеніи. Предъ соборнымъ посланіемъ священникъ: „Сіе есть чтеніе посланія N, ученика и апостола Г. и Спаса н. I. Х., его же молитва и благословеніе да будетъ съ нами аминь;“ послѣ чтенія діаконъ: I Ю. 2, 15—17 (о нелюбви къ міру); народъ.—молится къ Св. Троицѣ о сохраненіи собранія ради св. апостола и утѣшеніи. Приготовленіе къ Дѣяніямъ: діаконъ: „Возстаните на молитву;“ свящ.: „Миръ всѣмъ.“ „И духови твоему;“ молитвы такія же, какъ на коптской литургии послѣ соборныхъ посланій и послѣ Дѣяній и двѣ другія общаго содержанія; возгласъ: „Дѣянія служителей сего проповѣданія, отецъ нашихъ апостолъ, чистыхъ и исполненныхъ благодати, избранныхъ и праведныхъ, преизбыточествующихъ благодатию св. Духа. Молитвы и благословенія ихъ да сохранять всѣхъ насъ христіанъ во вѣки вѣковъ, аминь;“ послѣ чтенія,—перифразъ Дѣян. 6, 7 (объ умноженіи вѣрущихъ) и: „Святъ 3 Богъ отецъ вседержитель, святъ 3 Сынъ едиnorodный, живое Слово Отчее, Святъ 3 Духъ св. вездѣ—сущій“ (*Еп. Порфирій*. Вѣроуч., богосл.. коптовъ, 125—127. Богослуженіе абиссиновъ, 56—59).

¹⁾ Milsale rom., 1. 2. 20.

За штатъ ¹⁾.

Старенькій священникъ с. Злобина о. Сила Гороливанскій іерействуетъ шестой десятокъ лѣтъ. Маленькій, съ свѣжимъ розовымъ лицомъ, очень подвижной, онъ дожилъ до восьмого десятка, ни разу не болѣвши. Несмотря на это, о. Сила охотно лѣчитъ другихъ гомеопатіей и средствами, имъ самимъ изобрѣтенными; при этомъ слегка подшучиваетъ надъ больными.

— Что это ты, молодой человѣкъ,—говорить онъ шестидесятилѣтнему бородатому паціенту,—расхворался: и не стыдно! я тебѣ въ отцы гожусь, а ни разу еще не болѣлъ.

На людей у о. Силы своя особая, возрастная классификація: люди старше его годами—„почтеннаго“ возраста; шестидесятилѣтніе—молодые люди; лѣтъ съ сорока—внуки, дальше—правнуки.

Со старостью о. Сила борется успѣшно; нѣсколько по иному обстоитъ дѣло съ начальствомъ. Новыхъ вѣяній и запросовъ жизни о. Сила не понимаетъ и не въ силахъ удовлетворить ихъ,—что доставляетъ ему не мало неприятныхъ минутъ и огорченій.

— Трудныя времена для духовенства пришли: прежде начальства у насъ только и было, что архіерей, а теперь—и не счесть. Прежде благочинный у насъ больше старшимъ собратомъ былъ, теперь это сила, вліятельная въ судьбахъ іереевъ.

Занозистый наблюдатель донекаетъ о. Силу плохимъ состояніемъ школы; скучающій миссіонеръ коритъ его въ отсутствіи энергіи, въ недостаткѣ просвѣтительныхъ и профилактическихъ мѣръ противъ сектъ. На свою бѣду, о. Сила занимаетъ довольно сносный приходъ, на который съ упованіемъ посматриваетъ благочинный, мечтающій устроить поближе къ себѣ зятя.

¹⁾ Рѣчь о миссіонерѣ въ этомъ разсказѣ Редакція понимаетъ такъ: бываетъ и могутъ быть такіе, но не всѣ таковы.

— Чужой хлѣбъ заѣдаетъ,—отзывается объ о. Силѣ благочинный,—и приходъ портить. Другой въ Злобинѣ капиталъ бы нажилъ, а о. Сила своимъ безкорыстіемъ только народъ во всемъ благочиніи портить. Чуть какое разногласіе гдѣ, сейчасъ крестьяне Силою корятъ; вотъ, говорятъ, батюшка, побольше бы такихъ...

Благочиннаго вполне раздѣляетъ мнѣніе мужа, и если бы это отъ нея зависѣло, то давно бы уволила о. Силу на покой.

— Хорошо о. Силѣ одному нестяжательнымъ быть. Въ Злобинѣ съ одной земли можно жить; земля тамъ очень даже прекрасная—пшеничная ..

Дѣлались подходы къ архіерею съ намеками на то, что о. Сила устарѣлъ, что пора его за-штатъ уволить, а на его мѣсто молодого и энергичнаго послать,—особенно хлопоталь отъ этомъ епархіальный миссіонеръ,—но всѣ эти подвохи не встрѣтили сочувствія у епископа.

— Когда это старость порокомъ стала?—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ владыка. Я самъ старъ и вамъ, о. миссіонеръ, вѣроятно, до старости дожить хочется. .

Отскакивали, какъ горохъ отъ стѣны, и дипломатическіе подходы къ злобинскимъ крестьянамъ.

— Старъ вашъ батюшка, трудно вамъ съ нимъ...

— О. Сила—старъ? За молодого управится...

— Ходить ему трудно—съ покойникомъ ли идти, или поля съ водосвятиемъ обходить...

— А мы его, гдѣ нужно, полъ руки подведемъ, а гдѣ на лошады подвеземъ... Привыкли мы къ нему—добрый человекъ; а отъ добра добра не ищутъ...

Набѣду о. Силы, случилось въ Злобинѣ событіе, которое имѣло для старика довольно печальныя послѣдствія. Прибылъ на побывку въ деревню осѣвшій въ городѣ злобинскій крестьянинъ и началъ въ неподобныхъ рѣчахъ свою просвѣщенность показывать и православный народъ въ соблазнъ вводить.

Деревенская глушь живёт сплетнями, слухами; были ли мастеровой сектантомъ, осталось не выясненнымъ, но рѣчи его дошли, въ обработанномъ видѣ, къ благочинному, отъ него въ рапортѣ—къ миссіонеру. Послѣдній въ это время скучалъ и не зналъ, къ чему приложить руки: ни темы для миссіонерскихъ проектовъ, ни повода для поѣздки въ епархію не имѣлъ; не медля выѣхалъ онъ въ Злобино, но опоздалъ: въ миссіонерское дѣло вмѣшались деревенскія власти и со- блазнительныя рѣчи городского гостя прекратили домашними средствами.

Сотскій и десятскій, навѣсивъ свои знаки и вооружившись длинными палками,—непремѣнный признакъ значительныхъ административныхъ дѣйствій,—явились къ горожанину и держали къ нему такую рѣчь.

— Какъ, Ивановичъ, думаешь, не пора ли тебѣ назадъ въ губернію ѣхать?

— Отчего такъ?—удивился мастеровой.

— А чего тебѣ зря время терять? Ты на насъ посмотри—мы на тебя, довольно бы, кажется.

— Чѣмъ я вамъ мѣшаю?

— А тѣмъ, что дурныя рѣчи заводишь... ѣхалъ бы себѣ съ Богомъ...

— Что же я такое особенное говорю?... Говорю, что думаю. Въ городѣ всѣ такъ думаютъ, и въ газетахъ то же самое пишутъ.

— Городомъ ты намъ носъ не утирай; всякіе въ городѣ народы бываютъ; не все то можно у насъ, что въ городѣ. Прознаетъ про твои рѣчи начальство, станетъ бѣгать къ намъ: самъ знаешь, какая въ томъ есть пріятность. И батюшкѣ безпокойство: человекъ онъ древній; вѣцнутся въ него комиссіонеры—разстроятъ старика, а намъ это очень огорчительно будетъ... ѣхалъ бы ты уже скорѣе...

Мастеровому въ деревнѣ дѣлать нечего было: городскіе деньги онъ давно пропиалъ, а поить всякаго даромъ деревня

не охоча, и онъ успѣшилъ скрыться съ деревенскаго горизонта.

Тѣмъ временемъ въ Злобино прибылъ отецъ миссіонеръ и остался крайне недоволенъ тѣмъ, что здѣсь напелъ: поспѣшное удаленіе пропатора онъ счелъ за личную себѣ обиду, устроенную не безъ хитрости о. Сялы. Попытка классифицировать заблужденіе мастерового и подвиги его подъ какую либо секту то-же ни къ чему не привела.

— Извѣстно—непутевый человѣкъ,—отвѣчали крестьяне на разспросы миссіонера,—болтаеть, что попало... Кто его пойметъ, о чемъ онъ мелеть. Какъ будто не при своемъ умѣ человѣкъ...

О. Силъ послѣ этого миссіонеръ прочелъ длинную лекцію о борьбѣ съ сектантствомъ: познакомилъ съ классификаціей сектъ, бывшихъ и настоящихъ, указалъ лучшія руководства по сектовѣдѣнію, снабдилъ литературой. О. Сила во время лекціи пятилъ глаза на оратора, опасаясь одного—какъ бы не заснуть...

— Организуйте, объединяйте приходъ—въ этомъ лучшее средство для борьбы съ сектантствомъ. Это основная идея моей миссіонерской работы,—наставлялъ миссіонеръ.

— Они у меня и такъ объединены; кажется, не ссорятся, живутъ мирно.

— Не о томъ я говорю: образуйте кружокъ ревнителѣ вѣры, откройте миссіонерское братство—вотъ оплотъ противъ сектъ.

— Помаленьку ревнуютъ: не такъ давно колоколь въ 20 пудовъ соорудили, въ прошломъ году въ 300 руб. икону новоявленнаго угодника Божія справили; все ревнителѣ—дай имъ Богъ здоровья!

— А какъ у васъ насчетъ проповѣди, назиданія народа дѣло обстоитъ?

— Какъ-же—назидаю, при всякомъ удобномъ случаѣ наставленіе и совѣтъ народу даю...

— Опять вы меня не поняли; съ церковной кафедры слѣдуетъ немножко проповѣдывать, предупреждать самую возможность такихъ печальныхъ явленій, какъ у васъ сейчасъ было. Тамъ, гдѣ нива не засѣяна, одинъ сектантъ весь приходъ можетъ перевернуть, всю приходскую жизнь разстроить...

Недовольный уѣхалъ о. миссіонеръ изъ Злобина; попусту время потратилъ, а начальству нечего доложить; впрочемъ, времени впереди еще много. Отъ о. Силы миссіонеръ на недѣлку—другую заѣдетъ еще къ своему тестю,—центральный пунктъ всѣхъ его миссіонерскихъ поѣздокъ,—и тамъ на свободѣ обдумаетъ, какъ написать докладъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

О. Сила послѣ описаннаго событія загрустилъ и крѣпко задумался.

— Нѣтъ уже силы у тебя, Сила,—говорилъ старикъ самому себѣ,—пора, охъ, пора уйти и дать мѣсто другому—молодому, способному къ объединенію и организаціи.

Но тутъ же въ головѣ поднимались возраженія и рѣшимость уйти за-штатъ и встрѣчаетъ непреодолимая преграда.

— Пять душъ внучать, круглыхъ сиротъ, старуха сестра одинокая—гдѣ они дѣнутся и кто ихъ пріютить?... И самому обидно: смерть не за горами,—о. Сила это знаетъ и смерти не боится,—но умереть хочется на службѣ, въ домѣ, къ которому привыкъ, возлѣ храма, надъ постройкой котораго 20 лѣтъ хлопоталъ. Кажется о. Силѣ, что умершаго на службѣ и хоронить будутъ торжественнѣе и усерднѣе.

Съ серьезными мотивами въ голову и пустяки лѣзутъ: года два назадъ выписалъ о. Сила необыкновенныя яблони изъ самого Крыма и никакъ плодовъ отъ нихъ не дождется: обидно будетъ изъ за-штата смотрѣть, какъ другой будетъ возлѣ его любимцевъ ходить; еще, чего добраго, не досмотритъ, тамъ отъ мороза не убережетъ... И послѣ долгихъ размысленій рѣшилъ о. Сила—за-штатъ не уходить. Захочетъ начальство—его воля, пусть выбрасываетъ, какъ ненужную вещь, а самому

просить объ этомъ не надо — спѣшить не зачѣмъ. Миссіонерскую литературу о. Сила старательно обернулъ газеткой, перевязалъ бичевкой и упряталъ въ книжный шкафъ, а изученіе миссіонерскаго дѣла отложилъ до будущаго времени — когда будетъ посповоднѣй ..

Свящ. *В. Пестряковъ.*

Бесѣды по пчеловодству. .

(Продолженіе) ¹⁾.

Температура зимняго клуба пчелъ. Если черезъ отверстіе летка лежащей бокомъ дуплянки опустить термометръ съ длинной шейкой во внутрь ея такъ, чтобы шарикъ съ ртутью пришелся въ центрѣ гнѣзда, а шкала съ цифровыми дѣленіями была снаружи улья, можно наблюдать малѣйшія колебанія температуры внутри зимующаго клуба пчелъ. Въ томъ случаѣ, когда улей будетъ зимовать въ благопріятныхъ условіяхъ, напр., въ тепломъ омшанникѣ, гдѣ температура колеблется между нулемъ и 8° выше ноля, термометръ (Цельз.) будетъ неизмѣнно показывать 10° тепла. Внимательно прислушавшись къ такому улью, мы услышимъ легкій, едва уловимый шумъ. Въ томъ же случаѣ, когда ту же дуплянку вынесемъ на морозъ и поставимъ ее безъ всякаго прикрытія, температура въ центрѣ клуба значительно повысится и будетъ повышаться, по мѣрѣ увеличенія мороза и проникновенія холоднаго воздуха во внутрь улья; температура же по краямъ клуба, если и ее измѣримъ, не повысится тѣхъ же 10°. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ шумъ пчелъ внутри улья увеличится и перейдетъ даже въ гулъ. Если теперъ заглянуть въ улей, то можно замѣтить, что пчелы уже выведены изъ прежняго, безмятежнаго покоя, онѣ шевелятся, треплютъ крылышками и то вытягиваютъ, то сжимаютъ кольца брюшка.

¹⁾ См. № 32 за 1913 г.

Десятиградусная температура хорошо зимующаго улья, хотя и удовлетворяет всѣмъ потребностямъ пчелъ и считается нормальной, но все же она не случайна, а умышленно доведена пчелами до такой степени высоты. Внутренняя температура каждой, отдѣльной пчелиной особи, какъ живого существа съ теплой кровью, и какъ показали многочисленные опыты, всегда равняется 35° . Подобно тому какъ человѣкъ, ни на волосъ не измѣняя своей нормальной температуры, можетъ регулировать температуру своей комнаты по своему желанію,—то понизить ее до температуры вѣшняго воздуха, то повысить до значительной высоты, такъ и пчела можетъ то понижать, то повышать температуру зимняго помѣщенія по своему желанію; разница лишь въ томъ, что человѣкъ достигаетъ перемѣнъ температуры въ своемъ помѣщеніи вентиляваніемъ и отопляваніемъ его, пчела же пользуется иными приемами, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Кромѣ того, человѣкъ, одѣвшись въ теплую шубенку, можетъ переносить нѣкоторое время температуру и ниже нуля, а пчела не можетъ допустить пониженія температуры внутри клуба ниже 10° , за каковымъ пониженіемъ, вынужденнымъ конечно, наступаетъ окоченѣніе и смерть.

Подойдя тихонько къ зимующей съ термометромъ въ леткѣ дуплянкѣ, мы замѣтимъ, что ртуть на шкалѣ показываетъ 10° ; закрывъ, затѣмъ, открытый низъ дуплянки, чтобы не побеспокоить пчелъ свѣтомъ, ударимъ хорошенько рукой по улью нѣсколько разъ, — тотчасъ замѣтимъ, что ртуть быстро побѣжитъ вверхъ и остановится на 35° . Продержавшись нѣкоторое время на такой высотѣ, ртуть начнетъ медленно падать и черезъ два—три часа, когда все вокругъ улья успокоится, остановится на 10° . Отчего же происходитъ такой непонятный прыжокъ температуры внутри клуба? Для объясненія этого явленія опять возьмемъ примѣръ изъ нашей человѣческой жизни.

Наблюдая въ школѣ толпу рѣзвящихся ребятшекъ, играющихъ въ *тисной бабы*, мы замѣчаемъ, что лица у всѣхъ покраснѣлись и покрылись потомъ; подойдемъ поближе къ нимъ и заложимъ руку въ эту сплошную массу дѣтскихъ тѣ-

лець, — рука наша ощутитъ довольно высокую температуру, а въ лицо пахнетъ влажной теплотой; словомъ, мы замѣтимъ, что въ живомъ клубѣ дѣтишекъ гораздо теплѣе, чѣмъ въ классѣ, и что играющимъ шалунамъ стало даже жарко. Но, можетъ быть, вы подумаете, что у этого раскраснѣвшагося пузана, съ необыкновеннымъ усердіемъ надсаживающаго бока себѣ и своимъ товарищамъ, температура болѣе повышена, чѣмъ у того хилаго мальченки, который скромно сидитъ вонъ тамъ въ одиночку и тихонько урокъ повторяетъ? Провѣримъ! Подзовите къ себѣ обоихъ и поставьте термометръ тому и другому; ртуть вамъ покажетъ, что температура у обоихъ мальчиковъ совершенно одинакова, т. е., вполнѣ нормальна. Почему же отъ одного изъ нихъ пышетъ теплотой, а отъ другого нѣтъ? потому, конечно, что, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ шалуна, получился избытокъ теплоты, каковой и выходитъ наружу; а у скромнаго мальчишки все въ порядкѣ вещей; организмъ его выдѣляетъ теплоту въ самомъ умѣренномъ количествѣ, необходимомъ ему для поддержанія его обычныхъ, жизненныхъ отправленій. Однако мы замѣчаемъ, что рѣзвость шалуну не проходитъ безнаказанно; у него явился волчій аппетитъ; онъ моментально уничтожилъ свой завтракъ и съ завистью поглядываетъ на своего скромнаго сосѣда, лѣниво справляющагося со своимъ кускомъ. Ълъ, ълъ скромныга свою порцію, да такъ и не осилилъ ее., отдалъ шалуну.

Точно также бываетъ и у пчель; хотя нормальная температура ихъ тѣла равняется 35°, но онѣ, то скупиваясь потѣснѣе въ клубъ, то расходясь вразбросъ по гнѣзду, то сидя тихонько, безъ видимыхъ признаковъ движеній, то болѣе или менѣе энергично шевелясь, могутъ регулировать температуру зимняго ложа по своему усмотрѣнію. Разумѣется, что и пчеламъ энергичныя движенія даромъ не обходятся; энергично шевелясь, онѣ потребляютъ значительно больше корма, чѣмъ въ то время, когда сидятъ въ гнѣздѣ тихо. По нѣкоторымъ, чисто инстинктивнымъ соображеніямъ пчель, имъ наивыгод-

нѣ держать температуру внутри клуба не выше и не ниже 10° ; температура такой высоты имѣ потому, во-первыхъ, выгодна, что только при такомъ количествѣ градусовъ пчелы потребляютъ наименьшее количество запасовъ и, во-вторыхъ, потому, что только при такихъ условіяхъ у нихъ можетъ быть достаточно-умѣренное количество влаги.

Зимующія пчелы могутъ, однако, попасть въ такія неблагоприятныя условія, при которыхъ не всегда можно удержать общую температуру клуба на указанной высотѣ. Если, напр., поставить улей холодной (лѣтней) конструкціи на морозъ, безъ всякаго прикрытія, то, конечно, пчелы, въ противовѣсь вліянію внѣшняго холода, вынуждены будутъ поднять центральную температуру клуба до такой высоты, чтобы быть въ состояніи бороться съ холодомъ и удержать 10° тепла даже на краяхъ гнѣзда; искусственное же поднятіе температуры, какъ мы знаемъ, обходится пчеламъ не дешево, но все жѣ этотъ случай небезысходенъ. Возьмемъ теперь иной случай; предположимъ, что пчелъ поставили зимовать въ черзчуръ теплый подвалъ, гдѣ температура стоитъ выше 10° ; какъ ни будутъ стараться пчелы понизить температуру клуба до желанныхъ 10° , какъ бы онѣ ни расползались по гнѣзду, но всѣ ихъ старанія будутъ тщетны, ибо понизить температуру клуба ниже температуры окружающаго улей воздуха, пчелы не могутъ. Температура же выше 10° влечетъ за собой нежелательныя послѣдствія; при такой температурѣ пчелы будутъ страдать отъ жажды и помочь горю сами себѣ, безъ помощи человѣка или природы, не смогутъ. Не находя въ ульѣ достаточнаго количества влаги и чувствуя жажду, пчелы станутъ поглощать больше обычнаго количества меда, отчего заднепроходныя кишки ихъ переполнятся до крайнихъ предѣловъ, что, за невозможностью очиститься, вызоветъ общій поносъ внутри улья со всѣми его непріятными послѣдствіями, вплоть до гибели семьи. Словомъ, мы видимъ, что пчелы лучше переносятъ излишній холодъ, чѣмъ излишнюю теплоту, ибо въ первомъ случаѣ онѣ не лишены влаги, тогда какъ во

второмъ онѣ не могутъ своими средствами раздобыть этого необходимаго для нихъ жизненнаго продукта.

Откуда получаютъ зимующія пчелы воду. Вода, какъ незамѣнимый жизненный продуктъ, такъ же необходима пчеламъ зимой, какъ и лѣтомъ, но только въ иномъ количествѣ. Лѣтомъ, когда воспитывается въ большомъ количествѣ черва, воды, конечно, идетъ гораздо больше, чѣмъ зимой, когда всѣ жизненные отправленія пчелъ сокращены до минимума. Вопросъ же, откуда добываютъ пчелы зимой воду, получилъ надлежащее освѣщеніе, благодаря лишь изслѣдованіямъ неутомимаго проф. Цесельскаго.

До Цесельскаго разно рѣшали вопросъ о водѣ: одни напр., думали, что пчелы собираютъ на потолокъ и на стѣнкахъ зимующаго улья атмосферные осадки въ видѣ росы, и потому старались ставить ульи на холоду безъ надлежащаго прикрытія стѣнокъ и потолка, дабы дать возможность осѣсть росѣ на этихъ мѣстахъ въ возможно большемъ количествѣ, и дѣйствительно, вода текла ручьями въ ульяхъ и даже замерзала въ ледяныя сосульки, но пчелы ею не пользовались, ибо, боясь замерзнуть, не могли даже близко подойти къ черзчуръ холоднымъ предметамъ. Другіе полагали, что пчелы знаютъ секретъ разложенія меда на составныя его части, а такъ какъ въ меду есть большой процентъ воды, то пчело воды, думающіе такъ, были совершенно спокойны за своихъ пчелъ. Третьи, считая пчелъ хорошими химиками, утверждали, что наши маленькія медоноски умѣютъ добывать воду изъ кислорода воздуха, и потому устраивали зимой сквозныя вентиляціи въ ульяхъ, съ цѣлью доставить имъ кислородъ въ наибольшемъ количествѣ. Четвертые же авторитетно заявляли, что если пчеламъ не подставить зимой воды, онѣ будутъ страдать отъ жажды, и потому придумывали спеціальныя для этой цѣли поилки. Много говорилось учеными пчеловедами о водѣ и много придумывалось способовъ удовлетворенія пчелъ въ этой ихъ потребности, но пчелы жили по своему, и, если изобрѣтаемые способы попадали пчелкамъ въ ладъ

или хотя не вредили имъ, изобрѣтатели считали себя Колумбами, открывшими Америку въ пчеловодномъ дѣлѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда изобрѣтаемые способы снабженія пчель водой вели къ трагическимъ результатамъ, авторы проектовъ молчали, почесывая въ огорченіи затылки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

Отъ Редакціи.

Въ № 36 журнала будетъ помѣщено поученіе и статьи по поводу 1600-лѣтняго юбилея со дня изданія Миланскаго эдикта (313—1913).

Съ почтеніемъ Редакція.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 21-го августа 1913 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гросу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мѣринговская 6.